Министерство науки и высшего образования РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 3 (71)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2023

ББК С
УДК 5+3
В 38

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.** № 3 (71). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. – 223 с.
Информационная продукция для детей старше 16 лет

Выходит 4 раза в год

Главный редактор
А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва); П.Б. Болдыревский – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М.А. Вахрушина – д.э.н., проф. (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации); Ю.Р. Вишневский – д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); М.Л. Горбунова – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof. (Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Р.Г. Каспина – д.э.н., проф. (Казанский федеральный университет); А.В. Кузнецов – д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Д.Н. Лапаев – д.э.н., проф. (НГТУ им. Р.Е. Алексеева); С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет Аалто, Финляндия); А.С. Макаров – д.э.н., проф. (ВШЭ, г. Нижний Новгород); Н.В. Малиновская – д.э.н., доц. (РУДН); М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.Е. Мизиковский – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); В.В. Николина – д.пед.н., проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических исследований РАН); Н.С. Пурышева – д.пед.н., проф. (МПГУ); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Ю.В. Трифонов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); О.В. Трофимов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); В.Г. Фролов – к.э.н., доц. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва); Н.И. Яшина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2023

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

VESTNIK

OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNY NOVGOROD

SOCIAL SCIENCES

No. 3 (71)

Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod University Press
2023

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences. No. 3 (71). – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Press, 2023. – 223 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief
A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; P.B. Boldyrevskii – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.; M.A. Vakhrushina – D.Sc. (Economics), Prof.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.; M.L. Gorbunova – D.Sc. (Economics), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.; L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.; R.G. Kaspina – D.Sc. (Economics), Prof.; A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS; Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; D.N. Lapaev – D.Sc. (Economics), Prof.; S.V. Ledyaeva – PhD, Assistant Prof .; A.S. Makarov – D.Sc. (Economics), Prof.; N.V. Malinovskaya – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; I.E. Mizikovsky – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.; N.S. Purysheva – D.Sc. (Pedagogy). Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.; Yu. V. Trifonov – D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Prof.; V.G. Frolov – Cand. Sc. (Economics), Assoc. Prof.; A.Yu. Chepurenko – D.Sc. (Economics), Prof.; N.I. Yashina – D.Sc. (Economics), Prof.; S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

Алиева В.С., Парахина В.Н., Алиева Л.Р., Савцова А.В. Экологический тренд как новый фактор повышения конкурентоспособности объектов размещения 8
Бухвальд Е.М., Лапаев Д.Н. Отказ от Европейской хартии и российское местное самоуправление 14
Козлов А.В. Материальное стимулирование научно-технической деятельности советского государства (довоенный период) 22
Мизиковский И.Е. Интегрирование учетно-калькуляционного метода «таргет-костинг» в систему корпоративного менеджмента предприятия реального сектора экономики 32
Оборин М.С. Глобальные торговые стратегии в условиях санкций 37
Ситковский А.М., Козлова О.А. Использование векторных оценок и графоаналитических методов в исследовании демографического поведения населения региона 44
Фролов В.Г., Павленков М.Н. Основные инструменты сбалансированной инновационно-инвестиционной промышленной политики в условиях цифровой трансформации 56

Социологические науки

Митягина Е.В., Лучинина М.И., Волченкова Е.В. «Поколение I» в Кировской области 62
Бекарев А.М., Пак Г.С. Вызовы современности и проблемы российского образования 68
Петрова Т.Э., Лобанов В.В., Русинова Е.Е. Строительство Северного широтного хода в Арктической зоне Российской Федерации: социальные аспекты 75
Донецкая С.С., Третьякова В.А. Предпринимательство или стратегия выживания? Профессиональные характеристики и устремления современного российского репетитора 86
Галкин К.А. Активное долголетие в России: индивидуальные стратегии пожилых людей 94
Гафизова Н.Б. Репродуктивные страхи студентов вузов и колледжей Ивановской области 102
Вялых Н.А. Парадоксы и противоречия доверия российского общества медицинским организациям в постпандемический период 112
Попова С.В. Факторы сокращения и пути усиления роли русского языка в Центрально-Азиатском регионе 119
Панкратова Е.В., Тенчова Е.В. Социологический анализ блогерства как нового канала социальной мобильности 125
Реутов Е.В., Реутова М.Н., Тришина Т.В., Шавырина И.В. Российская молодежь: социальная диспозиция и перспектива 132
Чуркина Н.Н., Саперкин Н.В., Стифеева Н.В. Мнение родителей о необходимости просвещения детей о ВИЧ-инфекции в условиях развивающейся эпидемии 138
Андреев В.С. Проблемы обеспечения доступности массового молодежного спорта в Тюменской области 148
Мишлянов М. Сравнительный анализ основных тенденций развития современной сербской и российской семьи 154

Педагогические науки

Акутина С.П., Беганцова И.С., Щелина Т.Т. Ценностно-смысловая сфера современных девушек: анализ ситуации 169
Барышева И.В., Козлов О.А., Малкина Е.В., Шестакова Н.В. Проблемы программирования в рамках школьного образования 174
Воробьев Г.А., Фомина Т.П. Моделирование некоторых элементов профессиональной деятельности педагога посредством конкурса по составлению математических задач 180
Газизулина Л.Р. Развитие навыков академической коммуникации аспирантов инженерных направлений 187
Галиахметова А.Т. Повышение эффективности процесса развития глобальных компетенций студентов зарубежных вузов на основе цифровизации образования 193

Калинина Е.В. Пути оптимизации качества юридического образования в свете глобальных трендов: от инновационных технологий – к инновационному содержанию образовательных программ 200
Муллер О.Ю. Применение ментальных карт в развитии когнитивных способностей студентов 206
Мухина Т.Г., Малыгин Д.В. Педагогические условия развития инициативности сотрудников трудового коллектива в процессе внутрикорпоративной подготовки кадров 212
Перчаткина В.Г. Модель социально-профессионального саморазвития студентов инженерного вуза в процессе иноязычной подготовки и технология ее реализации 219

CONTENTS

Economic sciences

Alieva V.S., Parakhina V.N., Alieva L.R., Savtsova A.V. Ecological trend as a new factor to increase the competitiveness of accommodation facilities 8
Bukhvald E.M., Lapaev D.N. Rejection of the European Charter and Russian local self-government 14
Kozlov A.V. Financial stimulation of scientific and technical activities of the Soviet state (pre-war period) 22
Mizikovsky I.E. Integration of the accounting and calculation method «target-costing» into the corporate management system of an enterprise in the real sector of the economy 32
Oborin M.S. Global trading strategies under sanctions 37
Sitkovskiy A.M., Kozlova O.A. The use of vector estimates and graph-analytical methods in studying the demographic behavior of the regional population 44
Frolov V.G., Pavlenkov M.N. Main tools of a balanced innovative and investment industrial policy in the conditions of digital transformation 56

Sociological sciences

Mityagina E.V., Luchinina M.I., Volchenkova E.V. «Generation I» in the Kirov region 62
Bekarev A.M., Pack G.S. Challenges of modernity and problems Russian education 68
Petrova T.E., Lobanov V.V., Rusinova E.E. The arctic zone of the Russian Federation: social aspects 75
Donetskaya S.S., Tretyakova V.A. Entrepreneurship or survival strategy? Professional characteristics and aspirations of a modern Russian tutor 86
Galkin K.A. Active ageing in Russia: individual strategies of the olders 94
Gafizova N.B. Reproductive fears of students at colleges and higher education institutions of the Ivanovo region 102
Vyalykh N.A. Paradoxes and contradictions of Russian society's trust towards medical organizations in the post-pandemic period 112
Popova S.V. Russian in the Central Asian region: the situation and prospects of development 119
Pankratova E.V., Tenchova E.V. Sociological analysis of blogging as a new channel of social mobility 125
Reutov E.V., Reutova M.N., Trishina T.V., Shavyrina I.V. Russian youth: social disposition and perspective 132
Churkina N.N., Saperkin N.V., Stifeeva N.V. Parents' view on the problem of education of children about HIV infection 138
Andreyev V.S. Problems of ensuring the accessibility of mass youth sports in the Tyumen region 148
Mishlyanov M. Comparative analysis of the main trends in the development of the modern Serbian and Russian family 154

Pedagogical sciences

Akutina S.P., Begantsova I.S., Shchelina T.T. Value and semantic sphere of modern girls: analysis of the situation 169
Barysheva I.V., Kozlov O.A., Malkina E.V., Shestakova N.V. Role of programming as a science and technology in the formation of a modern-day person in the course of school education 174
Vorobyev G.A., Fomina T.P. Modeling of some elements of a teacher's professional activity through a competition for composing mathematical problems 180
Gazizulina L.R. Development of academic communication skills in engineering postgraduate students 187
Galiakhmetova A.T. Increasing the efficiency of the process of developing global competences among students of foreign universities on the basis of digitalization of education 193
Kalinina E.V. Enhancement of legal education within global trends: from innovative technologies towards innovative content of academic programs 200
Muller O.Yu. Application of mental map in the development of cognitive abilities of students 206
Mukhina T.G., Malygin D.V. Pedagogical conditions for the development of initiative of employees of the labor collective in the process of internal corporate training 212
Perchatkina V.G. Model of social and professional self-development of engineering students in the process of foreign language training and the technology of its implementation 219

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.24
DOI 10.52452/18115942_2023_3_8

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНД КАК НОВЫЙ ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОБЪЕКТОВ РАЗМЕЩЕНИЯ

© 2023 г.
В.С. Алиева, В.Н. Парахина, Л.Р. Алиева, А.В. Савцова

Алиева Вероника Самедовна, аспирант кафедры менеджмента
Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь
veronika.alieva.98@mail.ru
Парахина Валентина Николаевна, д.э.н.; проф.;
заведующая кафедрой менеджмента Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь
vparakhina@ncfu.ru
Алиева Людмила Руслановна, д.т.н.; доц.; доцент кафедры прикладной биотехнологии
Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь
lalieva@ncfu.ru
Савцова Анна Валерьевна, д.э.н.; доц.; профессор кафедры финансов и кредита
Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь
levandanna@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 25.05.2023
Статья принята к публикации 24.07.2023

Внимание потребителей отельных услуг к экологическим проблемам увеличивается, что побуждает отели внедрять инновационный менеджмент на своих предприятиях. Установлено, что следование принципам экологичности и ресурсосбережения помогает отелям улучшить свой рейтинг, создать узнаваемость бренда и повышает конкурентоспособность отеля. Внедрение «зеленых» технологических инноваций и адаптированного сервиса способствует появлению новой категории лояльных потребителей, для которых экологичность, удаленность от шумных перегруженных мегаполисов, единение с природой являются главными аргументами при выборе места размещения на отдыхе. Придерживаясь принципов экологического тренда, отели активно внедряют экологичный дизайн зданий, умные технологии для снижения потребления ресурсов, а также вовлекают гостей в экологические практики. Одной из наиболее эффективных форм предприятий такого типа является глэмпинг. Это направление занимает устойчивую нишу в мировой практике и успешно набирает обороты в Российской Федерации. Цель данной работы – исследование экологических трендов и технологических инноваций, применяемых при проектировании и эксплуатации отелей, а также изучение глэмпинга как особого явления на рынке гостиничных услуг. Методология исследования построена на комплексном анализе российских и зарубежных кейсов, статистических данных, нормативных документов, публикаций и интернет-сайтов, посвященных инновационным экологическим трендам развития индустрии гостеприимства. Анализ сложившейся практики показал, что стимулами внедрения технологических инноваций на объектах размещения являются снижение экологической нагрузки на окружающую среду, оптимизация использования энергетических и материальных ресурсов, возможность привлечения новой категории потребителей. Изучение глэмпинга как особого вида гостиничного предприятия выявило инновационные подходы к организации ресурсосбережения.

Ключевые слова: конкурентоспособность, экологичный тренд, глэмпинг, технологические инновации, ресурсосбережение, гостиничный бизнес.

Введение

Внедрение «зеленого» тренда в индустрии гостеприимства набирает темп благодаря растущему сегменту путешественников, ориентированных на экологически чистые объекты размещения и готовых платить больше за «зеленое» жилье.

Многие известные гостиничные сети стали внедрять экологичный менеджмент на своих предприятиях [1]. Эта тенденция наблюдается во всем мире: все больше передовых отелей борются за повышение конкурентоспособности за счет внедрения «зеленых» технологических инноваций. С одной стороны, это связано с растущим беспокойством потребителей по поводу глобального потепления и изменения климата под воздействием антропогенных факторов, с другой стороны, с тем фактом, что многие отели предпочитают внедрять «зеленые» инновации, поскольку они позволяют сокращать по-

требление энергии, воды и выброс отходов и, как следствие, снижают нагрузку на окружающую среду.

Новым растущим направлением в отельном бизнесе, сочетающим современные технологии и экологичность, является глэмпинг. Существует несколько трактований понятия «глэмпинг», каждое из которых опирается на какую-то определенную характеристику, наиболее важную, по мнению автора. Нами были выбраны определения, помогающие ассоциировать глэмпинг с теми или иными объектами размещения, которые дают понимание, что ждет его гостей. Рассмотрим некоторые из определений. Например, Кембриджский словарь трактует глэмпинг как тип кемпинга, который более удобен и комфортабелен, чем традиционный кемпинг [2]. В это же время Британская энциклопедия утверждает, что глэмпинг – кемпинг на открытом воздухе с удобствами (такими как кровати, электричество и доступ к внутренней сантехнике), которые обычно не используются при кемпинге [3]. Российские же авторы переводят его как гламурный кемпинг, отличающийся тем, что это отдых на природе со всеми удобствами и полноценным отельным обслуживанием [4].

На основе проведенного исследования различных форм данного типа объектов размещения авторами предложено собственное определение. Глэмпинг – это переходная форма между проживанием на открытом воздухе и в помещении, которая дает возможность внедрять инновации, сочетая комфортные условия проживания, высокий сервис с отдыхом на свежем воздухе и заботой об окружающей среде.

Анализ публикаций российских и зарубежных авторов показал, что глэмпинг как выделенный сегмент на рынке гостиничных услуг является практически неизученным [5–8]. Вместе с тем исследование экологических трендов и технологических инноваций, применяемых при проектировании и эксплуатации глэмпингов, обеспечивающих их конкурентоспособность, представляет научный интерес и практическую значимость.

Эксплуатация окружающей среды предприятиями туризма и гостеприимства

Индустрия туризма и гостеприимства создает рабочие места, приносит прибыль и способствует социально-экономическому развитию отдельных регионов, однако, к сожалению, динамичный рост сферы туризма не всегда приносит только пользу. Как показывают современные исследования, развитие туризма напрямую влияет на увеличение уровня выбросов CO_2 в окружающую среду. Исследование, проведенное компанией Lenzen, показало, что в 2009–2013 гг. ежегодный глобальный углеродный след туризма увеличился с 3.9 до 4.5 миллиарда тонн эквивалента CO_2 [9]. Абсолютный лидер – авиаперевозки. Именно на авиатранспорт и логистику (аэропорты и наземные сооружения) приходится до 95% углеродного следа индустрии туризма и путешествий [10]. Кроме того, отрицательное влияние на окружающую среду оказывает строительство крупных отелей, особенно в экологически чистых районах. Индустрия гостеприимства потребляет все больше энергии, пресной воды, пищевого сырья и земельных ресурсов. Глобальное потепление, разрушение озонового слоя атмосферы, загрязнение воздуха и воды – это лишь некоторые из мировых проблем, с которыми столкнулось человечество. В этой связи столь важное значение имеет внедрение концепции устойчивого развития. Реалиями нашего времени стали стремление к здоровому образу жизни, потреблению экологически чистых продуктов, а также активное переселение жителей мегаполисов в сельскую местность [11]. Отвечая на эти запросы, отельеры стремятся размещать свои объекты на уникальных природных территориях, обладающих высоким туристско-рекреационным потенциалом. Однако строительство новых комплексов, крупных зданий, развлекательных центров неизбежно приводит к изменению ландшафта.

В Северо-Кавказском федеральном округе в 2007 году в рамках федеральной целевой программы «Юг России» началась реализация крупного проекта по созданию новых курортов и объектов туристской инфраструктуры. Одним из наиболее крупных проектов стало строительство в Карачаево-Черкесии всесезонного горнолыжного курорта «Архыз», который был сдан в эксплуатацию в 2013 году [12]. На склонах гор был построен поселок Романтик, в котором расположены гостиничные комплексы, административное здание с сервисным центром, кресельный подъемник и гондольные канатные дороги, четыре лыжных склона, искусственное озеро для работы снежных пушек, рестораны и т.д. В настоящее время курорт стремительно растет: средний прирост посетителей из года в год составляет более 20%. Отвечая запросам туристов, курорт все больше и больше расширяется (в 2019 году на противоположной стороне реки была запущена новая канатная дорога «Северное сияние», для чего была срезана еще одна гора и вырублен лес для создания 11 км новых лыжных трасс). По завершении строительства общая площадь комплекса составит 16 тыс. га. Официальная статистика показывает,

что к 2022 году, за восемь горнолыжных сезонов, курорт принял более 2.5 миллиона гостей [13]. Из вышесказанного видно, что потенциал у курорта высок, но в то же время повышенный спрос разрушает уникальный горный ландшафт для оснащения Архыза необходимой инфраструктурой.

Таким образом, на примере этого комплекса мы видим две стороны медали: строительство курорта стало стимулом экономического развития территории, но оно же оказывает негативное воздействие на окружающую среду (из-за строительства системы водоснабжения, искусственного оснежения и вырубки леса изменяется микроклимат и природный ландшафт).

Предпосылки распространения глэмпинга как нового типа «зеленого» объекта размещения

Исследования публикаций российских и зарубежных авторов дают возможность утверждать, что отели все большее внимание уделяют снижению нагрузки на окружающую среду и внедрению ресурсосберегающих технологий [14–16]. Конкурентная бизнес-среда в индустрии гостеприимства находится под постоянным давлением растущих требований и притязаний клиентов, общественного мнения и усложнения нормативной базы. Экологичность и демонстрация социальной ответственности бизнеса по отношению к окружающей среде могут рассматриваться в качестве эффективного инструмента маркетинга, способствующего повышению конкурентоспособности отелей [17]. Однако многие предприятия внедряют экологичный маркетинг не только из соображений социальной и экологической ответственности, но и с целью снижения затрат. В мире существует ряд организаций, занимающихся разработкой и внедрением систем экологического менеджмента в сфере туризма и гостеприимства. Например, Green Key – одна из самых крупных и строгих организаций, занимающихся сертификацией отелей и туристских предприятий, определяющих их экологичность и присуждающих знак экокачества. Это организация присудила эколейбл, означающий снижение негативного воздействия на окружающую среду, 3700 отелей в 60 странах [18].

Эти и другие «зеленые» технологии и подходы используют таким новым типом средств размещения глэмпинг. Именно такой вид средств размещения сочетает в себе использование инновационных, ресурсосберегающих технологий и заботу об экологии, помогает ощутить себя в единении с природой и в то же время находиться в комфортных условиях. Многие современные потребители предпочитают наслаждаться отдыхом в живописных, экологически чистых местах вдали от людей и проводить досуг на свежем воздухе, поэтому выбирают такой вариант размещения. Глэмпинг обычно включает в себя спальню, душ/ванную комнату, точку питания, всевозможные площадки для медитации и занятий спортом, детскую площадку, лаунж-зоны, места для вечеринок, бассейны, зоны для костров [5]. Такая организация отдыха помогает гостям на время забыть о шуме мегаполиса и насладиться окружающей природой.

Рассмотрим тенденции развития глэмпинга как явления на рынке глобального туризма. Первоначально данный термин стал применяться именно в Великобритании и Ирландии. Британская ассоциация глэмпинга связывает расцвет глэмпинга с 1990–2000-ми годами. Рост количества глэмпингов в этот период обусловлен рядом факторов:

– в связи с международным финансовым кризисом, который стал помехой для зарубежных поездок, появилась категория потребителей, заинтересованных в новых видах отдыха и размещения;

– запрет на использование домов на колесах в Великобритании, принятый в 1997 году, способствовал поиску новых доступных способов отправиться в отпуск [19].

Ответом на появившийся спрос было создание нового вида объектов размещения, которые совмещали преимущества размещения на природе (которые дают кемпинги) и высокий уровень комфорта (который обеспечивает размещение в отеле высокого уровня), – глэмпингов. Вслед за появлением таких объектов размещения появился и новый способ путешествий с размещением в глэмпинге, где помимо отдыха реализуются программы ретритов, походов, хобби-туров. Анализ статистических данных The Glamping Show показал, что на 2021 год в Великобритании насчитывалось уже более 3600 глэмпингов, тем самым страна подтвердила лидерские позиции на мировом рынке глэмпинга [20, 21].

Изначально глэмпинг-туры рассматривались как экзотический вид отдыха для богатых туристов, которые могли посещать отдаленные природные уголки страны, живя при этом не в палатках, а в небольших домах-капсулах, с высоким уровнем сервиса и общественного питания [22]. Туристам приходилось тратить много денег, чтобы попасть в такие глэмпинговые лагеря. Сегодня благодаря динамичному развитию

данного направления и увеличению предложений многие путешественники могут позволить себе такой вид отдыха.

В США глэмпинг становится популярным трендом во всей стране. К настоящему времени таких средств размещения насчитывается около 4400 [21]. Объекты располагаются в самых живописных местах национальных парков, таких как Гранд-Каньон, у подножия горы Рашмор или посреди пустыни в Тусоне. Глэмпинг также построен в парке округа Сидар-Пойнт в Ист-Хэмптоне недалеко от залива Гардинерс. Он пользуется высоким спросом среди жителей штата Нью-Йорк. Другой глэмпинг расположен в американском заповеднике прерий в Монтане. А в Неваде есть экокурорт, представляющий собой ранчо с коттеджами или индейскими вигвамами [7].

В России количество объектов глэмпинга неуклонно растет. Первый глэмпинг в нашей стране появился в 2016 году. По официальной статистике, в 2019 году в России было около 60 глэмпингов, в 2020 году – 125, а в 2021 году – уже 178. Наибольшее количество площадок для глэмпинга расположено в Ленинградской области, Краснодарском крае, Республике Карелия и Тверской области [7].

За последние несколько лет в конкурсах проектов появляется все больше стартапов, направленных на создание и развитие глэмпинга на территории России, некоторые из них получили поддержку правительства. Из 1.2 млрд рублей, выделенных Ростуризму на гранты для предпринимателей в сфере внутреннего туризма, около 60% получил глэмпинг [8]. Помимо этого, два года назад в конкурсе «Мастера гостеприимства» одним из основных направлений проектов и стартапов участников было создание глэмпинга. Реализованные проекты показали, что спрос на этот вид услуг существует. Россия – большая страна, имеющая широкий размах климатических и природных зон, обладает широкими ресурсными и правовыми возможностями для развития глэмпинга. Развитию этого направления в России в период пандемии способствовало закрытие границ и ограничение перемещений, а также стремление многих туристов к уединению.

Эффективные направления экологического тренда в индустрии гостеприимства, обеспечивающие высокую конкурентоспособность

С учетом современных вызовов в индустрии гостеприимства переход на «зеленый» режим становится эффективной стратегией повышения конкурентоспособности отелей. Изучением вопросов, связанных с применением «зеленых»/экологичных технологий в сфере гостиничного бизнеса, занимались российские ученые Е.В. Печерица, Е.В. Галенко, а также R. O'Halloran, M. Kostić и другие [15, 23–25]. Несмотря на это, глэмпинг как особый вид предприятия размещения изучен недостаточно.

Рассмотрим наиболее эффективные направления экологического тренда в индустрии гостеприимства на примере глэмпинга:

– создание экологичного дизайна зданий (использование натуральных и экологически чистых материалов, например пробковых полов). Глэмпинговые лагеря часто разбиваются вдали от цивилизации, в труднодоступных местах. В то же время они должны максимально вписываться в окружающий ландшафт, без каких-либо изменений (например, при строительстве не вырубаются деревья). Основная идея такого места размещения – создать условия для наслаждения природой с минимальным разрушением окружающей среды. Эти комплексы максимально экологичны (используются дерево, ткани, металлические конструкции – в основном без пластика). Это относится как к натуральным материалам для внешней и внутренней отделки, так и к выбору предметов домашнего обихода и аксессуаров. Кроме того, дома, выполненные из экологически чистых материалов, обеспечивают экономию того или иного ресурса. Например, здание из стекла или со стеклянной крышей позволяет не только наслаждаться ночным небом или красотой природы, но и пропускать в помещение естественный солнечный свет. Таким образом предприятие размещения значительно экономит электроэнергию, а также демонстрирует бережливое отношение к природным ресурсам;

– использование умных технологий для снижения потребления ресурсов (например, датчиков присутствия, высокоэффективных методов охлаждения и отопления, устройств энергосбережения, водопровода с низким расходом и многое другое) [6]. Часто глэмпинги располагаются рядом с природными источниками или колодцами, поскольку для них является важным разумное использование ресурсов. Также для электроснабжения используются генераторы (экологически чистые и бесшумные) или экологически безопасная/чистая энергия (солнечные панели). Именно поэтому такие объекты размещения привлекают сторонников экологической и социальной ответственности. Здесь они в полной мере чувствуют свою причастность к улучшению состояния окружающей среды и чувствуют связь с природой;

– вовлечение гостей в экологические практики (использование постельного белья и полотенец в течение нескольких дней);

– использование собственных выращенных продуктов (например, в Великобритании построен пятизвездочный спа-отель Coworth Park, отвечающий последним экологическим требованиям, с собственным огородом, на котором выращивают экологически чистые овощи, а на его крыше растут зверобой, лаванда, чабрец и другие полезные травы, которые используются в спа-центре) [26]. Употребление преимущественно местных продуктов и традиционных блюд является важной особенностью глэмпинга. Благодаря такому подходу затраты на транспортировку, хранение и доставку продуктов становятся значительно меньше (снижая экологическую нагрузку). Помимо этого, такая организация питания позволяет поддерживать местных производителей;

– сокращение пищевых отходов (например, анализ и оптимизация используемого сырья и продуктов для снижения потерь, отслеживание количества отходов). Для глэмпингов важно организовать корректную переработку отходов, которая будет являться наиболее щадящей для природы;

– внедрение экологических практик в работу хозяйственных служб отеля (например, использование многоразовых дозаторов для лосьонов, шампуней и гелей для душа, избавление от пластиковых бутылок для уменьшения загрязнения пластиком).

Демонстрация приверженности глэмпингов к экологическому тренду дает им конкурентные преимущества, позволяя привлекать и удерживать гостей, которые положительно относятся к отелям, внедряющим широкий спектр экологически чистых практик (переработку отходов, энергосбережение и водосбережение), а также стандарты сертификации на основе принципов устойчивого развития. Именно в этом эксперты видят причину растущей популярности глэмпингов во всем мире и в РФ в том числе.

Заключение

Таким образом, в связи с кардинальными изменениями в экономике страны в целом и туристической отрасли в частности, связанными с последствиями пандемии коронавируса, глэмпинг становится весьма перспективным направлением.

Значительными преимуществами глэмпинга являются внедрение технологических инноваций, обеспечивающих низкое потребление воды, электроэнергии, низкий уровень выбросов CO_2, использование натуральных материалов. Глэмпинги являются образцом правильной организации хозяйства и оптимизации повседневной жизни за счет ресурсосбережения.

Растущее внимание потребителей к экологическим проблемам и устойчивому развитию побуждает отельеров адаптировать/модернизировать свой бизнес, внедряя экологически чистые методы управления гостиничным бизнесом. Именно глэмпинг является примером комплексного подхода, обеспечивающего высокую конкурентоспособность современного объекта размещения.

Список литературы

1. Barbulescu A. Modeling the impact of the human activity, behavior and decisions on the environment. Marketing and green consumer (Spec. Issue) // Journal of Environmental Management. 2017. V. 204. P. 813–844. Режим доступа: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S030147971731006X?via%3Dihub (дата обращения: 25.09.2022).

2. Кембриджский словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org/ru/ (дата обращения: 14.03.2023).

3. Оксфордский словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/glamping/ (дата обращения: 14.03.2023).

4. Толковый словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://khvorostin.com/dictionary/glamping/ (дата обращения: 14.03.2023).

5. Brochadoa A., Pereirab C. Comfortable experiences in nature accommodation: Perceived service quality in glamping // Journal of Outdoor Recreation and Tourism. March 2017. V. 17. P. 77–83.

6. Vrtodušić Hrgović A.-M., Cvelić Bonifačić J., Milohnić I. Dimensions of service quality in glamping // Tourism in Southern and Eastern Europe. 2019. V. 5. P. 773–785.

7. Драчева Е.Л., Николаева А.В. Глэмпинг как новая концепция отдыха и перспективы его развития в России // Российские регионы: взгляд в будущее. 2021. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/glemping-kak-novaya-kontseptsiya-otdyha-i-perspektivy-ego-razvitiya -v-rossii (дата обращения: 25.09.2022).

8. Глэм-отдых: как развивается новая индустрия в России // СберБизнес. 4 августа 2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sberbusiness.live/publiccations/glem-otdykh-kak-razvivaetsia-novaia-industriia-v-rossii (дата обращения: 26.09.2022).

9. Abbas Q., Nurunnabi M., Alfakhri Y. et al. The role of fixed capital formation, renewable and non-renewable energy in economic growth and carbon emission: a case study of Belt and Road Initiative project // Environmental Science and Pollution Research. 2020. **27 (36).** P. 45476–45486. Режим доступа: https://doi.org/10.1007/s11356-020-10413-y (дата обращения: 24.09.2022).

10. U.N.W.T.O. Growth in international tourist arrivals continues to outpace the economy. January 2020. V. 18. I. 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://webunwto.s3.eu-west-1.amazonaws.com/s3fs-public/2020-01/UNWTO_Barom20_01_January_excerpt_0.pdf (дата обращения: 26.09.2022).

11. Merlia R., Preziosia M., Acamporaa A., Ali F. Why should hotels go green? Insights from guests experience in green hotels // International Journal of Hospitality Management. August 2019. V. 81. P. 169–179.

12. Официальный сайт Главы и Правительства Карачаево-Черкесской Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kchr.ru/left_menu/economy/construction/ (дата обращения: 24.09.2022).

13. ТАСС: На северном склоне «Архыза» открылись новые горнолыжные трассы // Всесезонный туристско-рекреационный комплекс (ВТРК) «Архыз». 3 января 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://arhyz-resort.ru/news/tass-na-severnom-sklone-arkhyza-otkrylis-novye-gornolyzhnye-trassy/ (дата обращения: 24.09.2022).

14. Dangelico R.M., Vocalelli D. “Green Marketing”: An analysis of definitions, strategy steps, and tools through a systematic review of the literature // Journal of Cleaner Production. 2017. V. 165. P. 1263–1279. Режим доступа: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0959652617316372?via%3Dihub (дата обращения: 25.09.2022).

15. Печерица Е.В. Зарубежный опыт применения экологических инноваций в средствах размещения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. Сентябрь. Т. 9. В. 34. С. 49–60.

16. Punitha S. Consumers' perceptions of green marketing in the hotel industry // Asian Social Science. 2016. V. 12. P. 1–16.

17. Mydock S. III, Pervan S.J., Almubarak A.F. et al. Influence of made with renewable energy appeal on consumer behavior // Marketing Intelligence & Planning. 2017. V. 36. № 1. P. 32–48. Режим доступа: https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/MIP-06-2017-0116/full/ html (дата обращения: 24.09.2022).

18. Официальный сайт экологической маркировки Green Key [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.greenkey.global/ (дата обращения: 24.09.2022).

19. Glamping Hub – онлайн-платформа бронирования уникального жилья [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://glampinghub.com/blog/history-of-glamping/ (дата обращения: 04.06.2023).

20. The Glamping Show [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.theglampingshow.com/ (дата обращения: 04.06.2023).

21. Freedome – конструкции для глэмпинг-отелей [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://freedome.pro/glamping_costs/ (дата обращения: 04.06.2023).

22. Лебедева Т.Е., Прохорова М.П., Кузьмина Н.М. Глэмпинг: мировой опыт, перспективы развития в России // Московский экономический журнал. 2020. № 4. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/glemping-mirovoy-opyt-perspektivy-razvitiya-v-rossii (дата обращения: 05.06.2023).

23. Галенко Е.В., Криворучка П.О. Предпочтения туриста при выборе экологической гостиницы // АНИ: экономика и управление. 2018. № 2 (23). Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/predpochteniya-turista-pri-vybore-ekologicheskoy-gostinitsy (дата обращения: 09.06.2023).

24. O’Halloran R. Eco-friendly and sustainable hotels: Seeing the future // Hospitality Net. Environment & Sustainability. 2022. May, 10. Режим доступа: https://www.hospitalitynet.org/opinion/4110346.html (дата обращения: 07.02.2023).

25. Kostić M., Ratković M., Forlani F. Eco-hotels as an example of environmental responsibility and innovation in savings in the hotel industry // Menadzment U Hotelijerstvu i Turizmu. 2019. **7 (2).** P. 47–56. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/338179132_Eco-hotels_as_an_example_of_environmental_responsibility_and_innovation_in_savings_in_the_hotel_industry (дата обращения: 30.09.2022).

26. Официальный сайт спа-отеля Coworth Park. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.dorchestercollection.com/en/ascot/coworth-park/ (дата обращения: 26.09.2022).

ECOLOGICAL TREND AS A NEW FACTOR TO INCREASE THE COMPETITIVENESS OF ACCOMMODATION FACILITIES

V.S. Alieva, V.N. Parakhina, L.R. Alieva, A.V. Savtsova

North-Caucasus Federal University, Stavropol

The attention of hotel consumers to environmental problems is increasing, so it encourages hotels to implement environmental management in the administration of their enterprises. It is established that environmental-friendly and resource-saving principles of help hotels to improve their rating, to create brand awareness and to increases their competitiveness. The introduction of "green" technologies and services attracts a new category of loyal consumers, for whom environmental friendliness, remoteness from noisy congested megacities, unity with nature are the main arguments when choosing a place to stay on vacation. Adhering to the principles of the ecological trend, hotels are actively implementing eco-friendly building design, smart technologies to reduce resource consumption and also involve guests in environmental practices. One of the most effective forms of such enterprises is glamping. This type of accommodation occupies a stable niche in world practice and is successfully gaining popularity in the Russian Federation. The purpose of this work is to study environmental trends and technological innovations used in the design and operation of hotels, as well as to study glamping as a special phenomenon in the hotel services market. The research methodology is based on a comprehensive analysis of Russian and foreign cases, statistical data, regulatory documents, publications and Internet sites dedicated to innovative environmental trends in the development of the hospitality industry. An analysis of current practice has shown that the incentives for the implementation of technological innovations at accommodation facilities are to reduce the environmental burden on the environment, optimize the use of energy and material resources, and the possibility of attracting a new category of consumers. The study of glamping as a special type of hotel enterprise revealed innovative approaches to resource saving.

Keywords: competitiveness, eco-friendly trend, glamping, technological innovations, resource saving, hotel business.

УДК 332.12
DOI 10.52452/18115942_2023_3_14

ОТКАЗ ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ ХАРТИИ И РОССИЙСКОЕ МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

© 2023 г.

Е.М. Бухвальд, Д.Н. Лапаев

Бухвальд Евгений Моисеевич, д.э.н.; проф.; руководитель Центра федеративных отношений и регионального развития Института экономики Российской академии наук, Москва
buchwald@mail.ru
Лапаев Дмитрий Николаевич, д.э.н.; проф.; заместитель директора по научной работе Института экономики и управления Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева
dnlapaev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.06.2023
Статья принята к публикации 20.07.2023

Рассмотрены возможные последствия денонсации Российской Федерацией такого международного документа, как Европейская хартия местного самоуправления. Подписанная в 1985 г. и ратифицированная Российской Федерацией в 1998 г., Хартия, как это было характерно в тот период, должна была не столько предложить стране некие начала организации системы местного самоуправления, сколько в целом обозначить приверженность России европейским принципам демократии, муниципальной организации и гражданского общества. Влияние Хартии на долговременные тренды развития российского местного самоуправления достаточно широко освещалось в нашей научной литературе, хотя в преимущественной мере акцент в этих исследованиях делался не на экономические, а на правовые аспекты данного документа. Хотя Хартия содержит некоторые положения предписывающего характера в отношении стран-подписантов, большинство экспертов все же сходились во мнении, что Хартия скорее не директивный, а рекомендательный документ. Этот документ оставляет странам-подписантам значительный простор для адаптации требований Хартии к специфике социально-политических и экономических условий в каждой стране. Можно сказать, что Хартия оказала определенное позитивное влияние на формирование национальной модели местного самоуправления в Российской Федерации и ее законодательного регулирования. Однако значение этого влияния не стоит преувеличивать. Как показано в статье, на данный момент и вне Хартии вполне четко определены основные задачи обновления всей системы российского местного самоуправления и его законодательно-правовой базы.

Ключевые слова: Хартия местного самоуправления, российское местное самоуправление, муниципальная реформа, законодательное регулирование.

Введение

В настоящее время решение многих важных задач как экономического, так и социального характера в Российской Федерации определяется ситуацией в сфере российского местного самоуправления и перспективами его дальнейших реформ. Особое место здесь занимает курс на радикальное совершенствование системы муниципального управления, прежде всего путем его активного включения в практику стратегического планирования в стране, а также за счет обеспечения баланса начал публичной власти и гражданского общества. Значительные возможности решения этой задачи заключены в позитивном восприятии лучшего мирового опыта деятельности муниципалитетов разного уровня. Одним из источников такого опыта в последнюю четверть века было принято считать Европейскую хартию местного самоуправления [1].

Российская Федерация, формируя обновленные начала организации и функционирования своего местного самоуправления, закономерно должна была обратиться к использованию представленного в Хартии опыта ведущих стран Европы в организации активно действующих муниципальных сообществ с целью реализации возможностей участия институтов местного самоуправления в решении широкого круга задач хозяйственного и социального развития стран – участников Хартии. В этом контексте подписание Россией данной Хартии имело позитивный смысл, позволив более четко определить цели и задачи нового этапа преобразований в муниципальной сфере в стране, учитывая как позитивные, так и негативные итоги ранее проведенных реформ. Можно сказать, что присоединение к Хартии дало возможность более четко предопределить долговременный тренд совершенствования российского местного самоуправления, учитывая при этом как российскую специфику деятельности местных сообществ, так и зарубежный опыт функционирования систем самоуправления и гражданского общества.

Европейская хартия местного самоуправления была принята Советом Европы 15 октября 1985 г. Российская Федерация подписала этот документ в феврале 1996 г. Государственной Думой Российской Федерации в марте 1998 г. был принят закон «О ратификации Европейской Хартии местного самоуправления», и уже в апреле 1998 г. этот документ был одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Фактически для Российской Федерации Хартия вступила в силу с 1 сентября 1998 г.

Хартия заняла свое особое место в правоприменительной практике, регулирующей все стороны формирования и функционирования институтов местного самоуправления в Российской Федерации. Ее значение в этом смысле очень велико, однако следует учесть, что Хартия не является универсальным директивным указателем по деятельности местного самоуправления для той или иной страны или группы стран. Участие Российской Федерации в Хартии уже изначально не означало курса на прямое копирование зарубежного опыта или каких-либо принципов муниципальной организации. Россия, хотя и не без проблем, ищет свои пути развития института местного самоуправления, ориентируясь на Хартию лишь тогда, когда ее положения совпадают с национальными интересами и особенностями муниципальной организации в стране [2–4].

Хартия: использовано лучшее

Сейчас, когда Российская Федерация денонсировала свое участие в Хартии, следует признать, что примерно четверть века после ратификации Хартии в нашей экономической и правовой литературе практически не было комментариев относительно негативных последствий признания Россией своего участия в этой Хартии. Неизменно признавалось, что присоединение страны к данной Хартии в целом имело долговременный позитивный смысл. Однако к настоящему времени экономическая и политическая ситуация в мире существенно изменилась. Это не могло не сказаться на отношении России к международным документам (соглашениям), тем более регулирующим деятельность национальных органов публичной власти. В этой связи сейчас есть необходимость определиться по трем вопросам: в чем причины денонсации Хартии, каковыми могут быть практические последствия денонсации и нужно ли и можно ли каким-то образом компенсировать отказ от действия Хартии в Российской Федерации.

Первый вопрос может быть прокомментирован вполне определенно: решение в отношении Хартии, окончательно закрепленное Федеральным законом «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ [5], есть закономерный и вполне обоснованный шаг в ответ на грубый произвол Совета Европы в отношении Российской Федерации. Этот произвол выразился в том, что 16 марта 2022 г. Комитет министров Совета Европы, нарушив устав этой организации, принял резолюцию о прекращении членства России в Совете Европы. Аналогичное решение было принято Российской Федерацией в отношении целого ряда различных по характеру документов, так или иначе относящихся ко взаимодействию в рамках Совета Европы.

По второму вопросу можно смело утверждать, что денонсация Хартии не будет иметь значимых практических последствий для развития российского местного самоуправления. До внесения в 2020 г. целого ряда изменений и дополнений в Конституцию РФ значимым следствием отказа Российской Федерации от участия в Хартии был бы правовой факт возврата к ситуации исключительного «суверенитета» России в отношении правового регулирования местного самоуправления в стране. Однако в настоящее время положение о приоритете международных договоров с участием России над ее национальным законодательством снято. Этот приоритет национального законодательства остается действующим независимо от того, оставались бы мы в рамках Хартии или вышли из нее.

На данный момент можно твердо констатировать, что российская теория и общая идеология местного самоуправления в полной мере впитали в себя все позитивные начала Хартии и в значительной мере, хотя и не целиком, реализовали их на практике.

Примером может служить утверждение в деятельности органов местного самоуправления принципа субсидиарности. В соответствии с этим принципом публичные обязательства (т.е. обязательства органов публичной власти) должны осуществляться на наиболее «низком» уровне, максимально близком к населению. Эти обязательства могут закрепляться за более высоким административным уровнем (уровнем публичной власти) только тогда, когда выполнение этих задач на муниципальном уровне практически затруднено или вообще невозможно. Сейчас можно констатировать, что принцип субсидиарности в целом реализован в практике разграничения полномочий органов публичной власти в Российской Федерации, в частности

при законодательном закреплении полномочий органов местного самоуправления по вопросам местного значения. Однако некоторые нерешенные проблемы все же остаются. Они связаны с тем, что экономическое пространство России не является столь же выровненным, как во многих странах – подписантах Хартии. В результате в российских реалиях на практике очень трудно придать принципу субсидиарности универсальный (единообразный) характер: слишком велики различия между субъектами Федерации и в не меньшей степени – между муниципальными образованиями каждого из регионов. Получается, что те публичные обязательства, которые могут исполняться одними регионами и муниципалитетами, другим регионам и муниципалитетам остаются явно «не по плечу». Некоторым образом проблема решается посредством временной передачи полномочий от одного уровня публичной власти на другой: от федерации – регионам и от регионов – муниципалитетам. Но сложность в том, что такая передача не может носить индивидуализированный характер (от федерации – только одному или нескольким регионам; от субъекта федерации – только одному или нескольким муниципальным образованиям). Видимо, этот вопрос, поставленный в Хартии, в наших условиях все еще нуждается в дополнительном, более гибком законодательном регулировании.

С экономической точки зрения одним из наиболее важных положений Хартии следует считать вопрос об экономической обеспеченности деятельности института местного самоуправления (ст. 9 Хартии). По всей видимости, это, как показал опыт, один из наиболее болезненных аспектов проецирования положений Хартии на российскую действительность. В Хартии зафиксировано, что органы местного самоуправления имеют право на обладание финансовыми ресурсами, которые должны быть достаточными и соразмерными тем расходным полномочиям, которые закреплены за органами местного самоуправления конституционными положениями и/или законами страны. При этом определенная часть этих ресурсов должна формироваться за счет местных (муниципальных) налогов и сборов, ставки по которым органы местного самоуправления вправе определять самостоятельно, но в пределах, установленных законом.

Здесь следует уточнить, что в первоначальной версии Конституции РФ 1993 г. а также Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления» 2003 г. [6] имелось положение относительно права органов местного самоуправления устанавливать местные налоги. Однако на деле такое право существовало чисто формально. После того как был внесен целый ряд поправок в Конституцию РФ, а также в ФЗ № 131, за органами местного самоуправления было оставлено только право вводить и взимать местные налоги. Право устанавливать любые налоги (в т.ч. местные) – исключительная прерогатива Налогового кодекса РФ. Кроме того, на ситуации в сфере местных финансов негативно сказалось то, что в ходе муниципальной реформы финансовые ресурсы российского самоуправления первоначально были разнесены по тысячам новых местных бюджетов, во многих из которых до 80% и даже 90% средств уходило на содержание самой местной администрации.

Хартия также содержит положение о необходимости осуществлять целевую поддержку более слабых в финансовом отношении муниципалитетов, что предполагает осуществление хорошо известных в мировой практике процедур финансового выравнивания. Эти меры должны быть нацелены на то, чтобы преодолеть негативные экономические и социальные последствия неравномерного распределения доходных источников муниципалитетов, а также лежащего на них бремени бюджетных расходов. Это положение Хартии можно считать в целом реализованным, хотя следует отметить, что действующая система внутрирегионального финансового выравнивания ориентирована на установленный параметр выравнивания финансовой обеспеченности муниципалитетов и не нацелена специально на полное покрытие так называемого расчетного дефицита местных бюджетов.

Удручающая ситуация в сфере местных финансов не просто блокирует решение экономических и социальных проблем на местах. Эта ситуация откровенно дезавуирует все позитивные начинания муниципальной реформы, а также в корне подрывает доверие населения к самой идее самоуправления. Финансовая необеспеченность и неустойчивость доходной базы местных бюджетов выступает к тому же одной из главных причин слабого использования органами местного самоуправления современных методов стратегического планирования.

Намерения как-то поправить ситуацию декларировались неоднократно на самом высшем уровне. Так, на Всероссийском съезде муниципальных образований в 2013 г. президент страны В.В. Путин говорил, что «самое главное, муниципалитеты должны стать в полном смысле состоятельными, и прежде всего в финансовом плане». Однако за прошедшие годы ситуация в сфере местных финансов не улучшилась,

а заметно ухудшилась. Например, в самом начале 2000-х гг. доля муниципальных бюджетов в доходах консолидированного бюджета Российской Федерации составляла до 20%, а в расходах – даже до 30% [7, с. 10]. В 2010 г. доля местных бюджетов в консолидированном бюджете Российской Федерации (по расходам; с учетом государственных внебюджетных фондов) составляла около 15%. В 2020 г. эта доля составляла уже только 11%. В структуре консолидированных бюджетов субъектов Федерации местные бюджеты составляют в настоящее время 31%, хотя к началу муниципальной реформы эта доля доходила до 40% и более.

Можно констатировать, что к настоящему времени российское местное самоуправление не просто получает государственную финансовую поддержку в различных формах, а практически полностью функционирует за счет государственных финансовых средств. Таковыми следует считать все виды поступлений в местные бюджеты, кроме двух местных налогов, а также долей так называемых «расщепляемых» налогов, пример – НДФЛ, налог на имущество организаций, транспортный налог; налог на добычу общераспространенных полезных ископаемых. По данным Минфина России, очевидное большинство муниципальных образований в стране (более 95%) не являются самодостаточными, поскольку являются получателями дотаций на общее финансовое выравнивание, а также специальных дотаций на покрытие дефицитов местных бюджетов. В этих условиях сложно дать исчерпывающий ответ на поставленный в Хартии вопрос относительно того, в какой степени российские муниципалитеты обладают достаточными собственными финансовыми ресурсами, соразмерными их расходным полномочиям.

Недостаточно четко понимаемой является запись в Хартии, касающаяся того, что предоставляемые местным органам самоуправления субсидии по возможности не должны предназначаться для финансирования конкретных проектов. Хартия подчеркивает, что предоставление субсидий не должно наносить ущерба принципу свободного выбора органами местного самоуправления политики бюджетных расходов в сфере их собственной компетенции. Субсидии – инструмент целевого (со)финансирования, но здесь не ясно, о каких проектах в Хартии идет речь: проектах инвестиционного или иного характера. Кроме того, сейчас финансирование социально-экономического развития субъектов Федерации носит сложный, многоканальный характер. Что касается упоминаемых в Хартии субсидий, то в российской бюджетной практике субсидии местным бюджетам выделяются в целях софинансирования их расходных обязательств. Речь идет об обязательствах, связанных с выполнением (финансированием) органами местного самоуправления различных полномочий по вопросам местного значения. Значение этих субсидий очень велико: сейчас на них приходится до четверти собственных доходов местных бюджетов, при этом в структуре этих субсидий весомую часть (до половины их общего объема) занимают субсидии инвестиционного характера. В этом случае некоторое отклонение от «идеологии» Хартии можно объяснить тем, что субсидии как финансовый инструмент носят целевой характер; они лучше управляемы и контролируемы.

Важной представляется запись в Хартии относительно того, что для финансирования производимых затрат инвестиционного характера органы местного самоуправления должны располагать доступом к национальному рынку капиталов. Это положение Хартии можно считать не только «практически освоенным», но и достаточно активно действующим. На конец 2021 г. совокупные долговые обязательства российских муниципалитетов оценивались в 376.6 млрд руб. В структуре этого долга основную долю занимают кредиты кредитных организаций (57.8%), бюджетные кредиты (35.3%). На муниципальные ценные бумаги, а также на муниципальные гарантии приходятся лишь малые доли муниципального долга (соответственно 5.3% и 1.2%). Однако при этом важны два момента. Во-первых, практика использования заимствования для пополнения финансовых ресурсов муниципалитетов складывается крайне дифференцированно по регионам страны. Это касается и затрат местных бюджетов на обслуживание этого долга. Во-вторых, по нормам бюджетного законодательства многих стран, средства, полученные в результате заимствования на том или ином сегменте рынка капиталов, могут быть использованы только для инвестиций, а не для финансирования текущих затрат. Однако в целом в российской практике использование муниципалитетами заемных средств на инвестиционные цели значительного распространения не получило. Да и в целом использование заимствований для финансирования муниципальной деятельности (за исключением нескольких регионов России) остается весьма низким: расходы местных бюджетов на обслуживание муниципального долга составляют менее 1% расходной части этих бюджетов.

Наконец, важной представляется наличествующая в Хартии запись, фиксирующая права органов местного самоуправления на объединение в различные союзы и ассоциации.

В целом в настоящее время в условиях Российской Федерации данное положение Хартии можно считать реализованным. Это закреплено положениями соответствующей статьи в ФЗ № 131 – ст. 8 «Межмуниципальное сотрудничество». Но, как отмечали многие российские эксперты, в практике межмуниципального сотрудничества в стране еще остается много неиспользуемых возможностей [8, 9]. Это связано с рядом обстоятельств.

Во-первых, основная «ниша» межмуниципального сотрудничества – совместное финансирование в рамках проектной деятельности, однако ее рамки ограничены малыми инвестиционными возможностями муниципалитетов.

Во-вторых, имеет место неполнота законодательного регулирования такого сотрудничества, где не решены многие вопросы, в частности, связанные с распределением прав собственности на объекты, совместно созданные в рамках межмуниципального сотрудничества.

В-третьих, основной «проблемный узел» межмуниципального сотрудничества все более смещается в сторону решения практических вопросов организации муниципального пространства и муниципального управления в рамках активно формирующихся в стране агломерационных образований. Заметим, что в Хартии вопрос о специфике деятельности органов местного самоуправления в рамках агломерационных образований вообще не представлен, хотя в современных реалиях эта деятельность часто выходит не только за региональные, но даже и за национальные границы.

Что вместо Хартии местного самоуправления?

Денонсацию Европейской хартии со стороны Российской Федерации следует трактовать не только как политический акт, но и как важный сигнал к тому, что злободневной остается необходимость в обосновании стратегических направлений развития российского местного самоуправления, его места и задач в единой системе публичной власти. Хартию нельзя заменить, да и в этом нет существенной необходимости (например, в форме возврата Российской Федерации к числу стран – подписантов Хартии при условии радикального улучшения политической и экономической ситуации в мире). Однако строить политику государства в отношении местного самоуправления в рамках единой вертикали публичной власти вне стратегического видения основных задач этой политики и путей их решения также невозможно.

Формально можно утверждать, что необходимость сформировать такое стратегическое видение уже получила подтверждение. Это стало очевидным в начале 2020 г., когда Президент РФ В.В. Путин указал на необходимость разработки новой версии Основ государственной политики в сфере местного самоуправления [10] (далее – «Основы…») взамен аналогичного документа, принятого еще в 1999 г. [11]. При этом при подготовке этой новой версии «Основ…» уже нет необходимости отталкиваться от Хартии или иного подобного документа; в стране вполне достаточно собственного опыта муниципального развития и его государственного регулирования.

«Основы…» 1999 г., действительно, готовились с учетом предшествующего присоединения Российской Федерации к Европейской хартии. Не случайно документ включает не просто многие упоминания о Хартии, но и как бы отражает в себе ряд ее важных положений. Однако в настоящее время «Основы…» 1999 г. во многом выглядят устаревшими, утратившими свою актуальность, в частности, в связи с новациями, вытекающими из принятого ныне в России позиционирования местного самоуправления как одного из уровней единой вертикали публичной власти.

Однако нельзя не обратить внимание на то, что ряд важных положений документа 1999 г. так и не был реализован на практике до настоящего времени. Например, это касается той, отмеченной в «Основах…» 1999 г. негативной ситуации, когда нормы, регулирующие отдельные вопросы осуществления местного самоуправления, содержатся в значительном количестве отраслевых законодательных и иных нормативно-правовых актов без их достаточного взаимного согласования. Не решены поставленные еще в 1999 г. проблемы, связанные с отсутствием четкого правового разграничения полномочий между органами государственной власти (федеральными и субъектов Российской Федерации) и органами местного самоуправления. Прежде всего, это следует отнести к созданию стабильной нормативно-правовой основы экономической деятельности муниципальных образований, например, осуществляемой в рамках практики межмуниципального сотрудничества. «Основы…» 1999 г. ориентировали на принятие федеральных и региональных программ, способствующих реализации конституционных основ местного самоуправления и развитию муниципальных образований. Сейчас таких целостных программ нет; есть лишь отдельные программные документы, нацеленные на решение частных проблем, так или иначе связанных с деятельностью органов местного самоуправления (например, в пределах наукоградов, моногородов и пр.).

В «Основах…» 1999 г. предполагалось введение особого института «минимальных местных бюджетов». Эту задачу предполагалось решить путем закрепления в местных бюджетах доходных источников для покрытия их «минимально необходимых» расходов, устанавливаемых на основе нормативов минимальной бюджетной обеспеченности, с учетом специфики муниципальных образований. Идея «минимальных местных бюджетов» в принципе соответствует положению Хартии о праве органов местного самоуправления обладать «достаточными собственными финансовыми ресурсами». Однако на деле концепцию «минимальных местных бюджетов» воплотить на практике не удалось из-за значительных сложностей определения нормативов минимальной бюджетной обеспеченности с учетом специфики различных муниципальных образований, да еще в условиях огромного разнообразия ситуации в регионах страны.

Следует также подчеркнуть сохраняющуюся актуальность таких положений «Основ…» 1999 г., как формирование механизмов контроля за эффективностью деятельности органов местного самоуправления со стороны населения, прежде всего через активное использование прямых (непосредственных) форм народовластия. Это в полной мере касается и положения «Основ…» относительно формирования системы государственных органов, занимающихся вопросами местного самоуправления. После ликвидации Минрегиона России в 2014 г. не представляется возможным четко определить, какой из органов исполнительной власти Российской Федерации несет всю полноту ответственности за ситуацию в сфере местного самоуправления.

По нашему мнению, нереализованные или незавершенные позиции «Основ…» 1999 г. в силу их сохраняющейся актуальности можно в значительной мере проецировать на аналогичные разработки сегодняшнего дня. Первоначально предполагалось, что проект нового стратегического документа по местному самоуправлению (новые «Основы…») будет представлен к октябрю 2021 г. Затем это представление было перенесено на лето 2022 г., но и оно уже давно прошло. Но при этом востребованность данного документа никак не снижается.

Вместе с тем в последние два десятилетия активно формируются многие новые тренды развития российского местного самоуправления, которые не нашли, да и не могли найти отражение в Хартии. Об особых задачах и формах муниципального управления в рамках агломерационных образований мы уже упомянули выше. В еще большей мере актуализируется такой вопрос, как развитие практики муниципального стратегирования. Можно сказать, что распространенность и качество муниципального стратегирования в современных условиях становятся тем «пробным камнем», который свидетельствует о способности системы местного самоуправления внести значительный вклад в решение задач хозяйственного и социального развития Российской Федерации. Более того, в обеспечении готовности муниципальных образований к практике стратегирования в той или иной мере агрегируются многие требования, еще ранее представленные как в Хартии, так и в «Основах…» 1999 г. и не теряющие своей актуальности в настоящее время. Это четкое разграничение полномочий органов государственной и муниципальной власти, достаточное финансовое обеспечение всех муниципальных стратегий и программ, эффективный контроль за их реализацией со стороны населения.

Практическое распространение стратегического планирования в сфере местного самоуправления на всех его уровнях требует четко конкретизировать такой важный вопрос, как степень самостоятельности муниципальных образований в разработке и реализации своих стратегий. С одной стороны, ключевые принципы стратегического планирования в стране требуют формирования вертикали стратегирования на единой правовой и методической основе. Однако, с другой стороны, разработка и реализация муниципальных стратегий должна отвечать принципам самостоятельности местного самоуправления, учитывать локальную специфику социально-экономического развития территорий, а также интересы проживающего на них населения. Важную роль играет здесь и названный выше факт недостаточной бюджетной обеспеченности большинства муниципальных образований, что не позволяет им в полной мере рассчитывать при разработке и реализации своих стратегий, программ и пр. только на собственные силы; вынуждает формировать свои стратегии и даже краткосрочные программы преимущественно в предположительном виде.

И все же на данный момент практика подтверждает возможность повсеместного утверждения роли более крупных муниципалитетов (городские округа; муниципальные районы и округа) в качестве полноценных субъектов стратегического планирования, как правило, обладающих для этого основными экономическими, информационными и иными ресурсами. Что касается поселенческого звена местного самоуправления, то для него могут быть использованы более простые схемы стратегирования социально-экономического развития (сред-

несрочные планы комплексного социально-экономического развития).

Анализ практики стратегирования в муниципальном звене управления свидетельствует, что одним из наиболее значимых факторов, лимитирующим возможности подобного стратегирования, выступает отсутствие должной согласованности стратегического планирования на региональном и муниципальном уровнях как в содержательном, так и в процедурном плане. Это касается согласования документов стратегического планирования по приоритетам развития территорий, по конкретным целям и задачам управления и, как следствие, по срокам реализации, по обеспечивающим мероприятиям, по привлекаемым финансовым и иным ресурсам.

Заключение

Сказанное позволяет сделать вывод, что денонсация Российской Федерацией Европейской хартии местного самоуправления ни в коей мере не является свидетельством намерения страны отказаться от тех позитивных начал муниципальной организации, которые изложены в этом документе. Они, несомненно, сохраняют свою силу, однако на практике должны быть полностью адаптированы к традициям и наиболее значимым устоям организации местного самоуправления в Российской Федерации.

Каков же выход? Он видится нам в осуществлении серьезных концептуальных и правовых продвижений в институционализации российского местного самоуправления, включая и четкое правовое закрепление его роли в регулировании пространственной структуры экономики Российской Федерации и ее регионов. Особо следует подчеркнуть необходимость безотлагательно подготовить такой документ, как новые «Основы государственной политики в сфере местного самоуправления», обеспечив его широкое, открытое общественно-экспертное обсуждение.

При этом требуется обеспечить логическую последовательность действий в этом направлении. Сначала следует подготовить, обсудить и принять новые «Основы государственной политики в сфере местного самоуправления» как отражение перспективных направлений и конкретных задач развития данного вектора государственно-общественных отношений. И лишь затем все это подлежит закреплению на законодательном уровне. В противном случае неизбежно появление явно «сырых» законопроектов [12], способных не решить проблемы российского местного самоуправления, а лишь еще более обострить их.

С позиций нормативно-правового регулирования, помимо полной новой версии базового закона по общим принципам организации местного самоуправления в России, существенно необходимыми видятся такие законодательные акты, как законы «Об агломерациях» и также «О межмуниципальном сотрудничестве». Практически очень значимо и продуктивно было бы конкретизировать целый ряд положений Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. Речь идет о тех правовых нормах, которые непосредственно касаются осуществления стратегирования как ключевого вида управленческой деятельности на муниципальном уровне, возможно, с некоторой детализацией по основным видам муниципальных образований, по территориям со специальным режимом хозяйствования и управления и пр.

Список литературы

1. Европейская Хартия местного самоуправления («Charte européenne de l'autonomie locale» = «European Charter of Local Self-Government») // Дипломатический вестник. 1998. № 10.

2. Бабичев И.В. Нормы-принципы Европейской Хартии местного самоуправления как составная часть доктрины российской модели местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 6. С. 67–74.

3. Забавка В.И., Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н. Европейская Хартия местного самоуправления и ее роль в развитии местного самоуправления в современной России // Международный журнал конституционного и государственного права. 2020. №3. С. 51–57.

4. Закора В.С. Роль Европейской Хартии местного самоуправления в системе российского права // Конституционализм и государствоведение. 2021. № 2 (22). С. 60–64.

5. Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280017.

6. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/.

7. Синельникова О.П. Казначейское исполнение бюджета муниципального образования: Дис. … канд. эконом. наук. М., 2004.

8. Кухарук А.И. Перспективы развития межмуниципального сотрудничества в субъектах РФ // Аллея науки. 2018. Т. 3. № 1 (17). С. 139–142.

9. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Мегаполисы и агломерации в системе управления и стратегирования развития территорий // ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика. 2020. № 1. С. 7–25.

10. Заседание Совета по развитию местного самоуправления при Президенте РФ 30 января 2020 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/62701.

11. Указ Президента РФ от 15 октября 1999 г. № 1370 «Об утверждении Основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/181076/#ixzz6EOc2YkYY.

12. Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/.

REJECTION OF THE EUROPEAN CHARTER AND RUSSIAN LOCAL SELF-GOVERNMENT

***E.M. Bukhvald*[1], *D.N. Lapaev*[2]**

[1]Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow
[2]Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev

The article considers possible consequences of the denunciation by the Russian Federation of such an international document as the European Charter of Local Self-Government. Signed in 1985 and ratified by the Russian Federation in 1998, the Charter, as it was typical at that time, was supposed not only to dictate the country some beginnings of the organization of the local self-government system, but in general to signify the commitment of Russia to the European principles of democracy, municipal organization and civil society. The influence of the Charter on the long-term trends of Russian local self-government development has been widely covered in our scientific literature. However, the focus in these studies was not on the economic, but mainly on the legal aspects of this document. Although the Charter contains some provisions of a prescriptive nature in relation to the signatory countries, most of experts still agreed that the Charter is rather not a directive, but a recommendatory document. This document leaves significant room for the signatory countries to adapt the requirements of the Charter to the specifics of the socio-political and economic conditions in each country. We can say that the Charter had a certain positive impact on the formation of the national model of local self-government in the Russian Federation and its legislative regulation. However, the significance of this influence should not be exaggerated. As it's shown in the article, at the moment, even outside the Charter, the contours of the renewal of the entire system of Russian local self-government and its legislative and legal framework are quite clearly defined.

Keywords: Charter of Local Self-Government, Russian local self-government, municipal reform, legislative regulation.

УДК 334.027 +338.28+338.246.027.2
DOI 10.52452/18115942_2023_3_22

МАТЕРИАЛЬНОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД)

© 2023 г.

А.В. Козлов

Козлов Александр Вячеславович, к.э.н.; заместитель генерального директора государственного научно-производственного объединения «Научно-практический центр Национальной академии наук Беларуси по материаловедению» по экономике и производству, Минск, Республика Беларусь
Kozlov_alexandr@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.06.2023
Статья принята к публикации 28.07.2023

Целью статьи является систематизация практики материального стимулирования научно-технической деятельности в советский период. В ходе исследования использован комплексный подход, сочетающий в себе такие методы научного познания, как наблюдение, сравнение, анализ и синтез, исторический метод. Полученные результаты свидетельствуют о том, что материальному стимулированию в советский период уделялось значительное внимание, и это отразилось на прорывных открытиях и техническом прогрессе. Отмеченный опыт целесообразно использовать для стимулирования научно-технической деятельности в настоящее время, а также при совершенствовании организационно-экономического механизма инновационной деятельности в Российской Федерации и Республике Беларусь.

Ключевые слова: материальное стимулирование, научно-техническая деятельность, научно-технический прогресс, Союз Советских Социалистических Республик (СССР), государственные премии, Ленинские премии, Сталинские премии.

Введение

Мировая практика свидетельствует, что приоритетной задачей государственной политики экономически развитых стран является создание благоприятных условий для занятия научно-технической и инновационной деятельностью. Решение этой важнейшей задачи видится проблематичным без разработки и применения адекватных стратегий, организационно-экономических механизмов стимулирования и иной поддержки, осуществляемых в рамках государственной инновационной политики.

На современном этапе развития экономики страны, в частности ее инновационной деятельности, уже разработано большое количество различного рода теорий, подходов и практических механизмов стимулирования, но, к сожалению, все они не дают достаточного экономического результата. Сравнительный анализ экономического развития Республики Беларусь и других экономически развитых стран говорит о том, что ресурсы для улучшения ситуации у нас не исчерпаны. Постоянно реализуемые государственные программы, например в сфере инновационного, социально-экономического и иного развития, также свидетельствуют об этом. Соответственно, к вопросу поиска эффективного и оптимального государственного организационно-экономического механизма стимулирования научно-технической и инновационной деятельности, способного обеспечить желаемый экономический рост, придется возвращаться снова и снова.

В этой связи возникает необходимость провести ревизию подходов к стимулированию научно-технической деятельности и прогресса, которые хотя и были заложены еще на ранней стадии формирования советского государства, но по-прежнему могут быть весьма актуальными и эффективными для Республики Беларусь и в наши дни. Этот опыт важен, поскольку наша страна была одной из республик Советского Союза, который в экономическом плане составлял конкуренцию мировому лидеру – США и по отдельным позициям временами находился ниже их всего на одну ступеньку.

Цель такого исследования – выяснить, почему и каким образом ранее существовавшие подходы в научно-технической деятельности позволили СССР за короткий промежуток времени и в условиях ограниченности ресурсов не только сократить технологическое отставание от мировых лидеров, но и стать страной с первой атомной электростанцией, первым спутником и человеком в космосе, с достаточным машиностроением, станкостроением и достичь за короткий период времени второй позиции в мировом экономическом рейтинге, а современные решения, как считается более прогрессивные,

не позволяют даже приблизиться к таким результатам? Какие меры стимулирования при этом применялись и какие из них были наиболее эффективными?

Ответы на эти вопросы предполагают вскрытие деталей, на которые ранее не обращалось внимание либо которым не была дана должная оценка. Это позволит не только отобрать и адаптировать все самое лучшее к нашим нынешним условиям, но и в дальнейшем правильно скорректировать современные подходы, заложенные в инновационной политике Республики Беларусь.

Следует отметить, что в литературе в полной мере описаны подходы и практика стимулирования труда в СССР, включая премирование, в рамках обычных трудовых отношений. В то же время в полной мере не изучены подходы, которые практиковались для стимулирования решения крупных народно-хозяйственных задач и создания прорывных технологий, обеспечивающих научно-технический прогресс. В литературе нет освещения того, какое место и роль в механизме стимулирования научно-технической деятельности отводилось государственным премиям, включая именные. Исследование целесообразно разделить на условные периоды, поскольку обработать предстоит большой объем информации. Данная научная статья является логическим продолжением уже начатого обобщения подходов стимулирования научно-технической деятельности и научно-технического прогресса в советский период [1]. На текущем этапе видится разумным обобщить довоенный период, чему и посвящена настоящая статья.

Результаты и их обсуждение

В советский период достижения науки и техники всегда стояли на первом месте. Индустриализация, механизация, химизация, а в дальнейшем и гонка вооружения, космические программы, самолетостроение – все это требовало колоссальных усилий со стороны ученых, мотивация и поддержка труда которых обеспечивалась на высшем государственном уровне.

Обобщение литературных источников свидетельствует о том, что разработкой проблематики в экономике 20–30-х годов занимались многие видные советские экономисты того времени, среди которых можно выделить академиков Г.М. Кржижановского и С.Г. Струмилина, профессора Е.Л. Грановского и др. [2–4]. При этом научная литература в области экономики труда в основном была посвящена базовым вопросам трудовых отношений в условиях становления экономической системы и необходимости накопления капитала:

– повышение квалификации труда;

– устранение отставания заработной платы в отдельных отраслях народного хозяйства [4, 5];

– обеспечение роста производительности и оплаты труда;

– подъем уровня жизни и улучшение быта трудящихся [4];

– максимизация использования машинного оборудования;

– перераспределение рабочего времени, его сокращение [4] с переходом на 5-дневную рабочую неделю;

– отказ от труда несовершеннолетних и малолетних, устранение дискриминации в оплате мужского и женского труда, стимулирование труда (как правило, путем проведения социалистических соревнований), укрепление трудовой дисциплины и т.д. [5, с. 9–11, 32–42, 44].

Из постановки проблем видно, что у Советского Союза в довоенный период на повестке в основном было решение жизненно важных первостепенных задач для государства и речь о стимулировании научно-технической деятельности не велась.

В первой половине 40-х годов, по сути в военный период, научные исследования посвящались военной тематике, обороне страны и продовольственной безопасности [6]. Примечательно, что для решения народно-хозяйственных задач военного времени был мобилизован весь научный потенциал, помимо экономистов (академики С.Г. Струмилин, В.С. Немчинов и др.), вопросами экономики в своей части занимались ученые из разных отраслей (академики В.Л. Комаров (ботаник, географ), И.П. Бардин (металлург), Э.В. Брицке (химик и металлург), Л.Д. Шевяков (горное дело) и др.).

Источники второй половины 40-х годов до первой половины 60-х (академик К.В. Островитянов, член-корреспондент А.И. Пашков и др.) в основном освещают проблематику решения вопросов, связанных с восстановлением народного хозяйства и ликвидацией последствий Великой Отечественной войны [7, 8]. Со второй половины 50-х годов после смерти И.В. Сталина наметился курс либерализации в экономике, переосмысления существовавших подходов. Началась активная научная дискуссия относительно материальной мотивации к труду [9], расширения самостоятельности предприятий с переводом их на хозрасчетную форму оплаты труда, которая вылилась в принятие ЦК КПСС и Советом министров постановления от 4 октября 1965 г. «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» [10].

Со второй половины 60-х годов до конца 70-х постановления Совета министров СССР пестрят

решениями о повальном проведении экономических экспериментов и переводе предприятий Советского Союза на новую систему планирования и материального стимулирования. В связи со сменой экономической парадигмы в Советском Союзе и либерализацией экономики научные труды освещают вопросы, связанные с переводом предприятий на хозрасчетную форму оплаты труда и стимулирования, а именно: формирование новых экономических показателей на предприятиях, оценка производительности труда и привязка к ней оплаты труда, совершенствование методик нормативного метода планирования заработной платы.

Проводятся научные исследования и обосновывается комплексность механизма стимулирования научно-технического прогресса (академики Л.И. Абалкин, В.А. Трапезников [11, 12]; члены-корреспонденты Л.М. Гатовский, П.Г. Бунич [13, 14] и др. [15–17]), реализуются экономические опыты [18] и описывается необходимость ускорения технического прогресса и совершенствования хозрасчетных отношений [19–22]. Получили развитие математические методы в экономике, особенно связанные с поиском оптимального решения [23], за что в 1975 году советский ученый – академик Л.В. Канторович даже был удостоен Нобелевской премии по экономике [24].

Результатом становится решение партии и правительства, и в соответствии с XXIV съездом КПСС (1971 год) поставлена государственная задача создать условия, которые «заставили бы предприятия выпускать новейшие образцы продукции, буквально гоняться за научно-техническими новинками, а не шарахаться от них, образно говоря, как черт от ладана. В наиболее привилегированное положение должны быть поставлены те коллективы, которые действительно борются за совершенствование техники и технологии, за выпуск продукции, отвечающей современным требованиям» [25].

В дальнейшем намеченный тренд на усиление материальной заинтересованности всех категорий работников от результатов труда был продолжен, и на XXV съезде КПСС (1976 г.) было объявлено о необходимости совершенствования методов хозяйствования и экономического стимулирования, а также усилении роли экономических стимулов в росте эффективности производства, повышении качества продукции, ускорении научно-технического прогресса, обеспечении ритмичной работы предприятий, улучшении использования трудовых и материальных ресурсов [26 , с. 93].

Материальное поощрение трудовых коллективов было поставлено в зависимость от конечных экономических результатов капиталовложений, получила развитие мысль о новой форме финансирования работ, связанных с научно-техническим прогрессом, которое предлагалось осуществлять через единый (специальный) фонд поощрения науки и техники в системе хозрасчетного управления [27, 28].

В 80-е годы началась перестройка, вскрылись определенные проблемы функционирования советского государства и началась дискуссия относительно эффективности использования государственной собственности; продолжился тренд на совершенствование новых методов хозяйствования, которые должны были отразиться на ускорении научно-технического прогресса [29–31]. Поднимаются вопросы качества продукции, стимулирования создания новых производств, внедрения изобретений, новой техники и рационализаторских предложений (академик Н.Г. Чумаченко) [32]. Имеются достаточно полные и интересные работы относительно стимулирования труда (профессор И.П. Поварич) [33]. Но, к сожалению, при достаточно широком освещении общих подходов премирования тема стимулирующей роли государственных премий не рассмотрена.

В 1991 году произошел распад Советского Союза, и последовавшее за этим десятилетие вошло в историю варварской приватизацией и новым первоначальным накоплением капитала. В этот период вопросы стимулирования труда в целом и научно-технического прогресса в частности отошли на второй план, опыт советского государства в один момент стал непопулярен и всяческим образом критиковался. Основная масса трудов ученых обусловлена сменой экономической модели и переходом от командно-административной системы к рыночной. Соответственно и основная часть научных работ была связана с этой новой набиравшей популярность тематикой.

Автором отдельно проанализированы труды белорусских ученых, посвятивших часть своих работ теме стимулирования труда и научно-технического прогресса. Среди таких ученых следует назвать академиков В.Г. Гусакова [34] и П.Г. Никитенко [35], профессоров В.И. Тарасова [36], В.Ф. Байнева [37], А.И. Лученка [38], С.А. Пелиха [39], И.М. Абрамова [40] и др. Анализ их работ показал, что в них проблема стимулирования труда, научно-технического прогресса и инновационного развития (в современном понимании) рассмотрена достаточно полно и с разных позиций (по отраслям экономики, по способам стимулирования, по порядку ценообразования готовой продукции, с позиции затратного метода, по целевому назначению, по

формам поощрения и т.д.). Вместе с тем такой аспект, как место и роль государственного премирования за особо важные результаты, полученные с применением интеллектуального труда, так же как и у российских коллег, остался неисследованным и требует восполнения.

Из приведенного анализа следует вывод о том, что сама институциональная среда, которая складывалась в Советском Союзе на протяжении десятилетий, не предполагала проведение детального анализа опыта государственного премирования как способа стимулирования научно-технического прогресса, тем более в довоенный период. После устранения последствий войны и по мере восстановления экономики развитие экономической мысли шло в ногу с общественных запросом на расширение хозяйственной самостоятельности предприятий (самоокупаемость, самофинансирование, самоуправление) и повышение материальной заинтересованности трудовых коллективов и каждого отдельно взятого работника в результатах своей хозяйственной деятельности, переводе их на хозрасчетную форму.

Вместе с тем такой анализ, по мнению автора, позволит пролить свет на те детали, которым ранее должного внимания не уделялось, но они могут иметь существенное значение для построения оптимального современного механизма стимулирования научно-технической и инновационной деятельности государства в условиях ограниченных ресурсов. Системный анализ поводов и оснований для присуждения именных государственных премий позволит понять, какие направления получали государственную поддержку и финансирование. Соответственно, такие направления в настоящее время должны обладать абсолютными или относительными конкурентными преимуществами, а значит, их в первую очередь необходимо анализировать и вовлекать в экономический оборот.

Премия имени В.И. Ленина

Меры стимулирования развития научно-технической деятельности и ученых в советском государстве уходят корнями в период становления социалистической системы хозяйствования. Главным лицом, поддерживающим научные процессы сначала в РСФСР, а потом и в СССР, явился В.И. Ленин. Именно поэтому первая важнейшая государственная премия названа его именем. Рассмотрим эту премию более детально.

В соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров СССР (далее – СНК СССР) от 23 июня 1925 года учреждены премии имени В.И. Ленина за научные труды [41, 42]. Из содержания постановления следует, что премия присуждалась только гражданам СССР и за научные труды, имеющие наибольшее практическое значение и написанные после 25 октября (7 ноября) 1917 года, по всем отраслям знания (естественным и точным наукам, технике, сельскому хозяйству, медицине и общественным наукам).

Постановлением также предусмотрено учреждение фонда для выдачи премий, а общая сумма ежегодно выдаваемых премий установлена в 10 тыс. рублей. Присуждение премий проводилось на основании заключения экспертной комиссии, в которую входили представители Академии наук РСФСР и УССР, ЦеКУБУ и секции научных работников профсоюза работников просвещения (А.Н. Бах, В.П. Волгин, А.М. Деборин, Г.М. Кржижановский, П.П. Лазарев, Н.А. Семашко и др., председатель – М.Н. Покровский, заместитель – О.Ю. Шмидт) [42, с. 75]. Правила о порядке выдачи премий было поручено разработать и издать Коммунистической академии при ЦИК СССР.

Поскольку фонд премирования составлял 10 тыс. рублей, а ежегодно награждались пять лауреатов, то размер каждой премии был равен 2 тыс. рублей. При этом если учесть, что средняя заработная плата в те годы в СССР составляла, по данным Статистического издательства ЦСУ СССР, от 54 рублей в 1925 году до 226 рублей в 1936 году [43], то, соответственно, премия была эквивалентна примерно трем годовым среднемесячным окладам. Кроме того, в начальный период вручения премий имени В.И. Ленина государство предоставляло лауреатам право на получение земельного участка для строительства дачи в престижном Подмосковье, а впоследствии уже и само, будучи заинтересованным в хранении секретов в тайне, стало налаживать быт и строить дома ученым, где они не только жили, но и трудились [44].

Таким образом, определение номинантов на присуждение премий имени В.И. Ленина и самого порядка их присуждения полностью возлагалось на видных представителей научного сообщества, уровень подготовки и квалификации которых сомнений вызывать не мог – почти все они либо были, либо впоследствии стали академиками АН СССР.

Впервые присуждение премий имени В.И. Ленина состоялось 17 августа 1926 года. Интерес представляет именно то, за что были присуждены такие премии, поскольку это является основанием для отнесения настоящей научной работы к изучению развития определенного направления инновационной деятельности. Было присуждено 5 таких премий: за работы по изуче-

нию многочисленных рас культурных растений и за разработку вопроса о центрах происхождения этих растений (Н.И. Вавилов); за работы по фармакологии и исследования по оживлению тканей и органов (Н.П. Кравков); за работы по геологии Сибири (В.А. Обручев); за исследования питания растений, послужившие основанием учения об удобрении и учения о свойствах культурных почв (Д.Н. Прянишников); за работы по химии алкалоидов и фармацевтической химии (А.Е. Чичибабин) [42, с. 75]. При этом нужно отметить, что первые лауреаты проделали огромную научную работу. Их труды имели большое практическое значение не только для своего времени, но и оказали существенное влияние на соответствующие области знаний на многие десятилетия вперед. Премии присуждались даже посмертно, например Н.П. Кравкову, умершему 24 февраля 1924 года.

Из изложенного следует, что премии присуждались по весьма актуальным темам и действительно заслуженным деятелям, а сам механизм премирования был достаточно прозрачным и справедливым.

До 1932 года премии имени В.И. Ленина присуждались ежегодно – 5 премий в год. Затем последовал, по одним источникам, двухлетний перерыв (с 1933 по 1934 год), по другим – трехлетний (с 1932 по 1934 год). Последнее известное присуждение трех премий состоялось в 1935 году. В дальнейшем был снова перерыв до 1955 года, и лишь 15 августа 1956 года уже ЦК КПСС и СМ СССР приняли специальное решение о восстановлении Ленинских премий. После длительного перерыва, в 1957 году, было присуждено сразу 17 премий [42, с. 83].

Приостановка присуждения премий имени В.И. Ленина не связана с какими-либо ограничениями в отношении номинантов либо изменением отношения к науке и инновационной деятельности. Как следует из многочисленных источников, это было связано прежде всего с внутрипартийной борьбой за лидерство. Промежуточным результатом стало учреждение лидером СССР новой премии в свою честь – Сталинской премии.

Необходимо обратить внимание на то, что в период, когда премии имени В.И. Ленина «уже» не вручались, а Сталинские премии – «еще» не вручались (это промежуток с 1936 по 1940 год), государство не оставляло без внимания заслуженных деятелей и премии по-прежнему вручались, но без условных наименований. Так, в марте 1939 года постановлением СНК СССР были премированы два известных советских хирурга, профессоры С.И. Спасокукоцкий и А.Д. Очкин. Каждому из них была присуждена премия по 30 тыс. рублей и передано в личную собственность по одному легковому автомобилю: «ЗИС» – профессору С.И. Спасокукоцкому и «Оппель» – профессору А.Д. Очкину [45]. Размер премии и наивысший государственный уровень ее присуждения свидетельствуют о том, что данное награждение сопоставимо с Ленинской либо Сталинской премией. В свою очередь, из этого можно сделать следующий вывод: даже в период политической неопределенности относительно того, какой премии быть – Ленинской или Сталинской, – заслуженные деятели получали достойные награды.

Следует также отметить, что при изучении собраний постановлений и распоряжений Правительства СССР за 1938 год установлено отсутствие в этих источниках за указанный период (в отличие от 1939–1949 годов) сведений о поощрениях на высоком государственном уровне.

Уместно при этом вспомнить хотя и именную, но присуждаемую на высшем государственном уровне (Советом Народных Комиссаров СССР) премию имени великого советского летчика В.П. Чкалова [46]. В декабре 1938 года в области авиации были учреждены три премии по 50 тыс. рублей. Размер премии и уровень ее присуждения также свидетельствуют о том, что она, как Сталинская и Ленинская премии, относилась к наивысшему государственному уровню.

Количество врученных премий имени В.И. Ленина показало, что до 1935 года было вручено как минимум 38 (или 33) премий. Неточность может быть связана с тем, что в различных источниках оно указывалось с небольшой разбежкой в сторону увеличения до 5 премий.

Вместе с тем для целей проводимого исследования указанное разночтение в количестве премий не имеет критического значения. Более важным является то, что учреждение премий и их выплаты свидетельствуют о понимании со стороны государства необходимости стимулирования интеллектуального труда.

Сталинские премии

В соответствии с Постановлением СНК СССР от 20 декабря 1939 года № 2078 по случаю 60-летия И.В. Сталина учреждены премии имени Сталина [47], или так называемые Сталинские премии [48, с. 3].

По сути, Сталинская премия носила собирательный характер и первоначально объединяла в себе 94 различные премии деятелям науки, искусства, изобретателям и военным, а затем по Постановлению СНК СССР от 1 февраля 1940 года № 178 она дополнена 4 премиями писателям, поэтам и литературным критикам [48, с. 4; 49].

Из содержания указанных постановлений следует, что деятелям науки и искусства ежегодно присуждалось 16 премий за выдающиеся работы в следующих областях: 1) физико-математические науки; 2) технические науки; 3) химические науки; 4) биологические науки; 5) сельскохозяйственные науки; 6) медицинские науки; 7) философские науки; 8) экономические науки; 9) историко-филологические науки; 10) юридические науки; 11) музыка; 12) живопись; 13) скульптура; 14) архитектура; 15) театральное искусство; 16) кинематография [47].

Одновременно 60 премий присуждались за лучшие изобретения, из них 10 первых – по 100 тыс. рублей; 20 вторых – по 50 тыс. рублей; 30 третьих – по 25 тыс. рублей и 18 премий – за выдающиеся достижения в области военных знаний, из них 3 первые – по 100 тыс. рублей, 5 вторых – по 50 тыс. рублей, 10 третьих – по 25 тыс. рублей [47], а также 4 премии по 100 тыс. рублей – за выдающиеся произведения в области литературы, в том числе по 1 – в области поэзии, прозы, драматургии и литературной критики [49].

Таким образом, Сталинские премии охватывали достаточно большой диапазон сфер интеллектуальной деятельности общества и, конечно же, область инновационной деятельности, напрямую связанную со всеми вышеназванными областями и сферами.

При этом для понимания размера премии следует сравнить его, например, со средней зарплатой в СССР, которая в 1940 году составляла 339 рублей в месяц, а в 1945 году – 442 рубля [50]. Следовательно, Сталинская премия в размере 100 тыс. рублей была эквивалентна примерно 295 среднемесячным заработным платам в ценах 1940 года и 226 заработным платам в ценах 1945 года, или примерно двадцатилетнему периоду среднемесячных выплат, что является весьма внушительным показателем.

Необходимо признать, что существовавший механизм реализации присуждения премий был весьма детальным и конкретным. Для реализации Положения о присуждении премий Постановлением СНК СССР от 25 марта 1940 года № 400 утвержден порядок присуждения премий имени Сталина за выдающиеся работы в области науки, военных знаний, изобретательства, литературы и искусства [51]. Из содержания постановления следует, что по общему правилу на соискание премий представляются лишь новые работы или изобретения, законченные в год присуждения премий, т.е. поданные на рассмотрение комиссии до 15 октября, а труды, законченные с 15 октября до 31 декабря, могут быть представлены на соискание премий в следующем календарном году [51]. Можно констатировать, что рассмотрение вопроса о премировании происходило в достаточно сжатый срок: до 15 октября осуществлялась подача документов в специально созданные комитеты, последние рассматривали их и не позднее 1 декабря представляли свои предложения в СНК СССР, а 21 декабря в центральной печати уже публиковалось соответствующее постановление о присуждении премий [51].

Отдельного внимания заслуживает пункт 4 постановления, согласно которому работы в области науки и военных знаний, а также описания изобретений представляются на любом языке [48]. Предусматривалось присуждение премий и авторскому коллективу. При этом если он состоял из двух человек, то премия делилась пополам, если из трех, то руководитель получал половину, а если из четырех и более, то руководитель получал одну треть, а две трети делились между остальными участниками поровну [52].

Лицам, удостоенным Сталинской премии, также вручались диплом и Почетный знак лауреата Сталинской премии [48, с. 9; 53]. В этой части постановление касалось только лауреатов премии в области науки, искусства, литературы и изобретательства и не распространялось на лауреатов в области военных знаний [53]. Учитывая изложенное, можно сделать вывод, что первоначально на государственном уровне было принято решение о закрытом характере сведений о некоторых премиях, в частности по военной тематике, что является логичным, поскольку вопросы обороноспособности страны, как правило, составляют государственную тайну.

В первый год присуждения Сталинских премий (1940) в соответствующие документы были внесены коррективы, а именно: вопрос о присуждении премий по науке и искусству был отложен до 15 марта 1941 года, но количество премий на 1940 год было увеличено и к тому же принимались работы за последние 6 лет начиная с 1935 года [54].

Оценивая увеличение количества премий, можно сказать, что оно было существенным. Так, за выдающиеся работы в области науки и искусства их число увеличилось в 5 раз – с 16 до 80; за лучшее изобретение число первых премий увеличилось с 10 до 20; вторых – с 20 до 30; третьих – с 30 до 50; за выдающиеся достижения в области военных изобретений количество первых премий увеличилось с 3 до 10, вторых – с 5 до 20, третьих – с 10 до 30; за выдающиеся произведения в области литературы увеличение составило ровно в 3 раза – с 4 до 12. Общее количество премий увеличилось примерно в 2.5 раза – с 98 до 252 [48, с. 113–162].

Проведенный автором настоящей статьи подсчет показал, что, по данным нормативных источников, число Сталинских премий, врученных в 1941 году, т.е. в первый год их присуждения, за выдающиеся работы в области науки, за выдающиеся изобретения и за выдающиеся работы в области искусства и литературы достигло 223. Различие с ранее указанным количеством (252) объясняется закрытым характером сведений о премиях по военной тематике. Действительно, открытые нормативные источники за 1941 год, как, впрочем, и в дальнейшем, не содержали сведений о премиях за выдающиеся работы в области военных знаний.

Количественно-видовой состав Сталинских премий в 1941 году выглядел следующим образом.

За выдающиеся работы в области науки были присуждены 23 первые премии и 20 вторых [55]. За выдающиеся изобретения, в том числе военные, были присуждены 20 первых премий, 32 вторые и 26 третьих [56]. За выдающиеся работы в области искусства и литературы присуждены 41 и 61 премия первой и второй степени соответственно [57]. При этом следует обратить внимание на то, что присуждение указанного числа премий произошло с учетом частичного изменения постановления СНК СССР от 20 декабря 1940 года «Об изменениях порядка присуждения Сталинских премий по науке, изобретениям, литературе и искусству» и включения в постановление от 15 марта 1941 года [57] дополнительных премий: в области оперного искусства (1 – первой степени и 1 – второй), в области кинематографии (7 – первой степени и 10 – второй), в области литературы (по прозе, поэзии и драматургии – соответственно 3, 5 и 3 премии второй степени).

Заключение

1. В период становления советского государства, включая довоенное время, политическое руководство страны сделало ставку на науку как основной источник по обеспечению экономического роста и национальной безопасности. Именно поэтому основанием, а на начальном этапе – исключительным основанием для применения высшей формы поощрения в виде Ленинской или Сталинской премии стало наличие у лауреатов выдающихся научных достижений. В условиях ограниченности в ресурсах акцент при выборе работ делался на те труды, которые вносили существенный вклад в развитие науки, могли обеспечить прорывные открытия и опережающее развитие государства.

2. Детальный анализ положений о присуждении названных премий позволяет сделать вывод о том, что в довоенный период был сформирован уникальный способ стимулирования научно-технической деятельности и прогресса. Выбор направлений для премирования был отнюдь не случаен, он предопределялся государственными задачами. Решения о присуждении премий принимались на высшем политическом уровне, что закрепило за Ленинской и Сталинской премиями статус важнейших государственных премий Советского Союза. При этом премии выполняли не только материально-поощрительную функцию, но и социальную – лица, их удостоенные, получали общественное признание, особое отношение в обществе и могли рассчитывать на прочие привилегии и дальнейшую поддержку. Премии придавали своим лауреатам особый социальный статус, который зачастую был выше, нежели материальные выплаты.

3. Размер государственных премий сначала в несколько, а затем и в несколько десятков раз превышал среднегодовую зарплату по стране. Из такого весьма существенного размера следует вывод о том, что премии были не просто способом отметить уже имеющиеся достижения, а по сути являлись частью государственной политики по стимулированию ученых, занимающихся перспективными научными направлениями и способных обеспечить актуальный в наши дни научно-технический прогресс, технологический суверенитет в соответствующих направлениях народного хозяйства и национальную безопасность.

4. Временной анализ оснований для присуждения именных государственных премий с позиции иерархической модели потребностей Маслоу позволяет сделать вывод о том, что экономическая ситуация в СССР в довоенный период улучшалась. Это следует из того, что уже порядок государственного премирования совершенствовался, а охватываемые области премирования расширялись. Не прибегая к детальным статистическим данным, можно сделать обоснованный вывод о том, что применяемый механизм стимулирования научно-технической деятельности дал для экономики положительный эффект.

5. Проведенный анализ может быть полезен на современном этапе развития экономики. С одной стороны, известны направления научно-технической деятельности, которые финансировались на протяжении многих десятилетий и по этой причине стали ресурсами с накопленным потенциалом. Такие ресурсы характеризуются абсолютным или относительным конкурентным

преимуществом, а их разумное использование может обеспечить дополнительный положительный эффект. Например, в СССР на протяжении десятилетий «премировались» физико-математические и технические науки, и как следствие белорусские и российские ученые и производители и в настоящее время хорошо известны во всем мире своей продукцией в области атомной энергетики, оптики, сверхтвердых материалов, самолетостроения, космических технологий и т.д. С другой стороны, есть основания полагать, что сосредоточение сил и средств в направлениях, которые ранее уже приносили успех, позволит рассчитывать на него и в будущем.

Автор выражает признательность Председателю Президиума Национальной академии наук Беларуси, доктору экономических наук, профессору, академику В.Г. Гусакову за плодотворное обсуждение подходов к стимулированию интеллектуального труда в довоенный период советского государства.

Работа выполнена при поддержке генерального директора государственного научно-производственного объединения «Научно-практический центр Национальной академии наук Беларуси по материаловедению», доктора физико-математических наук, профессора, члена-корреспондента В.М. Федосюка.

Список литературы

1. Козлов А.В. Инновации в раннем СССР: кому и чем могут помочь в XXI в. идеи столетней давности? // Наука и инновации. 2023. № 1. С. 66–71.

2. Техническая реконструкция народного хозяйства СССР в первой пятилетке: [сборник] / Под ред.: Е.Л. Грановского [и др.]. М.; Л. : Соцэкгиз, 1934. 392 с.

3. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда: очерки и этюды. М.: Вопр. труда, 1925. 224 с.

4. Труд в СССР: экон.-стат. справ. / Под ред.: З.Л. Миндлина, С.А. Хейнмана. Л.: Гос. экон. изд.; М.: 1 тип. НКПС в М., 1932. 182 с.

5. Труд в СССР: [экон.-стат. справ. до 1931 г. / Ред. И.В. Сергиевский]. [М.: 1-я тип. НКПС, 1932]. 182 с.

6. О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки за 1941 год: постановление Совета Нар. Комиссаров Союза ССР, 10 апр. 1942 г. // Правда. 1942. 11 апр. С. 1.

7. Политическая экономия: Учебник / Ред.: К.В. Островитянов [и др.]. М.: Госполитиздат, 1954. 638 с.

8. Пашков А.И. Экономический закон преимущественного роста производства средств производства. М.: Госпланиздат, 1958. 232 с.

9. Пашкевич Б.В. О материальном стимулировании труда. Минск: Изд-во АН БССР, 1962. 105 с.

10. О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства: постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР, 4 окт. 1965 г., № 729 // Собр. постановлений и распоряжений Правительства Союза Совет. Социалист. Респ. 1965. № 19/20. Ст. 153.

11. Абалкин Л. Сущность, структура и актуальные проблемы совершенствования хозяйственного механизма // Экон. науки. 1978. № 8. С. 33–44.

12. Патон Б.Е. и др. Управление НИОКР: исследования, разработки, внедрение / Под ред. В.А. Трапезникова. М.: Экономика, 1979. 221 с.

13. Гатовский Л.М. Экономические проблемы научно-технического прогресса. М.: Наука, 1971. 374 с.

14. Львов Д.С. и др. Совершенствование хозяйственного механизма / Под ред. П. Г. Бунича. М.: Экономика, 1976. 230 с.

15. Научно-технический прогресс и материальное стимулирование труда: сб. науч. тр. / Науч.-исслед ин-т труда; редкол.: Н.А. Сафронов (пред.) [и др.]. М.: НИИтруда, 1984. 134 с.

16. Веселков Ф., Горбатов Б. Об оценке работы объединений (предприятий) в зависимости от степени интенсификации производства // Эконом. науки. 1978. № 7. С. 32–39.

17. Бижанова М.И. Механизм стимулирования научно-технического прогресса. М.: Мысль, 1981. 181 с.

18. О мероприятиях по повышению эффективности работы научных организаций и ускорению использования в народном хозяйстве достижений науки и техники [Электронный ресурс]: постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР, 24 сент. 1968 г., № 760 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/901984812 (дата обращения: 20.06.2023).

19. Методы измерения и стимулирования роста производительности труда: [материалы конф.] / Акад. наук СССР, Ленингр. сектор Ин-та экономики, Ленингр. фил. Науч. совета Акад. наук СССР по комплекс. проблеме «Науч. основы хозрасчета»; Под ред. А.В. Сигиневича, Б.И. Табачникаса. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 188 с.

20. Вопросы совершенствования хозрасчетных отношений в СССР / Акад. наук СССР, Ин-т экономики; отв. ред. Р.А. Отсасон. М.: Наука, 1976. 199 с.

21. Любимов В.Д. Ускорение технического прогресса в машиностроении. М.: Знание, 1977. 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер.: Промышленность. № 2).

22. Милюков А.И. Механизм стимулирования роста эффективности труда. М.: Экономика, 1977. 151 с.

23. Труды международной конференции «Моделирование экономических процессов», Ереван, [15–20] апр. 1974 г. / Вычислит. центр Акад. наук СССР, Вычислит. центр Акад. наук Арм. ССР. М.: ВЦ АН СССР, 1975. 380 с.

24. Канторович Л.В., Горстко А.Б. Оптимальные решения в экономике. М.: Наука, 1972. 231 с.

25. XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза: 30 марта – 9 апр. 1971 г.: стеногр. отчет: в 2 т. М.: Политиздат, 1971. Т. 1. 599 с.

26. В.И. Голиков и др. XXV съезд КПСС о путях дальнейшего повышения эффективности и качества труда / Отв. ред. В.И. Голиков. Киев: Наук. думка, 1978. 194 с.

27. Стародубровский В.Г. и др. Совершенствование хозрасчетного механизма развития производства / Под ред.: В.Г. Стародубровского, Р.А. Отсасона. М.: Экономика, 1978. 247 с.

28. Милюков А.И. Поощрительные фонды на предприятии: (проблемы образования и использования). М.: Экономика, 1974. 239 с.

29. О широком распространении новых методов хозяйствования и усилении их воздействия на ускорение научно-технического прогресса: постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, 12 июля 1985 г. М.: Политиздат, 1985. 31 с.

30. Петухов А.И. Эксперимент в пищевой промышленности: опыт, проблемы. Минск: Беларусь, 1986. 78 с.

31. Астафьев В.Е. Экономический эксперимент в электротехнической промышленности. М.: Энергоатомиздат, 1984. 111 с.

32. Повышение эффективности производства: в 3 т. / Ин-т экономики пром-сти; редкол.: Н.Г. Чумаченко (отв. ред.) [и др.]. Киев: Наук. думка, 1983–1990. Т. 2: Планирование и стимулирование технического развития предприятий / З.П. Коровина [и др.]. 1990. 227 с.

33. Поварич И.П., Прошкин Б.Г. Стимулирование труда. Системный подход / Отв. ред. Ф.М. Бородкин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. 193 с.

34. Шапиро Б.М. Агропромышленный комплекс в условиях перехода к рынку / Под общ. ред. Б.М. Шапиро, В.Г. Гусакова. Минск: Армита-Маркетинг: Менеджмент, 1997. 275 с.

35. Никитенко П.Г. Интенсификация производства и фондоемкость продукции. Минск: Беларусь, 1981. 127 с.

36. Тарасов В.И. Ценообразование: Учеб. пособие. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2006. 316 с.

37. Байнев В.Ф., Саевич В.В. Переход к инновационной экономике в условиях межгосударственной интеграции: тенденции, проблемы, белорусский опыт / Под общ. ред. В. Ф. Байнева. Минск: Право и экономика, 2007. 178 с.

38. Лученок А.И. Экономические стимулы использования оборотных средств в промышленности / Под ред. В.И. Клецкого. Минск: Наука и техника, 1984. 118 с.

39. Пелих С.А. и др. Экономический механизм развития предприятия: Учеб. пособие: в 2 ч. / Под общ. ред. С.А. Пелиха, Е.С. Русак. Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2006. Ч. 1: Экономические методы, рычаги и стимулы. 311 с.

40. Абрамов И.М. Стимулирование научных работников за создание новой техники / Науч. ред. З.И. Гиоргидзе. Минск: Наука и техника, 1983. 123 с.

41. Об учреждении премий имени В. И. Ленина за научные работы [Электронный ресурс]: постановление Совета Нар. Комиссаров, 23 июня 1925 г. // Летопись Московского университета. Режим доступа: http://letopis.msu.ru/content/postanovlenie-snk-sssr-o-leninskih-premiyah. (дата обращения: 13.06.2023).

42. Первые лауреаты премий им. В.И. Ленина // Вестн. Акад. наук СССР. 1967. № 6. С. 75–83.

43. Прокопович С.Н. Заработная плата рабочих [Электронный ресурс] // Народное хозяйство СССР: [в 2 т.]. Нью-Йорк, 1952. Т. 2, гл. 8. Режим доступа: https://istmat.org/node/48223 (дата обращения: 23.02.2023).

44. «…Наградить ученых, инженеров, конструкторов за выполнение спецзадания правительства». Воспоминания М.П. Дьячковой об истории дачного поселка ученых-ядерщиков. 1950–2005 гг. // Отеч. архивы. 2009. № 3. С. 82–93.

45. О премировании профессора Спасокукоцкого и профессора Очкина: постановление Совета Нар. Комиссаров, 8 марта 1939 г., № 277 // Собр. постановлений Правительства Союза Совет. Социалист. Респ. 1939. № 16. Ст. 108.

46. Об увековечении памяти В.П. Чкалова: постановление Совета Нар. Комиссаров, 27 дек. 1938 г., № 1357 // Собр. постановлений Правительства Союза Совет. Социалист. Респ. 1939. № 2. Ст. 2.

47. Об учреждении премий и стипендий имени Сталина: постановление Совета Нар. Комиссаров, 20 дек. 1939 г., № 2078 // Собр. постановлений Правительства Союза Совет. Социалист. Респ. 1940. № 1. Ст. 6.

48. Сталинские премии: справочник / Сост. Н.С. Шерман. М.: Совет. наука, 1945. 177 с.

49. Об учреждении премий имени Сталина по литературе: постановление Совета Нар. Комиссаров, 1 февр. 1940 г., № 178 // Собр. постановлений Правительства Союза Совет. Социалист. Респ. 1940. № 3. Ст. 89.

50. Статистическая таблица ЦСУ СССР «Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства СССР в 1940, 1945, 1950–1955 гг.» [Электронный ресурс] // Советская жизнь, 1945–1953: [сборник / Сост.: Е.Ю. Зубкова и др.]. М., 2003. Режим доступа: https://istmat.org/node/18454. (дата обращения: 23.02.2023).

51. О порядке присуждения премий имени Сталина за выдающиеся работы в области науки, военных знаний, изобретательства, литературы и искусства: постановление Совета Нар. Комиссаров, 25 марта 1940 г., № 400 // Собр. постановлений Правительства Союза Совет. Социалист. Респ. 1940. № 7. Ст. 207.

52. О порядке выдачи Сталинских премий: постановление Совета Нар. Комиссаров, 26 марта 1941 г., № 686 // Собр. постановлений Правительства Союза Совет. Социалист. Респ. 1941. № 11. Ст. 177.

53. Об установлении звания «Лауреат Сталинской премии»: постановление Совета Нар. Комиссаров, 26 марта 1941 г., № 685 // Собр. постановлений Правительства Союза Совет. Социалист. Респ. 1941. № 11. Ст. 176.

54. О присуждении Сталинских премий по науке, искусству и литературе: постановление Совета Нар. Комиссаров, 20 дек. 1940 г., № 2600 // Собр. постановлений Правительства Союза Совет. Социалист. Респ. 1940. № 32. Ст. 812.

55. О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки : постановление Совета Нар. Комиссаров, 13 марта 1941 г., № 526 // Собр. постановлений Правительства Союза Совет. Социалист. Респ. 1941. № 10. Ст. 157.

56. О присуждении Сталинских премий за выдающиеся изобретения: постановление Совета Нар. Комиссаров, 14 марта 1941 г., № 536 // Собр. постановлений Правительства Союза Совет. Социалист. Респ. 1941. № 10. Ст. 160.

57. О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы: постановление Совета Нар. Комиссаров, 15 марта 1941 г., № 558 // Собр. постановлений Правительства Союза Совет. Социалист. Респ. 1941. № 10. Ст. 163.

FINANCIAL STIMULATION OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL ACTIVITIES OF THE SOVIET STATE (pre-war period)

A.V. Kozlov

State Research and Production Association
«Scientific and Practical Center of the National Academy of Sciences of Belarus for Materials Science»,
Minsk, Republic of Belarus

The aim of the article is to systematize the practice to financial stimulation for scientific and technological activity in the Soviet period. In the course of the study a complex approach was used, combining such methods of scientific knowledge as observation, comparison, analysis and synthesis, historical method. The obtained results indicate that the financial stimulation in the Soviet period were paid considerable attention, and it was reflected in the breakthrough discoveries and technical progress. It is reasonable to use the mentioned experience to stimulate scientific-technical activity at the present time, as well as to improve the organizational-economic mechanism of innovation activity in the Russian Federation and the Republic of Belarus.

Keywords: financial stimulation, scientific and technological activity, scientific and technological progress, Union of Soviet Socialist Republics (USSR), State Prizes, Lenin Prizes, Stalin Prizes.

УДК 657
DOI 10.52452/18115942_2023_3_32

ИНТЕГРИРОВАНИЕ УЧЕТНО-КАЛЬКУЛЯЦИОННОГО МЕТОДА «ТАРГЕТ-КОСТИНГ» В СИСТЕМУ КОРПОРАТИВНОГО МЕНЕДЖМЕНТА ПРЕДПРИЯТИЯ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

© 2023 г.

И.Е. Мизиковский

Мизиковский Игорь Ефимович, д.э.н., проф.; заведующий кафедрой бухгалтерского учета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
core090913@gmail.com

Статья поступила в редакцию 05.06.2023
Статья принята к публикации 25.07.2023

Формирование системы устойчивого развития предприятий реального сектора экономики требует значительного реформирования информационно-инструментального пространства корпоративного управления, в том числе в сфере учетно-калькуляционной работы. В связи с этим обновление методов учета затрат и калькулирования себестоимости продукции, адекватных требованиям эффективного управления расходами и их результатами, является одним из стратегически важных направлений поиска решений по повышению продуктивности потребления ресурсов в потоке создания ценности промышленным предприятием. Целью исследования является структуризация набора приемов и способов, обеспечивающих существенное снижение рисков возникновения дисбаланса соотношения «затраты – результаты», приводящего к оттоку экономических выгод машиностроительного предприятия; задачей – обоснование и выбор учетно-калькуляционной методики, ее интеграция в информационное пространство корпоративного менеджмента. В основе исследования лежат методы, связанные с применением системного подхода и комплексного анализа; наблюдения, систематизации, измерения, формализации и графической визуализации; декомпозиции и агрегирования данных. Автором предложено использование метода «таргет-костинг» в рамках разработанной схемы планирования себестоимости продукции, направления снижения затрат на производство.

Ключевые слова: таргет-костинг, целевые затраты, прибыль, рентабельность, себестоимость, промышленное предприятие, нормированные затраты, корпоративное управление.

Введение

Эффективное управление производственными ресурсами представляет собой сложно структурированную совокупность процессов, интегрированных в единое информационно-инструментальное пространство корпоративного менеджмента хозяйствующего субъекта. Конфигурация данного пространства определяется содержанием поставленных бизнес-задач и зависит от возможностей предприятия по их практической реализации, в том числе от продуктивности применяемых приемов и способов производственного планирования. Проведенные исследования на ряде промышленных предприятий г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области позволили сделать вывод о том, что, к сожалению, формирование плановых калькуляций имеет ряд недостатков:

– данный процесс осуществляется на стадии производства продукта, а не при планировании хозяйственного процесса;

– вносимые в них коррективы зачастую не имеют убедительного технико-экономического обоснования;

– используются приблизительные расчеты, приводящие в том числе к неточностям внутреннего ценообразования.

Перечисленные негативные факторы многократно усиливаются на фоне имеющего место тренда роста себестоимости производства и снижения операционной прибыли (рис. 1)[1].

Планирование себестоимости продукции «изначально представляет собой задание по себестоимости отдельных изделий, услуг, работ, определенное путем расчета затрат по отдельным статьям расходов на основе плановых норм, трудовых затрат, расхода материалов, топлива, энергии, использования оборудования и с учетом проведения строгого режима экономии расходов по управлению и обслуживанию производства» [1]. В [2] отмечается, что в основе составления плановых калькуляций, наряду с нормами, должны учитываться «действующие оптовые цены и тарифы на их …доставку (потребителю. – *И.М.*)». Данный постулат, безусловно, создает прочную методологическую основу для ориентирования калькуляционного процесса на ценовые параметры рынка, что достигается путем использования метода «таргет-костинг», нашедшего широкое применение в

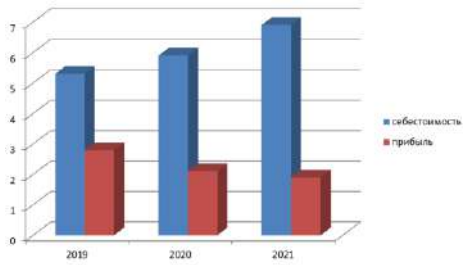

Рис. 1. Динамика себестоимости производства и прибыли исследуемых предприятий
Источник – исследование автора

зарубежных учетно-калькуляционных практиках корпоративного менеджмента [3–5].

Стратегическая значимость использования данного метода в корпоративном управлении подчеркивается известным российским ученым А.Ю. Соколовым, полагающим, что применение данного инструмента «предусматривает оптимизацию затрат на этапе проектирования продукта исходя из потребностей рынка» [6]. В своей монографии [7, с. 344] он пишет, что посредством данного метода формируются «предполагаемые затраты на производство нового продукта, генерирующие целевую прибыль и тем самым устанавливающие цену, приемлемую для потребителя». В другой работе [8, с. 69–70] А.Ю. Соколов позиционирует «таргет-костинг» как «способ управления затратами, направленный на достижение целевых затрат на новый продукт». Приведенная в [8] схема пошаговой реализации рассматриваемого инструмента предполагает планирование цены «еще не разработанного продукта», исчисление плановой величины прибыли от его продаж, калькулирование целевых затрат на продукт как разности плановой цены и целевой прибыли, проектирование продукта с учетом объема целевых затрат.

Авторы [9], разделяя позицию А.Ю. Соколова, несколько уточняют, что калькулирование целевых затрат на продукт производится путем вычитания «желаемой маржинальной прибыли из конкурентоспособной рыночной цены». В [10] подчеркивается, что «целевая себестоимость – это разница между величиной выручки по результатам проведенных исследований определения желаемой цены и объемов продаж и требуемыми значениями финансовых результатов». Аналогичных позиций по данному вопросу придерживаются авторы [11–18]. Безусловно, согласованность затрат на производство и результатов продажи продукции, предусмотренная на этапе планирования себестоимости, позволит в значительной степени снизить коммерческие риски. Вместе с тем не требует доказательств необходимость адаптации концепции целевого калькулирования к особенностям конкретных хозяйствующих субъектов, в частности исследуемых предприятий с дискретным, мелко- и среднесерийным типом производства, что явилось целью статьи. Соответственно, в задачи вошли обоснование выбора калькуляционной методики, ее интеграция в информационное пространство корпоративного менеджмента.

Теоретико-методологические подходы

Теоретико-методологическая база представленного в статье исследования основана на диалектических принципах: движения от абстрактного к конкретному; объективности исследования во всех связях и отношениях; в развитии и изменении, а также синергетического принципа. Применение системного и структурно-функциональных подходов в сочетании с комплексным, всесторонним анализом предметной области позволило продуктивно использовать совокупность методов эмпирического (наблюдения, систематизации, измерения, графической визуализации) и теоретического (формализации, декомпозиции и агрегирования данных) видов исследования.

Результаты

Инкорпорирование результатов ценообразования в сложную ткань учетно-калькуляционного процесса, осуществляемого методом «таргет-костинг», предполагает использование максимально выверенного, рыночно обоснованного значения цены Ci-го продукта, выявленного путем проведения комплексного маркетингового исследования. Другим немаловажным исходным показателем исчисления целевых расходов CR на производство данного изделия является плановая рентабельность $ROCSi$ его продажи, формируемая на основании результатов анализа (диагностики) финансового положения предприятия и утверждаемая руководством хозяйствующего субъекта. По существу, CRi представляют собой стоимостный лимит расходования ресурсов, рассчитываемый по формуле (1):

$$\mathrm{CR}i = \frac{\mathrm{C}i}{ROCSi}. \quad (1)$$

Следующим шагом производится сопоставление CRi и нормативной себестоимости продукта NRi (2), отрицательное значение которого показывает сумму Si, на которую необходимо снизить последний показатель

$$\mathrm{S}i = \mathrm{CR}i - \mathrm{NR}i. \quad (2)$$

Процедура снижения нормированных издержек на изготовление продукта i требует комплексного технико-экономического анализа

его конструкционных особенностей, критерием которого является степень экономичности потребления ресурсов. Результаты данного анализа позволяют количественно представить величину S*i* в разрезе *j*-х целевых SCR*ij* и нормативных SNR*ij* калькуляционных статей затрат:

$$NS_i = \sum_{j=0} (SCR_{ij} - SNR_{ij}). \quad (3)$$

Расчет показателей ресурсоемкости и соотношение полученных результатов позволяет выявить направления снижения нормированных расходов в разрезах прямых материальных, прямых трудовых и косвенных издержек. Одним из таких показателей является коэффициент материалоемкости M*i*:

$$M_i = \frac{MR_i}{NR_i}, \quad (4)$$

где MR*i* – материальные ресурсы, используемые по норме на изготовление *i*-продукта.

Согласно оценке специалистов исследуемых хозяйствующих субъектов, для их предприятий значение M*i* не должно превышать 0.55; рассчитываемые по аналогичной формуле значения коэффициентов косвенных затрат – 0.12, прямых трудовых – не менее 0.45.

Практика корпоративного управления показывает, что пересмотр норм расходования ресурсов всегда является трудным, нередко «болезненным» процессом, требующим значительных усилий как со стороны менеджмента хозяйствующего субъекта, так и специалистов – технологов, конструкторов, маркетологов и т.п. По мнению автора, методологической основой данного процесса являются ГОСТ Р 52104-2003 «Ресурсосбережение» [19] и ГОСТ Р 57524-2017 «Бережливое производство. Поток создания ценности» [20]. Так, исходя из этих источников, среди решений по снижению материальных затрат на изготовление продукции, релевантных экономико-организационным особенностям исследуемых предприятий, необходимо отметить: «применение рациональных сортаментов и марок материалов; использование продуктивных способов получения заготовок; внедрение методов и режимов упрочнения деталей; реализация средств, позволяющих повысить ресурс изделия; инкорпорирование в поток создания ценности малоотходных и безотходных технологических процессов; разработку рациональной компоновки изделия, обеспечивающей сокращение расхода материала при монтаже вне предприятия-изготовителя; формирование научно обоснованных запасов прочности металлоконструкций посредством типовых методов расчетов и испытаний изделия» [19] .

Основными векторами снижения норм прямых трудовых расходов исследуемых предприятий являются: расположение «оборудования и инструмента таким образом, чтобы каждый работник мог легко их найти, использовать и возвращать на место после использования» [21]; сокращение интервалов времени внутреннего перемещения заготовок, узлов, деталей, полуфабрикатов; размещение «предметов для выполнения производственного процесса или работы… чтобы минимизировать количество перемещений персонала во время работы» [22]. Пересмотр норм издержек труда основных производственных рабочих должен осуществляться в аспектах снижения потерь продуктивного рабочего времени, вызванных простоями работников в ожидании последующей операции, необходимых материалов или информации; устранения операций, не добавляющих (в некоторых случаях снижающих) ценность продукта; улучшения условий труда.

Уменьшение удельных норм косвенных затрат, отражаемых в NR*i*, зависит во многом от разумного наращивания объемов производства, безусловно, сбалансированного с динамикой спроса [23]. Другим, не менее важным способом является конвертирование отдельных статей в прямые расходы, поскольку мероприятия по сокращению уровня последних, как показывает практика эффективного производственного менеджмента, реализовывать намного легче [24].

Скорректированное значение NR*i* позволяет сформировать плановую себестоимость PD производства *i*-го продукта исходя из востребованного рынком объема O*i* изготовления и реализации последнего:

$$PD_i = NR_i \times O_i. \quad (5)$$

Принципиальная схема формирования плановой себестоимости PD*i* исходя из целевых расходов методом «таргет-костинг» представлена на рис. 2.

Заключение

Устойчивое развитие современного предприятия реального сектора экономики во многом зависит от сбалансированности триады ключевых показателей операционной деятельности – прибыли, объемов производства и себестоимости продукции (работ, услуг). Гармонизация значений этих показателей возможна на основе применения эффективных инструментов корпоративного менеджмента, прежде всего в сфере учетно-калькуляционной работы. Одним из таких инструментов является исчисление плановой себестоимости продукции методом «таргет-костинг», осуществляемое на основе экономически обоснованного и технологически выверенного снижения нормированных затрат. Несмотря на определенные трудности в процессе

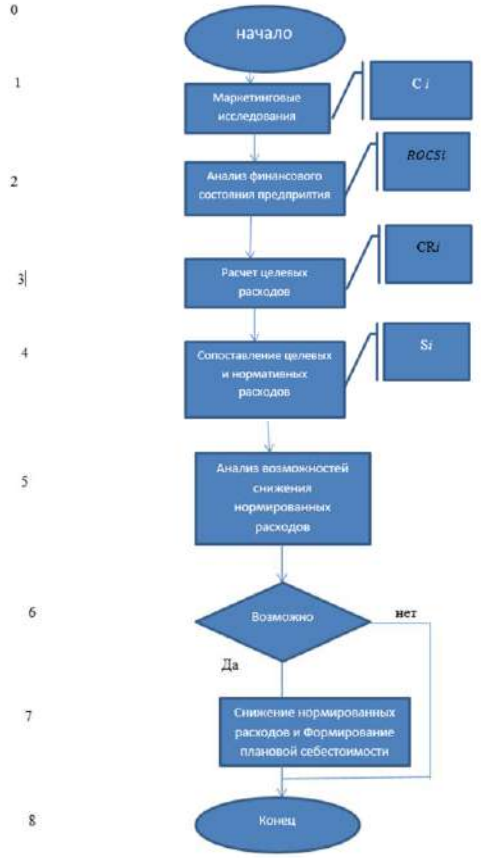

Рис. 2. Принципиальная схема формирования плановой себестоимости продукта производства, исходя их целевых расходов
Источник – разработка автора

поиска решений по корректировке последних, применение «таргет-костинг» позволяет значительно повысить рентабельность производственных издержек, тем самым повысить устойчивость и инвестиционную привлекательность бизнеса в сфере реального сектора экономики.

Примечание

1. Рассмотрены значения средних показателей операционной прибыли и себестоимости производства продукции на исследуемых предприятиях с 2019 по 2021 год включительно.

Список литературы

1. Миненко Б.И., Новодворский В.Д. Калькулирование продукции заготовительных производств в машиностроении. М.: Машиностроение, 1982. 184 с.

2. Белобородова В.А. и др. Калькуляция себестоимости продукции в промышленности: Учеб. пособие для вузов по спец. «Бух. учет, контроль и анализ хоз. деятельности» / Под ред. В.А. Белобородовой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 1989. 279 с.

3. Dekkera H., Smidt P. A survey of the adoption and use of target costing in Dutch firms // Int. J. Production Economics. 2003. **84.** P. 293–305.

4. Gagne M., Discenza R. Target costing // Journal of Business & Industrial Marketing. 1995. Vol. 10. № 1. P. 16–22.

5. Kádárová Ja., Teplická K., Durkácová M., Vida M. Target Costing Calculation and Economic Gain for Companies // Procedia Economics and Financ. 2015. Vol. 23. P. 1195–1200.

6. Соколов А.Ю. Философия JIT в современных системах управленческого учета затрат и результатов // Управленческое консультирование. № 10. 2019. С. 68–80.

7. Соколов А.Ю. Управленческий учет затрат: целевой подход. Казань: Изд-во Казанского гос. университета, 2007. 182 с. С. 344.

8. Соколов А.Ю. Управленческий учет накладных расходов. М.: Финансы и статистика, 2004. 448 с.

9. Управленческий учет: официальная терминология CIMA. Словарь терминов / Пер. с англ. О.Е. Николаевой, Т.В. Шишковой. М.: ИД ФБК-ПРЕСС, 2004. 200 с.

10. Коновалова Е.М., Мануковский Р.И., Титова Е.А. Актуальные проблемы калькулирования себестоимости услуг с использованием методик «таргет-костинг» и «кайзен-костинг» // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 6. С. 148–158.

11. Исхаков А.Т. Практическое применение системы целевой себестоимости («таргет-костинг») и «кайзен-костинг» в сельском хозяйстве // Вестник Казанского государственного финансово-экономического института. 2009. № 1 (14). С. 48–56.

12. Кузнецова Н.В., Олех М.В. Особенности применения методов «таргет-костинг» и «кайзен-костинг» в российской экономике // Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции «Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые и хозяйственные аспекты». Курск: Университетская книга, 2015. С. 170–173.

13. Катков Ю.Н., Никитина С.В. «Таргет-костинг» и «кайзен-костинг» в оптимизации затрат и калькулировании себестоимости продукции АПК // Бухучет в сельском хозяйстве. 2011. № 8. С. 29–35.

14. Зимакова Л.А., Костякова Ю.В. Отраслевые особенности применения системы таргет-костинг на хлебопекарных предприятиях // Актуальные вопросы экономических наук. 2010. № 12 (2). С. 21–26.

15. Смирнова Н. Таргет-костинг позволяет управлять себестоимостью // Консультант. 2006. № 7. С. 72–76.

16. Садриева Э.Р., Исхаков А.Т. Преимущества системы целевой себестоимости (таргет-костинг) в сельскохозяйственном производстве // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2008. № 1. С. 22–25.

17. Лоч М.В., Елгина Е.А. Современные тенденции развития управленческого учета: таргет-костинг и кайзен-костинг // Учет, анализ и аудит: проблемы теории и практики. 2011. № 6. С. 111–115.

18. Лапин Д.Р. Таргет-костинг в управлении стоимостью готовой продукции // Сибирская финансовая школа. 2016. № 2 (115). С. 131–134.

19. ГОСТ Р 52104-2003 Ресурсосбережение. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200032451 (дата обращения: 12.03.2022).

20. ГОСТ Р 57524-2017 Бережливое производство. Поток создания ценности. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200146135 (дата обращения: 12.03.2022).

21. ГОСТ Р 56407-2015 Бережливое производство Основные методы и инструменты. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200120649 (дата обращения: 13.03.2022).

22. ГОСТ Р 56906-2016 Бережливое производство. Организация рабочего пространства (5S). URL: https://docs.cntd.ru/document/1200133736?marker=7D20K3 (дата обращения: 13.03.2022).

23. Милошевская Е.В. Эффект масштаба производства: понятие, состав, количественное измерение // Общество и экономика. 2012. № 9. С. 35–47.

24. Антоненко И.Н. Принципы бережливого производства и организация ТОиР // Управление качеством. 2021. № 10. С. 26–33.

INTEGRATION OF THE ACCOUNTING AND CALCULATION METHOD «TARGET-COSTING» INTO THE CORPORATE MANAGEMENT SYSTEM OF AN ENTERPRISE IN THE REAL SECTOR OF THE ECONOMY

I.E. Mizikovsky

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The formation of a system of sustainable development of enterprises in the real sector of the economy requires significant reform of the information and instrumental space of corporate governance, including in the field of accounting and calculation work. In this regard, updating the methods of cost accounting and calculating the cost of production that are adequate to the requirements of effective cost management and their results is one of the strategically important areas of finding solutions to increase the productivity of resource consumption in the value stream of an industrial enterprise. The aim of the study is to structure a set of techniques and methods that provide a significant reduction in the risks of an imbalance in the cost-results ratio, leading to an outflow of economic benefits of a machine–building enterprise, in the task - the choice of accounting and calculation methods focused on market pricing; institutionalization of the proposed information and tools in the corporate practices of the enterprises under study. The research is based on methods related to the application of a systematic approach and complex analysis; observations, systematization, measurement, formalization and graphical visualization; data decomposition and aggregation. The use of the «target-costing» method proposed by the author within the framework of the developed production cost planning scheme, directions for reducing production costs.

Keywords: target-costing, target costs, profit, profitability, cost, industrial enterprise, normalized costs, corporate governance.

УДК 339.5
DOI 10.52452/18115942_2023_3_37

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТОРГОВЫЕ СТРАТЕГИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

© 2023 г.

М.С. Оборин

Оборин Матвей Сергеевич, д.э.н.; профессор кафедры экономического анализа и статистики Пермского института (филиала) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова; профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории Пермского государственного национального исследовательского университета; профессор кафедры менеджмента Пермского государственного аграрно-технологического университета им. ак. Д.Н. Прянишникова
recreachin@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 19.06.2023
Статья принята к публикации 21.07.2023

Актуальность темы обусловлена текущей геополитической ситуацией, когда осуществляются попытки международного сообщества неэкономическими методами повлиять на решение ряда сложных вопросов и дипломатических конфликтов. В статье рассмотрены проблемы, связанные с внешнеторговыми отношениями субъектов российского бизнеса. Исследованы перспективы развития системы глобального управления в мировой экономике в период активного противостояния санкциям, количество которых нарастает на фоне неблагоприятного геополитического давления. Рассмотрены основы многосторонних международных экономических и торговых взаимоотношений как результата управления глобальной экономикой. *Методы исследования*: общенаучные, включая анализ, синтез, логическое обобщение, эмпирический метод. *Цель статьи*: определение направлений стратегического развития торгово-экономических отношений во внешнеэкономической деятельности российских субъектов бизнеса. *Задачи исследования*: 1) анализ путей развития системы глобального управления в мировой экономике в период санкционной нагрузки; 2) рассмотрение проблем, связанных с внешнеторговыми отношениями субъектов российского бизнеса; 3) анализ динамики объема импорта товаров и услуг, поддерживаемых разными странами. В результате определены факторы, оказывающие влияние на внешнеэкономическую деятельность. Выявлено, что проблема понижения экспортных и импортных поставок является одной из главных в России с 2014 года, связана с санкционными мерами стран Европейского союза и США. Проведена классификация негативных факторов в рамках внешнеэкономической деятельности предприятий в России. Рассмотрены стадии формирования проблем в рамках сбыта продукции участниками внешнеторговой деятельности.

Ключевые слова: глобальное экономическое управление; санкционные противостояния; экономические санкции; санкционный режим; торговые отношения; международные экономические связи.

Введение

В условиях продолжающегося процесса экономической интеграции интерес представляют новые формы, методы и технологии внешнеэкономического сотрудничества с учетом трансформации торгово-экономических связей. Проблемы внешнеэкономической деятельности в современных литературных источниках раскрыты не в полной мере. Поэтому актуально выявить те факторы и причины, которые сдерживают развитие внешнеэкономической деятельности российского бизнеса, чтобы сформировать оптимальную институциональную среду адаптации к новой геополитической и макроэкономической реальности.

Стратегическая значимость внешнеэкономической деятельности для экономики страны обозначена в Государственной программе № 330 «Развитие внешнеэкономической деятельности». Данная программа одобрена постановлением Правительства Российской Федерации в 2014 году, где ключевые положения и задачи заключаются в следующем:

– укрепление значимости внешнеэкономической деятельности в социально-экономическом развитии страны с целью укрепления позиции России на мировом рынке;

– повышение к 2024 году объема экспорта несырьевых товаров до 250 млрд долларов и оказываемых услуг до 100 млрд долларов.

В раках реализации целей, обозначенных в данной государственной программе, предполагаются следующие достижения [1–3]:

– наиболее выгодная и совершенная среда для экономических взаимоотношений нашей страны на глобальном рынке и упрочение позиций России;

– расширение торгово-экономических отношений сотрудничества с европейскими странами, странами Азиатско-Тихоокеанского региона, СНГ, ЕАЭС, БРИКС и другими;

– развитие экспортной специализации на основе повышения объема несырьевых товаров и увеличение ассортимента продукции и услуг, предназначенных для экспорта;

– увеличение количества компаний по экспорту продукции вдвое к 2024 году в сравнении с 2014 годом;

– повышение позиций России по показателям международных взаимоотношений в рейтинге Всемирного банка к 2024 году;

– повышение торговых объемов несырьевой продукции и услуг в рамках взаимодействия со странами Евразийского экономического союза;

– создание эффективной системы содействия развитию и контроля внешнеэкономической деятельности, с учетом государственных интересов;

– повышение уровня отечественных лабораторий с целью обеспечения оценки соответствия российской продукции международным стандартам качества, формирование лабораторий с соответствующей лабораторной практикой GLP-уровня для оценки экспортируемых товаров;

– создание действенной подсистемы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности путем контроля ввоза-вывоза товаров, пересекающих границу страны, с оптимальной средой для деятельности субъектов внешнеэкономического процесса с соблюдением интересов стран – участников экономического и торгового взаимодействия.

Объект исследования – основы многосторонних международных экономических и торговых взаимоотношений в контексте глобального экономического управления.

Методы

Исследование проводилось на основе общенаучных методов, включая анализ, синтез, логическое обобщение, эмпирический метод.

Результаты и их обсуждение

По результатам международных торговых отношений в 2018 году, положительный рост индикатора внешней торговли достиг 70% по сравнению с прошлыми периодами, что в абсолютном выражении составило 194.4 млрд долларов [4].

При этом положительный рост отмечен в 2018 и 2017 году, и только на 7.7% выше в сравнении с 2014 годом, что обусловлено множеством проблем во внешнеэкономической деятельности страны. Их можно классифицировать на внешние и внутренние. Первая категория ограничений обусловлена макро- и микроэкономическими факторами, тогда как вторая связана с деятельностью государственных институтов управления и самих предприятий [5].

Таким образом, проблема понижения экспортных и импортных поставок, что является одной из главных проблем в России с 2014 года, связана с санкционными мерами стран Европейского союза и США.

В соответствии с данными, представленными на рисунке 1, самый активный спад экспорта и импорта был отмечен в 2015 году – 31.3 и 37.3% соответственно. В 2016 году объемы экспорта и импорта снизились максимально до 39.2% (рис. 1).

Санкции коснулись стратегически важных секторов экономики страны, преимущественно представленных промышленной и сырьевой специализацией [6, 7]. Также санкции затронули банковскую сферу, и отношения с отечественными банками, имеющими средства федерального правительства, местных органов власти и других государственных институтов, были приостановлены. Меры, введенные США, Международным валютным фондом и Всемирным банком, оказали негативное влияние на нашу страну и привели к минимальному доступу к долгосрочным займам, что, в свою очередь, увеличило стоимость импорта и экспорта, заметно сократив процесс внешнеэкономической деятельности [8].

Внешнеэкономическое взаимодействие зависит также от влияния [9, 10]:

– военно-политических конфликтов и угроз их обострения;

– отсутствия непротиворечивого законодательства и благоприятной правовой среды между странами, являющимися субъектами внешнеторговых отношений;

– устойчивого роста общего уровня цен на товары и услуги, ухудшения условий финансово-экономической политики, включая кредитование, инфляционное давление и нарастание напряжений на рынках труда, *изменения мировых цен* и ослабление рубля;

– изменения потребительских предпочтений, повышения спроса на отечественную продукцию;

– активного и стремительного развития научно-технических направлений на глобальных рынках, что обусловливает снижение потребления на внутреннем рынке.

Причины внутреннего характера, отграничивающие и сдерживающие процесс внешнеэкономических торговых отношений в России, включены в общую классификацию, которая отличается отсутствием системного государственного контроля и рядом факторов, непосредственно влияющих на экспортные и импортные процессы [11].

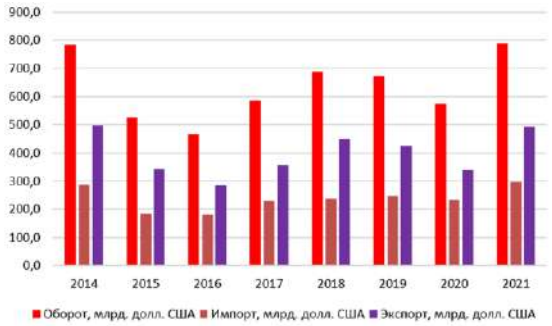

Рис. 1. Динамика разницы между стоимостью всех экспортированных и импортированных товаров и услуг в России, млрд долл. США[1]

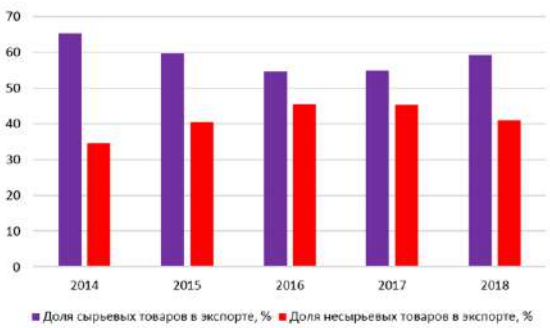

Рис. 2. Структура экспорта РФ[2], %

Таким образом, одной из ключевых проблем развития экспортной деятельности в нашей стране является отсутствие эффективной экспортной структуры, то есть преобладание высокой доли экспорта сырьевого товара, а не технологий, что существенно ослабляет позиции России в стратегической перспективе [12].

В общих чертах на долю экспортируемого ископаемого органического топлива в 2018 году приходилось 59.1%, в то время как на несырьевые товары доля экспорта составляла 40.9% (рис. 2).

Необходимо подчеркнуть очевидный факт, что в период с 2014 по 2018 год наблюдался положительный рост экспортируемых несырьевых товаров и сокращение экспорта товаров категории сырьевых, непосредственно связанный с санкционным режимом [13].

Среди проблем, связанных с торговлей ископаемым органическим топливом, – высокий уровень ценовой нестабильности, что в неблагоприятных рыночных условиях негативно сказывается на доходах страны [14]. Кроме того, развитию экспортной деятельности существенно препятствует низкий уровень государственной поддержки предприятий, чья деятельность направлена на экспорт выпускаемой продукции, в связи с тем, что у государства нет интереса содействия в этом направлении из-за высокой стоимости сырьевых товаров на глобальном рынке.

Так, деятельность субъектов внешнеэкономической деятельности ограничена внешними и внутренними факторами, которые влияют на развитие международных связей и рентабельность (таблица).

Далее рассмотрим те проблемы, которые вызывают резкий спад товарооборота в условиях экономических санкций. На рисунке 3 представлены ключевые стадии формирования сложностей, связанных со сбытом товаров, субъектов внешнеторговых отношений в розничной и оптовой сфере.

На первой стадии снижается уровень потребительского спроса в результате развития негативных факторов в национальной и мировой экономике. Спад продаж обусловлен неплатежеспособностью населения, что, в свою очередь, вызвано сокращением числа рабочих мест на предприятиях, несвоевременной выплатой оклада, проблемами с получением и возвратом займов [17]. Вторая стадия отличается спадом дохода от реализации продуктов в розничной сфере. Для субъектов розничной торговли снижение финансовых активов чревато затруднениями в возврате долговых обязательств по займам. Сложившаяся ситуация негативно влияет на то, что предприятия начинают сокращать сотрудников в связи с невозможностью выплаты заработной платы. Также у предприятия накапливаются долги перед другими контрагентами: за выплату по арендным обязательствам, проведению рекламных кампаний, продвижению продукции. В итоге розничные цены на товары падают и повышаются затраты на рекламную и маркетинговую деятельность. Для выхода из сложившейся ситуации субъекты розничной деятельности часть расходов переводят на предприятия, занимающиеся оптовой, при этом розничные торговцы ставят условия оптовикам снизить цены и продлить сроки оплаты по займам.

Наблюдается снижение оборачиваемости дебиторской задолженности и товарно-материальных запасов, в результате ухудшаются финансовые показатели оптово-торговой компании. Ряд негативных процессов формирует дополнительные проблемы с получением финансовых займов и их возвратом, что в дальнейшем сопровождается недостатком финансовых активов на обязательные расходы.

Проанализировав негативные процессы, обусловленные введением санкций, можно сделать вывод о значительном негативном влиянии на торговые отношения в России и внешнеэко-

Таблица

Системные ограничения внешнеэкономической торговой деятельности субъектов российского бизнеса*

Вид фактора		Характеристика
Внешние		– военно-политические угрозы; – отсутствие непротиворечивых правоотношений между странами, являющимися субъектами внешнеторговых отношений; – устойчивый рост общего уровня цен на товары и услуги, ухудшение макроэкономических условий ведения бизнеса, нестабильность мировых цен и ослабление рубля; – изменение потребительских предпочтений, повышение спроса на отечественную продукцию; – активное и стремительное развитие научно-технических направлений на глобальных рынках, что обусловливает снижение потребления на внутреннем рынке
Внутренние	Специфические	В рамках экспорта: – удельный вес экспорта в структуре внешней торговли существенно превышает долю импорта; – отсутствие соответствующей государственной поддержки предприятий, чья деятельность направлена на экспорт выпускаемой продукции; – отсутствие имплементации регламентов и стандартов национальной экономики и международной; – неэффективная политика управления качеством крупного российского бизнеса; – неэффективность установления импортных пошлин в рамках защиты отечественного производителя; – отсутствие оптимальных условий для получения займов для экспорта продукции; – несоответствующее разграничение полномочий по контролю внешнеэкономической деятельности на разных уровнях государственной структуры управления
		В рамках импорта: – проблемы, связанные с отсутствием сертификата соответствия товара, пропускаемого через таможенный контроль, а также после его производства
	Общие	– несовершенная налоговая политика; – высокий уровень издержек на реализацию внешнеэкономической деятельности в связи с отсутствием утвержденных регламентов по торговой деятельности; – ограничение предпринимательской деятельности, обусловленное жестким контролем

* Составлено на основе [15, 16].

номическую деятельность страны. На фоне высокой зависимости экономики России от внешнеэкономической торговли предприятиям, производящим материальные и нематериальные товары и услуги, необходимо разработать и реализовать собственную стратегию развития в рамках санкционного режима. Прямая зависимость отечественных предприятий от импорта высокотехнологичной продукции, современного оборудования и сырья вынуждает производителей в России замещать импортные товары товарами, произведенными внутри страны.

Для эффективной реализации процесса импортозамещения необходимо разработать комплекс адекватных мер, которые в краткосрочный период способствуют выводу субъектов бизнеса из кризисного положения и повышению уровня конкурентоспособности отечественного продукта.

Санкционные меры создают благоприятные условия для отечественных производителей, появляются новые возможности, перспективы роста и выхода на мировой рынок благодаря увеличению рынков сбыта для выпускаемой продукции. Это один из положительных факторов в рамках наложения санкций, когда отечественные предприятия начинают расширять и совершенствовать процесс своего производства.

При этом другие санкционные факторы носят негативный характер и осложняют деятельность предприятий в России, функционирующих как в розничной, так и оптовой сфере. Следовательно, субъектам предпринимательской деятельности в России при сложившейся ситуации требуется разрабатывать комплекс антикризисных мер с целью сохранения и развития своего производства, применяя меры экономической стратегии и промышленной политики государства, направленные на замену импорта промышленных товаров.

За последние несколько лет система международных экономических и торговых взаимоотношений отличается развитием процесса всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации, когда формируются тесные взаимосвязи субъектами экономической деятельности, финансовыми структурами, банками, государствами и иными субъектами.

Рис. 3. Стадии формирования проблем со сбытом продукции участников внешнеторговой деятельности (разработано автором)

Концепция международных экономических связей основана на системе отношений и взаимодействий национальных торгово-экономических комплексов, которые возникают в процессе производства, обмена и потребления экономического продукта субъектами хозяйствования при формировании и развитии торгово-экономических отношений, создании деловых партнерств и процессов интеграции.

В системе международных товарно-денежных отношений, складывающихся во внешней торговле стран мира товарами и ресурсами, формируются противоречивые ситуации, заключающиеся в столкновении интересов нескольких стран. Для решения спорных вопросов и недопущения конфликтов между странами была сформирована Всемирная торговая организация.

В настоящее время основной проблемой мирового сообщества является противостояние факторам внешнеторговой политики государства, ориентированной на временное ограничение ввоза импортных и поддержку производства и реализации аналогичных национальных товаров и услуг внутри страны.

В современных реалиях ключевым фактором, активирующим развитие международных экономических отношений, является внешнеторговая деятельность субъектов экономических отношений. Что связано с необходимостью для предприятий находить для производимых товаров новые рынки и охватывать новые сегменты существующего рынка, расширять объемы производства и прибыли. Для национальной экономической системы это играет положительную роль, что отражено на повышении экономических показателей, характеризующих объём внешней торговли страны.

Таким образом, деятельность, связанная с регулированием экономических отношений страны с другими странами, – это ключевой фактор, определяющий стабильность макроэкономических показателей, влияющих на национальную экономическую безопасность.

Заключение

В настоящее время уровень нарастания проблемы влияния санкций на систему мирового экономического управления обусловлен тем, что неблагоприятное воздействие экономических санкций на финансирование инвестиционных проектов и торговую активность на площадках России и западных стран не соответствует современным условиям стадии процесса интернационализации экономической деятельности, коммерческих процессов и экономической интеграции. В связи с принятием ряда пакетов санкций против РФ в 2022 году возможны следующие негативные последствия:

1) существенное снижение уровня функции инвестиционного потенциала экономики Российской Федерации, ее отраслей экономики и хозяйствующих субъектов;

2) осложнение положения на российском финансовом кредитном рынке и введение усиленных мер денежно-кредитного контроля;

3) максимальный уровень падения курса российской валюты;

4) спад уровня предпринимательской деятельности и инвестиционной деятельности экономических субъектов;

5) разрыв старых внешнеэкономических и внешнеторговых отношений и положений таможенного контроля.

Также необходимо учитывать потенциальные негативные воздействия для аппарата мирового экономического управления, который не подготовлен в рамках наложения санкций к новым условиям экономического противоборства между Россией и Западом, а также стран Восточной Азии, Китая и Японии:

– расширение пакетов санкций противоречит нормам, утвержденным в сфере международно-

го контроля торгово-экономических отношений. Положения, указанные в кодексе Всемирной торговой организации, говорят о том, что у стран нет прав вводить дополнительные запреты и ограничения, применимые к товарам, перемещаемым через таможенную границу, что нарушает нормы свободной и конкурентной торговли на международных рынках. Таким образом, вводимые сегодня санкции отменяют нормы, обозначенные Всемирной торговой организацией;

– введенные санкции дезорганизуют разные внешнеэкономические и внешнеторговые отношения между странами, даже теми, которые в данных ограничениях участвуют пассивно. Россия, как и ряд многих стран, активно включена в международный торговый рынок, где мировой процесс, направленный на предоставление клиентам товаров или услуг, обеспечивает стабильную работу многих отраслей в мировой экономике.

Многостороннее международное взаимодействие в стабилизации международных торговых и экономических отношений заключается в формировании и развитии системы взаимосвязанных норм и принципов в защиту прав и интересов всех субъектов процесса, где товары и услуги являются предметом экономических и коммерческих отношений. В рамках формирования действенных механизмов и принципов стабилизации международной торговли стимулируется рост внешнеэкономической деятельности предприятий и стран, обеспечивается экономическое и технологическое развитие международного сообщества.

Примечания

1. Внешняя торговля России: итоги 2020 года. Режим доступа: Обзор внешней торговли России по итогам 2020 года: анализ показателей, что учитывать инвесторам (open-broker.ru) (дата обращения 10.10.2022).

2. Внешняя торговля России: итоги 2020 года. Режим доступа: Обзор внешней торговли России по итогам 2020 года: анализ показателей, что учитывать инвесторам (open-broker.ru) (дата обращения 10.10.2022).

Список литературы

1. Долматова В.Ю., Безуглова М.Н., Салман О.Ф. Влияние антироссийских санкций на экономику Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 2. С. 130–134.

2. Илиаев Н.И., Токмурзин Т.М. Основные макроэкономические показатели России в условиях санкций // Самоуправление. 2019. Т. 2. № 2 (115). С. 74–77.

3. Красовская Е.А. Принцип либерализации как фактор трансформации механизма международно-правового регулирования международной торговли услугами // Вестник науки. 2022. Т. 2. № 1 (46). С. 40–43.

4. Кириллов В.Н., Миллер Я.В. Глобальные цепочки создания стоимости в контексте новых вызовов развития мировой экономики // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 2. С. 86–97.

5. Смирнов Е.Н., Лукьянов С.А. Нестабильность международной торговли и подходы к оптимальному регулированию // Управленец. 2021. Т. 12. № 5. С. 21–31.

6. Гегечкори И.М. Экономические санкции против Российской Федерации и внешнеэкономическая безопасность: вызовы и угрозы // Аудиторские ведомости. 2022. № 1. С. 97–100.

7. Долгов С.И., Савинов Ю.А., Кириллов В.Н., Тарановская Е.В. Возможности противодействия санкциям в международной торговле // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 4. С. 36–54.

8. Абрамов Н.Р., Самигуллин Р.Р., Абрамова С.Р. Социально-экономические последствия санкционной политики как меры регулирования // Евразийский юридический журнал. 2022. № 10 (173). С. 524–525.

9. Гришин В.И., Домащенко Д.В., Константинова Л.В. и др. Жизнь после пандемии: экономические и социальные последствия // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2020. Т. 17. № 3 (111). С. 5–18.

10. Казанцев С.В. Влияние антироссийских санкций на экономическое развитие Российской Федерации // Развитие и безопасность. 2020. № 1 (5). С. 34–43.

11. Тимофеев И.Н. Сомнительная эффективность? Санкции против России до и после февраля // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 4 (116). С. 136–152.

12. Елистратова Е.Ю. Факторы риска экономической безопасности внешнеэкономической деятельности России // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 4 (82). Ч. 2. С. 12–16.

13. Ермаков А.Р., Ромашова И.Б., Дмитриева Н.Ю. Влияние «крымских» санкций на экономику России и борьба за их отмену // Государственный советник. 2019. № 3 (27). С. 116–127.

14. Чанышев Р.Н., Исанов И.Э. Феномен «санкционной войны» в системе современных международных отношений // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9. № 4 (29). С. 29.

15. Ларин С.Н., Соколов Н.А. Влияние экономических санкций на выбор стратегий развития российских предприятий // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. 2016. № 2. С. 226–230.

16. Сергеева О.Ю., Каримова А.А. Экономические последствия санкций для российской экономики // Вопросы экономики и управления. 2017. № 1. С. 134–137.

17. Меджидов З.У. Влияние коронавирусной инфекции на мировую экономику: социальные и экономические последствия // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2021. № 1 (44). С. 42–50.

GLOBAL TRADING STRATEGIES UNDER SANCTIONS

M.S. Oborin

Perm Institute (Branch) of the Plekhanov Russian University of Economics
Perm State National Research University
Perm State Agrarian and Technological University named after ak. D.N. Pryanishnikov

The relevance of this topic is due to the current geopolitical situation, when attempts are being made by the international community by non-economic methods to influence the solution of a number of complex issues and diplomatic conflicts. This article discusses the problems associated with foreign trade relations of Russian business entities. The prospects for the development of the global governance system in the world economy during the period of active opposition to sanctions, the number of which is growing against the backdrop of unfavorable geopolitical pressure, have been studied. The article considers the foundations of multilateral international economic and trade relations as a result of managing the global economy. Research methods: general scientific methods, including analysis, synthesis, logical generalization, empirical method. The purpose of the article is to determine the directions of the strategic development of trade and economic relations in the foreign economic activity of Russian business entities. Research objectives: 1) to analyze the ways of development of the global governance system in the world economy during the period of the sanctions load; 2) consider the problems associated with foreign trade relations of Russian business entities; 3) analysis of the dynamics of the volume of imports of goods and services supported by different countries. Results. The factors influencing foreign economic activity are determined. It was revealed that the problem of lowering export and import deliveries has been one of the main problems in Russia since the period of 2014, associated with the sanctions measures of the countries of the European Union and the United States. A classification of negative factors in the framework of the foreign economic activity of enterprises in Russia has been carried out. The stages of formation of problems in the framework of the sale of products by participants in foreign trade activities are considered.

Keywords: global economic governance; sanctions confrontation; economic sanctions; sanctions regime; trade relations; international economic relations.

УДК 332.1
DOI 10.52452/18115942_2023_3_44

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВЕКТОРНЫХ ОЦЕНОК И ГРАФОАНАЛИТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

© 2023 г.

А.М. Ситковский, О.А. Козлова

Ситковский Арсений Михайлович; младший научный сотрудник отдела геоурбанистики и пространственной демографии Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва
omnistat@yandex.ru
Козлова Ольга Анатольевна, д.э.н., проф.;
руководитель Центра исследований социоэкономической динамики Института экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург
kozlova.oa@uiec.ru

Статья поступила в редакцию 20.06.2023
Статья принята к публикации 26.07.2023

Динамика численности населения – совокупный итог социоэкономических процессов, происходящих на территории. Исследования детерминант демографического и миграционного поведения по-прежнему остаются актуальными. Их можно подразделить на социальные, экономические, экологические и др. Гипотеза исследования состоит в предположении, что факторы, влияющие на демографическое и миграционное поведение, определяются уровнем удовлетворенности или неудовлетворенности качеством жизни на определенной территории. Социологический инструментарий позволяет оценить социальные факторы, а также, косвенно, – экономические, экологические и пр. Цель исследования – выявить пространственные закономерности детерминант демографического и миграционного поведения. Предложено использовать векторные оценки предпочтений населения в качестве метода определения факторов, влияющих на перемещение населения и, следовательно, на трансформацию системы расселения. Данный метод позволяет достаточно точно определить неравенства в развитии территории, разницу в инфраструктурных условиях и качестве жизни по сравнению с другими территориями и среднерегиональным уровнем. Он также позволяет выявить области с наибольшей неоднородностью условий и качества жизни, кластеризовать муниципалитеты по схожим факторам неудовлетворенности. С целью всестороннего анализа многомерных социологических данных и выявления пространственных закономерностей векторов неудовлетворенности населения авторами использован малоизученный и относительно новый инструмент – построение лепестковой картодиаграммы. Дан обзор литературы по теме исследования, описана методика использования данного инструмента. Использованы данные социологического опроса населения Челябинской области об удовлетворенности условиями и качеством жизни. Даны оценки удовлетворенности и неудовлетворенности для жителей всей Челябинской области. Построена лепестковая картодиаграмма – векторы неудовлетворенности населения для всех 43 муниципальных образований Челябинской области.

Ключевые слова: система расселения, население, векторные оценки, геоинформационные методы, качество жизни, демографическое поведение, социологический опрос, муниципальные образования, регион.

Введение

Традиционные экономические оценки динамики развития территорий в последнее время подвергаются критике [1]. Их призваны заменить комплексные оценки качества жизни, которые являются более субъективными оценками самоощущения населения, нежели предшествующие попытки определить универсальные метрики статистических показателей. Как правило, в подобных случаях речь идет о векторных оценках условий и качества жизни, под которыми подразумевается оценка социально-экономических характеристик территории через социологический опрос населения или корректировка объективной социально-экономической динамики на индексы самооценок качества жизни населения [2]. Векторные оценки позволяют абстрагироваться от социально-экономической информации в случаях возрастания недоверия к ее качеству [3], а также сосредоточиться на более важных характеристиках, с точки зрения детерминант демографического и миграционного поведения. Подробнее с практикой применения векторных оценок можно ознакомиться в ранее опубликованных статьях [4–6].

Развитие инструментария демографических исследований связано, прежде всего, с использованием междисциплинарных подходов, заимствования инструментария из других наук, а также компьютерных методов обработки и визуализации больших объемов информации. Социально-экономические и демографические показатели, как правило, имеют территориальную

привязку, что обусловливает возможность заимствования инструментария геоинформатики. Визуализация и анализ таких данных носят междисциплинарный характер и имеют большой потенциал для модернизации в том числе современных геоинформационных методов анализа социологической информации. Совершенствование методики и инструментария исследований призвано помочь справиться с возникающей проблемой недостатка информации и некорректности формируемых оценок.

Система показателей, которая отражает мнение населения о качестве жизни (удовлетворенности условиями), может быть использована как главный определяющий фактор для оценки благосостояния общества – вектор неудовлетворенности населения. При изучении перспектив развития, учитывая необходимость удовлетворения социальных потребностей, на основе такой системы показателей определяются предпочтения и направления социально-экономического развития. Общее направление определяет приоритеты социальных преобразований, направленных на улучшение благосостояния населения, которое, в свою очередь, влияет на демографические и миграционные процессы.

Использование векторных оценок в социально-экономических и демографических исследованиях базируется на следующих основных положениях.

1. Оценка строится на основе опросов, в которых население выражает свое мнение о качестве жизни и условиях проживания, учитывая состояние общественного мнения. Эта информация является основой для определения общественных предпочтений и вектора приоритетов социально-экономического развития.

2. Конечная цель использования векторов неудовлетворенности населения как инструмента оценки качества жизни в экономических исследованиях – выявить проблемные сферы жизни территории, которые могут оказывать влияние на демографическое и миграционное поведение населения. Недостатки качества жизни, которые замечены населением, используются как индикаторы для выявления этих проблемных сфер.

3. Система показателей, определяющих вектор развития территории, может меняться в зависимости от специфических характеристик социального благополучия. В общем случае система показателей отражает такие аспекты социально-экономического мониторинга территорий, как здравоохранение, образование, комфортность среды проживания, коммунальные услуги, услуги связи, общественный транспорт, дороги, деятельность местной администрации.

Одним из актуальных инструментов визуализации разнонаправленной динамики служит лепестковая диаграмма, то есть графическое представление данных, которое помогает систематизировать информацию и отражать ее в виде круговых диаграмм, где каждый сектор отражает одну из категорий или понятий. Лепестковая диаграмма может использоваться для визуализации связей и зависимостей между различными категориями данных. Поскольку векторы неудовлетворенности являются сопоставимыми (доля от общего числа респондентов), при этом разнонаправленными, лепестковая диаграмма лучше всего подходит для их визуализации.

Во многом формирование динамики демографических и миграционных показателей зависит от пространственных особенностей территории. В России, где сложилась многоуровневая система управления территориями, многие исследовательские задачи не могут быть формализованы и визуализированы из-за их сложности. Муниципалитеты и населенные пункты являются сложными, неоднородными и специфическими пространственными объектами социально-экономических исследований. Решением данной задачи выступает применение геоинформационных методов визуализации и анализа векторов неудовлетворенности населения, объединенных с классическими методами представления данных. Объединение лепестковой диаграммы и картодиаграммы рождает лепестковую картодиаграмму, способствующую свежему взгляду на анализ социально-экономической, демографической и миграционной динамики территорий.

Обзор литературы

Использование лепестковой картодиаграммы является перспективным и малоизученным направлением развития инструментария анализа и визуализации сложных (разнонаправленных) пространственных данных. Исследование базируется на имеющихся наработках в области анализа и визуализации данных: построения лепестковых диаграмм и, отдельно, построения картодиаграмм. В синтезе двух этих методик в дальнейшем формируется метод построения лепестковой картодиаграммы.

Поскольку лепестковые диаграммы активно применяются в менеджменте и социологических исследованиях, методики их построения многосторонне представлены в зарубежной литературе, как правило, американских исследователей. Следует отметить наиболее авторитетные источники о сущности построения и использования лепестковых диаграмм.

1) Неизвестно, кто первым предложил лепестковую диаграмму, однако автором большинства известных нам диаграмм является Уильям Плейфэр – основатель графических методов статистики, который еще в XIX веке представил столбчатую и круговую диаграммы [7].

2) В современной литературе под лепестковой диаграммой чаще всего понимается определение, данное Робертом Л. Харрисом в 2000 г. в книге «Информационная графика: всеобъемлющий иллюстрированный справочник» Оксфордского университета [8]. В нем говорится, что лепестковая диаграмма – это граф, позволяющий лучше всего отразить разнонаправленные тенденции при единой шкале измерения данных.

3) «Сила инфографики: использование изображений для общения и связи с вашей аудиторией» Марка Смицикласа [9]. В этой книге 2012 г. представлены различные примеры продвинутой визуализации информации, в основном больших данных. Отдельно рассматривается представление данных в инфографике.

4) «Дизайн для информации: введение в историю, теории и лучшие практики эффективной визуализации информации» Изабель Мейреллес [10]. В этой книге 2013 г. развивается методология построения лепестковых диаграмм, выделяются новые типы лепестковых диаграмм, такие как лучевая (как «диаграмма-дерево», только вписанное в окружность), линейно-узловая, многомерная (3D).

5) «Визуализация данных: практическое введение» Кирана Хили [11]. Эта книга 2018 г. представляет подробное изложение всех актуальных способов визуализации данных, а также инструкции по их воплощению в средах программирования (таких, как Python и др.), включая лепестковые диаграммы и картограммы.

Среди актуальных научных публикаций, развивающих методологию построения лепестковых диаграмм, следует выделить следующие.

1) В своей статье Майкл Берч и др. [12] предлагают использовать цветовое шкалирование данных на лепестковой диаграмме. При таком подходе у них получается «тепловая карта» данных вкупе с векторным отображением значений.

2) Мануэла Вальднер и др. [13] в своем исследовании предпринимают попытку использовать лепестковую диаграмму для отображения цикличной временной шкалы (часов, суток или месяцев года) и приходят к выводу, что данный способ визуализации менее эффективен, чем обычное последовательное представление на временной шкале.

3) Шаолунь Руан и др. из Сингапурского института менеджмента [14] в своей статье критикуют лепестковые диаграммы для работы с большими данными и предлагают «график перехвата», новый визуальный дизайн для облегчения эффективного интерактивного сравнения изменений состояния (может быть использован только на компьютере).

4) Лепестковую диаграмму в объеме представили исследователи из Нью-Йорка [15]. Они назвали новый вид представления «виртуальным глобусом», который, по сути, является 3D-версией лепестковой диаграммы и позволяет отразить значительно большее количество значений, однако работать с ним можно только при помощи компьютера.

5) Миа Мактавиш и др. из Университета Калгари (Канада) [16] предлагают использовать заполнение в лепестковой диаграмме не от центра к краю (общепринятый варианта), а наоборот – от краев к центру. Кроме того, в исследовании представлена гистограмма, столбцы которой располагаются по часовой стрелке. Авторы настаивают на наличии определенных преимуществ их инновационного подхода.

Помимо лепестковых диаграмм для данного исследования большое значение имеет методология построения картограмм и картодиаграмм. Назовем основные труды зарубежных авторов по данной тематике.

1) «Как лгать при помощи карт» Марка Монмонье [17] – эта книга рассматривает способы использования карт для манипуляции и искажения информации. Автор описывает, как карты могут быть использованы для введения в заблуждение, а также предлагает рекомендации по анализу картографической информации.

2) «Тематическая картография и геовизуализация» Терри А. Слокама, Роберта Б. Макмастера, Фрица К. Кесслера и Хью Х. Ховарда [18] – представляет основные принципы и методы тематической картографии и геовизуализации. Книга охватывает различные техники и инструменты для создания аналитических карт, включая картодиаграммы, и рассматривает перспективы их применения в различных областях.

3) «Картография: дизайн тематических карт» Бордена Д. Дента и Джеффа Торгюсона [19] – сфокусирована на дизайне карт для отдельных сфер применения. Она представляет основы дизайна карт и включает примеры и рекомендации для создания эффективных картодиаграмм и других типов тематических карт.

4) «Создание карт: наглядное руководство по дизайну карт для ГИС» Джона Крайгера и Дениса Вуда [20] – эта книга предлагает практическое руководство по дизайну карт с использованием популярных геоинформационных систем. Включает советы по созданию легко чита-

емых и информационно наполненных карт, таких как картограммы и картодиаграммы.

5) «Картографический дизайн: карта как средство коммуникации» Гретхен Н. Петерсон [21]. Рассматривается картография как средство передачи информации. Представлены принципы дизайна карт, включая обоснование выбора цветовой схемы, композицию и использование различных типов символов и обозначений картсхем для создания понятных и информативных материалов.

В России основные труды в области картографического анализа данных и геоинформатики представлены В.Я. Цветковым [22–24] и А.В. Скворцовым [25]. Выделить ведущих специалистов в области разработки графоаналитических инструментов не представляется возможным. Однако научный инструментарий в области пространственного развития регионов и муниципальных образований, сочетающий в себе графоаналитические и картографические методы, активно разрабатывается уральским ученым С.С. Гордеевым [26, 27].

Единственным отечественным источником, который удалось обнаружить и который прямо содержит опыт моделирования и анализа лепестковой картодиаграммы, является статья С.А. Гурова [28]. В ней представлено сразу множество продвинутых типов представления многомерных данных на карте, помимо лепестковой картодиаграммы: круговая картодиаграмма (круговые диаграммы, рассредоточенные по карте), полукруговая картодиаграмма, картограмма-схема, карта изоцены и кластерная карта.

Представленный обзор литературы позволяет заключить, что отдельные компоненты методики формирования лепестковой картодиаграммы широко представлены в зарубежной литературе, значительно реже – в российской. Применение лепестковой картодиаграммы для анализа отечественной социально-экономической информации встречается единожды, что позволяет говорить о неполном раскрытии потенциала данного метода, а также о широких перспективах исследования его применения, помимо представленного анализа «регионального рынка жилья» С.А. Гурова [28].

Методология и методы исследования

В последнее время для поиска детерминант в исследованиях стали использовать специализированные и информационно адаптированные подходы, которые сочетают в себе эвристические методы анализа, такие как анализ графиков и математических моделей, с целью достижения максимальной представительности результатов и учета фактора доверия [29]. В процессе такого анализа используется визуализация данных, где графические материалы дополняются цифровыми оценками. В этих междисциплинарных исследованиях на стыке экономической географии, социологии и демографии классификация, основанная на формальных методах, совмещается с геоинформационными технологиями [30]. Такой информационно адаптированный эвристический подход подразумевает применение методологии «мягких систем» (soft systems methodology) [31] для поиска решений.

Одним из ключевых используемых методов данного исследования является следующий. Лепестковая диаграмма – это тип диаграммы, который используется для отражения сравнительных данных в круговом формате. Круг разделен на секторы, представляющие различные категории, и каждый сектор разбит на радиальные полосы, отражающие значения переменных. Каждая переменная представлена лепестком, который начинается от центра круга и продолжается до внешней границы сектора пропорционально значению переменной. Чтобы сравнить значения переменных между категориями, можно сравнивать длину лепестков, которые соответствуют каждой переменной.

Лепестковые диаграммы широко используются для визуализации данных в различных областях, включая бизнес-аналитику, научные исследования, социологию и маркетинг. Они позволяют быстро сравнивать значения переменных между категориями, а также идентифицировать тенденции и выбросы в данных. Для создания лепестковых картодиаграмм существует множество программ и инструментов визуализации данных, наиболее актуальными из которых являются Microsoft Excel, Tableau, Python и R.

Для создания лепестковой диаграммы необходимо определить категории или концепции, которые будут отражаться в виде секторов диаграммы. Затем каждый источник или концепция должен быть приписан к соответствующей категории. Каждый сектор лепестковой диаграммы может быть связан со ссылками на источники, которые подтверждают или объясняют соответствующую категорию. В данном исследовании используются однородные данные из одного источника для построения диаграмм.

Лепестковая картодиаграмма – это комбинация лепестковой диаграммы и картодиаграммы. Специфический тип визуализации, который позволяет отражать данные, связанные с географическими областями, с использованием лепестковой диаграммы в качестве символов на карте. В лепестковой картодиаграмме каждый

регион или область на карте представлен лепестковой диаграммой, состоящей из секторов, которые отражают значения разных переменных. Размер каждого сектора пропорционален значению соответствующей переменной. Лепестковая картодиаграмма используется для отражения нескольких переменных на одной карте.

Подготовка данных

Существуют различные подходы к оценке качества жизни населения территории с использованием векторных методов. В данном исследовании рассматривается концепция «вектора неудовлетворенности населения», которая отражает негативные оценки жителей территории в отношении различных сфер их жизни, выявляемые с помощью социологического исследования. Путем упорядочения этих сфер жизни по общей тематике формируется вектор неудовлетворенности, который позволяет выявить факторы, влияющие на демографическое поведение населения.

Актуальным остается вопрос надежного и своевременного источника социологической информации. В соответствии с «единой методикой мониторинга состояния и развития конкуренции на товарных рынках субъекта Российской Федерации» [32] в каждом субъекте РФ в обязательном порядке проводится опрос населения об удовлетворенности различными сферами жизни с разбивкой по муниципальным образованиям. Результаты данного опроса публикуются в сети Интернет на официальных интернет-порталах органов исполнительной власти муниципальных образований и регионов. Данное исследование проводится ежегодно и может считаться репрезентативным.

Перед формированием лепестковой картодиаграммы необходимо произвести общую оценку данных об удовлетворенности (неудовлетворенности) условиями и качеством жизни населения муниципалитетов: состоянием инфраструктуры и услугами социальной сферы. По своему содержанию это набор оценок, который характеризует долю населения с негативным восприятием существующих условий (процент не удовлетворенных условиями жизни) и отражает мнение населения по критичности ситуации. Результат подобной оценки может быть представлен в виде лепестковой диаграммы.

Основные моменты процедуры оценки, а также результаты, полученные с использованием технологий визуализации цифровой информации, представлены на рисунке 1 на примере Челябинской области по результатам опроса, проведенного в 2021 году [33]. Ежегодный опрос потребителей «об удовлетворенности качеством и ценами на рынках товаров и услуг» содержит свыше 300 вопросов. В отношении 40 сфер жизни задаются вопросы о качестве, уровне цен и возможности выбора. В исследовании векторов неудовлетворенности из трех перечисленных интерес представляют только оценки качества. Для каждого из трех вопросов респондентам предлагается ответить: «удовлетворен», «скорее удовлетворен», «скорее не удовлетворен», «не удовлетворен» и «затрудняюсь ответить». Вектор неудовлетворенности населения определяется как сумма ответивших «не удовлетворен» и «скорее не удовлетворен».

На рисунке 1 представлены ответы населения, отобранные для данного исследования и переименованные для удобства визуализации. Полный перечень сфер жизни в опросе и их наименования представлены в источнике [33]. Из представленной информации можно сделать вывод, что население наиболее озабочено сферой здравоохранения, которая организуется государственными или муниципальными органами управления. Почти 70% опрошенных выразили недовольство услугами в этой сфере. Вопросы качества медицинской помощи всегда связаны с ощущением безопасности и личного благополучия, и эти оценки могут быть одной из основных причин миграции. Кроме того, такие резкие негативные оценки непосредственно указывают на низкое качество системы здравоохранения в Челябинской области, что приводит к росту смертности и сокращению средней продолжительности жизни. Почти половина респондентов выразила недовольство и качеством сбора и обработки твердых коммунальных отходов. Наличие несанкционированных свалок ежедневно напоминает о необходимости покинуть территорию и влечет за собой экологические проблемы. Кроме того, почти половина населения не удовлетворена состоянием общего имущества во дворах многоквартирных домов, с чем они ежедневно сталкиваются. Более 40% населения не удовлетворены общественным транспортом внутри и между муниципалитетами. Проблемы в сфере общественного транспорта ограничивают мобильность населения, влияют на миграцию, структуру поселений и движение ресурсов между муниципалитетами.

В дополнение к векторам неудовлетворенности населения, которые отражают негативные демографические процессы, необходимо рассмотреть и векторы удовлетворенности населения, которые представляют позитивные процессы. Высокие уровни удовлетворенности населения в определенных сферах становятся конкурентными преимуществами территории,

Рис. 1. Векторы неудовлетворенности населения Челябинской области, 2021 (%)

Рис. 2. Векторы удовлетворенности населения Челябинской области, 2021 (%)

позволяющими сдерживать отток населения или, в некоторых случаях, привлекать его. В Челябинской области такими сферами являются сотовая связь и Интернет, школы и детские сады, системы тепло- и электроснабжения. Стоит отметить, что в целом векторы удовлетворенности более сдержанны (по соотношению оценок «удовлетворен» (в центре диаграммы) и «скорее удовлетворен» (ближе к краям)).

Обзор векторов удовлетворенности и неудовлетворенности населения всего региона позволяет дать общую оценку сложившейся ситуации. В контексте данного исследования, они позволяют сформировать среднерегиональные значения для выявления отклонений для муниципалитетов. В данном случае проводится анализ сравнения предпочтений между средними показателями для региона и конкретного муниципального образования, основанный на разнице процентного значения неудовлетворенности. Различия в предпочтениях (в отношении условий жизни) указывают на расхождение между общим региональным вектором неудовлетворенности и местным муниципальным вектором неудовлетворенности населения. Кроме того, представление подобных показателей на карте позволяет обнаружить закономерности в пространственном распределении векторов неудовлетворенности населения.

Результаты исследования

Для данного этапа исследования необходимы данные с разбивкой по муниципальным образованиям. Источником выступил опрос населения об эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления, унитарных предприятий и учреждений Челябинской области за 2021 год [34], который проводится ежегодно в соответствии с действующим законодательством и публикуется на официальных интернет-порталах органов исполнительной власти [35]. Были сформированы лепестковые диаграммы неудовлетворенности населения для каждого из 43 муниципальных образований Челябинской области. Они были распределены по карте, что позволило сформировать лепестковую картодиаграмму на рисунке 3. Обозначения: ГО – городской округ, МР – муниципальный район. Красным отмечены векторы неудовлетворенности жителей муниципального образования, синей заливкой – общий вектор неудовлетворенности для жителей области.

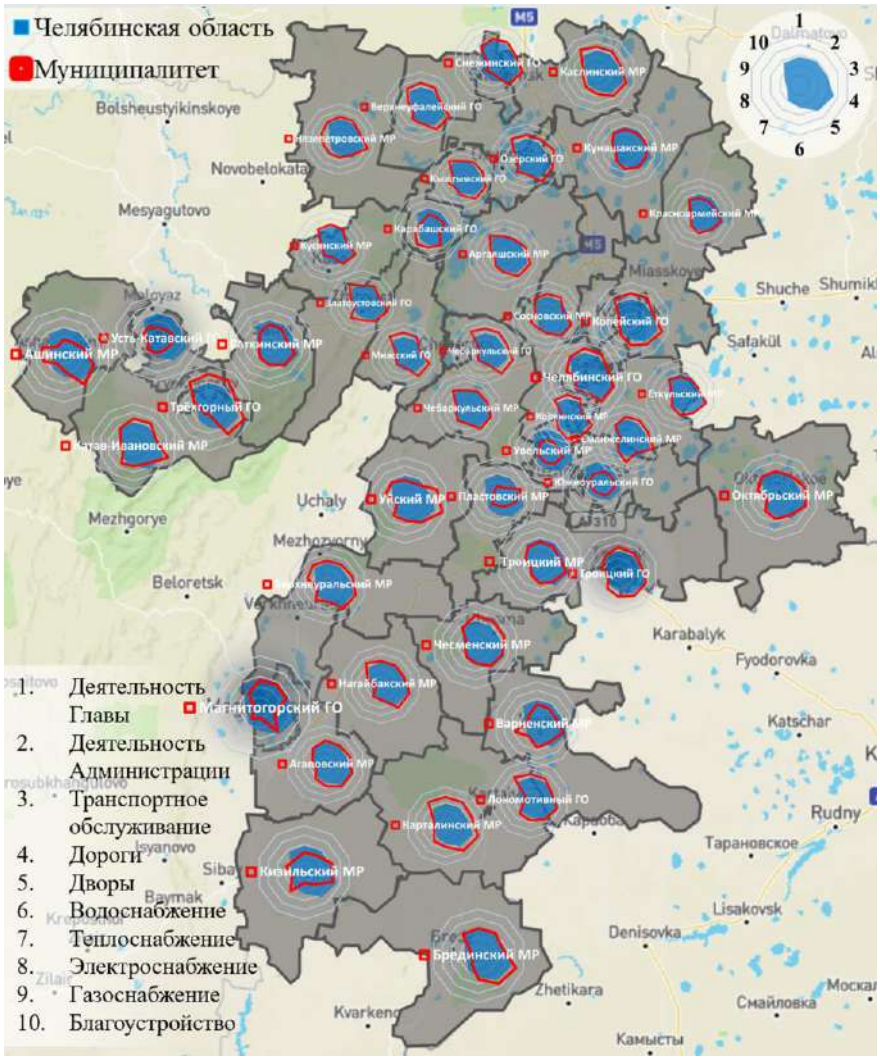

Рис. 3. Лепестковая картодиаграмма векторов неудовлетворенности населения в муниципалитетах Челябинской области, 2021 (%)

Подобное представление данных позволяет достичь следующих результатов.

1. Данное представление помогает определить специфические территориальные отклонения векторов от общерегиональных трендов, то есть факторы, влияющие на движение населения на территории. Более благоприятные векторы являются основой для развития территории, а негативные – причиной убыли населения. Например, в Карабашском городском округе население в целом более удовлетворено качеством жизни по большинству направлений, однако оно более критично оценивает водо-, тепло- и электроснабжение. Наоборот, в Трехгорном городском округе (ЗАТО) население более критично оценивает все сферы, кроме ресурсоснабжения.

2. Такое представление позволяет оценить степень удовлетворенности или неудовлетворенности населения территории в целом. Например, можно увидеть, что жители административного центра – города Челябинска не удовлетворены почти всеми сферами жизни больше, чем в среднем по региону, тогда как в Магнитогорске ситуация обратная – почти по всем направлениям неудовлетворенность населения значительно ниже среднерегиональной.

Подобное исследование помогает выделить группы территорий по схожести векторов неудовлетворенности, среди всех или сопредельных территорий. Например, население сопредельных Южноуральского городского округа, Увельского и Пластовского муниципальных районов в целом значительно менее критично оценивает условия своей жизни, чем жители всего остального субъекта РФ. Векторы сопредельных Верхнеуральского и Уйского муниципальных районов практически идентичны по форме, и в обоих случаях значения неудовлетворенности выше, чем в среднем для региона.

Если сравнить показатели естественного и миграционного движения населения с инфор-

Таблица

Численность и общий вектор удовлетворенности населения муниципальных образований Челябинской области (человек, % прироста)

Муниципальное образование	2011	2021	Прирост	Общий вектор
Агаповский муниципальный район	34590	32037	–7.4	–43.8
Аргаяшский муниципальный район	41059	40512	–1.3	–42.1
Ашинский муниципальный район	63898	55395	–13.3	70.6
Брединский муниципальный район	27858	23844	–14.4	9.3
Варненский муниципальный район	26782	24184	–9.7	50.1
Верхнеуральский муниципальный район	35848	32156	–10.3	–79.4
Еманжелинский муниципальный район	53099	47728	–10.1	–20.6
Еткульский муниципальный район	30758	29797	–3.1	–1.5
Карталинский муниципальный район	48797	44235	–9.3	–127.8
Каслинский муниципальный район	34240	29636	–13.4	–99
Катав-Ивановский муниципальный район	32627	27825	–14.7	–27.2
Кизильский муниципальный район	25463	20211	–20.6	81.2
Коркинский муниципальный район	63837	57281	–10.3	–70.5
Красноармейский муниципальный район	42480	42324	–0.4	49.7
Кунашакский муниципальный район	30073	27946	–7.1	29.1
Кусинский муниципальный район	28973	25292	–12.7	28.9
Нагайбакский муниципальный район	20415	17357	–15.0	–26.2
Нязепетровский муниципальный район	17883	15378	–14.0	–87.1
Октябрьский муниципальный район	20727	18215	–12.1	–35.9
Пластовский муниципальный район	25783	24530	–4.9	217.5
Саткинский муниципальный район	85244	75801	–11.1	70.7
Сосновский муниципальный район	62335	84596	35.7	–52.4
Троицкий муниципальный район	27822	23441	–15.7	47.1
Увельский муниципальный район	31627	31255	–1.2	209.1
Уйский муниципальный район	25663	21602	–15.8	–37.9
Чебаркульский муниципальный район	29642	29000	–2.2	–26.2
Чесменский муниципальный район	19928	17525	–12.1	–12.9
Челябинский городской округ	1143458	1179288	3.1	–61.7
Верхнеуфалейский городской округ	34371	29586	–13.9	–61.7
Златоустовский городской округ	175829	161813	–8.0	76.6
Карабашский городской округ	13001	10643	–18.1	–101.7
Копейский городской округ	140562	147074	4.6	–67.5
Кыштымский городской округ	41525	37829	–8.9	143
Магнитогорский городской округ	409593	411984	0.6	–52
Миасский городской округ	166179	164880	–0.8	–78.3
Троицкий городской округ	78089	72279	–7.4	183.3
Усть-Катавский городской округ	26635	23884	–10.3	–78.6
Чебаркульский городской округ	42114	41565	–1.3	–19.8
Южноуральский городской округ	37952	37381	–1.5	178

Источник: вычисления авторов на основе данных о численности населения базы данных муниципальных образований Росстата [36] и опроса населения об эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления, унитарных предприятий и учреждений Челябинской области за 2021 год [34].

мацией об уровне неудовлетворенности населения, можно заметить связь между сокращением числа жителей в областях с высокой степенью неудовлетворенности жизнью и стабилизацией или приростом населения в тех, где оценки более благоприятные. Стоит отметить, что субъективные оценки качества жизни не всегда совпадают с объективными (социально-экономическими) оценками условий жизни, но они всегда определяют демографическое и миграционное поведение.

В таблице представлена численность населения по всем муниципальным образованиям Челябинской области, за исключением трех

ЗАТО (Снежинский, Озерский и Трехгорный городские округа), так как данные для них отсутствуют в открытом доступе. В таблице отражен общий вектор оценок населения муниципалитета, вычисляемый как сумма отклонений от среднерегиональных значений по отдельным направлениям оценки, т.е. это среднее отклонение критичности от общерегиональной. Общий вектор позволяет определить усредненное отношение населения к своему месту проживания.

Прослеживается зависимость между общим вектором оценок населения и динамикой численности. Однако следует отметить, что в ряде случаев динамика численности населения определяется в большей степени пространственными характеристиками территории.

Во-первых, Челябинский и Копейский городские округа, являясь, по сути, Челябинской агломерацией, демонстрируют прирост населения при крайне высокой критичности. Объективно наиболее сильная экономика внутри региона позволяет достигать наилучших условий и качества жизни, вместе с тем увеличивая ожидания населения и, соответственно, критичность восприятия.

Во-вторых, население некоторых сельских территорий при относительно высокой удовлетворенности демонстрирует убыль. Из этого следует, что удовлетворенность условиями и качеством жизни сама по себе не является драйвером роста и при отсутствии экономической базы способна лишь сдерживать темпы сжатия.

В-третьих, территории, которые являются периферией Челябинской и Магнитогорской агломераций, при более высокой критичности демонстрируют рост численности населения, что обусловливается разрастанием ядра агломерации за пределы своих административно-территориальных границ.

В заключение стоит отметить, что не выявлено устойчивой корреляции между векторами неудовлетворенности (как общим, так и по отдельным направлениям), а также численностью населения, ее динамикой за разные временные интервалы, миграционным оттоком и притоком, сальдо миграции. Таким образом, векторы неудовлетворенности населения не являются исчерпывающим инструментом анализа демографических и миграционных тенденций территорий.

Обсуждение результатов и заключение

Векторные оценки по результатам социологического опроса, представленные в виде лепестковой диаграммы, являются наглядным инструментом анализа детерминант демографического поведения. Векторы указывают на наиболее проблемные места, которые могут стать причиной миграционного оттока населения и, предположительно, могут влиять на рождаемость (с точки зрения ощущения комфорта и безопасности) и смертность (с точки зрения экологии, здравоохранения).

Использование лепестковой картодиаграммы позволило представить многомерные пространственные данные в виде единого изображения для последующего анализа. Подобная форма представления продемонстрировала свою эффективность и позволила выявить ранее не прослеживаемые закономерности. В частности, вектор неудовлетворенности в некоторых сопредельных территориях имеет схожий контур. Неудовлетворенность вблизи городских агломераций выше, чем в отдалении от них. Группа сопредельных территорий южнее г. Челябинска имеет значительно более низкие показатели неудовлетворенности, чем в среднем по региону.

Анализ корреляций между векторами неудовлетворенности (по отклонениям от среднерегиональных значений) и демографической динамикой (численностью населения, миграционным итогом, притоком и оттоком) не дал ожидаемых результатов. Корреляция прослеживается, но математически крайне мала. Отсюда авторы делают вывод, что социальные факторы, такие как удовлетворенность условиями и качеством жизни, являются важными, но не единственными и определяющими детерминантами демографического и миграционного поведения. В дальнейших исследованиях они будут рассмотрены во взаимосвязи с экономическими, экологическими и, возможно, иными группами факторов.

Муниципальные образования имеют свои особенности. Они являются частью общих региональных процессов и одновременно испытывают специфические локальные проблемы. Исследование территорий требует более детализированного описания внутреннего развития. С помощью социологического исследования удовлетворенности населения различными инфраструктурными условиями жизни можно определить, какие проблемы требуют более пристального внимания в рамках развития муниципального образования.

Геоинформационные методы исследования пространственных изменений являются наиболее современными и способными дать комплексную оценку ситуации. В некоторых случаях использование уникальных местных факторов, которые являются конкурентными преимуществами, может значительно повлиять на социально-экономическое развитие. Чтобы своевременно обнаруживать проблемы и перспективные «точки роста», необходимы новые методы их изучения.

Дальнейшее развитие инструментов геоинформационного анализа пространственных изменений в экономике является ключом к повышению эффективности практико-ориентированных исследований в области демографии.

Список литературы

1. Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 3–216. URL: https://www.phantastike.com/other/neverno_otsenivaya_nashu_zhizn/pdf/ (дата обращения: 19.06.2023).

2. Kozlova O.A., Gladkova T.V., Makarova M.N. & Tukhtarova Y.K. Methodical Approach to Measuring The Life Quality in Region // Economy of Region. 2015. № 2 (42). P. 182–193. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/47773/1/r-economy_2015_v1_2_11.pdf (дата обращения: 19.06.2023).

3. Бобылев С.Н., Зубаревич Н.В., Соловьева С.В. Вызовы кризиса: как измерять устойчивость развития? // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 147–160. URL: https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-1-147-160 (дата обращения: 19.06.2023).

4. Гордеев С.С., Зырянов С.Г., Ситковский А.М. Оценки качества жизни и социальных приоритетов развития территорий // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 11 (433). С. 38–47. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenki-kachestva-zhizni-i-sotsialnyh-prioritetov-razvitiya-territoriy (дата обращения: 19.06.2023).

5. Gordeev S., Zyryanov S., Sitkovskiy A. Visualization in models of transformation of social space of the eurasian macroregion: the example of the Urals // E3S Web of Conferences. International Scientific and Practical Conference «Environmental Risks and Safety in Mechanical Engineering», ERSME. 2020. P. 07021. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2020/77/e3sconf_ersme2020_07021.pdf (дата обращения: 19.06.2023).

6. Ситковский А.М. Моделирование многокритериальной оценки социо-эколого-экономического состояния и динамики территории // Вопросы управления. 2021. № 2 (69). С. 102–119. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-mnogokriterialnoy-otsenki-sotsio-ekologo-ekonomicheskogo-sostoyaniya-i-dinamiki-territorii (дата обращения: 19.06.2023).

7. Playfair W., Wainer H., Spence I. Playfair's Commercial and Political Atlas and Statistical Breviary. Cambridge University Press, 2005. 248 p. URL: https://www.academia.edu/54823511/Playfair_s_commerical_and_political_atlas_and_statistical_breviary (дата обращения: 19.06.2023).

8. Harris R.L. Information graphics: A comprehensive illustrated reference, Oxford University Press, 2000. 452 p. URL: https://epdf.tips/information-graphics-a-comprehensive-illustrated-reference.html (дата обращения: 19.06.2023).

9. Smiciklas M. The Power of Infographics: Using Pictures to Communicate and Connect With Your Audiences. Que Publishing, 2012. 199 p. URL: https://zlibrary.to/filedownload/the-power-of-infographics-using-pictures-to-communicate-and-connect-with-your-audiences (дата обращения: 19.06.2023).

10. Meirelles I. Design for Information: An Introduction to the Histories, Theories, and Best Practices Behind Effective Information Visualizations. Rockport Publishers, 2013. 224 p. URL: https://www.academia.edu/67235667/Design_for_Information_An_Introduction_to_the_Histories_Theories_and_Best_Practices_Behind_Effective_Information_Visualizations (дата обращения: 19.06.2023).

11. Healy K. Data Visualization: A Practical Introduction. Princeton University Press, 2018. 293 p. URL: https://vk.com/doc255577237_552340616?hash=twCRYFeDxIfVmgKDTpVqBzImWm5iOM2kH7Ekoh56VVT&dl=sJPCpfdZFqWtPZmzQspzHDIsKoKpf8DXomuhGbLVNdz (дата обращения: 19.06.2023).

12. Burch M., Bott F., Beck F., Diehl S. Cartesian vs. Radial – A Comparative Evaluation of Two Visualization Tools // Advances in Visual Computing. ISVC 2008. Lecture Notes in Computer Science. Vol. 5358. Springer, 2008. P. 151–160. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-540-89639-5_15 (дата обращения: 19.06.2023).

13. Waldner M., Diehl A., Gračanin D. et al. A Comparison of Radial and Linear Charts for Visualizing Daily Patterns // IEEE Transactions on Visualization and Computer Graphics. 2020. Vol. 26. № 1. P. 1033–1042. URL: https://www.researchgate.net/publication/335354878_A_Comparison_of_Radial_and_Linear_Charts_for_Visualizing_Daily_Patterns (дата обращения: 19.06.2023).

14. Ruan S., Wang Y. and Guan Q. Intercept Graph: An Interactive Radial Visualization for Comparison of State Changes // IEEE Visualization Conference (VIS), New Orleans, LA, USA, 2021. P. 111–115. URL: https://ink.library.smu.edu.sg/cgi/viewcontent.cgi?article=7756&context=sis_research (дата обращения: 19.06.2023).

15. Satriadi K.A., Ens B., Czauderna T. et al. Quantitative Data Visualisation on Virtual Globes // Proceedings of the 2021 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '21). Association for Computing Machinery, New York, NY, USA, 2021. Article 460. P. 1–14. URL: https://www.researchgate.net/publication/348706131_Quantitative_Data_Visualisation_on_Virtual_Globes (дата обращения: 19.06.2023).

16. MacTavish M., Etemad K., Samavati F.F., & Willett W. Perspective Charts. University of Calgary, Canada, 2021. 10 p. URL: https://graphicsinterface.org/wp-content/uploads/gi2021-28.pdf (дата обращения: 19.06.2023).

17. Monmonier M. How to Lie with Maps. University of Chicago Press, 1996. 232 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/37420071_How_to_Lie_with_Maps (дата обращения: 19.06.2023).

18. Slocum T.A., McMaster R.B., Kessler F.C., & Howard H.H. Thematic Cartography and Geovisualization. 3rd ed. Pearson, 2014. 648 p. URL: https://dokumen.pub/qdownload/thematic-cartography-and-geovisualization-pearson-new-international-edition-3-ed-129204067x-9781292040677.html (дата обращения: 19.06.2023).

19. Dent B.D. & Torguson J.S. Cartography: Thematic Map Design. 7th ed. Waveland Press, 2018. 416 p. URL: http://nitroflare.com/view/EC71403F58EDB7E/sa

net.cd.0072943823_Cartography.pdf (дата обращения: 19.06.2023).

20. Krygier J., & Wood D. Making Maps: A Visual Guide to Map Design for GIS. 3rd ed. The Guilford Press, 2016. 272 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/44463780_Making_maps_a_visual_guide_to_map_design_for_GIS_John_Krygier_Denis_Wood (дата обращения: 19.06.2023).

21. Peterson G.N. GIS Cartography: A Guide to Effective Map Design. 2nd ed. Esri Press, 2018. 308 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/335274292_GRETCHEN_N_PETERSON_-_GIS_CARTOGRAPHY_A_GUIDE_TO_EFFECTIVE_MAP_DESIGN_SECOND_EDITION (дата обращения: 19.06.2023).

22. Цветков В.Я. Геоинформационные системы и технологии. М.: Финансы и статистика, 1998. URL: https://studfile.net/preview/5375751/ (дата обращения: 19.06.2023).

23. Савиных В.П., Цветков В.Я. Геоданные как системный информационный ресурс // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 9. С. 826. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=22408562 (дата обращения: 19.06.2023).

24. Цветков В.Я. Пространственные знания // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 7. С. 43–46. URL: https://applied-research.ru/ru/article/view?id=3680 (дата обращения: 19.06.2023).

25. Скворцов А.В. Триангуляция Делоне и ее применение. Томск: Томский университет. 2002. 128 с. URL: https://indorsoft.ru/books/2002/SkvortsovAV-2002-01.Book(Trn).pdf (дата обращения: 19.06.2023).

26. Гордеев С.С. Оценка устойчивости пространственного социо-эколого-экономического развития в среде геоинформатики // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 11 (393). С. 37–50. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-ustoychivosti-prostranstvennogo-sotsio-ekologo-ekonomicheskogo-razvitiya-v-srede-geoinformatiki (дата обращения: 19.06.2023).

27. Гордеев С.С., Кочеров А.В. Основы анализа региональной экономической динамики: визуализация и оценка в среде MS Office. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2017. 130 с. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=28375113 (дата обращения: 19.06.2023).

28. Гуров С.А. Подходы к картографированию регионального рынка жилья для обеспечения визуализации национального проекта «Жилье и городская среда» // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2020. Т. 26. № 1. С. 503–515. URL: http://intercarto.msu.ru/jour/articles/article770.pdf (дата обращения: 19.06.2023).

29. Сорокин Д.Е. Фактор доверия // Журнал экономической теории. 2016. № 3. С. 133–138. URL: https://jet-russia.com/?download=1&kcccount=431 (дата обращения: 19.06.2023).

30. Тикунов В.С. Моделирование в картографии. М.: МГУ, 1997. 405 с. URL: https://vk.com/doc-89821077_384240778?hash=W8wZ0SSq5q63WLqREUMbJwb2njpQeJyBBAPV3aTYcJH&dl=84YHuaiaEWRPV4uZ6jSZ2z6v54puYgdEvuouRU3NRxk (дата обращения: 19.06.2023).

31. Checkland P. Soft systems methodology in action. N. Y.: John Wileys Sons Inc., 1990. P. 3–329. URL: https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.390.9236&rep=rep1&type=pdf (дата обращения: 19.06.2023).

32. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 11 марта 2020 года № 130 «Об утверждении единой методики мониторинга состояния и развития конкуренции на товарных рынках субъекта Российской Федерации» // СПС Консорциум «Кодекс». URL: https://docs.cntd.ru/document/564484783 (дата обращения: 19.06.2023).

33. Результаты опроса потребителей об удовлетворенности качеством и ценами на рынках товаров и услуг Челябинской области (2021 г.) // Официальный интернет-портал Администрации Еманжелинского муниципального района Челябинской области. URL: http://admemr.ru/images/FILES/Razv-Konkur/2021-10-04-opros-potrebiteley.pdf (дата обращения: 19.06.2023).

34. Итоги опроса населения об эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления, унитарных предприятий и учреждений Челябинской области за 2021 год // Официальный интернет-портал Правительства Челябинской области. URL: https://pravmin.gov74.ru/files/upload/pravmin/Новости/Опрос%202021.pdf (дата обращения: 19.06.2023).

35. Подпункт «и» пункта 2 Указа Президента РФ от 07.05.2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // Официальный интернет-портал Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/35265 (дата обращения: 19.06.2023).

36. Численность всего населения по полу и возрасту на 1 января текущего года, человек [Электронный ресурс] / База данных муниципальных образований // Росстат. 2021. URL: https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst75/DBInet.cgi (дата обращения: 19.06.2023).

THE USE OF VECTOR ESTIMATES AND GRAPH-ANALYTICAL METHODS IN STUDYING THE DEMOGRAPHIC BEHAVIOR OF THE REGIONAL POPULATION

A.M. Sitkovskiy [1]***, O.A. Kozlova*** [2]

[1] Institute for Demographic Research - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow
[2] Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg

Population dynamics is the cumulative result of the socio-economic processes taking place in the territory. Research on the determinants of demographic and migratory behavior is still relevant. They can be divided into social, economic, environmental, etc. The hypothesis of the study is the assumption that the factors influencing demographic and migration behav-

ior are determined by the level of satisfaction or dissatisfaction with the quality of life in a particular area. Sociological tools allow you to evaluate social factors, as well as, indirectly, economic, environmental, etc. The purpose of the study is to reveal the spatial patterns of the determinants of demographic and migratory behavior. The article proposes to use vector assessments of the population's preferences as a method for determining the factors influencing the movement of the population and, consequently, the transformation of the settlement system. This method allows you to accurately determine the inequalities in the development of the territory, the difference in infrastructure conditions and the quality of life in comparison with other territories and the average regional level. It also makes it possible to identify areas with the greatest heterogeneity of conditions and quality of life, to cluster municipalities according to similar factors of dissatisfaction, etc. For the purpose of a comprehensive analysis of multidimensional sociological data and the identification of spatial patterns of the population's dissatisfaction vectors, the authors used a little-studied and relatively new tool - the radar cartodiagram. The article provides an overview of the literature on the research topic, and also describes the methodology for using this tool. The data of a sociological survey of the opinion of the population of the Chelyabinsk region on satisfaction with the conditions and quality of life were used. Estimates of satisfaction and dissatisfaction for residents of the entire Chelyabinsk region are given. The radar cartodiagram was constructed – the vectors of social dissatisfaction for all 43 municipalities of the Chelyabinsk region.

Keywords: settlement system, population, vector estimates, geoinformation methods, quality of life, demographic behavior, sociological survey, municipalities, region.

УДК 332
DOI 10.52452/18115942_2023_3_56

ОСНОВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ СБАЛАНСИРОВАННОЙ ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

© 2023 г.

В.Г. Фролов, М.Н. Павленков

Фролов Владислав Генрихович, к.э.н.; доц.; доцент кафедры экономики предприятий и организаций Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
frolov.unn@gmail.com
Павленков Михаил Николаевич, д.э.н.; проф.; профессор кафедры социально-экономических дисциплин Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Дзержинский филиал
pavlenkov@dzr.unn.ru

Статья поступила в редакцию 18.05.2023
Статья принята к публикации 31.07.2023

Анализируются основные инструменты промышленной политики России с использованием методологии экономической безопасности. В результате исследования делается вывод, что институты развития промышленного сектора экономики стали более системными. Однако инструменты промышленной политики нуждаются в дальнейшем совершенствовании для получения значительных системных эффектов, а накопленный положительный опыт требует быстрого тиражирования в целях сбалансированного и устойчивого развития промышленного сектора экономики в сложных и быстро меняющихся условиях внешней среды. Разработанная модель достижения системных эффектов сбалансированной инновационно-инвестиционной промышленной политики в условиях цифровой трансформации экономики будет способствовать развитию инструментария промышленной политики.

Ключевые слова: промышленная политика, инструменты, инновационно-инвестиционная сбалансированность, институты, цифровая трансформация.

Введение

Текущая экономическая ситуация характеризуется сильнейшим давлением на промышленный сектор экономики РФ, что вызывает необходимость дальнейшего совершенствования инструментов промышленной политики. Система инструментов, на наш взгляд, должна обладать комплексным характером, учитывать интересы стейкхолдеров и соответствовать современным условиям развития [1–3]. Вопросам совершенствования инструментария промышленной политики посвящены работы ряда отечественных и зарубежных авторов. В.В. Пименов, А.В. Быстров, Л.Б. Калиматова полагают, что зависимость устойчивости экономики РФ от колебаний внешней среды свидетельствует о незавершенности ее производственно-экономической структуры [4]. Д.В. Мантуров считает, что наибольшего внимания при реализации промышленной политики требуют глобальные риски усиления санкций при общей экспортной ориентации. При этом потребуется актуализация как документов стратегического планирования, так и инструментов промышленной политики [5]. А.А. Афанасьев анализирует основные инструменты модели сетевой промышленной политики, а также инструменты обеспечения технологического суверенитета [6]. А.А. Яковлев, Л.М. Фрейнкман, Н.В. Ершова, А.А. Агалян предлагают методические подходы к оценке эффективности инструментов промышленной политики в условиях санкций и изоляции РФ и считают возможным перейти к масштабированию эффективной деятельности Фонда развития промышленности (ФРП) [7].

Г.В. Лепеш исследует состояние, инструменты и механизмы промышленности РФ и Республики Беларусь в целях дальнейшей интеграции, где эффективными инструментами выступят совместные программы, углубление производственной кооперации и развитие регионального сотрудничества [8]. П.З. Хашимов, Д.Р. Устаджалилов, О.Н. Абдурасулов проводят анализ инструментов промышленной политики в Республике Узбекистан и обосновывают целесообразность принятия закона «О промышленной политике» и её эффективность как институционально-правового инструмента промышленной политики [9]. И.В. Даниловой, И.П. Михайловой, К.Ю. Несытых исследована промышленная политика ЕС с учетом интеграционных целей и потенциала институционального сопровождения, а также с содержательных позиций. Авторами выявлено наличие инструментария, который направлен на взаимодополняемость

Рис. 1. Модель достижения системных эффектов сбалансированной инновационно-инвестиционной промышленной политики в условиях цифровой трансформации экономики
Источник: разработано авторами

промышленного производства и ориентацию на цифровые платформы [10].

С.А. Толкачев, А.Ю. Тепляков, Ю.В. Нормова считают, что в период становления нового индустриального общества инструментом развития становится планирование как осознанная целенаправленная деятельность на разных хозяйственных уровнях. Однако существующие инструменты, как правило, не имеют выраженного акцента в сторону развития шестого технологического уклада, а система господдержки характеризуется дисбалансом [11]. А.В. Самаруха, М.Л. Багайников, Т.В. Светник и др. исследуют вопросы национальной и региональной промышленной политики России, применения инструментов и технологий преодоления угроз в экономике, оценки условий концентрации производства, устойчивого развития территорий и их влияния на динамику процессов в цифровой экономике [12]. О.А. Романова, А.О. Пономарева считают, что концепция цифрового государства (е-государство) оказывает непосредственное влияние не только на новое понимание субъекта промышленной политики, но и на инструментарий промышленной политики [13].

Как следует из исследования D. Rodrik, специфика и инструменты промышленной политики сильно зависят от обстоятельств и институциональных возможностей той или иной страны. Однако есть общие принципы промышленной политики: знания о существовании провалов рынка и ограничений, блокирующих структурные изменения, широко распространены в обществе; у бизнеса есть сильные стимулы взаимодействовать с правительством; предполагаемым бенефициаром промышленной политики является общество в целом [14].

Системные эффекты сбалансированной инновационно-инвестиционной промышленной политики

На основе разработанных ранее классификаций условий и факторов, системных эффектов формирования сбалансированной инновационно-инвестиционной промышленной политики в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0», предложенных основных положений пропорционального развития сфер экономики, а также основных факторов формирования эффективных механизмов взаимодействия промышленных структур разработаем модель достижения системных эффектов сбалансированной инновационно-инвестиционной промышленной политики в условиях цифровой трансформации экономики (рис. 1).

Достижение системных эффектов промышленной политики во многом будет зависеть от деятельности ключевых институтов и реализуемых инструментов в сфере промышленности. Для достижения сбалансированного развития промышленного сектора необходимо учитывать соотношение структуры и масштабов инвестиций, направлений их использования, источников с учетом необходимости обновления основных средств и повышения их технологического уровня. На примере важнейшего института – Фонда развития промышленности проанализируем результаты основных инструментов промышленной политики (таблица 1).

В 2020 году ФРП было профинансировано 233 проекта на сумму 60.9 млрд рублей, что почти в два раза превышает показатели 2019 года. За период 2015 – 2020 гг. было профинансировано 792 проекта на сумму 179.9 млрд руб. Можно отметить, что результаты работы ФРП из года в год демонстрируют положительную динамику. По мнению экспертов, деятельность фонда признается эффективной. Однако, на наш взгляд, масштабы инвестиций незначительны, что не способствует ускоренному развитию промышленного сектора экономики. Объем выделенных займов за 2020 год можно сравнить с инвестициями в строительство только одного завода по производству автомобилей.

Таблица 1

Соотношение источников и масштабов инвестиций

Показатели	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Инвестиции в основной капитал из всех источников, млрд руб.	13897.2	14748.8	16027.3	17595.0	19329.0	20118.4
Количество профинансированных проектов ФРП, ед.	55	77	98	140	189	233
Сумма выданных займов ФРП, млрд руб.	19.1	16.1	21.7	27.6	34.5	60.9
Необходимые масштабы инвестиций для создания наукоемкой инновационной экономики в перспективном периоде до 2025 г. 2500–3000 млрд долл. или 190000–228000 млрд руб. (курс 76 руб./долл.) [15]						

Источник: составлено авторами по данным [15], отчетов ФРП [16–20] и Росстата [23].

Таблица 2

Профиль среднего инвестиционного проекта ФРП

Программы	Размер займа (млн руб.)	Срок окупаемости (год)	Доля софинансирования (%)	Бюджет проекта (млн руб.)	Средний IRR, %	Средний NPV (млн руб.)
Федеральные программы	200	4	51	410	29	80
Совместные программы с региональными фондами	40	3.5	65	110	32	30

Источник: составлено авторами по данным отчета ФРП за 2020 г. [19].

Параметры среднего проекта фонда приведены в таблице 2. Это среднесрочные проекты с достаточно высокой внутренней нормой доходности. Следует отметить, что проекты с высокой ставкой могли получить заемное финансирование в банках. На наш взгляд, программы фонда должны способствовать более сбалансированному развитию промышленного сектора за счет приоритетной реализации долгосрочных инвестиций со значительными размерами займов, в том числе когда внутренняя норма доходности крупномасштабных проектов ниже ставок по кредитам.

Как было отмечено ранее, «новая» промышленная политика должна быть связана с развитием экономики нового технологического поколения – цифровой экономики, где центральное место занимает сфера материального производства – высокотехнологичная промышленность. В разработанном ранее комплексе взаимосвязей инновационно-инвестиционной сбалансированности промышленной политики важным элементом является «Сбалансированность между инвестициями в сквозные передовые производственные технологии по всем стадиям жизненного цикла продукции: Digital (Цифровая) / Smart («Умная») / Virtual (Виртуальная) фабрики в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0» и «дорожной картой» «Технет». Базисным направлением инновационно-инвестиционной деятельности институтов развития, и в том числе ФРП, в современных условиях должно быть направление «Умные фабрики» со значительным объемом инвестиций в станкостроение (учитывая текущее состояние оборудования и технологические ограничения). В то же время инвестиции ФРП в станкостроение были незначительны: в 2018 году – 0.5 млрд руб. [17], в 2019 и 2020 годах инвестиций не отмечено, в 2021 году – 0.5 млрд руб. [20] (рисунок 2).

ФРП является оператором механизма специального инвестиционного контракта. К 2020 году было реализовано 45 контрактов. Результаты проектов – это более 1.1 трлн рублей налогов и 24 тысячи рабочих мест. Государственная информационная система промышленности (ГИСП) также демонстрирует рост определенных показателей по увеличению участников, сервисов и позиций каталога промышленной продукции. Однако сервисы, направленные на формирование в короткие сроки гибких цепей добавленной стоимости («Виртуальные фабрики»), пока не функционируют и не позволяют получать системные эффекты. В РФ растёт количество индустриальных парков (рисунок 3). Последующее развитие индустриальных парков должно быть связано с улучшением их качества.

Размещение индустриальных парков должно быть более сбалансированным (рисунок 4). Необходимо перейти к более равномерному развитию парков в федеральных округах. В настоящее время продолжает расти доля индустриальных парков ЦФО в общем количестве, достигая 46%, на втором месте – ПФО [21].

В РФ растет количество промышленных кластеров, где реализуются инвестиционные

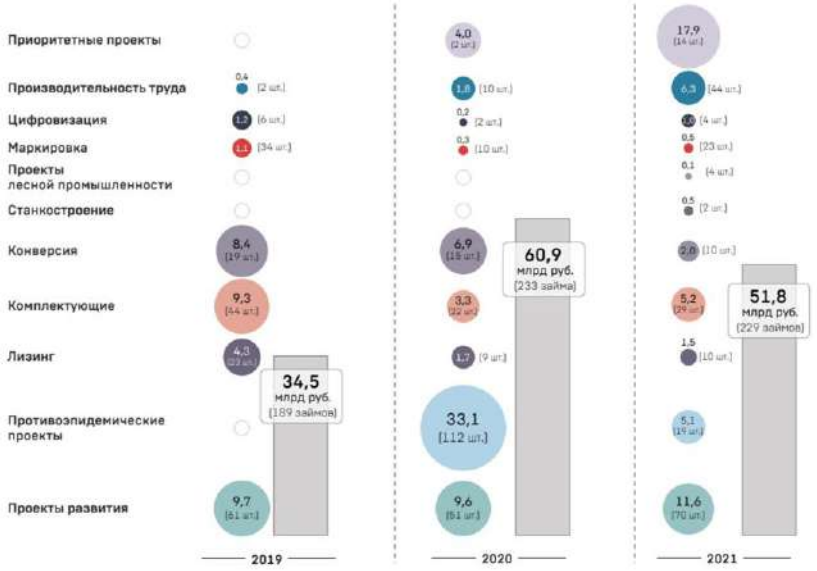

Рис. 2. Структура инвестиций ФРП
Источник: данные отчета ФРП за 2015–2021 годы [20]

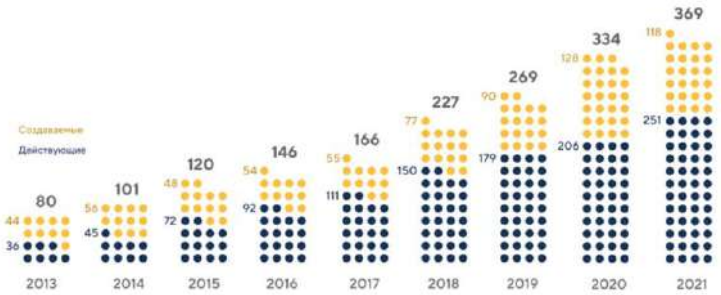

Рис. 3. Развитие индустриальных парков
Источник: обзор «Индустриальные парки России – 2022» [21]

Рис. 4. Размещение индустриальных парков
Источник: обзор «Индустриальные парки России – 2022» [21]

Рис. 5. Уровень развития промышленных кластеров, %
Источник: составлено авторами на основе данных геоинформационной системы по кластерам [22]

проекты. По итогам 2022 года создано 80 промышленных кластеров. Однако велика доля кластеров, находящихся на начальном уровне развития (в 2019 году – 77%, в 2022 году – 88%) (рис. 5).

Размещение промышленных кластеров, на наш взгляд, также недостаточно сбалансированно. Большинство промышленных кластеров в 2022 году расположены в следующих федеральных округах: Приволжский федеральный округ (28), Центральный федеральный округ (21), Уральский федеральный округ (12) [22].

Заключение

Таким образом, следует отметить, что институты развития промышленного сектора экономики стали более системными. Однако инструменты промышленной политики нуждаются в дальнейшем совершенствовании для получения значительных системных эффектов, а накопленный положительный опыт требует быстрого тиражирования в целях сбалансированного и устойчивого развития промышленно-

го сектора экономики в сложных и быстро меняющихся условиях внешней среды. Предложенная модель достижения системных эффектов сбалансированной инновационно-инвестиционной промышленной политики в условиях цифровой трансформации экономики будет способствовать совершенствованию инструментария и переходу к модели создания наукоемкой инновационной экономики.

Список литературы

1. Фролов В.Г. Промышленная политика как интегрированный комплекс развития инновационно активного предпринимательства производственной сферы // Креативная экономика. 2013. № 11 (83). С. 59–62.

2. Фролов В.Г., Каминченко Д.И. Применение методов политико-экономического анализа в целях проведения результативной согласованной промышленной политики в условиях цифровой экономики // Экономика, предпринимательство и право. 2019. Т. 9. № 4. С. 289–300.

3. Сидоренко Ю.А., Фролов В.Г., Павлова А.А. Основные экономические факторы развития автомобильного производства России в рамках концепции Индустрия 4.0 // Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы. СПб.: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2017. С. 296–317.

4. Пименов В.В., Быстров А.В., Калиматова Л.Б. Инструменты развития промышленной политики России на современном этапе трансформации экономики // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2017. № 1 (91). С. 105–116.

5. Мантуров Д.В. О промышленной политике России на перспективу 2018–2030 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 4 (61). С. 7–22.

6. Афанасьев А.А. Промышленная политика России по достижению технологического суверенитета: теоретико-методологические основы и практические аспекты. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Первое экономическое издательство», 2023. 204 с.

7. Яковлев А.А., Фрейнкман Л.М., Ершова Н.В., Агалян А.А. Оценка эффективности инструментов промышленной политики в России: новые подходы // ЭКО. 2023. № 2 (584). С. 60–83.

8. Лепеш Г.В. Механизмы совершенствования региональной промышленной политики Российской Федерации и Республики Беларусь в контексте расширения сетевого промышленного взаимодействия // Технико-технологические проблемы сервиса. 2022. № 1 (59). С. 3–12.

9. Хашимов П.З., Устаджалилов Д.Р., Абдурасулов О.Н. Инструменты реализации промышленной политики // Экономика и финансы (Узбекистан). 2021. № 7. С. 13–20.

10. Данилова И.В., Михайлова И.П., Несытых К.Ю. Эволюция целей и инструментов региональной промышленной политики ЕС: бенчмарки для России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2022. Т. 16. № 1. С. 7–17.

11. Толкачев С.А., Тепляков А.Ю., Нормова Ю.В. Планирование и промышленная политика в эпоху перехода к НИО.2 // Экономическое возрождение России. 2021. № 3 (69). С. 72–81.

12. Самаруха А.В., Багайников М.Л., Светник Т.В. и др. Инструменты формирования эффективной национальной и региональной промышленной политики России в условиях новых вызовов. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2022. 432 с.

13. Романова О.А., Пономарева А.О. Многовекторная промышленная политика России в условиях формирования нового индустриального ландшафта // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 2. С. 276–291.

14. Rodrik D. Normalizing industrial policy (English). Commission on growth and development working paper; no. 3 Washington, D.C.: World Bank Group. Режим доступа: http://documents.worldbank.org/curated/en/524281468326684286/Normalizing-industrial-policy (дата обращения: 23.04.2023).

15. Экономическая безопасность России. Общий курс: Учебник / Под ред. В.К. Сенчагова. 6-е изд. М.: Лаборатория знаний, 2020. 818 с.

16. Годовой отчёт Фонда за 2017 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://frprf.ru/download/godovoy-otchyet-fonda-za-2017-god.pdf (дата обращения: 23.04.2023).

17. Годовой отчёт Фонда за 2018 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://frprf.ru/download/godovoy-otchyet-fonda-za-2018-god.pdf (дата обращения: 23.04.2023).

18. Годовой отчёт Фонда за 2019 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://frprf.ru/download/godovoy-otchyet-fonda-za-2019-god.pdf (дата обращения: 23.04.2023).

19. Годовой отчёт Фонда за 2020 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://frprf.ru/download/godovoy-otchyet-fonda-za-2020-god.pdf (дата обращения: 23.04.2023).

20. Результаты работы ФРП за 2015–2021 годы [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://frprf.ru/download/rezultaty-raboty-frp-2015-2021.pdf (дата обращения: 23.04.2023).

21. Обзор «Индустриальные парки России – 2022» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://indparks.ru/upload/iblock/3ac/Overview_Industrial_parks_SEZ_Russia_2022_%20AIP.pdf (дата обращения: 25.04.2023).

22. Сводная статистическая информация геоинформационной системы по кластерам [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gisp.gov.ru/gisip/stats_sum_clusters/pdf/ru/ (дата обращения: 25.04.2023).

23. Официальные данные Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 25.04.2023).

MAIN TOOLS OF A BALANCED INNOVATIVE AND INVESTMENT INDUSTRIAL POLICY IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION

***V.G. Frolov*[1]*, M.N. Pavlenkov*[2]**

[1] Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
[2] Dzerzhinsk Branch of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article analyzes the main instruments of Russian industrial policy using the methodology of economic security. As a result of the study, it is concluded that the institutions for the development of the industrial sector of the economy have become more systemic. However, industrial policy instruments need to be further improved in order to obtain significant systemic effects, and the accumulated positive experience requires rapid replication in order to achieve a balanced and sustainable development of the industrial sector of the economy in a complex and rapidly changing external environment. The developed model for achieving systemic effects of a balanced innovation and investment industrial policy in the context of the digital transformation of the economy will contribute to the development of industrial policy tools.

Keywords: industrial policy, tools, innovation and investment balance, institutions, digital transformation.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2023_3_62

«ПОКОЛЕНИЕ I» В КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2023 г.

Е.В. Митягина, М.И. Лучинина, Е.В. Волченкова

Митягина Екатерина Владимировна, д.соц.н.; доц.; проректор по развитию на основе анализа данных Вятского государственного университета, Киров
mityagina2004@yandex.ru
Лучинина Марина Ивановна, к.полит.н.; доц.; заведующая кафедрой социальной работы и молодежной политики Вятского государственного университета, Киров
Волченкова Елена Валерьевна, к.пед.н.; доцент кафедры социальной работы и молодежной политики Вятского государственного университета, Киров

Статья поступила в редакцию 06.02.2023
Статья принята к публикации 17.07.2023

Делается попытка найти черты «Поколения I» у молодежи Кировской области. Основной метод исследования – социологический опрос 1200 девушек и юношей в возрасте от 18 до 35 лет из Кирова и 20 районов Кировской области. В результате опроса выявлено, что молодежи Кировской области присущи черты «Поколения I»: индивидуализм, образованность, отложенное взросление, интенсификация досуговых практик, сниженный интерес к алкоголю и сексуальной жизни. Установлен парадокс: при высоком уровне социального благополучия и качества жизни данное поколение больше подвержено депрессии и низким оценкам состояния своего счастья. Поскольку айдженеры готовы постоянно учиться, они уверены, что быть счастливыми их сможет кто-то научить. Исходя из выявленных характеристик «Поколения I», предложены возможные меры в сфере молодежной политики, среди которых расширение системы поддержки молодежного предпринимательства и подготовки IT-специалистов; поддержание активности и инициативы молодежи в интересующих ее областях с использованием новых форматов деятельности, учитывая особенности и потребности участников; совершенствование инфраструктуры для молодежи; развитие сферы организации досуга, отдыха и оздоровления; поддержка молодых семей; предоставление социальных услуг; содействие решению жилищных проблем и обеспечение гарантий в сфере труда и занятости.

Ключевые слова: «Поколение I», айдженеры, миллениалы, самоощущение счастья.

На смену Марксу пришел iPhone,
а вместо Coca-Cola айдженеры
выбирают Cola Zero.
Н.Б. Афанасов

Введение

Каждое поколение уникально. Не исключением является и новое молодое поколение. Попытаемся разобраться, отличается ли данное поколение от всех остальных. В работе Джин М. Твенге «iGen: почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни» данное поколение называется «Поколение I», или айдженеры. Буква i («Я») в слове iGen имеет множественность интерпретаций и ассоциируется не только с iPhone и Internet, но и с само собой разумеющимся для молодежи индивидуализмом (individualism). Феномен, который является как движущей силой, так и причиной «глубочайшего в истории кризиса психического здоровья, разразившегося в 2011 году [по мнению Джин М. Твенге]» [1, с. 17].

Легко запутаться в множестве обозначений современной молодежи: поколение Z, поколение X, поколение Y. В отечественной традиции нам более импонируют радаевские миллениалы, то есть поколение, период взросления которого приходится на 2000–2016 годы [2]. Но как бы ни именовалась современная молодежь, ключевое ее отличие от других поколений заключается в проживании жизни в информационной инфраструктуре. «Поколение I» «живет» в гаджетах, увлечено собственным «Я» и его изображением в социальных медиа. «Это первое поколение, которое проводит всю свою жизнь в цифровой среде; информационные технологии фун-

даментальным образом влияют на то, как они живут и работают» [3, p. 245].

Опишем, что отличает айдженеров, миллениалов, поколения Y и Z от других поколений, считая их различными обозначениями одного феномена. «В первую очередь мы имеем дело с наиболее образованным слоем молодых людей в истории, которые интересуются буквально всем на свете. … Они откладывают взросление, которое на практике отнюдь не означает нежелания взрослеть, лишь говорит о более ответственном подходе ко «взрослой жизни» [4]. Это довольно увлеченные молодые люди с интенсификацией досуговых практик. Как будто про них писала А. Барто: «Драмкружок, кружок по фото, хоркружок – мне петь охота». Молодым людям удается совмещать активные занятия спортом, секции, театральные студии; они работают добровольцами, помогают экологам и многое другое. Все фото с активностей, разумеется, выкладываются на всеобщее обозрение в интернет-пространство. Изменился и формат встреч с друзьями. Многие айдженеры ежеминутно проверяют свой смартфон из-за боязни пропустить что-то важное. Их отличает сниженный интерес к алкоголю и сексуальным практикам.

Джин М. Твенге на основе результатов четырех крупных опросов, в которых начиная с 60-хх гг. прошлого века приняли участие 11 миллионов американцев, изложила десять сформировавшихся для айдженеров трендов: *неспешность* (детство растянуто во времени, взросление медленными темпами); *Интернет* (гаджеты – неотъемлемая часть жизни); *заочное общение* (часто превалирует над личным); *неуверенность* (рост психических расстройств); *нерелигиозность* (утрата интереса к религии); *изолированность и приземленность; финансовая незащищенность* (поскольку основной критерий выбора работы не связан с деньгами); *неопределенность* (новый взгляд на отношения, семью и детей); *инклюзивность* (ориентация на то, что должны учитываться интересы всех членов общества); *независимость в политических взглядах* [1].

Описание исследования

В феврале 2022 г. кафедрой социальной работы и молодежной политики Вятского государственного университета по заказу Министерства спорта и молодежной политики Кировской области проведено социологическое исследование «Основные векторы стратегического развития молодежной политики Кировской области». Ключевыми методами стали: опрос в виде онлайн-анкетирования, фокус-группы и выявление лидеров мнений через анализ сообществ по молодежной политике в социальных сетях.

В рамках данной статьи делаем попытку найти черты «Поколения I», используя результаты опроса, в котором приняло участие 1200 респондентов (девушек – 49% и юношей – 51%) в возрасте от 18 до 35 лет из Кирова и 20 районов Кировской области. И пусть наша выборка не столь внушительна, как у Джин М. Твенге, она является репрезентативной и допускает процент ошибочности сделанных на ее основе выводов в пределах ±2.82 при доверительной вероятности 0.95.

Результаты

Наше исследование не имело целью доказать или опровергнуть выводы, сделанные Д.М. Твенге и В.В. Радаевым, тем не менее многие из них полностью подтвердились.

Наиболее образованный слой молодых людей

Подавляющее большинство молодых жителей нашего региона, а именно каждый второй, либо работает, либо учится. Около 47% молодежи получают образование, из них 26% – студенты высших учебных заведений, 11% – школьники и 10% учащиеся техникумов и колледжей. Только 4% участников опроса не учатся и не работают (рис. 1).

Откладывание взросления

Еще в 1990-х большинство молодых женщин выходили замуж в двадцать с небольшим лет, причем многие из них начинали встречаться с будущими мужьями еще в подростковом возрасте. С появлением айдженеров представления о взрослых отношениях и семье могут измениться раз и навсегда [4].

В нашем регионе количество холостых юношей и незамужних девушек составляет 58%, а живущих в зарегистрированном браке только 27%. Семейное положение зависит от возраста, что закономерно. Количество имеющих семью молодых людей в 14–18-летнем возрасте всего 2%, в 19–24-летнем – 8%, в 25–35-летнем – 45% (рис. 2).

Подтверждением тезиса об откладывании взросления является тот факт, что каждый третий (36%) представитель молодежи в возрасте от 25 до 35 лет холостой или незамужняя. В незарегистрированном браке состоят представители всех опрошенных возрастных групп молодежи, причем среди тех, кому 19–24 года, их почти столько же, сколько и среди 25–35-летних (табл.).

Рис. 1. Основной вид деятельности молодежи региона и уровень образования

Рис. 2. Семейное положение молодежи Кировской области

Таблица

Семейное положение молодежи в зависимости от возраста, %

Возраст	Женат/ замужем	Не женат/ не замужем	Состою в незарегистрированном браке	Разведен/ разведена	Вдова/ вдовец	Всего
14–18 лет	2	94	4	0	0	100
19–24 года	8	79	12	1	0	100
25–35 лет	45	36	13	6	0	100

Интенсификация досуговых практик

Очень часто приходится слышать мнение, что современная молодежь пассивна. Это не так, досуг молодежи достаточно разнообразен. Спорт (32%), творчество (31%), семейная жизнь (25%), профессиональное развитие (21%), участие в общественной жизни (18%) – вот лишь неполный перечень инициатив данного поколения в нашем регионе. Кроме того, 16% отдают предпочтение добровольчеству, а 7% заявили, что им интересна наука, что нас лично как преподавателей высшей школы не может не радовать (рис. 3).

Не проявляет активность лишь каждый восьмой представитель молодого поколения (12%). В зависимости от возраста наряду с творчеством, спортом молодежь 14–18 лет проявляет активность в сфере общественной жизни и добровольчества, 19–24 лет – в профессиональном развитии, 25–35 лет – в семейной жизни.

Пассивность молодежи выражается в первую очередь в малом желании посещать мероприятия, проводимые в рамках реализации молодежной политики региона. Регулярно посещает подобные мероприятия лишь каждый восьмой (12%). А вот причины, по которым молодежь принимает решение участвовать в мероприятии, снова подтверждают наш тезис о том, что для молодежи в первую очередь важны новые знания и повышение уровня образования. На первом месте в 41% случаев стоит актуальность тематики. В этой связи вопросы здесь не к «пассивной» молодежи, а к организаторам мероприятий, многие из которых неинтересны и преследуют своей целью лишь достижение показателей государственного задания, количественных, а не содержательных.

Ощущение счастья

Главный тезис книги Джин М. Твенге заключается в том, что, несмотря на все возможности, которые есть у молодого поколения, укорененная в технологиях культура в высшей

Рис. 3. Виды активности молодежи региона

Рис. 4. Составляющие счастья для молодежи региона

степени влияет на психическое самочувствие и самоощущение людей. Ключевым отличием айдженеров является депрессия. «Психика человека оказалась не приспособлена к тем возможностям, которые предоставляют ему современные технологии, а возраст начала активного пользования ими слишком ранний для того, чтобы подросток мог полностью осознать возможные последствия скинутых обнаженных селфи» [4, с. 11].

Жизнь в цифровой сфере у молодежи Кировской области ничем не отличается от времяпрепровождения американских тинейджеров. Она протекает в социальных сетях (71%), мессенджерах (28%), новостных порталах в Интернете (28%), на YouTube (23%), в TikTok (20%). Реже современная молодежь смотрит телевизор (17%), слушает радио (5%) и читает газеты (4%).

Для психологических характеристик самоощущения молодежи в нашем исследовании использовались две основные шкалы: социальное самочувствие и ощущение счастья. Для измерения первого мы применили усеченный вариант теста «Интегральный индекс социального самочувствия» (ИИСС-20) Е.И. Головахи, Н.В. Паниной и А.П. Горбачика, предназначенный для сравнительных, мониторинговых и оперативных исследований. В тесте 20 позиций, и подсчет ведется по средним значениям [5]. Результаты показали, что молодежь демонстрирует высокий уровень социального самочувствия: 45.3 из 60 баллов. Молодые люди уверенно себя чувствуют в случае возникновения ситуаций, требующих от них инициативных, самостоятельных решений, смелости в достижении своих целей, обладают умением жить в современных реалиях, работать в полную силу. Они могут купить себе необходимые продукты, одежду и мебель. Но молодежи не хватает новейших экономических и политических знаний, современной медицинской помощи, молодые люди испытывают недостаток юридической помощи в защите своих прав и интересов. Молодежи не хватает подходящей работы и возможности полноценно проводить отпуск.

При сравнительно высоких показателях социального самочувствия молодежь демонстрирует более скромные позиции по оценке своего счастья. В нашем исследовании молодежи предлагалось оценить, насколько они счастливы в последнее время, по шкале от 1 до 10, где 1 – совсем не счастлив, а 10 – очень счастлив. Средний балл получился 6.69, что говорит о средних оценках своего уровня счастья. Составляющие счастья достаточно традиционны: семья, любовь, доброта, дружба (77%), материальный достаток, благосостояние (59%), психологическое ощуще-

ние радости, позитивные эмоции (54%), самореализация и удовлетворенность результатами своей деятельности (49%) (рис. 4).

Индивидуализм айдженеров проявляется в том, что в наименьшей степени счастье ассоциируется с работой на пользу общества, служением, призванием (9%), высоким социальным статусом, известностью (8%).

Молодой возраст и желание учиться приводят к тому, что почти каждый второй верит, что человека можно научить быть счастливым (46%). Каждый третий (33%) считает, что это невозможно, и лишь каждый пятый (21%) затрудняется ответить на этот вопрос.

Выводы

Не вызывает сомнения, что черты «Поколения I», описанные в работе Джин М. Твенге, присущи молодежи Кировской области. Всю необходимую информацию молодые люди получают из Интернета, общение в социальных сетях и мессенджерах составляет значительную часть их жизни; они достаточно образованны, предпочитают учиться или работать; интенсифицируют досуговые практики, занимаются спортом, творчеством, профессиональным развитием, участвуют в общественной жизни; и не спешат с созданием семьи. При высоких оценках объективных показателей социального самочувствия молодежь демонстрирует средние оценки в самоощущении счастья и неготовность самостоятельно решать такую сложную психологическую задачу, высказывая надежду, что абстрактный кто-то сможет научить их быть счастливыми. Индивидуализм поколения проявляется в том, что счастье не находится в работе на благо общества, призвании, служении, не достигается высоким социальным статусом и известностью.

Мы разделяем точку зрения Н.Б. Афанасова, который считает, что молодежи помогут самоограничение и понимание происходящего, благодаря чему она сможет избавиться от фрустрации и повысить ценность жизни [4].

Мы бы хотели сконцентрироваться не на советах молодежи, а на попытке ответить на вопрос, что старшие поколения могут сделать, чтобы помочь этому не вполне счастливому поколению адаптироваться. Не случайно подзаголовком к книге о поколении iGen является не только вопрос «почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым к взрослой жизни», но и «что это значит для всех остальных».

Очевидно, что излишний индивидуализм, хотя и позволяет добиваться в жизни значительных успехов, не ведет к самоощущению счастья. Современная молодежь не склонна идти по пути прямого подражания, они не тяготеют к стадности и коллективизму. Их привлекают личности, которые не просто декларируют какие-либо ценности, а подчиняют свою жизнь следованию этим ценностям. Если мы хотим прививать молодежи идеалы ответственности, достоинства, почитания старших, любви к Родине, то это должны быть незыблемые, без двойных стандартов и лицемерия правила для каждого из нас, то есть для людей, которые считают, что могут заниматься обучением и воспитанием молодого поколения.

На уровне семьи это должны быть ценности любви и поддержки, почитания старших, уважения межличностных границ. На уровне образовательных организаций – ценности научной и образовательной добросовестности, честности, ответственности, этики и морали. Они могут быть положены в основу кодекса университета и распространяться через внутренние регламенты и личный пример преподавателей и администрации.

На уровне региона мы бы предложили следующие меры. Первое, перенаправить «существование» молодежи в цифровом пространстве для решения приоритетных задач территории. Расширить систему мер по поддержке молодежного предпринимательства, подготовке IT-специалистов. Во-вторых, поддерживать активность молодежи в интересующих ее сферах (спорт, творчество, семейная жизнь, профессиональное развитие), предлагая новые форматы деятельности и поощрения участников. Для привлечения молодежи к участию в мероприятиях необходима четкая ориентация не на массовость, а на целевую аудиторию. В-третьих, развивать инфраструктуру для проведения мероприятий, учитывая особенности и потребности молодежи: актуальность тематики, общение, комфорт, возможность творческого самовыражения (коворкинги, лофт-зоны и др.).

В-четвертых, по мнению молодежи региона, в Кировской области наиболее активно развиваются такие направления молодежной политики, как содействие профориентации и карьерным устремлениям, вовлечение молодежи в занятия творческой деятельностью, взаимодействие с общественными организациями и патриотическое воспитание молодежи. Необходимо уделить внимание развитию следующих направлений (выделенных молодежью): организация досуга, отдыха и оздоровления, поддержка инициатив молодых людей, поддержка молодых семей, предоставление социальных услуг, содействие решению жилищных проблем и обеспечение гарантий в сфере труда и занятости.

Это далеко не полный список мер и решений. В Вятском государственном университете

в рамках стратегического проекта «Гармоничная личность» программы «Приоритет 2030» ведется активная работа по расширению перечня рекомендаций для молодежи и представителей старшего поколения по улучшению социального и психологического благополучия, показателей качества жизни и самоощущения счастья для этого поколения.

Список литературы

1. Твенге Д.М. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым к взрослой жизни / Пер. А. Толмачев; ред. П. Костюк, Д. Смирнова. М.: РИПОЛ Классик, 2019. 490 с. [Серия: Новая реальность].

2. Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. М.: Высшая школа экономики, 2020. 230 с.

3. Bolton R.N., Parasuraman A., Hoefnagels A. et al. Understanding Generation Y and their Use of Social Media: A review and Research Agenda // Journal of Service Management. 2013. Vol. 24. № 3. P. 245–267.

4. Афанасов Н.Б. Дети iPhone и Cola Zero // [Предисл. к кн.] Твенге Д.М. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым к взрослой жизни. М.: РИПОЛ Классик, 2019. С. 5–12.

5. Головаха Е.И., Панина Н.В., Горбачик А.П. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС. URL: https://smolsoc.ru/index.php/2010-09-05-16-55-15 (дата обращения: 03.02.2023).

«GENERATION I» IN THE KIROV REGION

E.V. Mityagina, M.I. Luchinina, E.V. Volchenkova

Vyatka State University, Kirov

The authors of the article make an attempt to find the features of «Generation I» among the youth of the Kirov region. The main research method is a sociological survey of 1200 girls and boys aged 18 to 35 from Kirov and 20 districts of the Kirov region. As a result of the survey, it was revealed that the youth of the Kirov region are characterized by the features of «Generation I»: individualism, education, delayed maturation, intensification of leisure practices, reduced interest in alcohol and sexual life. A paradox has been established that with a high level of social well-being and quality of life, this generation is more prone to depression and low assessments of their happiness. At the same time, since iGeners are ready to constantly learn, they are sure that someone can teach them to be happy. Based on the identified characteristics of the «Generation I», possible measures in the field of youth policy are proposed, among which are the expansion of the support system for youth entrepreneurship and the training of IT specialists; maintaining the activity and initiative of young people in areas of interest to them using new formats of activities, taking into account the characteristics and needs of the participants; improving infrastructure for youth; development of the sphere of organization of leisure, recreation and health improvement; support for young families; provision of social services; assistance in solving housing problems and providing guarantees in the sphere of labor and employment.

Keywords: «Generation I», iGeners, millennials, self-perception of happiness.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2023_3_68

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2023 г.

А.М. Бекарев, Г.С. Пак

Бекарев Адриан Михайлович, д.филос.н.; профессор кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
adrian.bekarev@yandex.ru
Пак Галина Станиславовна, д.филос.н.; профессор кафедры философии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
galinapak5@gmail.com

Статья поступила в редакцию 23.03.2023
Статья принята к публикации 18.07.2023

Быстрый и тотальный переход российской высшей школы к использованию дистанционных цифровых технологий явился успешным ответом на вызов, предъявленный внезапно обрушившейся пандемией. Сравнительный анализ функционирования отечественного института образования в нормальных и экстремальных условиях показал, что условием эффективного решения задач, стоящих перед ним, является совпадение целей управления и ценностей образования. Перечень проблем, которые решались в ситуации пандемии представителями управления и исполнителями, показал, что ценности образования реализуются в преподавательской деятельности, а носителем этих ценностей является профессорско-преподавательский состав. Гармоничное соотношение целей управления и ценностей образования, как показала пандемия, достигается за счет снижения бюрократизации в организации образовательного процесса, отказа от понимания функции контроля над исполнением как главной функции управления. Интерналистский подход в изучении института образования необходимо дополнить экстерналистским. Преодоление кризисного состояния системы достигается за счет адекватной конкретизации задачи, поставленной обществом и государством: готовить специалистов не для нынешней экономики, а для экономики будущего, какой она будет хотя бы через 5–10 лет. В условиях неопределенности будущего возникает невиданная ранее потребность в творческих кадрах, подготовка которых предполагает использование сетевой модели образования. Необходимость подготовки профессиональной элиты не отменяет массового высшего образования, направленного на подготовку кадров, способных обеспечить самозанятость. Представляется, что удовлетворению дифференцированной потребности в кадрах соответствует многоуровневая модель образования, которая предполагает использование различных образовательных технологий и форм обучения.

Ключевые слова: образование, противоречие, интересы управления, ценности образования, образовательные технологии, рынок труда, профессионал, элита.

Введение

Ситуация непрекращающегося реформирования института высшего образования в России была нарушена обрушившейся на всех пандемией, которая явилась вызовом для всего российского института образования. По логике А. Тойнби за вызовом должен следовать ответ. Российская система образования выдержала, спонтанный переход на дистанционные технологии не привел ее к летальному исходу. Она выжила. Но вслед за А. Тойнби задаем вопрос: «Как и какой ценой?» [1, с. 85].

Целью предлагаемого дискурса является изучение ответа на вызов, который конкретизируется в следующих вопросах: что сделало возможным быстрый и достаточно безболезненный переход к повсеместному использованию цифровых технологий? Это сюжет является определяющим, ибо он обеспечил выживание. В отличие от западных стран, использующих дистанционные формы обучения, в России до пандемии они скорее были предметом теоретических дискуссий, а не результатом обсуждения проблем их использования. Это – во-первых. Во-вторых, вызов обнажил актуальные тенденции на рынке труда и необходимость осмысления их значимости для образовательного процесса. В-третьих, кризисная ситуация вскрыла уязвимый момент в понимании основной задачи, стоящей перед институтом высшего образования, а именно – какие кадры нужно готовить для удовлетворения быстро меняющихся запросов экономической системы страны. Ответы на эти вопросы и определили круг задач, стоящих перед исследователями.

Методология

Междисциплинарный подход к изучению института образования позволяет выделить два основных тренда: по аналогии с исследованием науки обозначим их как интерналистский и экстерналистский. Интерналисты рассматривают

институт образования как относительно автономное социальное образование, которое имеет собственную логику и имманентные движущие силы развития. С позиций экстернализма, институт образования должен решать те задачи, которые ставит перед ним общество, озвучивающее их устами государства. Применение двух стратегий к анализу института образования дает возможность посмотреть на него изнутри, глазами тех, чью профессиональную идентичность он определяет, и снаружи, взглядом стороннего наблюдателя, что обеспечивает комплексный характер исследования.

Решение первой задачи предполагает исследование института высшего образования в интерналистском контексте. Сравнительный обзор российских и зарубежных исследований социально-гуманитарных наук по проблемам образования свидетельствует о специфичности тех проблем, которые возникают в российской системе образования.

На Всемирном философском конгрессе в Афинах в 2013 г. на секции по философским проблемам образования основная задача российского образования была представлена В. Кондратьевым как необходимость синтеза ценностей образования и интересов управления учебными заведениями. Исследователь отмечает превалирование интересов управления над интересами профессорско-преподавательского состава, непосредственно участвующего в реализации образовательного процесса. «Если даже преподаватели принимают участие в принятии решений, то последнее слово остается за администрацией» [2, с. 356]. Итак, речь идет о несовпадающих интересах двух субъектов образовательной организации, которые не являются равноправными в принятии решений. Административное управление является выражением экономической политики государства, но важным условием повышения качества образования автор считает упрочение экономической и юридической автономии университетов. Интерналистская стратегия изучения института образования ориентирована на изучение его функционирования сквозь призму противоречия между ценностями образования и ценностями управления. Диалектический характер указанного противоречия обнаруживает себя в ходе сравнительного анализа образовательных организаций до пандемии и в ходе пандемии.

Подход к решению второй задачи связан с использованием экстерналистской стратегии и предполагает выделение не только актуальных тенденций на рынке труда, но и их прогнозирование. Осмысление их значимости для образовательного процесса не только дает возможность конкретизировать представление о том, подготовкой каких специалистов и в каком количестве должна заниматься высшая школа, но и ставит вопрос об используемых образовательных технологиях.

Результаты и обсуждение результатов

В социологическом дискурсе характерной чертой института образования до начала пандемии ряд авторов считают бюрократизацию, явившуюся следствием оптимизации и модернизации российского высшего образования, и видят в этом причину того, что непрекращающиеся реформы не дают желаемого результата [3, с. 73–82]. Бюрократизация не является адекватным средством улучшения качества образования. Создание отдела качества образования ведет к дальнейшей формализации образования, а не к улучшению его качества. Проблема приобретает вид противоречия между субъектом управления и субъектом исполнения, который непосредственно участвует в осуществлении образовательного процесса. Совершенствование качества образования видится в интерналистской стратегии, освобождающей преподавателей от ненужной отчетности и высвобождающей время для содержательной работы со студентами. По данным социологических исследований 2013 г., отражающих проведение реформ, почти три четверти опрошенных преподавателей (74.5%) считают необходимым уменьшить учебную нагрузку и сократить количество отчетной документации. 53.4% преподавателей считают авторитарные бюрократические методы государственного управления высшей школой неэффективными [3, с. 77]. В деятельности непосредственных участников образовательного процесса усматривается движущая сила развития образования. У многих исследователей есть сомнения в возможной демократизации высшей школы, но они не утрачивают оптимизма. У них остается «вера в профессионалов, которым не безразлично то, что происходит» [3, с. 80]. Анализ документов 2015 г., таких как «Доктрина образования человека в Российской Федерации» [4], «Гуманистическая педагогика: 21 век» [5], «Манифест о цифровой образовательной среде» [6], разработанных не чиновниками, а учеными и практиками, на которых зиждется оптимизм автора статьи [3], объясняет их противоречивую оценку, но главное – заставляет усомниться в их реальной эффективности на том основании, что в современном мире размываются основы гуманизма как мировоззрения [7, с. 425–429]. Признание гуманизма как высшего и непоколебимого принципа со-

временной культуры равносильно попытке остановить бег времени.

Подводя промежуточные итоги, заметим, что ценности образования не могут отстаиваться только исполнителями, а идеализировать практиков, педагогов и преподавателей – означает построение очередной утопии. Педагоги и преподаватели тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. Интересы управленческого аппарата не могут быть абсолютно свободными от ценностей образования. Между интерналистской и экстерналистской стратегиями в исследовании образования нельзя воздвигнуть китайскую стену так же, как и между субъектом управления и объектом управления (исполнителями). Контекстом, в котором мы рассматриваем проблемы образовательного учреждения, является культура организации, представленная корпоративной культурой и организационной культурой, которая передается в виде социальной эстафеты. Корпоративная культура объективирована и представлена в виде миссии, кодексов, целей и задач образовательного учреждения и внедряется руководством организации, преследуя трансформацию организационной культуры в нужном направлении. Организационная культура есть исторически сложившаяся культура, которая передается в непосредственном контакте, носит характер неявного знания и дает представление об образовательной организации как куматойде. Соотношение двух культур в организации носит не статистичный, а процессуальный характер [8].

Ситуация пандемии никому не оставила выбора: либо конец и приостановление образовательной деятельности, либо скорейший переход к использованию дистанционных технологий. Спонтанно возникший переход к дистанционным формам обучения продемонстрировал единство и заинтересованность основных субъектов, отвечающих за организацию и реализацию учебного процесса. Стояла общая задача – продолжить обучение в удаленном режиме. Не было никаких директив сверху, создавались оперативные штабы, в принятии решений принимали участие как представители администрации, так и непосредственные исполнители. Выбор форм и способов дистанционного обучения полностью отдавался на усмотрение преподавателя. Это тот момент, когда единство интересов обеспечило достойный ответ на вызов. В контексте управления важно артикулировать, что пандемия способствовала снижению бюрократизации учебного процесса, ослабила функцию контроля за деятельностью исполнителей. Ситуация пандемии отчетливо выявила условия достижения гармонии между интересами управления и исполнения, в конечном счете повышения эффективности образовательного процесса.

Проблемы, которые возникли перед непосредственными организаторами учебного процесса в условиях удаленного взаимодействия, потребовали не только новых технологических навыков, но и содержательной педагогической работы.

Отсутствовала даже ясность в определении статуса удаленного взаимодействия: то ли это дистанционное образование, то ли обучение. В работах российских исследователей употребляются оба понятия, иногда как синонимы, в некоторых случаях обращается внимание на их различия [9]. Применительно к зарубежному опыту чаще используется понятие дистанционного образования, к российской практике – обучение. «Использование понятия «дистанционное обучение» акцентирует внимание на формах обучения, их технологическую оснащенность. Дистанционное обучение и дистанционное образование – новое явление в педагогике. В настоящее время существует множество дискуссий о различии терминов «обучение» и «образование», заставляющих признать нелегитимным термин «дистанционное образование» (в отличие от термина «дистанционное обучение») на основании того, что официально признанными (по крайней мере, в России) сегодня являются лишь четыре формы образования: очное, заочное, очно-заочное (вечернее) и экстернат. В этом контексте разумно говорить о дистанционном обучении как образовательной технологии, которая может быть легко интегрирована в любую форму образования» [10]. Из этого следует, что дистанционное обучение органично вписывается в любую форму образования.

Длительность самоизоляции потребовала поиска оптимальных, а не самых доступных, как в начале, форм организации учебного процесса. Ситуация пандемии сделала совершенно очевидным примат практического разума по отношению к теоретическому [11]: сначала организовали учебный процесс в удаленном режиме, потом подвергаем рефлексии его итоги. Особенность дистанционного образования и обучения обусловлена тем, что каждое новое поколение технологий увеличивает возможности контакта и сотрудничества преподавателей и студентов. В условиях демократизации общества этот факт способствовал созданию открытых университетов, что являлось политическим шагом и сделало высшее образование доступным более широкому кругу заинтересованных лиц. Дистанционное образование в теории рассматривается как самообразование, для студентов, обучающихся дистанционно, характерна высокая степень мотивации, заинтересованно-

сти, как правило, это взрослые люди, имеющие практический опыт и знающие, что им нужно. В условиях пандемии очная форма обучения вынужденно сменена на дистанционную форму обучения со всеми вытекающими следствиями: в виде необходимости постоянно поддерживать интерес студенческой аудитории и, увы, контроля за поведением на лекции онлайн. Практические занятия с аспирантами оказалось эффективнее проводить в асинхронном режиме.

В практике зарубежного дистанционного образования активно используются две модели организации учебного процесса, известные как корреспондентская и трансляционная. Корреспондентская модель возникла в XIX веке и обусловлена улучшением сообщения между населенными пунктами. Начиналась она с писем и почтовых бандеролей, в XXI веке эта модель организации учебного процесса никуда не исчезла, но трансформировалась в электронную почту, в письма со вложенными файлами. Корреспондентская модель, несмотря на фантастическое сокращение сроков между отправкой и получением корреспонденции, является асинхронной, предполагает бо́льшую временну́ю свободу обучающегося в выполнении заданий [12]. При работе с аспирантами ставился срок – сдача работ по данной теме в день очных планируемых до пандемии занятий, например в среду. Аспиранты одной из групп начинали высылать свои работы с понедельника, основная масса в среду, а 5–6 человек в интервале 23.00–00.30. От работы онлайн в ZOOM они отказались. В центре корреспондентской модели находится обучающийся, модель рассчитана на индивидуальную работу. В международной практике образования эта модель получила название британской. В реальной практике групповой работы с аспирантами по «Истории и философии науки» корреспондентская модель не стала лишь формой индивидуальной работы и не только по причине общности обсуждаемых тем. Выход за границы индивидуальной работы был обусловлен необходимостью дать сводный обзор всех представленных работ по данной теме. Преподаватель не давал явной оценки аспирантских работ, но, ознакомившись с представленным текстом, аспирант самостоятельно делал вывод о достоинствах и недостатках своей работы.

Трансляционная модель является копией очного образования, доступного в удаленной форме. Это модель синхронного взаимодействия, и в этом её основное достоинство. Но с ростом числа слушателей усиливается пассивный характер восприятия. В международной практике рекомендуется создавать группы не более 20 человек. Для бакалавров, особенно младших курсов, в отсутствие сильной мотивации возникают проблемы с дисциплиной на онлайн-занятиях. Трансляционная модель выстроена вокруг преподавателя, в то время как корреспондентская – вокруг обучающегося. К основным недостаткам трансляционной модели относится необходимость иметь технически продвинутую аппаратную часть, что определяет её высокую стоимость. Как показала практика онлайн-преподавания, не только у некоторых студентов, но и у преподавателей не оказалось необходимой аппаратной части. Например, во время лекции «завис» Интернет у преподавателя, для него это неприятность, для студентов – повод отвлечься и развлечься.

Дальнейшее развитие ситуации пандемии показывает процессуальность расхождения задач между носителями управленческой функции и исполнителями образовательного процесса. Для педагогов важно было определиться с формой дистанционного обучения, способствующей качественному образовательному процессу, для управленцев – контролировать деятельность исполнителей и иметь материалы для отчетности перед вышестоящей организацией.

После организации учебного процесса в удаленном режиме, различными способами справившись с огрехами в цифровой компетентности преподавателей (речь шла прежде всего не о знаниях, а об их умениях и навыках), началось расхождение интересов между управленческим аппаратом и профессорско-преподавательским составом. Следует отметить, что совпадение интересов двух субъектов образовательного процесса – явление уникальное и обусловленное чрезвычайной ситуацией. В режиме нормального функционирования расхождение интересов управления и исполнителей естественно, поскольку обусловлено различным положением участников в образовательном поле, но указанное расхождение не должно достигать конфликтных форм и противостояния.

Справившись с чрезвычайной ситуацией, администрация вузов осознала необходимость поиска форм контроля над деятельностью преподавателей, организующих учебный процесс в удаленном режиме. В связи с этим возникло требование размещать записи лекций и практических занятий либо их итогов и заданий на контролируемом администрацией сайте. Администрация с поставленной задачей справилась. Деятельность преподавателей оказалась подконтрольной, что положило начало переходу от различия позиций к их противоречию. Даже простое размещение материалов, свидетельствующих о характере, проведении и результатах учебного процесса,

потребовало дополнительного времени, тем более подготовка лекций онлайн, использование презентаций и видеороликов привели автоматически к увеличению и без того постоянно увеличивающейся учебной нагрузки преподавателей. Взаимное недовольство профессорско-преподавательского состава и управленческого аппарата грозило перерасти в конфликт, когда появились распоряжения о подготовке всех дисциплин, всех лекций, всех практических занятий, которые составляют нагрузку преподавателя в течение всего учебного года для дистанционного обучения, к 1 сентября. Эта новость появилась где-то в середине июня, в конце далеко не простого второго семестра, за неделю-две до отпуска. Несмотря на абсурдность и невыполнимость поставленной задачи, хотя бы из-за сроков, исполнители стали обсуждать, как формально выполнить это распоряжение. Это наглядный пример бюрократического требования, продиктованного стремлением руководства отчитаться о готовности к учебному году перед вышестоящей инстанцией, реально мешающего нормальному учебному процессу и отнимающего и без того ограниченное преподавательское время. Но не только субъект исполнения имеет претензии к руководству, управленческий аппарат тоже не считает исполнителей идеальными. Невольно вспоминается собственное начало преподавательской деятельности: в далекие советские времена, когда на профсоюзном собрании проректор по АХЧ политехнического вуза серьезно утверждал, что трудовой коллектив был бы идеальным, если бы не было преподавателей и студентов, основных нарушителей дисциплины, осуществляющих порчу и неконтролируемый расход государственного имущества. Для несведующих заметим, что речь идет о меле, усилителе голоса (поток 250 человек) канендоскопе и партах. С тех далеких времен мало что по содержанию изменилось во взаимоотношениях между администрацией, преподавателями и студентами. Следует вывод, что ценности образования в большем объеме реализуются не в управленческой, а в исполнительской деятельности.

Институт образования относится к социальной сфере общества, в которой осуществляется воспроизводство общественного человека. В рыночном обществе цель образования заключается в подготовке специалистов, востребованных на рынке труда, в интеграции экономики и образования. На современном этапе ставится задача подготовки специалистов для цифровой экономики. При рыночной системе хозяйствования это аксиома, и она не подлежит обсуждению. Главный вопрос в том, какие специалисты востребованы в условиях современного технологического уклада и кто должен ответить на этот вопрос? Прогностический элемент является необходимой составной частью научного исследования. Подчеркнем особо, что институт образования справится с поставленной задачей, если будет готовить специалистов не для нынешней экономики, а для экономики будущего, какой она будет хотя бы через 5–10 лет. Для этого необходимо проанализировать складывающиеся тенденции на рынке труда. На смену занятости приходит частичная или временная занятость, на пороге стоит безработица. Роботы наступают. В условиях конкуренции человека и умных машин пока экономичнее воспроизводство людей, а не машин. Но это явление временное. На современном рынке труда востребованы творческие люди, относящиеся к специалистам самого высокого уровня. Но творчество не является компетентностью, разложимой на знания, умения и навыки.

В условиях современной хозяйственной жизни востребованы профессионалы [13], потребность в массовой рабочей силе уходит в прошлое вместе с индустриальным обществом. Можно предположить, что спрос на творческую элиту придет на смену потребности в профессионалах. Оставим за скобками мировоззренческий и идеологический контекст в виде критики рыночной системы хозяйствования и принципов гуманизма как господствующего мировоззрения, возьмем на себя смелость предположить, что элитарное образование не отменяет массового. Удел элиты – развитие науки, техники, технологий, в массовом масштабе существует потребность в индивидуальном предпринимательстве и самозанятости. Вместе с тем формирование творческой личности профессионала является общей задачей института образования. Для реализации этой цели в образовательном процессе используется сетевая модель. Сетевая модель обучения зиждется на проблемно-поисковых, коммуникативных и имитационно-ролевых технологиях [14, с. 101].

По мнению большинства исследователей, для подготовки профессиональной элиты в сетевых структурах необходимы иные образовательные технологии. Необходимость подготовки будущей профессиональной элиты является своеобразным вызовом для российской системы образования, поскольку нет отечественного опыта в достижении поставленной цели. Для её решения на Западе используется тьюториал. Понятия «тьютор» и «тьюториал» не совсем привычные для российского слуха, к тому же плохо совместимые с нашей реальностью. Е.В. Гончарова и Т.С. Шевченко отмечают, что «трудно себе представить адекватное воспроиз-

ведение феномена тьюторства в условиях <...> организации университетского образования, выстраиваемого на основе государственных образовательных стандартов и требований потенциальных работодателей» [15, с. 13].

Попробуем разобраться, для чего нужен тьюториал. Есть два вида студентов и два подхода к обучению. Для основной массы российских студентов задачей является успешная сдача экзаменов и получение диплома о высшем образовании. Такие студенты ориентированы на простое воспроизведение содержания, характерное для пассивного восприятия учебного материала, что влечет за собой неспособность выделить главное и существенное. Немногочисленная группа студентов стремится понять материал, пропустить через себя, соотнести с имеющейся системой знаний, собственной картиной мира, в конце концов, так происходит трансформация знаний и формируются основы творческого мышления. На развитие глубокого подхода к обучению и творческого потенциала направлен тьюториал. Способности думать самому и понимать, как думают другие, не являются врожденными, а формируются в образовательном процессе [16, с. 58–60]. На родине тьюториала в Оксфорде его цель – «развитие индивидуальных способностей студента глубоко понимать дисциплину и использовать с возрастающей уверенностью присущие ей методики и методологии» [17, с. 11]. Согласимся с Р. Даукинсом, который считает тьюториал «роскошью» [15, с. 51]. С позиций экономической рациональности, достоинства тьюториала меркнут на фоне его стоимости. Проведение тьюториалов с одним-двумя студентами является прерогативой элитных учебных заведений и плохо вписывается в систему массового высшего образования, наиболее отвечающего демократическим тенденциям общества.

Задача института образования в условиях неопределенности будущего готовить не только специалистов-профессионалов, но и творческих личностей. В условиях так сформулированной задачи классический тьюториал нуждается в трансформации. Зоны обмена Питера Галисона [18] являются необходимым элементом становления творческого мышления. Из «Социологии философий» Р. Коллинза следует заключить, что творческий потенциал личности зависит от его положения в профессиональной сети [19, с. 7]. Таким образом, творческий потенциал личности не обусловлен исключительно индивидом, но вызревает в поле соответствующих социальных связей и отношений, то есть в социальных сетях. Представляется, что будущее именно за сетевой моделью обучения, сочетающей индивидуальное и групповое обучение.

Заключение

Сравнительный анализ функционирования отечественной высшей школы в нормальных и экстремальных условиях приводит к осознанию того простого факта, что ценности образования должны превалировать над ценностями управления. Освещение проблем, стоящих перед носителями управленческой и исполнительской функции, поставленных пандемией, свидетельствует, что реализация ценностей образования в большей степени является уделом профессорско-преподавательского состава. Частичное несовпадение ценностей образования и управления является нормальным состоянием, но для эффективного функционирования института высшего образования важно, чтобы их расхождение не доходило до конфликта и прямого противостояния. Единство ценностей образования и целей управления есть тождество различного. Такое содержательное тождество образовательного процесса и его управления достигается в результате правильно сформулированной задачи образования. Образование, интегрированное с практикой сегодняшнего дня, неизменно будет отставать от потребностей общественного развития, находиться в ситуации перманентного кризиса. Образование устремлено в будущее, в условиях, когда неопределенность будущего возрастает, возникает невиданная ранее потребность в творческих кадрах, подготовка которых предполагает использование сетевой модели образования. Подготовка творческой элиты, для которой профессиональная деятельность – креатив и игра, не отменяет массового высшего образования, направленного на подготовку кадров, способных обеспечить самозанятость. Представляется, что удовлетворению дифференцированной потребности в кадрах соответствует многоуровневая модель образования.

Список литературы

1. Тойнби А. Дж. Постижение истории: Сборник. М.: Прогресс: Культура, 1991. 607 с.

2. Меськов В.С., Холкина А.С. 2015.01.003-004. Современные проблемы философии образования: по материалам XXIII Всемирного философского конгресса: (секция «Философия образования») (реферативный обзор). 2015. 01. 003. XXIII World congress of philosophy: Abstracts. Athens, 2013. P. 7–813. 2015.01. 004. XXIII World congress of philosophy: Program. Athens, 2013. P. 26–75 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия. Реферативный журнал. М.: ИНИОН, 2015. С. 23–52. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/2015-01-003-004-sovremennye-problemy-filosofii-obrazovaniya-po-materialam-xxiii-vsemirnogo-filosofskogo-kongressa-sektsiya-filosofiya (дата обращения: 06.04.2023).

3. Красинская Л.Ф. Модернизация, оптимизация, бюрократизация… Что ожидает высшую школу завтра? // Высшее образование в России. 2016. № 3. С. 73–82.

4. Хуторской А.В. Доктрина образования человека в Российской Федерации (проект) // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2015. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-obrazovaniya-cheloveka-v-rossiyskoy-federatsii-proekt (дата обращения: 22.03.2023).

5. Симбирцева Н.А. Какая она – современная педагогика? (по поводу Манифеста «Гуманистическая педагогика: XXI век») // Человек в мире культуры. 2015. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kakaya-ona-sovremennaya-pedagogika-po-povodu-manifesta-gumanisticheskaya-pedagogika-xxi-vek (дата обращения: 22.03.2023).

6. Чеботарь Н., Синельников В., Кушнир М. и др. Манифест о цифровой образовательной среде // Образовательная политика. 2016. № 1 (71). С. 34–43. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/manifest-o-tsifrovoy-obrazovatelnoy-srede (дата обращения: 22.03.2023).

7. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2019. 496 с.

8. Бекарев А.М., Пак Г.С. Организационная культура как многомерный феномен // Личность. Культура. Общество. 2011. Т. 13. № 2 (63–64). С. 120–126.

9. Грехнёв В.С. Формы образования: философско-методологические основания их определения // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 2. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=28641 (дата обращения: 22.03.2023).

10. Семенова Е.В. Дистанционная система обучения как современное направление развития при подготовке специалистов фармацевтического профиля // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 1. С. 33–35.

11. Бекарев А.М., Пак Г.С. Выбирая между эпистемой и доксой // Socio Time / Социальное время. 2019. Т. 18. № 2. С. 24–37.

12. Хусяинов Т.М. История развития и распространения дистанционного образования // Педагогика и просвещение. 2014. № 4. С. 30–41.

13. Perkin G. The Third Revolution: Professional Society in International Perspective. L.: Routledge, 1996. 272 p. URL: https://www.routledge.com/The-Third-Revolu tion-Professional-Elites-in-the-Modern-World/Perkin-Perkin /p/book/9780415143387 (дата обращения: 20.02.2023).

14. Бочков В.Е., Краснова Г.А., Филиппов В.М. Состояние, тенденции, проблемы и роль дистанционного обучения в трансграничном образовании: Учеб. пособие. М.: РУДН, 2008. 405 с.

15. Гончарова Е.В., Шевченко Т.С. Сопровождение индивидуальной образовательной траектории обучения студентов // Вестник Нижневарт. гос. ун-та. 2012. № 2. С. 12–18.

16. The Oxford Tutorial: ‘Thanks, you taught me how to think’ / Ed. by D. Palfreyman. 2nd edition. Oxford, 2008. 117 p. URL: http://oxcheps.new.ox.ac.uk /Publica-tions/Resources/OxCHEPS_OP1_08.pdf (accessed 21 January 2016) (in Russian) (дата обращения: 22.03.2023).

17. Oxford University Education Committee Policy Guidance on Undergraduate Learning and Teaching. 2013. URL: https://www.admin.ox.ac.uk/media/global /wwwadminoxacuk/localsites/educationcommittee/documents/notesofguid-ance/uglandt13.pdf (дата обращения: 22.03.2023).

18. Galison P. Trading Zone: Coordinating Action and Belief // In: The Science Studies Reader / Ed. by Mario Biagioli. New York: Routledge, 1999. P. 137–160. URL: https://galison.scholar.harvard.edu/publications/trading-zone-coordinating-action-and-belief-1998-abridgment (дата обращения: 22.03.2023).

19. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1280 с.

CHALLENGES OF MODERNITY AND PROBLEMS RUSSIAN EDUCATION

A.M. Bekarev, G.S. Pack

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The rapid and total transition of Russian higher education to the use of remote digital technologies was a successful response to the challenge presented by the sudden pandemic. A comparative analysis of the functioning of the domestic institution of education in normal and extreme conditions showed that the condition for the effective solution of the tasks facing it is the coincidence of the goals of management and the values of education. The list of problems that were solved in a pandemic situation by management representatives and executors showed that the values of education are realized in teaching, and the teaching staff is the bearer of these values. The harmonious relationship between the goals of management and the values of education, as the pandemic has shown, is achieved by reducing bureaucratization in the organization of the educational process, refusing to understand the function of control over execution as the main function of management. The internalist approach in studying the institution of education must be supplemented with an externalist one. Overcoming the crisis state of the system is achieved through an adequate specification of the task set by society and the state: to train specialists not for the current economy, but for the economy of the future, which it will be at least in 5-10 years. In the conditions of the uncertainty of the future, there is an unprecedented need for creative personnel, the training of which involves the use of a network model of education. The need to train a professional elite does not cancel mass higher education aimed at training personnel capable of providing self-employment. It seems that the satisfaction of the differentiated need for personnel corresponds to a multilevel model of education, which involves the use of various educational technologies and forms of education.

Keywords: education, contradiction, management interests, education values, educational technologies, labor market, professional, elite**.**

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2023_3_75

СТРОИТЕЛЬСТВО СЕВЕРНОГО ШИРОТНОГО ХОДА В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

© 2023 г.

Т.Э. Петрова, В.В. Лобанов, Е.Е. Русинова

Петрова Татьяна Эдуардовна, д.соц.н.; проф.; профессор кафедры гуманитарных и социальных наук МИРЭА – Российского технологического университета, Москва
peta-63@mail.ru
Лобанов Валерий Васильевич, магистрант 2-го курса факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
lobanov.valery@vniizht.ru
Русинова Елена Евгеньевна, магистрант 2-го курса факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
rusinova_e@mail.ru

Статья поступила в редакцию 21.02.2023
Статья принята к публикации 18.07.2023

Выявляется значение Арктической зоны Российской Федерации для социально-экономического развития страны в целом, определяются основные проблемы развития указанного региона в зависимости от особых экономико-географических и социально-экономических факторов, анализируются нормативные правовые акты федерального уровня по вопросам развития Арктической зоны Российской Федерации, формулируются задачи строительства Северного широтного хода (СШХ) – железнодорожного пути в регионе Арктики Русского Севера, определяется цель данного исследования – систематизация теоретических подходов к развитию территории Арктики и Русского Севера и проведение системного анализа основных социальных аспектов развития СШХ.

Задачи исследования – оценка проектных решений строительства СШХ, состояния готовности его социальной инфраструктуры, экологии, транспортной и логистической составляющих, функционирования с учетом выполнения задач по поддержанию достойного уровня условий и качества жизни населения, ключевых параметров уровня социально-экономического развития региона и показателей эффективности деятельности органов управления территорий, определение «критических» индикаторов устойчивого развития территории. Сопоставляются положения цивилизационных моделей различных авторов (Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, Дж. Тойнби, Ю.В. Яковца, У.А. Винокуровой), проводится системный анализ основных проблем развития Арктической зоны Российской Федерации (безопасности, экологии, недропользования, экономики, социального развития), вторичный анализ результатов проведенных различными авторами социологических исследований общественного мнения жителей и коренного населения Арктической зоны Российской Федерации по широкому кругу вопросов их жизнедеятельности, применяется проектный подход по определению перспектив решения выявленных проблем. В качестве основных социальных аспектов строительства СШХ выделяются экологический, экономический, а также связанные с жизнедеятельностью коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и обеспечением безопасности жизнедеятельности в данном регионе. Предлагаются пути решения выявленных проблем социальной направленности в субъектах Российской Федерации региона Крайнего Севера.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, регион (районы) Крайнего Севера Российской Федерации, Северный широтный ход (СШХ), транспортная отрасль, ОАО «РЖД», региональные проблемы социальной направленности.

Введение

Акватория Северного Ледовитого океана с учетом территорий не очень дружественных России стран и акваторий Гренландского, Норвежского морей и морей Линкольна и Бофорта требует пристального внимания и обеспечения постоянного аэронавигационного, экологического и рыболовно-промыслового мониторинга со стороны Российской Федерации. В то же время необходимо обеспечить высокий уровень национальной безопасности в морской зоне и акватории Баренцева, Карского, Восточно-Сибирского, Чукотского морей и прилегающих территорий Арктической зоны России. Данный военно-политический вектор в настоящее время имеет целью обеспечение безопасного международного мореплавания и проводки судов по маршруту Северного морского пути (СМП), военного паритета в части безопасности морских и нефтедобывающих коммуникаций, а также территориальной целостности воздушно-космических, морских и сухопутных границ России в арктическом регионе (в том числе и

требуемого уровня экологической и промышленной безопасности жителей, проживающих на арктических территориях).

В свою очередь Россия представляет собой крупнейшее арктическое государство, более половины территории которого расположено в полярных широтах. Современное территориальное административное деление определяется Указом Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 года № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» [1].

Необходимо отметить, что Арктика для России является важнейшей геополитической территорией с учетом акваторий омывающих морей и неразрывно связана как с центральной частью России, так и со всеми остальными административными образованиями за счет экономико-производительных и логистических связей. Особенностью данных территорий являются сложные климатические условия, труднодоступность и сложность осуществления транспортного обеспечения любым видом современного транспорта (автомобильный, железнодорожный, авиационный, морской и речной). Даже в современных условиях наиболее приемлемым и надежным средством передвижения являются оленьи и собачьи упряжки и отдельные вертолетные площадки, но не везде и не всегда. Одной из главных особенностей данных территорий является «нежная экосистема», которая весьма чувствительна к любому вмешательству в ее вековой экоконтур, где проживают коренные малочисленные и порой исчезающие народности Севера (КМНС). Но все же главной и манящей особенностью являются «кладовые Русского Севера», которые не дают спокойно спать как нашим недругам, так и предприимчивым коммерсантам со всего света – от Канады и Гренландии, стран «северного Бенилюкса» и до государств Юго-Восточной Азии с различным уровнем дружелюбности к России.

Государственная политика, регулирование общественных отношений и стратегическое развитие данных территорий закреплены рядом нормативных актов, в том числе в Указе Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года», где в основном обозначены главные вызовы и угрозы для национальной безопасности страны, определены цели государственной политики, среди которых улучшение качества жизни местного населения зон Арктики, принадлежащих Российской Федерации, охрана территорий проживающих здесь КМНС, повышение эффективности экономического развития регионов, принадлежащих Российской Федерации в Арктике, с целью увеличения вклада, который они вносят в экономику страны (с учетом обеспечения экологической безопасности на данных территориях).

Главным направлением обеспечения выполнения задач государственной политики на северных территориях является реализация Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года, в которой предлагается осуществлять промышленное и производственное освоение арктических территорий с учетом модернизации и строительства объектов инфраструктуры с применением новых энергосберегающих и экологически «чистых» технологий и «экобрендов» в неразрывной связи с повышением уровня жизни населения и учетом особенностей и мнения КМНС на основе создания локальных социально значимых территорий как для проживания, так и для разностороннего развития и решения задач в сферах здравоохранения, учебы, спорта, науки, создания научно-образовательных центров, обеспечивающих прием детей, учеников, студентов, аспирантов и их последующую подготовку по специальностям от мерзлотоведения и охотоведения, добычи полезных ископаемых до высокотехнологичных направлений изучения акватории северных морей, территорий Новой Земли и векового состава воды и льда на квантовом уровне и другим специальностям, неразрывно связанным с технологическим и научно-техническим развитием существующих научных школ.

Чтобы реализовать цели, поставленные в Стратегии, была разработана государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации». В данной программе достаточно детально изложены положения государственной политики, направленные на развитие Арктического региона. Планируется создание преференциального режима для стимулирования предпринимательской деятельности в данном регионе, предусмотрены различные меры государственной поддержки инвестиционной деятельности.

Подразумевается, что реализация целей Программы в российских арктических землях позволит достичь развития экономики, повысить значимость региона Арктики для социально-экономического развития государства, создать условия для дальнейшего стабильного и результативного экономического становления региона. Затраты на освоение данной Программы на 2021–2024 гг. составляют более 19.5 млрд руб-

лей. Приоритетным (но «замороженным») проектом в сфере развития Арктики является строительство Северного широтного хода (СШХ), включающее обновление и создание объектов железнодорожной инфраструктуры по маршруту Обская – Салехард – Надым. В Послании Президента России от 21 апреля 2021 г. говорилось о ситуации на мировых рынках, что в конечном итоге даст России задействовать большую часть углеводородов для развития российской экономики. Необходимо обеспечить высокий уровень переработки, а дальше увеличивать поставки ресурсов и их производных лояльным потребителям. Решение этих задач неразрывно связано с использованием и развитием транспортных коридоров, в том числе речь идет о железнодорожном СШХ [2].

Во исполнение Распоряжения Правительства Российской Федерации от 8 августа 2018 г. № 1663-р заключено концессионное соглашение с ООО «СШХ» на финансирование, строительство и эксплуатацию СШХ и определены его права и обязанности по привлечению средств для задач строительства и проектирования СШХ [3].

В этих целях с учетом строительных норм, научно-технических и технологических решений ОАО «Российские железные дороги» утвердило программу научного сопровождения изыскательских, проектных, строительных работ, проводимых в сложных климатических условиях при строительстве объектов СШХ на многолетнемерзлых грунтах и при предельно низких температурах. При выполнении проекта предполагается заимствование инвестиций различного предназначения и безусловное стимулирование активности как государственных компаний, так и предпринимателей с различной формой собственности. На территории данного субъекта в том числе предполагается создание 30 тыс. рабочих мест, заключение договоров льготного лизинга с резидентами Арктической зоны. В ходе осуществления проекта должны быть возведены мостовые переходы, обеспечивающие транспортную логистику с учетом рек Обь и Надым, которые будут объединены в единый транспортный контур. Большинство специалистов считают, что данный проект вдохнет «вторую» жизнь в регион и снизит уровень грузонапряженности Транссибирской магистрали. С учетом развития СШХ будет повышен уровень перевозок, безопасной эксплуатации объектов железнодорожной отрасли в арктическом регионе, снижены эксплуатационные расходы и замкнут транспортный контур «СМП – СШХ», ускорится развитие малой и региональной авиации с учетом применения речного транспорта, что повысит уровень транспортной составляющей северного региона в целом. Все это позволит восстановить и развить агропромышленный сектор, снизить уровень оттока населения из региона и обеспечит регион как рабочей силой, так и социальной привлекательностью; качественным уровнем жизни с учетом этнических особенностей жизни и деятельности коренных народностей с учетом обеспечения в районе СШХ и регионах Крайнего Севера в целом [4].

В связи с существенно возросшей международной ролью северных арктических морских акваторий и акваторий с принадлежностью к Русской Арктике в мировом политико-экономическом пространстве возникает безусловная потребность в актуализации и научно-технологическом развитии наукоемких направлений исследований в части изучения и повышения потенциала данных территорий. В соответствии с изложенным, целью данного исследования является систематизация теоретических подходов к развитию территории Арктики и Русского Севера и проведение системного анализа основных социальных аспектов развития СШХ. Задачами исследования стали оценка проектных решений строительства СШХ как в части развития железнодорожного пути, так и всего транспортного кластера в целом с учетом аспектов социального развития всей инфраструктуры региона; оценка состояния готовности социальной инфраструктуры к прорывному развитию региона СШХ; оценка состояния экологии, транспортной и логистической составляющих территории СШХ и их влияния на общий уровень развития региона в целом; оценка функционирования СШХ с учетом выполнения задач по поддержанию достойного уровня условий и качества жизни населения; оценка ключевых параметров уровня социально-экономи-ческого развития региона и показателей эффективности деятельности органов управления территорий в сфере строительства СШХ; определение «критических» индикаторов устойчивого развития территории СШХ как социально-экономических систем с позиций их функционального взаимодействия; оценка уровня влияния промышленного производства на стабильность и равновесие подсистемы «природа и фауна Крайнего Севера» с учетом параметра «социальная комфортность» и «индекс развития человеческого капитала».

Методология

Основными методами данного исследования можно определить сравнительный анализ циви-

лизационных моделей различных авторов (Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, Дж. Тойнби, Ю.В. Яковца, У.А. Винокуровой), системный анализ основных проблем северных территорий России (национальной безопасности, экологии, недропользования, экономики, социального развития), вторичный анализ результатов проведенных различными авторами социологических исследований общественного мнения жителей северных территорий по широкому кругу вопросов их жизнедеятельности, проектный подход по определению перспектив решения выявленных проблем.

Изучая научное наследие А. Тойнби, одного из основоположников «цивилизационного подхода в изучении современного развития человечества», определившего основные «вызовы природной и социальной среды», среди факторов, которые могут оценить уровень и тип цивилизации, можно выделить географическую среду обитания, уровень развития хозяйства, политическую структуру сообщества, нравственные ценности, уровень самооценки. В то же время системообразующим и главенствующим является фактор – вызов «суровых» земель, который учитывает низкий уровень ресурсов и суровые условия для жизни человека в условиях Арктики и создает «ойкумену» человека, где он развивается вместе с природной средой «с учетом многолетнемерзлых грунтов и с использованием энергетических ресурсов своеобразной флоры и фауны» [5].

В отличие от представителей западноевропейских социологических школ, основателем «цивилизационной школы» Ю.В. Яковцом были определены своеобразные научно-логические подходы и выделены основные направления развития общества, параметры условий, входящие в состав так называемого «наследственного ядра генотипов цивилизаций». Во-первых, «экоприродное» направление (фактор), включающее нюансы природно-экологического климатического влияния на жизнедеятельность человека, наличие природных ресурсов и влияние окружающей среды в целом. Вторым направлением-фактором является демографическое, учитывающее численность и градиенты состава народонаселения с учетом расовых, национальных и этнических особенностей и региональную плотность населения на территории. Технико-технологический фактор включает уровень и рост научно-технологического развития, уровень оснащенности и применения тех или иных технических устройств в производственной и бытовой сфере. Экономический вектор развития включает инновационную привлекательность и активность, тип, структурный состав производственных и ресурсных мощностей и учет динамики экономики в целом, в том числе уровень интегрированности в мировую экономику и влияние социально-политического строя в стране на занимаемую международную позицию и влияние как в международных организациях, так и «скрытое влияние» в регионе и сложных локальных и межгосударственных конфликтах.

Политика государства неразрывно связана с военной мощью государства и готовностью экономики к ведению противостояния военными методами. Фактор готовности к войне в настоящее время является системообразующим в политике ведущих мировых держав, таких как Россия, Китай, США. Страны Европы не могут входить в «золотой силовой треугольник» из-за отсутствия самостоятельной государственной политики, наличия слабо подготовленной военной инфраструктуры и сильной зависимости от американского политического влияния на руководство стран-сателлитов. Это высказывание касается стран, временно не входящих в военно-политический блок НАТО, а также имеющих статус нейтралитета или «стороннего наблюдателя», но они являются складскими территориями военного имущества, горюче-смазочных материалов и боеприпасов различного назначения США без права контроля своих национальных территорий, оккупированных американской военщиной. Социокультурный фактор, в свою очередь, определяет направленность положительного социального взаимодействия между социальными группами и образованиями, а также уровень культурного и нравственного развития общества, своеобразия и идентификации культуры, наличия многообразия религиозных взглядов и терпимости конфессий и направлений друг к другу, а также учитывает наличие системы цивилизационных ценностей общества в целом [6].

Постулаты, сформулированные в теории «Арктической циркумполярной цивилизации», указывают на безусловное влияние окружающей среды и сложных климатических арктических условий на эмоциональный и социальный фон, формируют у населения некую «экософию», которая задает вектор смысла существования и проживания в полярных условиях без наличия психологических травм и нервных потрясений, при отсутствии солнца. Однако можно поспорить с этим утверждением, поскольку существует понятие «полярный день», и длится он весьма продолжительно, меняя биоритмы и сбивая биологические часы. Вопрос выживания тесно связан с вопросом взаимопомощи и ее неоспоримой ценности для данных условий (в

том числе для условий подводного плавания на атомных или дизельных субмаринах) как основополагающего фактора эволюции [7].

Бескрайнее и безлюдное арктическое безмолвие, штормы, высочайший уровень труднодоступности для проникновения на данные территории с учетом местного менталитета КМНС создали существенные трудности первооткрывателям и покорителям Арктики при освоении данных территорий, что заставляет снова разрабатывать «модели неопределенных ситуаций» и «матрицу поведенческих функций», требующих решения жизненных задач [8, 9].

Результаты

Попытаемся оценить перечень проблем и выстроить ранг задач с учетом их национальной социальной значимости в целом для целей развития арктических территорий, в том числе при строительстве СШХ. Это прежде всего экологические проблемы и все, что прямо или косвенно связано с их образованием, наличием и решением. Градус проблемы и ее значимость для выполнения задач по социально-экономическому развитию весьма высок. Но безусловное ее решение зависит от уровня национальной и военной безопасности на данных территориях. Про негативные факторы, связанные с природно-климатическими условиями, низкой плотностью и отсутствием населения, слабым уровнем развития различной инфраструктуры (железнодорожной, морской и авиационной), говорить не приходится, но эти проблемы надо обсуждать на всех уровнях, доносить до руководства региона и страны. Данные проблемы касаются не только северных и дальневосточных территорий, они привычны и болезненны для глубинки и сибирских территорий. Что касается многонационального состава и народностей региона, следует отметить более девятнадцати основных КМНС со своим особым этносом, языком общения, сложившимися традициями и ценностями, присущими только им укладом жизни и формой поддержания внешних и внутриобщинных и семейных связей.

Сам факт социально-экономического развития и защиты арктических территорий должен отвечать доктринальным требованиям обеспечения социально-демографической, экологической, технологической, информационной, продовольственной и военной безопасности в целом. Все эти составляющие в отдельности могут рассматриваться как автономные системы, находящиеся в едином информационно-функциональном поле, обеспечивающем стабильное социально-экономическое развитие. В частности, продовольственная безопасность выражается в обеспечении доступа населения северных территорий и вновь прибывающих лиц к необходимой и адекватной пище [10].

Следует отметить, что осуществление и обеспечение постоянного экономического роста и инвестиционной привлекательности арктического региона зависит от уровня привлечения средств с учетом осуществления инвестиционных проектов (газодобывающая и энергетическая отрасль, морские и железнодорожные перевозки, добыча редких ископаемых, экологические проекты), в том числе социально значимых проектов на территории муниципальных образований (здравоохранение, образование, помощь жителям преклонного возраста, проекты, связанные с поддержанием этнической культуры, промыслов и сохранением самобытности и языкового многообразия). Развитие региональной и местечковой (локальной) инвестпривлекательности во многом зависит от работы местных муниципалитетов во взаимодействии с общинными или родовыми лидерами на данной территории. Необходимо отметить, что должен быть осуществлен диалог и административно-функциональный симбиоз местных органов власти, региональных (краевых) и субъектов Российской Федерации, расположенных на северных территориях. В свою очередь, акценты в распределении властных полномочий по обеспечению суверенитета тоже смещаются: большая роль в защите национальных интересов отводится органам государственной власти субъектов Российской Федерации, органам местного самоуправления [11].

Рассматривая арктические территории как места максимального расположения полезных ископаемых (в первую очередь углеводородной группы и ее производных), следует отметить стремление крупных холдингов показать свою «экологическую сознательность и ответственность». Это ESG-принципы. Становится заметной роль экологических организаций различного уровня – от местных и самобытных «крикунов» до организованных экосообществ международного уровня под эгидой и лозунгами сохранения экологии и земли-матушки. Защита экологии в промышленно осваиваемом регионе – сложная задача. Будем считать априори, что перед началом реализации крупного промышленного проекта проходили общественные слушания, местные органы власти, представители общин и добывающего предприятия заключили законопослушное соглашение, где учли интересы заинтересованных сторон и, конечно же, выделение средств на восстановление поврежденного экоресурса, а также приняли

Таблица 1

Наименование (наличие) проблемы	%
Алкоголизм и пьянство	79.61*, **
Организации рабочих мест	74.90*, **
Жилищные условия	72.94*, **
Уровень обеспечения стариков и малоимущих	56.08*, **
Снижения цен на товары	50.98*, **
Повышения уровня образования	43.14*,**
Транспортные и логистические	38.82*, **
Улучшения состояния окружающей среды	31.37*, **
Улучшения качества продуктов питания	26.67*, **
Уровень преступности	19.61*, **
Уровень наркомании	10.20*, **
Достойное обеспечение стариков и малоимущих	33.3*, **

* Респонденты – представители КМНС (Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока).
**Эксперты.

решение о некоем «эконадзоре» в последующие годы, считая промышленно-добывающий инвестпроект проектом замкнутого цикла от развертывания и проведения изыскательских работ до работ по консервации зон добычи и утилизации средств добычи и сопутствующих отходов установленным порядком с соблюдением норм природоохранного законодательства.

Проводя добычу полезных ископаемых как важную национальную и социальную опцию, необходимо применять к природе правило докторов – «не навреди», а любые нагрузки на природные экосистемы, тем более промышленные, нужно рассматривать с позиций экологии и популяционной генетики, поскольку такие нагрузки способны изменить устойчивость и судьбу «биоты» [12].

Второй по значимости сферой контроля и ответственности при освоении северных территорий, в том числе при строительстве СШХ, является сфера экономики. В этой важнейшей сфере общественных и социально значимых отношений для данных территорий содержится множество противоречий: богатства края и логистическая труднодоступность, мощное промышленное освоение и хрупкая экосистема, интересы государства и капитала, необходимость соблюдения российского и международного законодательства в области охраны окружающей среды, бескрайние просторы и низкий уровень заселенности территорий. Существуют трудности с образованием и взращиванием профессиональных и научных специалистов, рожденных и проживающих на данных территориях, а при положительном решении этого вопроса существует необходимость их возврата в родные пенаты для пользы края. Следует отметить, что в данном регионе имеется небольшое количество наукоемких производств, не считая высокотехнологичных добывающих. Существуют и другие противоречия, и социально-экономические проблемы. Основными являются отток населения, снижение уровня комфортности проживания с учетом состояния жилищного фонда и другие значимые проблемы. Снизилась численность лиц, выполняющих научные исследования и разработки (3 615 человек в 2016 г., 3 315 человек в 2020 г.), за 2016–2020 гг. на 1.7% увеличилась доля убыточных организаций [13].

Результаты проведенных опросов респондентов (представителей КМНС северных регионов северных территорий России) в целях определения основных проблем, ограничивающих социально-промышленное развитие региона, представлены в таблице [14].

Геополитическим аспектом освоения и развития северных территорий и шельфовых ресурсов является обострившаяся конкуренция крупных политических игроков (Россия, США, Китай) и само географическое расположение проблемных территорий и вод. Американское руководство в своих арктических доктринах ставит задачу постоянного присутствия вооруженных сил США и их союзников по НАТО и создания управляемых кризисных военно-экономических ситуаций или сценариев в данном регионе земного шара. Необходимо отметить, что неуемные амбиции Вашингтона привели, в частности, к противоречиям с Россией по вопросам мореплавания по маршруту СМП. Начиная с 1996 г. объем перевозок СМП постоянно растет, причем наибольший рост грузоперевозок приходится на период с 2011 г. Так, если в 2014 г. объем грузоперевозок составил 3.982 млн тонн, то в 2019 г. было перевезено 31.5 млн тонн. Следовательно, задача, которую поставил Президент Российской Федерации, – увеличить к 2024 г. объем перевозок по СМП до 80 млн тонн в год – является выполнимой, а в срок до 2040 г. уровень грузопотока по данному логистическому коридору должен вырасти до

120 млн тонн. Необходимо отметить, что СМП находится в национальной юрисдикции России. Американские оппоненты считают главенствующим и базовым компонентом своей морской стратегии принцип свободы мореплавания, который они намерены и готовы применять и в акватории Арктики. История повторяется и напоминает Дикий Запад и бедных индейцев и других представителей коренных народов Американского континента. Однако США настаивают и вводят иной понятийный аппарат по формулировке прохода военных судов через территориальные воды РФ. Ранее президентом США Б. Обамой при обсуждении военной доктрины США в Арктике в 2012 г. Северный морской путь был обозначен как «global commons» (зона глобальной значимости, вернее – достояния). Министерством обороны США планируется постоянное присутствие в регионе и проведение совместных демонстративных учений по программе «Свобода навигации» [15]. Следует обратить внимание и на новую Морскую доктрину РФ.

Следующей по важности проблемой для северных территорий России с учетом будущего строительства СШХ мы считаем перспективы развития и повышение уровня жизни КМНС. На данных территориях проживают основные народности – саами, ненцы, ханты, эвенки, чукчи, эскимосы и др. В настоящее время некорректно говорить о единственном и самобытном пути данных народностей по обеспечению своего жизненного существования за счет рыболовства и охоты. Мир изменился, и высокие технологии добрались до ненецких чумов и яранг чукчей, однако нам всем необходимо сохранить самобытность культуры и языка данных народностей, форм и способов охоты и рыбной ловли. Иногда за сохранением самобытности и добычей морского зверя и рыбы лежат частные или общинные коммерческие интересы, но в каждом случае надо строго соблюдать природоохранные нормы и положения административного или уголовного кодекса. Все же необходимо отметить, что автономное или общинное проживание не выводят представителей коренного населения из социальных и общественных отношений, они получают заработную плату, пенсии, пособия, субсидии. Китовые забавы и «добыча белька» это не очень хорошо, и все образованные и здравомыслящие люди должны данные примеры забыть и изжить, не прикрываясь самобытностью и необходимостью этого варварского ритуала.

С учетом экологической ситуации, вынужденной миграции зверей, птиц, изменения морской популяции рыб, добываемых в прибрежной зоне, уменьшился доход от продажи продукции традиционных промыслов (мясо, рыба, грибы, ягоды, орехи и др.), что является тревожным фактом, поэтому надо искать компромисс [16]. Проведенные опросы оленеводов определили основные социальные проблемы – рост алкоголизма среди населения, агрессивное поведение животных, рост межэтнических противоречий, низкий уровень образования и отсутствие возможности получения дополнительного образования (это не касается крупных добывающих территориальных образований), частое нарушение путей миграции оленей и других животных, нарушения, связанные с осквернением священных для местных жителей мест, низкий уровень помощи со стороны местных органов самоуправления с частичной передачей властных полномочий неформальным лидерам и руководителям общин [17].

Стоит отметить, что по итогам неоднократно проведенных опросов респондентов в северных регионах по оценке уровня оседлости и приверженности традиционной и самобытной культуре существенное влияние на их отношение к проблеме оказывают социально-демографические параметры – возраст, образовательный уровень, социально-профессиональный статус. Респонденты – жители арктических улусов более ярко демонстрируют тенденцию к сохранению национальных черт в культуре [18].

Четвертой по значимости проблемой стабильного и поступательного промышленного и социального освоения российских северных территорий, запуска и выполнения различных инвестиционных и строительных проектов, таких как строительство СМП и СШХ, мы определяем обеспечение безопасности в регионе с учетом расположения акватории русских морей. По мнению многих ученых в области международного морского права, экспертов и военных аналитиков, особое внимание участников освоения и наличия экономических интересов в морской арктической зоне ранее уделялось международному сотрудничеству. Главенствующим был тезис об экологическом состоянии акваторий и необходимости соблюдения требований международных природоохранных актов, написанных под американскую диктовку и имеющих неоднозначное понятийное описание не в пользу России. Однако вскоре экологический интерес заметно смещается в направлении экономики и связанных с ней военно-политических проблем. В общем виде толкование и соблюдение норм судоходства в данной акватории должно было соответствовать американским нормам и взглядам, в том числе с требованиями свободного пропуска военных судов

США и НАТО по СМП и в зоне ответственности Военно-морского флота России [19, 20].

Необходимо пояснить, что арктическая стратегия США и их сателлитов, в том числе из состава стран НАТО, в общем известна, но имеет скрытые противоречия и пожелания как со стороны Канады, Норвегии, так и других стран. В более ранних версиях арктических стратегий США было декларировано мягкое сотрудничество в арктической морской зоне, включая Российскую Федерацию и, при необходимости, Китай. В то же время США стремятся к безусловному доминированию в Арктике во всех областях экономики, политики и безопасности. Данная позиция обусловлена наследием холодной войны и тем, что арктический театр военных действий являлся основным в противостоянии США – Россия – НАТО. Ему противостоял Ленинградский военный округ и Северный флот России.

Стратегия Министерства обороны США 2014 г. предполагала, прежде всего, непосредственное и постоянное участие вооруженных сил США и НАТО на полигонах и акваториях Гренландии, Норвегии и Канады, в том числе рядом с зоной ответственности ВМС России. Основной задачей для данной военной коалиции на период до 2030 г. объявлено постоянное и неустанное наращивание военно-морской группировки в данном регионе, а также поддержание на должном уровне уже имеющихся сил и средств сухопутных войск, ПВО и ВВС. Необходимо отметить, что 7 октября 2022 г. президент США Д. Байден утвердил новую Национальную стратегию США для Арктического региона. В актуализированной стратегии США намерены активизировать влияние в арктическом регионе. Основной информационный посыл президента США Д. Байдена и военного командования ВС США состоит в искусственной дестабилизации общественно-политической и военной обстановки в регионе с учетом того, что в настоящее время идет экономическая война за данные территории и акватории и со стороны стран, не входящих в арктический сегмент, таких как КНР и Япония, Сингапур. «Такая политика защитит США и создаст дилеммы для соперников из великих держав и укрепит отношения с союзниками и партнерами «для поддержания региональной стабильности» [21].

В рамках данной стратегии прежде всего планируется развернуть на Аляске многодоменное оперативное соединение (Multidomain Task Force), включающее штаб дивизии, спецбригады и подразделения обеспечения. Военные аналитики США в качестве главных военных баз рассматривают Аляску и Гренландию, где в настоящее время имеется инфраструктура, обеспечивающая выполнение требуемых задач. На Аляске в районе мыса Барроу расположены 15 радаров, обеспечивающих радиолокационный мониторинг и боевое управление средствами воздушного нападения, система раннего радиолокационного оповещения находится на американской базе Thule AB в Дании (о. Гренландия), что должно создавать единый управляющий информационный контур. На северо-западном театре военных действий наибольшую угрозу как в части получения радиолокационной информации, так и в части обеспечения контроля воздушного пространства акватории Баренцева моря и территории Мурманской, Архангельской областей является центр управления и оповещения (ЦУО), расположенный в м. Варде (Норвегия). Он обеспечивает мониторинг воздушного пространства, поиск воздушных и аэродинамических целей, управление боевыми действиями средств ПВО Норвегии и США в данном регионе. США в настоящее время надеются на помощь своих союзников по Арктике (Канада, Норвегия, Исландия, Дания), мощь вооруженных структур в данных странах и опыт, полученный в ходе совместных военных учений «Северный удар» (Northern Strike) (январь 2023 г.), где приняли участие военнослужащие США и силы специального назначения Латвии. Учения проходили в северной части американского штата Мичиган. Как и ранее проведенные учения в 2018–2020 гг., они показали наличие существенных проблем: высокий уровень сложности погодных и штормовых условий, низкий уровень навигационного и аварийно-спасательного обеспечения, недостаточное количество ледокольных судов и судов обеспечения, слабый уровень управления и снабжения войск для экстремальных условий Арктики. Существенной проблемой для военно-морских сил США являются отсутствие своих морских баз и судов обеспечения, вспомогательного флота. В наличии имеются всего лишь два судна тяжелого ледокольного класса (ледокол USCGC Polar Star WAGB-10 и WAGB-11), находящихся в эксплуатации с 2010 г. и требующих ремонта, отметим также недостаточно подготовленную портовую и аэродромную инфраструктуру на большей части арктических территорий. Что касается группировки Вооруженных сил Российской Федерации на арктических территориях, с учетом положений Указа Президента Российской Федерации В.В. Путина от 5 июня 2020 года № 374 «О военно-административном делении Российской Федерации», с первого января 2021 г. установлено следующее военно-административное деление

страны – образовано четыре военных округа, где осуществляют боевое дежурство силы и средства Северного флота [22].

В части повышения уровня боевого и оперативного управления подразделениями и частями, дислоцирующимися на территории и в административных границах субъектов Российской Федерации, из открытых источников стало известно об образовании Объединенного стратегического командования (далее – ОСК «Северный Флот»). Основной силовой компонентой группировки сил ОСК «Северный Флот» являются надводные корабли различного класса и водоизмещения, в том числе вновь вошедшие в боевой состав фрегат «Адмирал Флота Касатонов», БДК «Петр Моргунов», подводные силы представлены субмаринами проекта 955А («Князь Владимир») и многоцелевыми лодками класса «Казань» (проект 885А), проекта 098522. Службу несут и многофункциональные патрульные корабли проекта 323550, другие вспомогательные суда (ледоколы, специальные пожарные и грузовые суда). Выполнение основных задач в сфере обеспечения военной безопасности в части комплексного контроля за воздушной, надводной и подводной обстановкой в арктической зоне дополнительно обеспечивают береговые части ОСК в едином контуре всей арктической группировки сил и средств МО РФ [23].

Они обеспечены различными средствами ПВО и ЗРВ, радиотехническими и радиолокационными средствами, создающими сплошное радиолокационное поле с учетом объектового и эшелонированного построения обороны группировки сил и средств ОСК с зоной обнаружения и поражения любых воздушных (высотных) целей независимо от отражающей эффективной поверхности цели (с учетом применения боевого опыта СВО для условий и особенностей региона Крайнего Севера). Основными средствами поражения воздушных и наземных целей будут ЗРК «Тор-М2ДТ», «Панцирь-СА», С-300 и С-400. Радиолокационное покрытие и обнаружение воздушных и морских целей обеспечивается за счет разворачивания сети радиолокационных станций класса «Резонанс-Н» и РЛС «Подсолнух». В части логистической составляющей и материально-технического обеспечения сил арктической группировки ВС РФ применяются различные транспортные средства (наземные, морские, воздушные, железнодорожные, комбинированные) в обязательном арктическом исполнении. Особое внимание уделяется морским судам, обеспечивающим безопасную проводку, частичную навигацию и поисково-спасательные операции при необходимости боевых единиц ОСК. Восстанавливаются и вводятся вновь в эксплуатацию аэродромы на острове Земля Александры, на Земле Франца Иосифа, острове Средний, мыс Шмидта и другие, в том числе подготавливаются отдельные вертолетные площадки.

Заключение

Русский Север в настоящее время является зоной повышенной военно-экономической турбулентности международного масштаба, и связано это прежде всего с многообразием и наличием ценных энергетических сырьевых запасов и биоресурсов, морского транспортного и воздушного «коридоров», а также зоны воздушно-космического контроля маршрутов полета средств воздушно-космического нападения как со стороны США и НАТО, так и частично со стороны России и Китая.

Экономический аспект глубокой модернизации существующего агропромышленного комплекса северных территорий России неразрывно связан прежде всего с обеспечением уверенного роста транспортной отрасли, начиная от создания новых воздушных средств доставки людей и грузов в условиях Крайнего Севера, так и с продолжением строительства Северного широтного хода в целях повышения уровня транспортной безопасности в регионе.

В качестве вывода следует сказать, что противоречивость арктических проблем преломляется через призму геополитических и экономических интересов стран «арктических морей» и других сильных «мировых игроков». Главной задачей России и ее Вооруженных сил является обеспечение территориальной целостности и безопасности арктических морских акваторий и территорий Российской Федерации.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 года № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» [Электронный ресурс] (дата обращения: 03.02.2023).

2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 21 апреля 2021 г. [Электронный ресурс] (дата обращения: 03.02.2023).

3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 августа 2018 года № 1663-р [Электронный ресурс] (дата обращения: 03.02.2023).

4. Комплексная программа научного сопровождения работ по реализации комплексного проекта «Создание железнодорожного Северного широтного хода Коноша – Обская – Салехард – Надым – Коротчаево» в увязке с прилегающими участками Северной и Свердловской железных дорог на 2020 – 2023 годы ОАО «РЖД» [Электронный ресурс] (дата обращения: 03.02.2023).

5. Тойнби А.Дж. Постижение истории. Сборник / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001. 640 с.

6. Яковец Ю.В. Арктическая цивилизация – надежда и тревога человечества в XXI веке // Человек. Культура. Образование. 2019. № 3 (33). С. 89–98.

7. Культура Арктики: Коллективная монография / М-во культуры Росс. Федерации, Аркт. гос. ин-т искусств и культуры; М-во культуры и духовного развития Респ. Саха (Якутия); [под общ. ред. д-ра социол. наук У.А. Винокуровой, идея проекта А.С. Борисов]. Якутск: ИД СВФУ, 2014. 344 с.

8. Раштон Д.Ф. Раса, эволюция, поведение. Взгляд с позиции жизненного цикла. М., 2011. 416 с.

9. Аргунов И.А. Социальное развитие якутского народа: историко-социологическое исследование образа жизни / Отв. ред.: В.И. Бойко, В.Н. Иванов. Институт языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР. Новосибирск: Наука, 1985. 319 с.

10. Никитенко М.Е., Трофимова И.Б. Продовольственная безопасность в Арктической зоне Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 9. С. 33–37.

11. Молоков И.Е., Сергеенков В.Е., Бабич А.А. Угроза экономическому суверенитету арктических стран // Вестник Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева. 2022. № 2. С. 75–79.

12. Экология и природопользование: к методологии программ эколог. исслед. Акад. наук СССР. Кишинев: Ин-т экологической генетики АН МССР, 1989. 46 с.

13. Тетерин А.В. Обспечение социально-экономического развития Арктической зоны в условиях негативного мира // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 2. С. 13–17.

14. Хакназаров С.Х. Социально-экономические проблемы коренных народов Нижневартовского района Югры в аспекте социологических исследований // Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия: Материалы VIII Междунар. НПК (г. Нижневартовск, 4 марта 2011 г.). Нижневартовск, 2011. С. 372–377.

15. Report to Congress on Strategy to Protect United States National Security Interests in the Arctic Region. OUSD (Policy). December 2016. Washington, DC, Department of Defense, 2016.

16. Богословская Л.С. Особенности традиционного природопользования народов Российского Севера // Проблемы традиционного природопользования: Север, Сибирь, Дал. Восток Рос. Федерации: Аналит. материалы, правовые акты. М., 2000. С. 14–20.

17. Харамзин Т.Г., Хайруллина Н.Г. Мониторинг социального самочувствия обских угров. СПб.: Мирал, 2006. 200 с.

18. Клоков К.Б., Хрущев С.А., Бочарникова А.В. Этноэкологическая экспертиза воздействия индустриального освоения на традиционное природопользование коренного населения Севера: теорет. и методолог. подходы // Известия РГО. Вып. 3. 2012. С. 30–36.

19. Материалы 9-го Конгресса этнографов и антропологов России. Петрозаводск, 2011.

20. Борисова У.С. Этнокультурные тенденции в арктических районах Якутии // Культура Арктики: Колл. мон. / Под общ ред. У.А. Винокуровой. Якутск: ИД СВФУ, 2014. С. 231–240.

21. URL: https://www.fondsk.ru/news/2022/10/11/novaja-arkticheskaja-strategia-us-bessilna-protiv-geografii-i-rossijskih-ledokolov. (дата обращения: 03.02.2023).

22. Указ Президента Российской Федерации В.В. Путина от 5 июня 2020 года № 374 «Об военно-административном делении Российской Федерации» [Электронный ресурс] (дата обращения: 03.02.2023).

23. Указ Президента Российской Федерации В.В. Путина от 5 марта 2020 года № 164 «Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года [Электронный ресурс] (дата обращения: 03.02.2023).

24. Материалы выступления Президента РФ Путина В.В. на коллегии Министерства обороны Российской Федерации 23 января 2023 года [Электронный ресурс] (дата обращения: 03.02.2023).

THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION: SOCIAL ASPECTS

***T.E. Petrova*[1], *V.V. Lobanov*[2], *E.E. Rusinova*[2]**

[1] MIREA-Russian Technological University, Moscow
[2] Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The importance of the Arctic zone of the Russian Federation for the socio-economic development of the country as a whole is revealed.

The main problems of the development of the specified region are determined depending on the specific economic-geographical and socio-economic factors.

The regulatory legal acts of the federal level on the development of the Arctic zone of the Russian Federation are analyzed.

The tasks of the construction of the Northern Latitudinal Railway (NLR), a railway line in the Arctic region of the Russian North, are formulated.

The purpose of this study is determined – to systematize theoretical approaches to the development of the territory of the Arctic and the Russian North and to conduct a systematic analysis of the main social aspects of the development of the NLR.

The objectives of the study are as follows – assessment of design solutions for the construction of the NLR, the state of readiness of its social infrastructure, ecology, transport and logistics components, functioning, taking into account the fulfillment of tasks to maintain a decent level of conditions and quality of life for the population, key parameters of the level of socio-economic development of the region and performance indicators territorial authorities, determination of «critical» indicators of sustainable development of the territory.

The provisions of civilizational models of various authors (N.Ya. Danilevsky, O. Spengler, J. Toynbee, Yu.V. Yakovets, U.A. Vinokurova) are compared, a systematic analysis of the main problems of the development of the Arctic zone of the Russian Federation (security, ecology, subsoil use, economics, social development), a secondary analysis of the results of sociological studies of public opinion conducted by various authors of residents and the indig enous population of the Arctic zone of the Russian Federation on a wide range of issues of their life, a project approach is used to determine the prospects for solving the identified problems.

The main social aspects of the construction of the NLR are environmental, economic, as well as those related to the life of the small indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East (SIPN) and ensuring life safety in the region.

The ways of solving the identified problems of social orientation in the constituent entities of the Russian Federation in the Far North region are proposed.

Keywords: Arctic zone of the Russian Federation, region (districts) of the Far North of the Russian Federation, Northern Latitudinal Railway (NLR), transport industry, Russian Railways, regional social problems.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2023_3_86

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО ИЛИ СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ? ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И УСТРЕМЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО РЕПЕТИТОРА

© 2023 г.

С.С. Донецкая, В.А. Третьякова

Донецкая Светлана Сергеевна, д.э.н.; профессор кафедры менеджмента
Новосибирского государственного университета
dss@inbox.ru
Третьякова Виктория Анатольевна, аспирант экономического факультета
Новосибирского государственного университета
v.tretyakova@g.nsu.ru

Статья поступила в редакцию 21.02.2023
Статья принята к публикации 31.07.2023

Представлены результаты анализа анкетирования репетиторов, зарегистрированных на двух российских онлайн-платформах. На основе полученных данных раскрыты мотивационные характеристики и ценностные предпочтения репетиторов, определена их профессиональная классификация. Установлено, что большинство опрошенных репетиторов уверены в том, что репетиторские услуги дополняют государственную систему образования, компенсируя ее недостатки, быстро и гибко реагируя на потребительские запросы. Репетиторство, по их мнению, – это способ заработка и стратегия выживания. Именно поэтому большинство репетиторов считают дополнительные занятия с учениками своей основной работой, но обеспечивающей им невысокий доход.

Выявлено, что репетитор является высококвалифицированным специалистом, преподающим преимущественно школьные предметы, работает до 6 часов в неделю и предлагает свои услуги от 401 до 600 руб. в час.

Ключевые слова: предпринимательство, репетиторские услуги, репетитор, репетиторская деятельность.

Введение

Образование – это право человека, двигатель развития и один из сильнейших инструментов обеспечения благополучия и стабильности в обществе. Основной функцией образования является передача знаний с целью удовлетворения разнообразных образовательных потребностей личности и общества. Главной целью деятельности в сфере образования оказывается не некий продукт как материальное благо, а сам человек, по отношению к которому передача знаний выступает в виде услуги.

Образовательные услуги можно получить различными способами. Однако изучаются, управляются и регулируются государством только классические (официально признанные) формы образовательной деятельности. Между тем до половины только учеников общеобразовательных школ для подготовки к ЕГЭ прибегают к неформальным (или внешкольным) образовательным услугам – услугам репетиторов. Так, по данным РБК со ссылкой на результаты опроса 3 тысяч родителей учеников общеобразовательных школ России, проведенного сервисом SuperJob, сейчас с репетитором занимается каждый второй старшеклассник, причем за последние два года востребованность таких занятий существенно возросла (в 2021 г. 34% среди 9 классов и 43% среди 10–11 классов; в 2023 г. 51% и 48% соответственно)[1].

Несмотря на то, что репетиторство является достаточно распространенным явлением как в России, так и за рубежом, публикаций, посвященных практике репетиторства, крайне мало. Кроме того, большинство современных российских исследований репетиторской деятельности сводятся только к выявлению причин развития данного явления в России [1–5] и составлению усредненного портрета репетитора [2]. Причем значительная часть результатов основана на данных, полученных от потребителей репетиторских услуг [6; 7], в то время как основными движущими силами репетиторства являются поставщики услуг, то есть репетиторы [8]. Необходимо также учитывать, что рынок репетиторских услуг, как любой динамично развивающийся рынок, подвержен высокой неопределенности, на нем сосуществуют различные факторы, как привлекающие, так и отталкивающие агентов от различных видов экономической активности [9]. Поэтому актуальным представляется проведение опросов репетиторов не только с целью определения их социального портрета, но и выявления их качественных профессиональных характеристик и стратегий

принятия решений, а также стимулов к занятию репетиторством.

Как известно, понятие репетиторства имеет зарубежные корни и относится к области «shadow education». Теневое образование – это термин, который используется прежде всего для академической деятельности, направленной на достижение образовательных целей учащихся, причем независимо от того, оплачивается она или нет [10–12]. В российской образовательной практике обязательным критерием отнесения к репетиторской деятельности является оказание услуг на платной основе [1–3]. Таким образом, можно предположить, что по своему характеру репетиторство в России больше тяготеет к предпринимательской деятельности. Между тем, для того чтобы прояснить сущность репетиторской деятельности и выяснить, является ли она проявлением предпринимательства, под которым авторы имеют в виду индивидуальный выбор, отражающий деловую инициативу и потенциал репетитора, нацеленные на получение дохода, или лучше вписывается в стратегию выживания, при которой целью репетиторства выступает получение любого (даже невысокого) дополнительного заработка, предназначенного для поддержания своего материального благополучия, необходимо рассмотреть результаты, которые были получены исследователями данной области. Отметим, что такие исследования содержат сущностно полярную информацию о стимулах занятия репетиторством. С одной стороны, люди, оказывающие репетиторские услуги, не всегда мотивированы только возможностью получения дохода [2], для них может быть важным получение удовлетворения от своей трудовой деятельности [13], укрепление профессионального статуса, когда подопечные достигают хороших результатов на экзаменах [14]. А следовательно, мы вправе назвать таких репетиторов «социальными предпринимателями», для которых получение прибыли рассматривается не как цель, а как средство поддержания и максимизации социальной эффективности, социальной ценности [15]. Именно поэтому данные предприниматели видят свою деятельность как дополняющую формальную систему образования, компенсирующую ее провалы и увеличивающую возможность учеников достичь своих личных целей. Репетиторство в таком случае может восприниматься как «миссия», дающая учителям чувство удовлетворения, возникающее в результате помощи учащимся; или возможность профессионального развития, побуждающая экспериментировать и внедрять новшества в учебный процесс, а также находить новые способы его индивидуализации [16]; или удобный случай проведения досуга и даже отдыха [17]. Репетиторы, реализующие такие стратегии поведения, ценят свою работу, которая становится важным аспектом их жизни, а многие не отказались бы от нее, даже если бы их учительская зарплата была увеличена [18]. С другой стороны, репетиторство может являться стратегией выживания для репетиторов и одновременно фактором социальной неустойчивости и неравенства в государственной системе образования для обучающихся. Низкая заработная плата является фактором включения учителей в теневое образовательное пространство и его разрастания [8; 19; 20]. В этом случае репетиторство как дополнительная работа позволяет учителям государственных школ восполнять финансовый дефицит и обеспечивать более высокий уровень жизни [21]. Кроме потребности учителей и преподавателей традиционной системы образования в дополнительном заработке, отмечается мотив обеспечения благополучия своих семей, поскольку официальной заработной платы часто недостаточно, чтобы содержать семьи учителей даже на минимальном уровне, отсюда вынужденное занятие репетиторством [22].

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время нет единого мнения на то, какой стратегии преимущественно придерживаются репетиторы в своей деятельности. Поэтому вышеизложенное позволило сформировать гипотезы, которые предполагается подтвердить или опровергнуть по результатам настоящего исследования:

а) репетиторство – способ проявить предпринимательскую инициативу и квалификацию;

б) репетиторство – способ заработка и стратегия выживания.

Помимо этого, целью исследования было определение профессиональных характеристик современного репетитора, а также стимулов и трудностей репетиторской деятельности.

Материалы и методы

В настоящее время на рынке образовательных услуг обозначается определенный тренд, связанный со стремительным развитием онлайн-технологий и социальных сетей. Рынок репетиторских услуг не является исключением: проводятся массовые онлайн-занятия, вебинары, работают закрытые группы и чаты для коммуникации учеников с репетитором. Появились специализированные онлайн-платформы, где репетитор может выложить свое резюме, назначить цену урока и ожидать откликов со стороны учеников. Онлайн-платформы становятся не

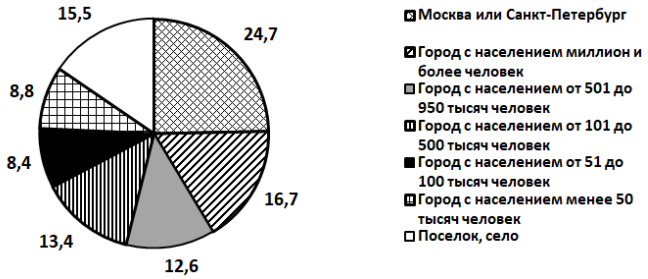

Рис. 1. Распределение репетиторов по месту проживания, %

только местом встречи ученика и репетитора, но и источником информации о последнем, которую в отсутствие какого-либо учета деятельности репетиторов со стороны государства можно считать наиболее релевантной. Именно поэтому перед настоящим исследованием стояла первоочередная задача – выбрать онлайн-платформы, на которых можно было бы разместить информацию и провести опрос зарегистрированных на них репетиторов.

Из двух десятков существующих в настоящее время сайтов репетиторов только два согласились на сотрудничество: «Репетитор.ру» – https://repetitor.ru/ и «ТьюторОнлайн» – https://www.tutoronline.ru/.

Опрос проводился методом анкетирования с помощью Google Forms. Анкета содержала четыре блока вопросов:

1) социально-демографические (возраст, пол, место проживания);

2) профессиональные (уровень образования, продолжительность репетиторской деятельности, преподаваемые предметы, форма трудоустройства, стоимость 1 часа, недельная нагрузка, методы проведения занятий, способы поиска учеников);

3) стимулы и трудности репетиторской деятельности (удовлетворение от репетиторской деятельности, профессиональное развитие, материальное положение, трудности профессиональных репетиторов);

4) отношение к репетиторской деятельности (нужна ли данная деятельность, насколько она полезна, должно ли государство ее регулировать и каким образом?).

Опрос был проведен в ноябре – декабре 2022 года. Опрошен 341 респондент.

Результаты исследования

Социально-демографические характеристики репетиторов. Как показало исследование, среди репетиторов преобладают женщины (76.6%). Почти половина ответивших на вопросы анкеты старше 44 лет (38.5% – в возрасте 45–59 лет, 10% – 60 лет и старше), в возрасте 35–44 года – 20.9%, 25–34 года – 23% и до 24 лет – 7.5%. Распределение репетиторов по месту жительства выглядит следующим образом (рис. 1): четверть проживает в Москве или Санкт-Петербурге, 16.7% – в других городах-миллионниках, 26% – в городах с численностью жителей от 100 тысяч человек до миллиона, 17.2% – в городах до 100 тысяч человек и 15.5% – в сельской местности.

Профессиональные характеристики репетиторов. Более половины респондентов предоставляют свои услуги на регулярной основе и являются опытными репетиторами, со стажем работы в данной деятельности более 5 лет (52.9%), 32.4% – занимаются репетиторством от 1 года до 5 лет, 8.8% – начинающие репетиторы, стаж работы которых не превышает года, остальные (5.9%) предоставляют свои услуги эпизодически.

Большинство репетиторов (58.8%) считают свою деятельность основной работой, 26.5% – дополнительной, 14.7% – случайной, приносящей эпизодический заработок. Среди тех, кто не считает репетиторство основной деятельностью, 42.9% – работают (причем две трети из них трудоустроены в образовательных учреждениях), 21.4% – получают образование, 14.3% – ведут домашнее хозяйство и 21.4% – являются пенсионерами. 44.8% репетиторов оформлены в качестве самозанятого, примерно 6% – как индивидуальные предприниматели, еще столько же – трудоустроены в репетиторских агентствах или заключили разовые договоры с заказчиками.

Российские репетиторы, зарегистрированные на онлайн-платформах, являются высококвалифицированными специалистами: у 85.4% репетиторов предметная область оказания репетиторских услуг соответствует полученному образованию, 81.2% – имеют высшее образование, а 10.9% – ученую степень.

Почти все репетиторы (90.4%) готовы оказывать образовательные услуги в рамках школьной программы, 27.2% предоставляют уроки по математике, 23.4% – по иностранным языкам,

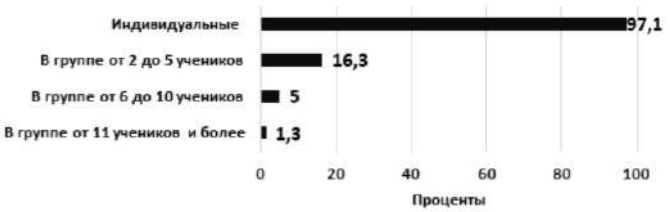

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Ваши услуги преимущественно индивидуальные или групповые?»
Примечание: вопрос предполагал множественный выбор ответов

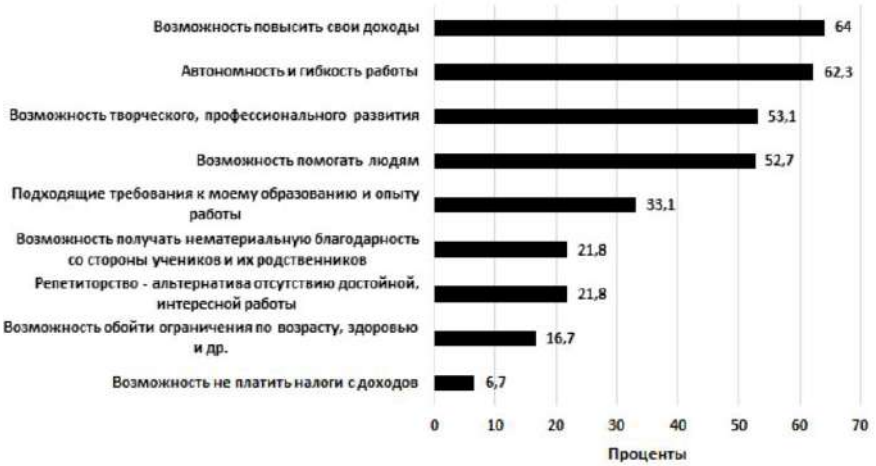

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Что дает Вам репетиторство и не дает другая работа?»
Примечание: вопрос предполагал множественный выбор ответов

18.8% – русскому языку и литературе. 59% репетиторов работают по программам среднего профессионального и высшего образования, где наиболее востребованными (33.1%) являются уроки по гуманитарным наукам (философия, филология, история, педагогика). Услуги в области дополнительного образования могут оказывать 56.5% опрошенных репетиторов. Наибольшим спросом пользуются языковые уроки (иностранный и русский языки; 28.9%) и занятия по шахматам (12.1%).

Подавляющее большинство репетиторов (97.1%) предпочитают индивидуальную работу с учениками (рис. 2). Три четверти – заняты не более 20 часов в неделю (31% – до 6 часов, 24.3% – от 7 до 13 и 23.4% – 14–20 часов). Минимальную стоимость услуг (до 200 руб. за 1 час) назначают 2.4% репетиторов. Далее распределение репетиторов следующее: 15.5% устанавливают цену от 201 до 400 руб. в час, 28.9% – 401–600 руб., 13.8% – 601–800 руб., 16.7% – 801–1000 руб., 18% – 1001–2000 руб., 4.7% – свыше 2001 руб.

Современные репетиторы предпочитают находить учеников с помощью специализированных интернет-сервисов (так ответили 61.8% опрошенных репетиторов), по рекомендациям и знакомству (17.6%), а также через доски объявлений и газеты (8.8%). Еще около 3% опрошенных используют все перечисленные способы. Непопулярными способами поиска учеников являются интернет-форумы, социальные сети, онлайн-школы.

Стимулы и трудности репетиторской деятельности. Считается, что основными стимулами репетиторской деятельности является возможность получения дополнительного дохода, позволяющего репетитору чувствовать себя финансово защищенным [16]. Опрашиваемым репетиторам был прежде всего задан вопрос об уровне их материального положения. Как оказалось, почти четверть (22.4%) оценили его как высокий (однако большинство из них указали, что некоторые покупки им недоступны), но подавляющее большинство (72.4%) указали на средний уровень материального положения (доступно лишь необходимое). Поэтому логично, что 64% репетиторов рассматривают репетиторскую деятельность как возможность повысить свои доходы (рис. 3).

В то же время получение дополнительного дохода не является единственным мотивом заняться репетиторством. Более половины опрошенных репетиторов указали такие нематериальные стимулы, как автономность и гибкость работы (62.3%), возможность творческого, профессионального развития (53.1%), возможность помогать людям (52.7%). Для некоторых важно получать нематериальную благодарность со

Таблица

Основные трудности репетиторов

Трудности	Удельный вес ответов, %
Сложности поиска заказов	53.6
Низкая покупательная способность населения	35.1
Неустойчивость рынка, нестабильная занятость	34.7
Отсутствие возможности пользоваться социальными гарантиями, льготами	29.3
Конкуренция со стороны других репетиторов	20.9
Отсутствие правовой защищенности	19.2
Собственная безынициативность, пассивность	11.7
Сложности с самоорганизацией труда	8.8
Трудности, связанные с получением различного рода разрешений, лицензий, сертификатов и др.	7.9
Отсутствие необходимых средств для старта	6.7
Недостаток знаний, опыта	5
Трудности, связанные с бухгалтерской и другой отчетностью	5
Высокая налоговая нагрузка	4.6
Общее негативное отношение к репетиторам	4.6
Трудности регистрации	3.3
Никаких трудностей	20.1

Примечание: вопрос предполагал множественный выбор ответов

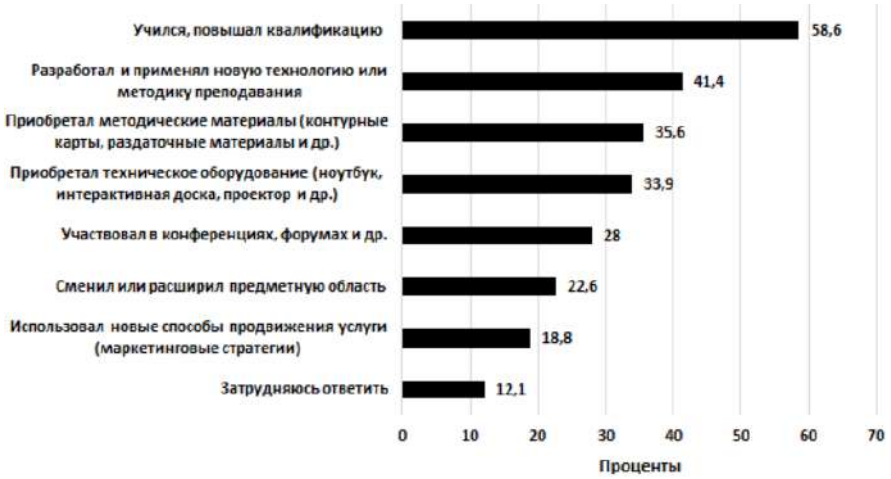

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «За последний год Вы делали что-либо из перечисленного, чтобы быть конкурентоспособным на рынке репетиторских услуг?»
Примечание: вопрос предполагал множественный выбор ответов

стороны учеников и их родственников (21.8%), а также работать, несмотря на имеющиеся ограничения по возрасту и здоровью (16.7%).

Для репетиторов очень важно поддерживать свою конкурентоспособность (рис. 4). Поэтому большинство из них в течение года учились, повышали профессиональную квалификацию (ответили 58.6% опрошенных) или участвовали в конференциях (28%), применяли новые технологии и методики преподавания (41.4%), приобретали методические материалы по преподаваемым предметам (35.6%) или техническое оборудование (33.9%).

В результате опроса было выявлено, что с различными профессиональными трудностями сталкиваются 80% репетиторов. Наиболее значимыми проблемами являются: сложность поиска клиентов (53.6%), низкая покупательная способность населения (35.1%) и нестабильность занятости (34.7%). Значительные сложности создают невозможность пользоваться социальными гарантиями и льготами (29.3%), конкуренция с другими репетиторами (20.9%) и отсутствие правовой защиты (19.2%). Помимо этого, репетиторы жалуются на организационные трудности, неумение правильно организовать свой труд и общее негативное отношение к репетиторам в обществе (табл.).

Отношение репетиторов к репетиторской деятельности

По мнению 59% опрошенных репетиторов, они обладают востребованной профессией, 67.6% уверены, что являются высококвалифи-

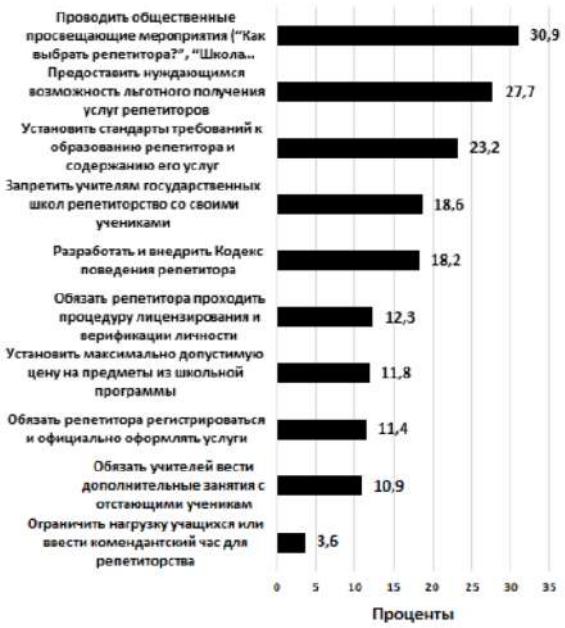

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Какие меры регулирования репетиторства Вы считаете наиболее актуальными?»
Примечание: вопрос предполагал множественный выбор ответов

цированными специалистами, а занятие репетиторской деятельностью позволяет им самореализоваться. В то же время только 39.3% отметили, что репетиторство для них – это способ проявить предпринимательскую инициативу и квалификацию, а почти половина опрошенных (45.6%) указали, что репетиторство является стратегией выживания и способом заработка. Помимо этого, 79.4% считают, что репетиторская деятельность необходима обществу, поскольку дополняет государственную систему образования и компенсирует ее недостатки.

Как и предполагалось, большинство репетиторов являются сторонниками стабильной ситуации на рынке репетиторских услуг (44.1%), 38.2% считают, что репетиторов нужно поощрять, и только 17.6% согласны на регулирование предпринимательской деятельности. Однако основными мерами регулирования, по их мнению, должно быть проведение общественных мероприятий, на которых бы рассказывалось о правилах выбора репетиторов (30.9%), и предоставление нуждающимся возможности льготного получения услуг репетиторов (27.7%). В то же время реальные методы регулирования репетиторства менее популярны. 23.2% опрошенных репетиторов считают, что нужно установить стандарты требований к образованию репетитора и содержанию его услуг, 18.6% за то, чтобы запретить учителям государственных школ репетиторство со своими учениками, 12.3% предлагают обязать репетитора проходить процедуру лицензирования, а 3.6% предлагают ввести комендантский час для репетиторства (рис. 5).

Выводы

Подводя итоги, отметим, что современный российский репетитор, зарегистрированный на онлайн-платформе, представляет собой частное лицо, преимущественно женского пола, в возрасте 45–59 лет, ведущее репетиторскую деятельность как основную более 5 лет, из Москвы и Санкт-Петербурга. Является высококвалифицированным специалистом, преподающим преимущественно школьные предметы. Репетитор готов индивидуально работать с учениками до 6 часов в неделю. Наиболее часто встречающаяся стоимость одного часа работы – 401–600 руб.

Репетиторы ценят свою деятельность и стараются поддерживать высокий уровень профессиональной квалификации. Основными стимулами продолжать репетиторство, по их мнению, являются: возможности получения дополнительного дохода и профессионального развития, а также ощущение нужности людям. Однако несмотря на то, что для многих репетиторов важны нематериальные поощрения, две трети опрошенных имеют невысокий уровень материального положения. Почти половина респондентов склонны считать, что репетиторство – это прежде всего способ заработка и стратегия выживания. Тем самым оттенены «положительные стороны» репетиторства, заключающиеся в возможности работать на себя, эффективно применять свои знания, а также социальные мотивы, имеющие место, но отходящие на второй план и усугубляющиеся неустойчивостью

рынка репетиторских услуг, а также сложностями поиска учеников и их низкой покупательной способностью.

Таким образом, невзирая на преобладающий высокий уровень образования репетиторов и его соответствие предметной области оказываемых услуг, а также принимаемые меры по поддержанию своей конкурентоспособности, первая гипотеза, состоящая в том, что репетиторство можно рассматривать прежде всего и в целом для всех репетиторов как способ проявления предпринимательской инициативы и квалификации, не подтвердилась. Между тем есть репетиторы, которые именно так позиционируют свою деятельность. Данную группу составляют репетиторы в возрасте от 45 до 59 лет, имеющие средний (иногда и высокий) уровень материального положения, для которых репетиторская деятельность может быть основным или дополнительным занятием, а стаж работы на данном рынке – как до пяти, так и свыше пяти лет. То есть можно предположить, что главным критерием, по которому репетитор относит свою деятельность к предпринимательской или рассматривает ее как стратегию выживания, является уровень его материального положения. Однако необходимо отметить, что представленный вывод является отражением текущей экономической ситуации, а ответы респондентов отчасти обусловлены действующими в России правовыми документами. Если бы все зависело от репетиторов (вопрос о том, где и как бы они предпочли при этом работать, им тоже был задан во время настоящего исследования), то подавляющее большинство предпочли бы работать самостоятельно, т.е. быть предпринимателями. Причем 35.3% работали бы как самозанятые, 29.4% – в качестве индивидуальных предпринимателей, а 11.8% – организовали бы свое юридическое лицо. Следовательно, мы можем констатировать, что полученные результаты выявили неоднозначное отношение репетиторов к предпринимательской деятельности и обозначили актуальность проведения следующего этапа исследования, состоящего в выявлении причин, мешающих современным российским репетиторам быть предпринимателями.

Примечание

1. Школьники чаще стали готовиться к экзаменам с репетиторами. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/63ffc0bd9a7947162bef4311 (дата обращения: 12.04.2023).

Список литературы

1. Чеснокова Л.В., Барсукова О.С. Репетиторство как социально-образовательный феномен // Инновационное образование и экономика. 2021. № 25. С. 16–21.

2. Наумова А.А. Портрет современного репетитора в оценках обучающихся и их родителей: региональный анализ // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 5 (56). С. 8.

3. Макеев П.А. Репетиторство в России: нельзя увидеть, но можно услышать // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 23 (3). С. 100–121.

4. Макеев П.А. Репетиторство в России: описание явления на основе онлайн-платформ // Журнал институциональных исследований. 2019. № 11 (4). С. 106–120.

5. Груздева М.Л., Бокарюкина У.М., Булганина А.Е. Исследование отношения школьников Нижнего Новгорода к использованию услуг репетиторов // Образование и проблемы развития общества. 2020. № 3 (12). С. 121–127.

6. Матюшкина М.Д., Белоусова К.Ю. Репетиторство в оценках педагогов школ Санкт-Петербурга // Наука и школа. 2019. № 5. С. 88–97.

7. Яшина М.Н. Репетиторство в системе подготовки школьников в Санкт-Петербурге // Теория и практика общественного развития. 2020. № 1 (143). С. 74–77.

8. Bray M., Silova I. The private tutoring phenomenon: International patterns and perspectives / I. Silova, V. Budiene & M. Bray, Eds. Education in a Hidden Market Place: Monitoring of Private Tutoring. New York: Open Society Institute, 2006. P. 27–40.

9. Holloway S.L., Pimlott-Wilson H. Solo self-employment, entrepreneurial subjectivity and the security–precarity continuum // Evidence from private tutors in the supplementary education industry. Environment and Planning A: Economy and Space. 2021. Vol. 53. P. 1547–1564.

10. Byun S., Chung H., Baker D. Global patterns of the use of shadow education: Student, family, and national influences // Research in the Sociology of Education. 2018. Vol. 20. P. 71–105.

11. Mori I., Baker D. The origin of universal shadow education: What the supplemental education phenomenon tells us about the postmodern institution of education // Asia Pacific Education Review. 2010. Vol. 11 (1). P. 36–48.

12. Zhang W., Bray M. Comparative research on shadow education: Achievements, challenges, and the agenda ahead // European Journal of Education. 2015. Vol. 55 (3). P. 322–341.

13. Крылова Н.Г. Факторы удовлетворенности трудом педагогов-репетиторов // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. № 24 (1). С. 32–35.

14. Kobakhidze M.N. Teachers as Tutors: Shadow Education Dynamics in Georgia // CERC Studies in Comparative Education book series. 2018. Vol. 34. P. 113–143.

15. Добрынина М.В., Андреева А.А. Социальное предпринимательство как уникальное социально-экономическое явление // Russian Economic Bulletin. 2023. Т. 6. № 1. С. 185–192.

16. Werbinska D. et al. English language teachers' conceptualizations of one-to-one private tutoring: An international phenomenographic study // Glottodidactica. 2019. Vol. 46. P. 175–196.

17. Yung K.W.H., Bray M. Shadow education: Features, expansion and implications / In: Tse T.K.C., Lee M. (Eds.) Making sense of education in post-handover Hong Kong: Achievements and challenges. London: Routledge, 2017. P. 95–111.

18. Blair E.J. By the light of the silvery moon: Teacher moonlighting and the dark side of teachers' work. Gorham, ME: Myers Education Press, 2018. P. 239.

19. Абанкина И., Белова Ю., Зиньковский К., Латыпова Е., Милованов А. Есть ли у педагогов альтернатива репетиторству для увеличения доходов? // Вопросы образования. 2022. № 4. С. 8–32.

20. Кашурников С.Н., Кириллов А.А. Репетиторство в России: статус, значение, проблемы // Теория и практика общественного развития. 2019. № 4 (134). С. 79–84.

21. Mervartova H. Teachers and money. Diploma thesis, 2016, Accessible from. URL: https://muni.cz/th/p11xf/ucitele_a_penizew144z.pdf. (дата обращения: 20.02.2023).

22. Stastny V., Chval M., Walterova E. An ordinary moonlighting activity? Determinants of the provision of private tutoring by Czech schoolteachers // International Journal of Educational Development. 2021. Vol. 81. P. 102–351.

ENTREPRENEURSHIP OR SURVIVAL STRATEGY? PROFESSIONAL CHARACTERISTICS AND ASPIRATIONS OF A MODERN RUSSIAN TUTOR

S.S. Donetskaya, V.A. Tretyakova

Novosibirsk State University

The article presents the results of analysis of a survey of tutors registered on two Russian online platforms. Based on the data obtained, the motivational characteristics and value preferences of tutors are revealed, their professional classification is determined. It is found that the majority of interviewed tutors believe that tutoring services complement the public education system, compensating for its shortcomings, responding quickly and flexibly to consumer demands. Tutoring, in their view, is a way of making a living and a survival strategy. Which is why most tutors consider additional classes with pupils to be their main job, but providing them a low income.

It was revealed that the tutor is a highly qualified specialist who teaches mainly school subjects, works up to 6 hours a week and sells his services from 401 to 600 rubles per hour.

Keywords: tutoring services, tutor, tutoring.

УДК 316.4
DOI 10.52452/18115942_2023_3_94

АКТИВНОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ В РОССИИ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

© 2023 г.

К.А. Галкин

Галкин Константин Александрович, к.соц.н.; старший научный сотрудник
Социологического института РАН –
филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург
kgalkin1989@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.01.2023
Статья принята к публикации 21.07.2023

Рассматриваются особенности восприятия пожилыми людьми активностей в зависимости от их возраста и занятости, а также от важности различных аспектов институционализированной политики активного долголетия в РФ. Анализ восприятия смыслов активности и активного долголетия осуществляется на основании индивидуального восприятия специфики той или иной активности пожилых людей в зависимости от их возраста, различных поколений: молодых пожилых (65+) и старших пожилых (75+).

Всего было собрано 35 интервью с пожилыми людьми из двух возрастных групп. Основной метод анализа интервью – тематический. Интервью проводились в крупном городе федерального значения – Санкт-Петербурге.

Выделенные в исследовании стратегии активности свидетельствуют о недостаточности для пожилых людей мер, которые реализуются в контексте политики активного долголетия. Так, активность пожилых, сегодня представленная на индивидуальном уровне, означает некий континуум: от активности в трудовой сфере, наиболее свойственной для пожилых людей из группы молодых пожилых (65+), и желания поиска коммуникации, взаимодействия и адресных обращений к различным типам активностей у пожилых людей из группы 75+ (старшие пожилые). Такое рассмотрение свидетельствует о важности учета индивидуальных особенностей в жизни пожилых при проектировании активностей, а также о необходимости создания более фокусной и адресной социальной политики в отношении активности пожилых людей.

Ключевые слова: концепция активного долголетия, пожилые люди, индивидуальные стратегии активного долголетия, активности пожилых людей, смыслы активности.

Введение

Концепция активного долголетия изначально задумывалась как новый политический конструкт, который способствовал бы переосмыслению старения и отказу от рассмотрения возраста как времени болезни и отсутствия ресурсов. Активизация политики в отношении пожилых людей, как отмечали создатели этой концепции, смогла бы принести пользу и экономическую выгоду, прежде всего с точки зрения возможностей использования ресурсов пожилых людей [1].

Однако концепция активного долголетия, поначалу казавшаяся идеальной утопией, постепенно оказалась довольно уязвимой. Во-первых, критики этой концепции отмечали отсутствие адресного фокуса и чувствительности политики активностей, что нередко сводилось к продолжению занятости и улучшению/сохранению здоровья. Во-вторых, данная концепция не учитывала особенности представлений о старении у пожилых людей из различных регионов и имеющих несхожий возраст. Чрезмерно перегруженная универсальностью и позитивистскими идеями концепция активного долголетия не способствовала рефлексивности, осмыслению особенностей возраста [2–4].

Несмотря на важность сбора количественных показателей, что подчёркивается в рамках Мадридского плана, изучению качественных особенностей удовлетворённости пожилых людей программами активности, которые им предложены, уделено крайне мало внимания. То же самое касается изучения альтернатив, которые могли бы прийти на смену концепции активного долголетия. Это стало особенно актуальным во время пандемии и возврата к прежним, биологическим идеям относительно возраста (когда возраст пожилого человека рассматривается как опасное время, с точки зрения вируса, и единственно верным решением в таком случае выступает изоляция пожилых людей, невзирая на психологические сложности и проблемы, которое может доставить отдельное, а нередко и одинокое проживание пожилых в рамках замкнутого пространства) [5]. Таким образом, немаловажным для изучения перспектив развития политики активного долголетия выступает исследование особенностей её понимания по-

жилыми людьми, восприятия ими своих активностей. Большое значение имеет анализ того, как данные активности репрезентируются в зависимости от различий в доступе к возможностям программ активного долголетия.

В рамках настоящего исследования мы рассматриваем стратегии планирования пожилыми людьми своих активностей, индивидуальные представления об активностях пожилых людей.

Постановка проблемы

Идея активного долголетия становится одной из магистральных в контексте эпохи миллениума, господства взгляда на старение пожилых людей с точки зрения возможностей получения ими необходимых ресурсов, их интеграции в социальную жизнь, получения ими возможностей для продолжения трудоустройства и переобучения, расширения навыков и способностей, несмотря на выход на пенсию [6–8]. Изначально идея успешного старения как образа жизни появляется в работах геронтологов, где ими рассматриваются перспективы и возможности достижения активного старения, состоящего из трёх ключевых элементов: здорового образа жизни, физической активности и включённости в политическую жизнь, жизнь местных сообществ [8]. Эти три показателя призваны улучшить качество жизни пожилых людей и, следовательно, расширить возможности для использования ресурсов пожилых на различных уровнях, для включения пожилых людей в целый спектр направлений общественной жизни.

Началом реализации политики активного долголетия стал Мадридский план, который был принят в Испании в 2002 г. [9]. В этом плане важнейшее место отводилось проблематике присутствующего повсеместно демографического старения населения, а также необходимости создания и поддержания тех или иных активностей для пожилых людей. Именно в рамках Мадридского плана были зафиксированы все ключевые этапы развития и принципы концепции активного долголетия, которые определены тем, что в общественном сознании и, следовательно, при проектировании политики активного долголетия должен произойти кардинальный переход от старости, свободной от обязательств, к старости, где важная роль уделяется пожилым людям, интегрированным в рынки труда, включённым в социальное участие и проектирование социальной политики для пожилых людей [10; 11].

Безусловно, Мадридский план по своей сути представляет собой неолиберальный проект старения, направленный на переоценку понимания пожилыми людьми возраста, исходя из развития рынков, демографического старения и возможности использования пожилыми своих ресурсов в повседневности [12]. Ключевой фокус Мадридского плана – ориентация на поддержание трудоспособности пожилых людей, достигаемой за счёт специализированных мер по сохранению здоровья пожилых и диспансеризации. Этому отведены значительные ресурсы в реализации национальных политик в сфере старения, структурированные тем, что государства проектируют политику в сфере активного долголетия, прежде всего ориентируясь на поддержание здоровья и специальные мероприятия, направленные на сохранение здорового образа жизни пожилых людей [13]. Однако выбор и специфика индивидуальных потребностей в поддержании и сохранении здоровья пожилых остаются не затронутыми в рамках специальных программ и действий в политике активного долголетия, и, как правило, сама политика активного долголетия видится как набор относительно стандартизированных, универсальных мер по сохранению здоровья пожилых, их интеграции в рынки труда.

У исследователей, изучающих перспективы развития активного долголетия, в особенности в период после пандемии, возникло множество вопросов, связанных с будущим самой теории, с возможностями использования данного подхода для осмысления и понимания специфики потребностей самих пожилых людей [14]. Назрел резонный вопрос о поиске новых моделей, о новом объяснении активностей в контексте возрастающей роли индивидуальных и поколенческих различий в представлении о своих активностях у пожилых, что реализуется сегодня во многих эмпирических и теоретических исследованиях, рассматривающих старение [15; 16].

Вопрос о проблематизации индивидуальных особенностей активности пожилых людей есть вопрос о противопоставлении двух исследовательских парадигм. Первая парадигма связана с дискурсом права, институциональными дискурсами, сохранением важности унификаций и созданием единых условий в социальной политике для всех пожилых [17]. Вторая парадигма определена этикой заботы, которая транслирует индивидуальный подход к изучению потребностей пожилых людей и не зависит от институциональных, системных механизмов. Повседневные взаимодействия, определённые практиками заботы, позволяют исследователю рассмотреть особенности различных спектров желания (и нежелания) пожилых людей проявлять активность (или проявлять их только в опреде-

лённых сферах жизни). Например, недостаток финансовых средств у большинства пожилых людей в России способствовал продолжению занятости и интегрированности их на рынки труда [18].

Помимо этого, на активности пожилых людей могут влиять и различные неравенства, существующие в рамках конкретных территорий и, следовательно, создающие барьеры реализации некоторых мер политики активного долголетия. Например, это отсутствие возможностей для посещения курсов ИКТ в сельской местности и/или невозможность участия в фитнес-программах для пожилых людей – жителей небольших городов [19].

Отличительная черта регуляторов норм политики активного долголетия, закреплённых в национальных проектах и законах, состоит в том, что ключевые нормы обеспечения возможностей для активного долголетия со стороны пожилых людей обусловлены набором жёстких регуляторов, преимущественно в сфере здравоохранения и политики диспансеризации, направленной на поддержание пожилыми людьми своего здоровья. Национальные проекты и законодательные акты, так же как и деятельность гериатрической службы в России, содержат набор жёстких, предписываемых правил и стратегий развития в отношении пожилых людей [20; 21]. К тому же эти нормы и правила определены универсальностью и отсутствием вариантов рассмотрения перспектив активного долголетия пожилых в разных регионах страны и с позиции возрастных, поколенческих различий. Поэтому ситуация с трактовкой норм активного долголетия, которые приняты в качестве приоритетной социальной политики в России в отношении пожилых, – это довольно сложный и запутанный вопрос, который, как правило, сводится к разрывам между самими нормами и правилами, идеями и концепциями, их возможной и эффективной реализацией для пожилых людей в различных регионах и при несхожем уровне развития инфраструктуры.

Один из камней преткновения здесь – необходимость создания условий для активного долголетия в отношении разных поколений пожилых людей. Так, создание условий и различных активностей для молодых поколений пожилых людей (65+) вступает в сложные отношения с существующей социально-экономической политикой и рыночными отношениями. С одной стороны, поколение молодых пожилых, как показывают исследования, нацелено на продолжение работы, переобучение и расширение своих профессиональных навыков [22]. А с другой стороны, такие пожилые люди сталкиваются с усложняющимися требованиями рынка труда, что обусловливает их переход на низкоквалифицированные профессии. Например, современный рынок требует от работника постоянного повышения квалификации, переобучения, а также высокого уровня качества труда, наличия творческого подхода [23]. Между тем эти требования рынка не всегда могут быть реализованы, в том числе самими пожилыми людьми, которые в большей степени ориентированы на консервативное отношение к труду, на транслирование своих знаний и навыков молодёжи, чем на переобучение и смену подходов к своей работе.

Ситуация со старшим поколением пожилых (75+), с позиции политики активного долголетия в РФ, тоже весьма неоднозначна. Для данного поколения политика активного долголетия, проводимая в России, задаёт шаблонный, стандартный спектр активностей [24]. При этом новые исследования показывают, что для поколения 75+ важными видами активности выступают коммуникация, поддерживающие разговоры, и самостоятельный выбор занятия по душе с минимумом серьёзных физических активностей и возможностью неспешно выбирать наиболее подходящий режим повседневности [25; 26].

Таким образом, в рамках политики активного долголетия в России сегодня отсутствует поколенческая составляющая, ориентированность на выбор оптимальных активностей для того или иного поколения пожилых людей. Это свидетельствует о необходимости проведения исследований, ориентированных на изучение индивидуального планирования активностей пожилыми людьми. В настоящем исследовании мы рассматриваем стратегии планирования пожилыми людьми своих активностей, принимая во внимание существующие региональные различия в доступе к программам активного долголетия, поколенческие особенности, а также индивидуальный выбор самими пожилыми людьми наиболее подходящего спектра повседневных активностей.

Методология и эмпирическая база

Исследование проводилось в крупном городе федерального значения – Санкт-Петербурге – с марта по июль 2022 г. Всего было собрано 30 полуструктурированных интервью с пожилыми людьми. Нами были выделены две группы информантов для анализа активностей, исходя из поколенческих перспектив. Первая группа информантов (65+) отличалась тем, что её представители продолжали свою трудовую деятельность, но некоторые из них уже вышли на пенсию. Вторая группа – старшие пожилые

(75+), которые уже вышли на пенсию, но были вовлечены в различные формы активности, в том числе в продолжение занятости. Всего в каждой группе было собрано по 15 интервью (*n*=15). Аналитическая работа с нарративами интервью проводилась при помощи метода тематического кодирования и секвенционного анализа нарративов, который позволил обозначить ключевые стратегии в заботе пожилых людей о своих активностях, определить поколенческую специфику и особенности неравенств в возможностях проявления активностей пожилыми [27].

Стратегии активностей пожилых людей

В ходе исследования удалось выделить две ключевые стратегии планирования пожилыми людьми своих активностей. Одна из стратегий представляет собой наиболее оптимистичный вариант развития активностей в контексте развития активной интеграции в социальную жизнь через продолжение работы и непрерывного развития профессиональной карьеры – стратегия занятости. Вторая стратегия связана с более пессимистичными взглядами на свои активности и возможности, но определена, так или иначе, важностью участия в социальной жизни и коммуникации – стратегия поиска интеграции. Как правило, представители стратегии занятости – молодые пожилые (65+), обычно это высококвалифицированные специалисты, руководители, представители инженерных, исследовательских и рабочих профессий. Важными сферами занятости в этом случае выступают: сфера науки, производственная сфера, государственные производственные предприятия (работая на них, пожилые люди оказываются интегрированными в коллектив, сохраняют важность и высокий социальный статус, а также свои активности):

«Я тридцать лет здесь, на заводе, отпахал и честно скажу: не мыслю своей жизни без работы. Здесь и коллектив весьма хороший, да и всё же лучше, чем просто так сидеть на пенсии и ничего в принципе не делать. Никак этого не хочется. А здесь и зарплата есть, да и общение прежнее также сохраняется» (м., 67, инженер).

Важным в данном контексте выступает и тот факт, что, продолжая свои активности и сохраняя интегрированность в рынок труда, пожилые люди получают важный стимул, который значим как с позиции заботы, так и с точки зрения мотивации продолжать трудовую деятельность. Подобным стимулом выступает финансовая составляющая работы. Важным стимулом к ведению активности в рамках трудовой деятельности информанты отмечали и преодоление одиночества и эксклюзии из социальной жизни, что свойственно многим пожилым людям после выхода на пенсию. Нередко сохранение занятости после выхода на пенсию сопровождалось переходом к другому экспертному статусу, это было обусловлено тем, что пожилые люди продолжали работать и были включены в коллектив, в коммуникацию, взаимодействия в коллективе, однако совмещали работу с помощью в семье или с хобби, которые тоже выступали важной частью активностей пожилых после выхода на пенсию:

«Я уже просто не могу без жизни нашей кафедры. Вышла на пенсию, потому что внуки. Да и, сами понимаете, нужно было уже выходить. Но всё равно хорошо, что мне предложили программы смотреть и методическую работу выполнять. Она буквально спасает. Нет ощущения, что ты куда-то ушёл, потому что всё равно есть чувство того, что ты продолжаешь работать, того, что ты вовлечена в деятельность» (ж., 65, кандидат биологических наук).

Активность, выраженная через продолжение занятости для пожилых – представителей данной стратегии, была обусловлена и понижением статуса на работе, переводом на менее квалифицированную и, следовательно, хуже оплачиваемую должность. При этом сохранение занятости по-прежнему выступает весомым аргументом с точки зрения поддержания своих индивидуальных активностей, расширения спектра участия и включения:

«С приходом техники и электроники я уже, надо сказать, не смог бы выполнять здесь работу по наладке оборудования, по чертежам в целом. Но хорошо, что меня оставили, пусть и уборщиком. Всё же это лучше, чем просто сидеть дома и ничего не делать, дни прожигать. Пока есть движение, есть и жизнь» (м., 69, мастер).

Даже отсутствие официального оформления по Трудовому кодексу РФ не было препятствием для продолжения трудовой деятельности и включённости в активность.

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на различия трудовых траекторий, важным параметром для пожилых людей – представителей стратегии занятости выступает работа как главный стимул к активности, как экзистенциональная потребность, без которой начинающаяся на пенсии жизнь видится как жизнь без цели, без возможности быть в коллективе, быть включёнными в коммуникацию, выполнять те или иные профессиональные задачи.

Гораздо менее благополучная траектория – стратегия поиска интеграции. Как правило, эта стратегия формируется после выхода на пенсию, а также после потери занятости. В интервью информанты – представители данной стратегии отмечали, что возможности для трудоустройства пожилых людей сильно ограничены в сравнении с другими возрастными группами. Обыкновенно выход на пенсию и потеря работы ассоциируются с переходом к пожилому возрасту, однако такая ассоциация постепенно начинает терять свою значимость, и представителями стратегии были преимущественно пожилые люди 75+, которые недавно либо давно вышли на пенсию, прекратили работать, а во многих случаях и утратили все прежние рабочие контакты:

«Раньше я думала, что вообще не смогу жить без каких-либо рабочих дел, да и не понимала, по правде говоря, как это – не работать. А сейчас вот возраст подошёл. И я уже без проблем могу и не работать, могу очень легко найти себе занятие дома. Но если ты сидишь без движения, то и силы тебя начинают покидать, ты просто стареешь. Одеваться же и тому подобное делать не надо. Поэтому скажу так: да, не работать – хорошо; но просто сидеть, смотреть телевизор, играть в компьютерные игры и периодически гулять с собакой – это крайне угнетает» (ж., 75, экономист на пенсии).

Информанты отмечали, что круг активностей, предлагаемый муниципалитетами пожилым людям по различным программам активного долголетия, довольно узок. Ключевой активностью, которая предлагается в рамках таких программ, выступают курсы ИКТ (информационно-коммуникативные технологии), однако роль этих курсов, с точки зрения повышения активности пожилых людей, довольно посредственная. Сами пожилые люди обычно рассматривают такие курсы как «дежурную активность», которая способствует в большей степени развитию коммуникации и незначительной интеграции в социальную жизнь, чем переобучению или освоению новой техники:

«Да, я два года уже хожу на английский, плюс чередую это с курсами ИКТ. Что можно сказать? Скажу так: раньше я думала, что смогу что-нибудь изучить на этих курсах, а сейчас – нет. Там ведь ничего, кроме как «включите и выключите компьютер», ты не узнаешь, как бы ни пытался. И получается, что ходишь туда, чтобы просто пообщаться, чтобы не сидеть дома, а быть с кем-нибудь, что-либо обсудить, чем-то поделиться. Вот для этого и ходишь на эти курсы, а больше и ни для чего» (ж., 79, стоматолог на пенсии).

Получается, посещение заданных шаблонных активностей становится для пожилых людей важным исходя из заботы о коммуникации, из возможности общения. С учётом отдельного, а нередко и одинокого проживания такие курсы дают коммуникационные возможности, и это выступает у пожилых людей ключевой мотивацией к их посещению.

Вторая группа активностей – это предлагаемые государством различные медицинские программы лечения и диспансеризации. В эту группу включены различные государственные службы, такие как гериатрические центры, поликлиники, санатории и пансионаты. Как правило, помимо необходимости поддержания здоровья для группы старших пожилых людей подобные институции выполняют коммуникативную функцию. Общение с врачом или ожидание приёма врача, равно как взаимодействие во время прогулок и посещения санаториев, восполняют для пожилых людей важную роль терапевтического общения, способствуют их кратковременной, но всё же интеграции в социальную жизнь, что наиболее актуально для представителей стратегии интеграции:

«*У нас, как и всё теперь, честно сказать, по-стариковски. И по-другому быть уже не может. Потому что работы уже нет, а большая часть друзей, простите, на кладбище. Вот и приходится думать, как себя развлечь. Вот и идёшь в поликлинику, там поболтаешь немного. Идёшь, например, на какое-нибудь мероприятие – тоже пообщаешься. И пусть на несколько часов, но ты всё же не один»* (м., 82, инженер оборонного предприятия на пенсии).

Третья группа активностей – это семейная активность. Как правило, это труд в семье, бонусом для выполнения которого выступает возможность общения. В интервью такой труд описывался пожилыми людьми обычно как довольно привлекательный для них самих, нередко звучали слова и словосочетания, которые определяли этот труд из понятия долга, необходимости, родственных отношений и связей:

«Я же бабушка. И кто, кроме меня, им поможет? Да, я, бывает, устаю и довольно сильно устаю, но всё равно иначе никак. Потому что без дела сидеть я не привыкла, всё равно надо что-то делать. На лавке в домино играть со стариками тоже особо не хочу. Вот и стараюсь участвовать во всём, и это хорошо для меня. Это позволяет мне не быть совсем забытой» (ж., 78, преподаватель училища на пенсии).

Потеря каких-либо активностей воспринимается группой старших пожилых довольно болезненно. Часто важность активности подчёркивается в нарративах интервью такими

словами, как «движение – это жизнь», «надо что-то делать, а иначе совсем пропадёшь», «без активной жизни нынче никак». Если судить по материалам интервью, достижение пенсионного возраста воспринимается пожилыми как рубеж, при переходе к которому прежняя активность теряет былую актуальность, а новые типы активности и вовлечённости пожилых людей, как правило, зависимы от заботы о них со стороны самих пожилых людей. При этом представители группы старших пожилых считают важным не потерять свою активность и вовлечённость в социальную жизнь, несмотря на отсутствие таких возможностей. Перед пожилыми из данной группы встаёт вопрос о поиске такого рода коммуникации и различных занятий, которые способствуют общению.

Проблема потери интегрированности в социальную жизнь, потери активности выделяется старшими пожилыми наиболее остро. Интервью показывают, что самым значимым фактором у пожилых людей выступает моральная сторона потери активностей, которая, как следствие, создаёт трудности с восприятием себя и своего старения. В то же время программы, которые создаются институционально, не имеют положительного эффекта для интеграции пожилых людей в социальную жизнь, их общения и коммуникации, а в большей степени воспринимаются пожилыми как точечные инициативы, в рамках которых можно на время получить необходимую коммуникацию и стать участником каких-либо происходящих в жизни процессов.

Заключение

Полученные в исследовании данные свидетельствуют, что достижение пенсионного возраста и прекращение работы представляют собой рубеж, который способствует переходу от активностей, связанных преимущественно с работой, к активностям в различных сферах повседневной жизни. Инициативы и меры социальной политики, которые реализуются для пожилых людей после выхода на пенсию – преимущественно для старших пожилых людей (75+), не способствуют полной вовлечённости в активности этой категории граждан. Информанты, принявшие участие в исследовании, довольно чувствительны к потере активностей и эксклюзии, они отмечают важность активного вовлечения и интеграции в различные активности, главным образом с точки зрения коммуникации и важности заботы о себе, с позиции интегрированности в социальную жизнь и создания фундамента для терапевтического общения.

Институционально – на законодательном уровне – сегодня не предпринимается никаких усилий для совершенствования политики активного долголетия, для включения в реализацию этой политики фокусных инициатив, направленных на поддержку пожилых людей, на учитывание их требований, их запросов.

Пожилые люди оказываются заложниками возможностей активностей. С одной стороны, для наиболее активной группы такие возможности практически полностью заменяет трудоустройство, переход на другую работу, переход в статус экспертов. Данная деятельность практически полностью заполняет пожилым недостаток коммуникации и взаимодействия. А с другой стороны, немаловажным фактором выступает рубежность возраста выхода на пенсию, когда прежние трудовые отношения становятся не слишком актуальными, а всё взаимодействие сводится к желанию общаться с другими людьми. Об этом свидетельствуют две обозначенные в настоящем исследовании стратегии. Во-первых, это стратегия занятости, обусловленная тем, что пожилые люди продолжают ранее сформированные трудовой сферой активности (идеи активного долголетия, как и различные программы активного долголетия, становятся для них не столь актуальными). Вторая стратегия – стратегия поиска интеграции (она характерна для старших пожилых и неработающих пожилых и обусловлена тем, что пожилые сами заботятся о поиске возможных активностей, которые нередко носят довольно точечный характер).

Стало быть, важным параметром в контексте вовлечённости пожилых людей в различные активности выступает возраст, который значительно сокращает возможности для проявления активностей и в целом не способствует желанию вовлекаться в заданные и спроектированные активности в рамках политики активного долголетия. Такие инициативы выступают неким фоном, театральными декорациями сцены, а само действие создаётся пожилым человеком. И это связано с тем, что только незначительная часть активностей, заданных институционально, приносит пользу самим пожилым людям из группы 75+. Официальные программы активного долголетия, ориентированные на различные поколения пожилых людей, могли бы способствовать их интегрированности и вовлечению в социальную жизнь. Однако сложившиеся сегодня шаблоны программ активного долголетия не способствуют возможностям поколенческого выбора тех или иных активностей, не учитывают поколенческие различия у пожилых людей, а также представления об активностях, которые во многом различны в зави-

симости от возраста и характера занятости пожилого человека.

Необходимо реформирование и переструктурирование социальной политики активного долголетия, формирование более адресных ориентиров в рамках её развития. Налицо отсутствие рефлексии понимания возраста как такового, специфики занятости, которая становится ключевой формой активности в группе молодых пожилых, а также коммуникации пожилых людей из группы «старшие пожилые» при проектировании тех или иных взаимодействий.

Список литературы

1. Zaidi A. et al. Measuring active and healthy ageing in Europe // Journal of European Social Policy. 2017. V. 27. №. 2. P. 138–157.

2. Boudiny K. ‘Active ageing’: from empty rhetoric to effective policy tool //Ageing & Society. 2013. V. 33. № 6. P. 1077–1098.

3. Boudiny K., Mortelmans D. A critical perspective: towards a broader understanding of 'active ageing' // E-journal of Applied Psychology. 2011. V. 7. № 1. P. 8–14.

4. De São José J. M. et al. A critique of the Active Ageing Index // Journal of Aging Studies. 2017. V. 40. P. 49–56.

5. Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 2. С. 187–211.

6. Mendes F. R. Active ageing: A right or a duty? // Health Sociology Review. 2013. V. 22. № 2. P. 174–185.

7. Walker A. Population ageing from a global and theoretical perspective: European lessons on active ageing // Age-friendly cities and communities in international comparison. Springer, Cham, 2016. P. 47–64.

8. Галкин К.А. Социальная политика активного долголетия в России и государствах всеобщего благосостояния Европы: опыт сравнительного анализа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 2. P. 239–252.

9. Older H. O. Active ageing: a policy framework // The Aging Male. 2002. V. 5. № 1. P. 1–37.

10. Zaidi A., Howse K. The policy discourse of active ageing: some reflections // Journal of Population Ageing. 2017. V. 10. № 1. P. 1–10.

11. Голубева Е.Ю. Современные направления научно-практических исследований в области политики активного и здорового долголетия: опыт и перспективы // Успехи геронтологии. 2015. Т. 28. № 4. С. 634–638.

12. Polivka L. Neoliberalism and postmodern cultures of aging // Journal of Applied Gerontology. 2011. V. 30. № 2. P. 173–184.

13. Ковалева Г.В. Особенности активного долголетия в России // Региональная экономика и развитие территорий. 2018. С. 121–123.

14. Доброхлеб В.Г. Демографическое старение в России и новая социальная реальность // Народонаселение. 2022. Т. 25. № 2. С. 66–76.

15. Palmer K. et al. The potential long-term impact of the COVID-19 outbreak on patients with non-communicable diseases in Europe: consequences for healthy ageing // Aging Clinical and Experimental Research. 2020. V. 32. № 7. P. 1189–1194.

16. Crimmins E.M. Age-related vulnerability to coronavirus disease 2019 (COVID-19): biological, contextual, and policy-related factors // Public Policy & Aging Report. 2020. V. 30. № 4. P. 142–146.

17. Walker A., Foster L. Active ageing: Rhetoric, theory and practice // The making of ageing policy. Edward Elgar Publishing, 2013. P. 27–52.

18. Доброхлеб В.Г. Занятость пожилых людей в России: причины и последствия // Миграция и социально-экономическое развитие. 2017. Т. 2. № 2. P. 79–90.

19. Соболева Е.В. Активное долголетие как способ преодоления возрастного социального неравенства // Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления: Материалы VI Международной научной конференции / Отв. ред. С.Г. Ивченков. 2018. С. 176–180.

20. Серпов В.Ю. Создание гериатрической службы в России: опыт Санкт-Петербурга // Вестник Росздравнадзора. 2016. № 4. С. 36–42.

21. Ткачева О.Н. Перспективы развития гериатрической службы в Российской Федерации // Справочник поликлинического врача. 2017. № 5. С. 9.

22. Доброхлеб В.Г. Ресурсный потенциал пожилого населения России // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 55–61.

23. Богданова Е.А. Трудовые отношения с участием пенсионеров: забота или манипуляция? // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 4. С. 535–550.

24. Щанина Е.В. Факторы социальной активности старшего поколения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2009. № 2. С. 57–67.

25. Григорьева И.А., Уханова Ю.В., Смолева Е.О. Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 124–140.

26. Ноянзина О.Е., Максимова С.Г. Интегрированная старость: социальная политика в условиях угроз демографической безопасности // Society and Security Insights. 2018. Т. 1. № 1. С. 99–119.

27. Alhojailan M.I. Thematic analysis: A critical review of its process and evaluation // West East Journal of Social Sciences. 2012. V. 1. № 1. P. 39–47.

ACTIVE AGEING IN RUSSIA: INDIVIDUAL STRATEGIES OF THE OLDERS

K.A. Galkin

Senior researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences,
a Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied cociology of the Russian academy of Sciences.

The article examines the peculiarities of the elderly's perception of activities depending on their age and employment, as well as the importance of various aspects of the institutionalized policy of active longevity in the Russian Federation. The analysis of the perception of the meanings of activity and active longevity is carried out on the basis of individual perception of the specifics of a particular activity of older people, depending on their age, different generations: young elderly (65+) and older elderly (75+).

A total of 35 interviews with elderly people from two age groups were collected. The main method of interview analysis is thematic. The interviews were conducted in a major federal city – St. Petersburg.

The activity strategies highlighted in the study indicate that measures implemented in the context of active longevity policy are insufficient for older people. Thus, the activity of the elderly, represented today at the individual level, denotes a continuum: from activity in the labor sphere, which is most characteristic of the elderly from the group of young elderly (65+), and the desire to search for communication, interaction and targeted appeals to various types of activities in the elderly from the group of 75+ (older elderly). Such consideration indicates the importance of taking into account individual characteristics in the life of the elderly when designing activities, as well as the need to create a more focused and targeted social policy regarding the activity of older people.

Keywords: the concept of active ageing, the older, individual strategies of active ageing, the activity of the orders, the meanings of activity for the older.

УДК 316.4
DOI 10.52452/18115942_2023_3_102

РЕПРОДУКТИВНЫЕ СТРАХИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ И КОЛЛЕДЖЕЙ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2023 г.

Н.Б. Гафизова

Гафизова Наталья Борисовна, к.и.н.; доц.; доцент кафедры теории управления Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
gafizova-nb@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 04.04.2023
Статья принята к публикации 25.07.2023

Автор, опираясь на результаты четырех фокус-групповых интервью, выявляет и описывает репродуктивные страхи студентов колледжей и вузов Ивановской области, ключевые факторы их формирования. Анализ статистических данных показывает, что Ивановская область продолжает «стареть», негативные демографические процессы сопровождаются формированием и устойчивым воспроизводством репродуктивных страхов. Автор понимает под репродуктивными страхами особую разновидность социальных страхов, проявляющихся в сумме когнитивных состояний, эмоциональных переживаний и поведенческих реакций, которые идентифицируются человеком как «тревожность», «опасение чего-либо», «ощущение угрозы», «рискованная ситуация», «боязнь» и в качестве основных ценностных и поведенческих последствий имеют установки на малодетность, откладывание рождения детей и даже сознательный отказ от родительства. Автор выявляет и описывает страхи, возникающие вследствие физиологических аспектов беременности и родов, взаимодействия с институтами здравоохранения, влияния экономической ситуации на благополучие, взаимодействия с родными и близкими, мифами и суевериями, восприятия желаемого будущего для ребенка.

Автор приходит к выводу, что репродуктивные страхи возникают как субъективная реакция индивида на неблагоприятные (прежде всего социально-экономические и институциональные) условия реализации репродуктивных планов. Детоцентристские установки студентов проявляются в стремлении обеспечить ребенку максимально высокий уровень и качество жизни, желании учесть все риски и быть максимально готовыми к появлению потомства на свет. Экономические сложности, проблемы с трудоустройством и жильем, доступом к объектам «инфраструктуры заботы о детстве» вызывают репродуктивные страхи уже на этапе планирования ребенка.

Репертуар репродуктивных страхов у студентов вузов более разнообразный и более отрефлексированный, чем у студентов колледжей. Выявлена гендерная обусловленность репродуктивных страхов, их связь с существующими моделями фемининности и маскулинности.

Автор заключает, что репродуктивные страхи свидетельствуют об ответственном поведении в репродуктивной сфере. Государство, реализуя семейную политику, должно принимать во внимание репродуктивные страхи, только в этом случае меры стимулирования рождаемости и поддержки семей с детьми будут эффективными.

Ключевые слова: страх, репродуктивный страх, репродуктивные планы, репродуктивные установки, рождаемость.

Введение

В современном российском обществе огромное внимание уделяется сбережению населения: принимаются беспрецедентные меры, направленные на увеличение активного долголетия и стимулирование рождаемости. Социальная политика исходит из понимания того, что репродуктивные установки россиян формируются с учетом определенных требований к уровню и качеству жизни, а риски, их идентификация и учёт являются обязательным условием принятия положительного или отрицательного репродуктивного решения. В этой связи анализ репродуктивных страхов как разновидности социальных страхов представляет научный и прикладной интерес. Изучение репродуктивных страхов позволяет формировать более чувствительную к реальным потребностям людей политику рождаемости.

Научное и практическое значение изучения репродуктивных страхов молодежи связано с тремя моментами. Первый – возраст, который медики именуют фертильным. Несмотря на глобальный тренд взросления первородящих, по-прежнему бóльшая часть рождений приходится на возраст до 35 лет, а пик рождений второго ребенка приходится на 26-летних матерей [1]. Второй – в последнее время государство сделало ставку на молодых родителей, поэтому исследование их страхов в области деторождения позволит оценить эффективность мер сти-

мулирования рождаемости и мер поддержки семей с детьми. Третий – исследование репродуктивных установок, страхов позволяет в определенной мере спрогнозировать, какими соображениями будет руководствоваться «новое взрослое» поколение, какие усилия на уровне государственной политики необходимо предпринимать для нормализации естественного воспроизводства. Цель данной статьи – исследовать репертуар репродуктивных страхов учащейся молодежи, выявить интенсивность их переживания в зависимости от пола и типа образовательного учреждения.

Понятия «страх» и «репродуктивный страх»

«Страх» – категория междисциплинарная. Философы, например С. Кьеркьегор, К. Ясперс, Ж. Сартр, связывали страхи с сущностью человека, спецификой его существования, стремлением осмыслить самого себя, свою судьбу, конечность бытия. В психологии акцент делается на исследовании источников страхов – природе, обществе и роли страхов в формировании личности [2–5].

Социологическая наука имеет довольно длительную традицию исследования страхов, а в последние годы их изучение активизировалось в связи с пандемией COVID-19. В частности, западные исследователи обратили внимание, что ограничение привычных для людей социальных связей и взаимодействий в условиях режима самоизоляции негативно влияет на здоровье, благополучие и общую эффективность функционирования человека [6], а роль социальной поддержки приобретает особо важное значение в ситуации нехватки индивидуальных ресурсов жизни в условиях стресса [7]. Исследуются социально-демографические факторы поведения людей в условиях пандемии, выявляются стратегии «боязливого» и «смелого» реагирования на угрозы [8]. В части репродуктивного поведения социологи исследуют прежде всего страх перед рождением ребенка как экзистенциальный. Австралийские социологи исследовали влияние доминирующих дискурсов материнства на принятие решений о рождении ребенка и пришли к выводу, что женщины, ориентированные на современные модели (не патриархатные) женственности, испытывают страх «потерять себя», поскольку идеал «хорошей матери» требует полной самоотдачи и частичного отказа (хотя бы временного) от иных форм самореализации [9].

В отечественной социологии тоже накоплен опыт изучения страхов. Д.Н. Баринов, опираясь на наследие Э. Дюркгейма, считает страх социальным фактом, казуально и функционально взаимосвязанным с иными общественными процессами [10]. В.Г. Немировский и А.В. Немировская отмечают, что страх – это предмет изучения социологии эмоций. Изучение страхов позволяет устанавливать взаимообусловленность разных уровней социальной реальности, например социальные страхи выступили основой типологизации регионов Сибири [11]. Согласно М.И. Витковской, предметом социологического исследования должна быть роль страха в социальной жизни, основные механизмы функционирования страхов в обществе, а также репертуар страхов для различных видов социальных общностей. Она отмечает, что рост числа и степени выраженности социальных страхов происходит в периоды социальных кризисов, тревога же возникает как предчувствие кризиса на начальных этапах его развития [12]. Согласно Л.И. Гудкову, страхи – это форма редукции сложности и неопределенности происходящего. Они, по его мнению, являются следствием расхождения представлений и ценностей частной жизни и институциональных структур [13]. И.В. Троцук считает, что социология должна сосредоточиться на изучении репертуара страхов, доминирующих в конкретном обществе; оценке силы, специфики и распространенности какого-то конкретного страха; сконструировать внутри-, этно- или геополитический модус массового сознания, апеллируя к страхам через понятия врагов и угроз стране/обществу [14].

Резюмируя вышеизложенное, отметим:

– страх – неотъемлемая черта бытия человека и общества;

– страх является одновременно и биологической эмоцией, и социализируемым элементом культуры;

– социальные страхи существуют объективно как феномен индивидуального и коллективного сознания;

– страхи, особенности их переживания обусловлены разными социальными контекстами жизнедеятельности социальных общностей и групп;

– репертуар страхов и особенности реакции на них могут способствовать изменению базового типа личности;

– страхи могут трансформировать ценностные ориентации, установки и модели поведения индивидов и социальных групп;

– страхи, порождаемые социальными условиями, могут выступать в качестве объектов социального управления.

Категория «страх» во многом обусловливает содержание категории «репродуктивный страх».

Это особая разновидность социальных страхов, проявляющаяся в сумме когнитивных состояний, эмоциональных переживаний и поведенческих реакций, которые идентифицируются человеком как «тревожность», «опасение чего-либо», «ощущение угрозы», «рискованная ситуация», «боязнь» и в качестве основных ценностных и поведенческих последствий имеют установки на малодетность, откладывание рождения детей и даже сознательный отказ от родительства. Выявлено, что репродуктивные страхи возникают под влиянием негативных оценок мер поддержки рождаемости и семей с детьми [15, с. 89].

Специфика этой разновидности страхов проявляется в их связанности с ситуациями планирования рождения ребенка, его появления на свет и последующими процессами ухода и заботы. Процесс вынашивания, рождения, ухода за младенцем меняет телесные практики: беременность может быть чревата специфическими ощущениями, болезненными (мастит, родовые боли и пр.) и неприятными (например, вследствие токсикоза) состояниями. Тело женщины меняется, зачастую вызывая последствия, отражающиеся неблагоприятно на внешности, – пигментные пятна, растяжки, лишний вес, гормональная рыхлость тела. В этот период брачная пара/женщина оказывается в активном взаимодействии со специфическим набором социальных институтов, преимущественно институтов здравоохранения, то есть тех учреждений, которые призваны помочь в вынашивании, рождении и взращивании ребенка. Появление ребенка на свет – это всегда особая экономическая ситуация, проявляющаяся в росте нагрузки на работающих членов семьи, необходимости планировать расходы на здоровье родителей и ребенка, средства ухода, обувь, одежду, решение задач по воспитанию и организации досуга. Существенно трансформируется система взаимоотношений с родителем (родителями) и иными родственниками, которые в российских условиях, как правило, активно вовлекаются в процесс ухода, заботы и воспитания. Рождение ребенка непосредственно связано с процессами де- и ресоциализации, и как любое переходное в жизни человека состояние имеет особый символический контекст. Все, что связано с беременностью, родами, последующим уходом за младенцем, зачастую сопровождается мифами, ритуалами, стереотипами. Важно учитывать, что планирование, рождение ребенка, уход за ним – процессы, растянутые во времени, поэтому страхи начинают формироваться с учетом оценки возможности рождения ребенка здесь и сейчас и экстраполяции имеющегося опыта (своего и других) в будущее. Люди пытаются спрогнозировать возможные риски, связанные с будущим ребенка, понять и оценить их влияние и силу, продумать меры по их преодолению. Есть основание полагать, что репродуктивные страхи – своего рода проекция рисков в репродуктивной сфере.

Методика исследования

Эмпирической базой исследования выступают материалы четырех фокус-групповых интервью (два – со студентами вузов, два – со студентами колледжей), проведенных в апреле–мае 2022 года[1] на тему «Репродуктивные установки студенческой молодежи Ивановской области». В фокус-группах для студентов вузов участвовали 5 юношей и 7 девушек, представляющие бóльшую часть вузов города Иванова[2]. Основными критериями отбора респондентов выступили – пол, тип учебного заведения (колледж/вуз), место проживания (средний/малый город). Возраст участников – от 19 до 24. Семеро отметили, что имеют постоянного партнера, четверо – в поиске. Все бездетные. Двое воспитывались в неполной семье, остальные – в полной. Средняя самооценка здоровья 9.1 из 10. Семеро оценили уровень своего материального благополучия как «живу прилично, но приходится работать изо всех сил», двое – «живу в достатке, ни в чем себе не отказываю», двое – «живу от зарплаты до зарплаты, еле свожу концы с концами», и один – «отказался почти от всего, все средства уходят на продукты питания».

В фокус-группах для студентов колледжей приняли участие 10 человек, из них 5 юношей и 5 девушек[3]. Они представляют все типы городских поселений области: средние по численности города – четыре человека из Иваново, двое из Кинешмы и трое из малых городов – Вичуга, Родники, Тейково. Возраст участников варьируется в диапазоне от 18 до 20. Один состоит в зарегистрированном браке, четверо – имеют постоянного партнера, трое в поиске, один отметил, что одинок(а) и не ищет партнера. Все бездетны. Двое имеют опыт воспитания в неполной семье. Средняя самооценка состояния здоровья – 7.2. Пятеро оценили уровень своего материального благополучия как «живу хорошо, но приходится работать изо всех сил», а четверо отметили, что живут в достатке и не имеют никаких материальных трудностей.

В целом, как видим, студенты вузов выше оценили свое здоровье (9.1 в сравнении с 7.2 у студентов колледжей), они более критичны в оценке уровня своего материального благосостояния (чаще выбирали низкие показатели).

Результаты исследования

Все групповые интервью начинались с вопросов, выявляющих базовые репродуктивные установки. В видении будущего студенты колледжей демонстрировали преимущественно позитивный настрой, а студенты вузов чаще демонстрировали умеренную настороженность, градус которой повышался по мере взросления и роста материального благополучия студента. Идеальная семья для большинства опрошенных – это полная семья с двумя детьми (но есть и те, кто называл большее число). В этой семье царит любовь, дружба, уважение, взаимопомощь. Желаемое количество детей в семье зачастую увязывалось опрошенными с возможностями семьи, согласованной позицией супругов. Обнаружены существенные различия в понимании того, в каком возрасте лучше родить первенца: для студентов колледжей – это возраст с 20 до 25 лет, для студентов вузов с 25 до 30 лет, но при этом и те, и другие обосновывают свой выбор необходимостью начать полноценную трудовую жизнь, строить карьеру, обрести финансовую подушку безопасности. В целом, все участники фокус-групп имеют сформировавшиеся репродуктивные установки – могут вполне четко сформулировать видение семьи, определить желаемое количество детей в ней.

Следуя заявленной выше логике характеристики репродуктивных страхов, начнем их описание и анализ с физиологических аспектов вынашивания, рождения детей и ухода за ними. В большей степени эти страхи отрефлексированы у девушек. Несмотря на то, что никто из участниц фокус-групп не планирует в ближайшее время рождение детей, тревоги вызывают протекание беременности (*угроза выкидыша, обострение заболеваний*), роды (*возможные осложнения, необходимость оперативного вмешательства и даже смерть*). Остро проявляются страхи за здоровье малыша – *первым появляется опасение, чтобы ребёнок не родился с какими-то отклонениями* (Мария, студентка ИГХТУ, 24 года), *что может родиться с какими-либо отклонениями, например без руки, без ноги…* (Маша, студентка ИвГУ, 21 год). Отмечу, что страхи, связанные с изменениями внешности, – лишние килограммы, растяжки, пигментные пятна и пр. – отсутствуют либо воспринимаются как временные и успешно преодолеваемые сложности. Присутствуют страхи, связанные с уходом за младенцем, вызванные его хрупкостью: *когда они рождаются, у них ещё темечко не полностью затянуто. Я видела, как у него шевелится это место, пульсирует. Я на это всё смотрела, и мне страшновато становилось. Плюс ещё, когда они маленькие, их же надо ещё держать как-то под определённым уклоном, их нельзя сажать, потому что может искривление позвоночника быть. Это, действительно, очень много усилий требует и во время беременности, и после уже* (Дарья, студентка ИФ РАНХиГС, 20 лет). И еще один общий страх – страх недосыпа (*наверное, самым страшным для меня является период первых трёх месяцев – постоянный недосып, изнеможение, когда вроде бы ты рад, но вроде бы и тяжеловато* (Мария, студентка ИФ РАНХиГС, 21 год)). Одна участница отметила еще одно проявление дискомфорта во время беременности, переживаемое женщиной, – невозможность спать на животе: *но самое, наверное, такое интересное – это то, что беременным нельзя спать на животе. Я вот, например, люблю спать на животе, и я не представляю, как я смогу пережить этот период в будущем* (Дарья, студентка ИФ РАНХиГС, 20 лет).

Среди опрошенных юношей – студентов вузов превалирует боязнь за здоровье партнерши: *на самом деле у меня был бы огромный страх за свою партнершу. Все зависит от физиологического/биологического строения женщины* (Павел, студент ИФ РАНХиГС, 19 лет); *неприятное ощущение вызывает тот факт, какое количество боли получает женщина во время родов. Меня очень сильно напрягает. Это очень сильный вопрос. Захочу ли я, чтобы моя партнерша испытывала вот такую сильную боль* (Константин, студент ИГЭУ, 19 лет). Практически не выражены переживания по поводу возможных негативных перемен во внешности. Лишь один участник высказал иное мнение: *для меня ещё важно, как она будет выглядеть. Я бы очень хотел, чтобы после родов она оставалась такой же прекрасной, как она есть и сейчас* (Максим, студент ИФ РЭУ, 20 лет).

В отличие от студенток вузов, у студенток колледжей физиологические аспекты вынашивания и рождения не вызывают тревожности: *На примере двух хороших подруг, которые уже родили, у меня нет такого, что бы меня сильно шокировало* (Мария, студентка колледжа, Иваново, 18 лет); *чего бы страшного ни было в родах и беременности, вы должны быть к этому готовы, когда планируете ребенка* (Виктория, студентка колледжа, Иваново, 18 лет). Ряд участниц высказали опасения по поводу сложностей ухода за младенцем, например: *у меня есть страх, что я не знаю достаточно теории по уходу за ребёнком. То есть его дадут в роддоме, и как его кормить?* (Юлия, студентка колледжа, Родники, 19 лет); *страх что-то ему сломать или повредить, потому что они маленькие, и у них еще не всё сформировалась, и*

как бы страшно (Аня, студентка колледжа, Вичуга, 18 лет).

В отличие от своих собратьев по вузам, студенты колледжей оказались менее озабоченными физиологическими аспектами деторождения и отметили, что по этому поводу страхов не испытывают: *я считаю, что если пара хочет завести ребенка, то она должна быть как минимум готова к возможным нюансам* (Владимир, студент колледжа, Иваново, 19 лет).

Гораздо бóльшую озабоченность вызывает тема здоровья младенца: *Ну а так естественно, имеется тревога. За то же здоровье будущего ребенка. Как? Что? Почему? Это я считаю нормально* (Владимир, студент колледжа, Иваново, 19 лет); *надо заботиться об этом заранее, то есть когда уже ребенок зачат, следить за своим здоровьем и так далее. Тогда ребенок должен родиться хорошим, то есть никаких отклонений не должно быть* (Николай, студент колледжа, Иваново, 19 лет); *нужно следить за здоровьем, чтобы ребёнок был здоровым* (Кирилл, студент колледжа, Иваново, 18 лет).

В целом мы видим, что у студентов вузов репертуар страхов, связанных со здоровьем, более разнообразен. Кроме того, стереотипы фемининности накладывают отпечаток на страхи студенток. Для них важно не просто «быть матерью», а важно «быть правильной, компетентной матерью» – быть физиологически, психологически и педагогически подготовленной к рождению ребенка. И дефицит навыков вызывает соответствующие страхи и повышает интенсивность переживания страхов, связанных с физиологическими аспектами вынашивания, рождения детей и ухода за ними.

Второй аспект репродуктивных страхов связан с функционированием социальных институтов, взаимодействие с которыми становится неотъемлемым атрибутом периода планирования, вынашивания, рождения и ухода за ребенком. В представлениях студенческой молодежи – это прежде всего учреждения здравоохранения в части акушерско-гинекологической помощи и педиатрии.

Для девушек, независимо от уровня образовательной организации, этот вопрос оказался более отрефлексированным, поскольку опыт взаимодействия с медицинской сферой в женских кругах – дружеских, семейных – активно обсуждается. Для девушек медицинские учреждения – это источник угроз, рисков для женского здоровья и здоровья ребенка, а поэтому выступают как объект планирования. Девушки, исходя из сведений, полученных от своих родственников, подруг, знакомых, осмысливая их опыт, убеждены в необходимости тщательного отбора медицинской организации, специалистов: м*едицинское сопровождение, пожалуй, довольно важный аспект, за который стоит переживать* (Мария, студентка ИФ РАНХиГС, 21 год); *на самом деле, очень сильно пугает непрофессиональность некоторых врачей. Поэтому при планировании беременности я буду избирательно относиться к тому, куда я пойду обследоваться и так далее – рожать и пр.* (Елизавета, студентка ИвГПУ, 21 год).

В репликах девушек довольно часто чувствуется неудовлетворенность качеством медицинского обслуживания беременных, рожениц и младенцев, ощущается недоверие к врачам: *...насчет врачей. Если становиться на учет, под постоянное наблюдение, то это, скорее всего, будет платная клиника. Моя мама наблюдалась в государственной. И в последнюю беременность в 2018 году ей поставили миому. А оказалось, что у неё беременность уже там чуть ли не 5 недель. Не знаю, как к этому относиться. Скорее всего, только к платным специалистам, проверенным можно обращаться. Насчет педиатрии. На самом деле есть страхи, что это будет некачественное сопровождение. Думаю, всегда надо найти специалиста хорошего, проверенного. То есть, наверное, в детскую поликлинику по месту жительства я не пойду* (Мария, студентка ИГХТУ, 24 года); *я соглашусь по поводу клиник. Нужно выбирать проверенных специалистов и прежде всего в частные обращаться. У государственных и финансирование не то, и уже отношение к ним такое низкое идёт. Есть, конечно, опасность, что могут перепутать, что-то сделать* (Маша, студентка ИвГУ, 21 год).

Недоверие и неудовлетворенность вызывают преимущественно бюджетные медицинские учреждения, отмечается плохое обращение, бытовая коррупция: *... я недавно стала тётей, у меня появилась племянница. Моя сестра испытывала достаточно большие проблемы в плане здравоохранения. Вообще сильно углубляться я не буду, но, если так поверхностно, очень тяжело было попасть в больницу без затрат* (Виктория, студентка колледжа, Иваново, 18 лет); *да, у меня есть знакомая, она рассказывала про наши больницы в Ивановской области. В первый раз попала в ужасные условия, где она как раз рожала, ей ничего не объясняли, отношение было так себе. Второй раз она пошла рожать в платную ивановскую клинику, и там, говорит, всё было на высшем уровне, даже уходить не хотелось. Я буду осторожно выбирать место для родов* (Юлия, студентка колледжа, Родники, 19 лет); *взять мою сестру, которая недавно тоже родила, ей*

до последнего не сообщали пол ребенка до самого рождения, и когда за ней приехала скорая, то при погрузке ее ударили головой. Это меня сильно шокировало. И когда педиатр вел консультирование, то вообще ничего не советовал, нам подсказывала наша мама. На врачей надежды нет (Анна, студентка колледжа, Кинешма, 18 лет).

В противоположность девушкам, юноши-студенты, независимо от типа образовательной организации, позитивно оценивают медицинское сопровождение женщин и детей: *страха, что что-то пойдет не так, или, условно говоря, что мою жену недообследуют, у меня нет. Мне кажется, эта сфера очень хорошо контролируется, очень хорошо заливается деньгами. Проблем с этим не возникает, все нужное оборудование у врачей имеется* (Максим, студент ИФ РЭУ, 20 лет); *я считаю, что сейчас хорошая современная медицина, наверное, в этом проблем не будет* (Кирилл, студент колледжа, Иваново, 18 лет). Но при этом ребята осознают риски возникновения незапланированных расходов и готовы нести их для обеспечения благополучия матери и ребенка: *без денег, как правило, мало чего можно получить хорошего. Медицина, конечно, не стоит на месте, становится лучше, повышается квалификация. Но если столкнешься с проблемой, лишних трат не избежать. И если бы у партнерши возникли проблемы, то, само собой, пришлось бы искать варианты лечения за деньги* (Владимир, студент колледжа, Иваново, 19 лет); *я к этому вопросу отношусь серьезно. И эта девушка, с которой я сейчас встречаюсь, может стать невестой, перед тем как куда-то её сводить, куда-то с ней отправиться, я сам сначала всё проверяю на себе. И по отношению к акушерскому делу и к родам самим 100% буду проверять только частные клиники. Я даже рассматривать бесплатные не собираюсь, только частное и через знакомых, потому что есть хорошие знакомые в больнице* (Владимир, студент колледжа, Кинешма, 20 лет).

Следующая разновидность репродуктивных страхов – страхи, обусловленные экономическими аспектами жизни, боязнь ухудшения материального благополучия, снижения уровня жизни. Этот страх в большей степени отмечали студенты колледжа: *взять курс доллара, то повышается, то падает резко. Это влияет на цены, то есть резко поднялись цены. Например, компьютер, выложили на него 50000, а сейчас такой стоит уже 70 [тыс.]. Ну, конечно, это решаемо, но это бьет по тебе* (Николай, студент колледжа, Иваново, 19 лет); *у многих нет работы либо нет возможности её найти. Люди боятся её потерять. Наличие ребенка предполагает наличие работы, денег. Сейчас с этим в области достаточно плохо* (Кирилл, студент колледжа, Иваново, 18 лет); *в материальном плане пока что опасения есть, потом вот только-только начинаю вставать на ноги, в дальнейшем думаю это пройдёт наверняка, в этом уверен, потому работаю* (Владимир, студент колледжа, Кинешма, 20 лет).

И девушки, и юноши, размышляя о влиянии экономического благополучия на репродуктивную сферу, говорили об экономической нестабильности, отсутствии уверенности в финансовом благополучии как поводе для откладывания рождения ребенка или отказа от рождения последующего: *…не секрет, конечно, что в 90-е очень сильно упала рождаемость. Этому объективно были причины. Просто потому, что когда люди не понимают, как им самим прожить, мысли о ребенке просто не могут появиться в этот момент* (Мария, студентка ИФ РАНХиГС, 21 год); *мой брат с женой отложили рождение ребенка до тех пор, пока у них не сформируется финансовая подушка безопасности* (Елизавета, студентка ИвГПУ, 21 год); *если ты и сам себе не можешь буханку хлеба купить, то какой там ребёнок, ты его просто этим убьёшь* (Владимир, студент колледжа, Иваново, 19 лет).

Вместе с тем стоит отметить, что, даже фиксируя материальные сложности, опрошенные говорили о важности рождения ребенка: *…конечно, для ребенка хочется лучшего, чтобы у него и в будущем всё сложилось. Нельзя сказать, что будет завтра. Но ждать, пока все наладится, ждать хорошего политического положения страны или экономического, нет смысла. Просто надо рожать и исходить из ситуации* (Мария, студентка ИГХТУ, 24 года).

В целом экономические аспекты репродуктивных страхов говорят нам о рациональном, ответственном отношении учащейся молодежи к рождению детей как сфере своей персональной ответственности и попытке просчитать возможные экономические риски и создать финансовую подушку безопасности. Материальное обеспечение жены и ребенка, в сознании студентов, – главная задача мужчины как мужа и отца, это проявление ответственного отцовства, именно поэтому страхи, обусловленные экономическими аспектами жизни, боязнь ухудшения материального благополучия, снижения уровня жизни, потери работы переживаются ими более интенсивно, чем девушками.

Обратимся теперь к анализу страхов, связанных с социальным окружением. Семья, родственники, друзья – это важная часть того контекста, в котором молодая семья реализует свои

репродуктивные планы. Отмечу, что данный страх не так явно выражен, как прочие, и проявляется в контексте размышлений о самостоятельности и личной ответственности за принятое репродуктивное решение: *мы рожаем ребенка не для родителей, в первую очередь для себя, конечно, но поддержки хочется очень, очень желательно, но даже если её нет, то это не повод отказываться от ребёнка, если уже запланировали его завести* (Полина, студентка ИФ РАНХиГС, 21 год); *да, я думаю, что если человек приобрёл некую независимость от родителей, то есть экономическую, например, свое жилье, и родители никаким образом не могут повлиять, то к их мнению можно не прислушиваться. Если вы независимы, то решайте сами* (Константин, студент ИФ РАНХиГС, 22 года). Подобные мнения подтверждают наш вывод о том, что сфера репродукции воспринимается студентами как область самостоятельных решений, в которой их персональное мнение играет главенствующую роль. При этом мнение родителей или друзей, особенно если это несогласие, отказ в помощи и т.п., всего лишь досадная помеха в реализации принятых решений.

Все, что связано с беременностью, родами, последующим уходом за младенцем, зачастую сопровождается мифами и суевериями. Суеверия и приметы – это формы существования основных мифологем массового сознания. Суеверные люди, как указывает Р.Г. Ардашев, обращаются к суевериям, чтобы уменьшить чувство беспомощности, чтобы стать более уверенными в себе [19, с. 188]. Автор считает, что суеверность не взаимосвязана с незрелостью мышления или недостаточным личностным опытом, а наибольшую выраженность суеверность приобретает в тех возрастных периодах, в которых у человека создается нестабильная жизненная ситуация или снижается его жизненная активность [19, с. 189]. Фокус-групповое интервью показало, что сфера репродукции воспринимается бездетной учащейся молодежью вполне рационально. Большая часть интервьюируемых отмечали, что подобные суеверия транслируются родительским поколением, но сами отрицали приверженность подобным взглядам: *я могу сказать, что мне мама сказала, что, когда только забеременеешь, нужно рассказывать об этом только на месяце 4–5. Я с ней согласна. А когда ребенок родится… я думаю, что выставлять его фотографии можно только после того, как 40 дней пройдет после рождения. Но, вообще, я не думаю, что какая-то порча будет, если только зависть какая-то…* (Мария, студентка ИГХТУ, 24 года); *я согласна. Тут скорее играет роль какая-то осведомленность. У меня сестра глубоко верующий человек, и она верит, что и ребеночку на кофту надо булавочку прикалывать, что нельзя фотографировать, закрывать лицо, никому не показывать. Я не верю* (Виктория, студентка колледжа, Иваново, 18 лет); *ну, я в подобные суеверия не верю. Это полная ерунда, я на такие вещи вообще не обращаю внимания* (Владимир, студент колледжа, Иваново, 19 лет).

Следующая группа репродуктивных страхов связана с оценкой рисков после рождения ребенка. Молодые люди пытаются спрогнозировать возможные сложности и затруднения в ходе реализации родительской роли, продумать меры по их преодолению. В ходе рассуждений на эту тему участники фокус-групп высказывали очень осторожные суждения. Общее мнение, высказываемое и студентами вузов, и студентами колледжей, – все надо планировать и уж если приняли решение, то надо «тянуть лямку»: *…допустим, в ближайшие несколько лет будут подниматься зарплаты, будут улучшаться условия жизни людей. Но я в это не верю. Отток умов так и будет происходить за границу. Но для начала надо снизить цены или поддерживать матерей. Открывать кружки, секции, чтобы было чем заниматься ребенку. Чтобы у родителей была уверенность, например, что ребёнка возьмут в детский сад. Я говорю из своего опыта. Проблемы были с детским садом и со школой. То есть если родитель хочет устроить своего ребёнка в хорошую школу, а его не берут… А детям надо хорошее образование. Ну и медицина. Не верю, что это будет улучшаться* (Мария, студентка ИГХТУ, 24 года); *все молодые люди, которые собираются родить ребенка, воспитывать его, подстраиваться под ситуацию, которая происходит в стране. Следовательно, мы не можем гарантировать, что будет, допустим, завтра. И, соответственно, мы этого не можем избежать. …с этим нужно просто смириться и продолжать жить* (Маша, студентка ИвГУ, 21 год); *… если ты планируешь ребенка, ты должен быть готов к тому, что у тебя будут большие средства уходить и на образование, и на одеть/обуть, и первый класс, и садик. Поэтому, как только родился ребенок и даже до этого, я думаю, можно уже начинать планировать все, начиная с пеленок. Ну, например, средства откладывать на колледж, чтобы, если что, на всякий случай было. Я не из тех людей, которые приверженцы того, что «дал бог зайку, даст и лужайку». Нужно все-таки быть готовым к тому, что расходы будут большие* (Виктория, студентка колледжа, Ива-

ново, 18 лет). В целом мы видим, что решение о рождении ребенка воспринимается студенческой молодежью как очень ответственный шаг в жизни, к которому необходимо готовиться – и в экономическом, и в психолого-педагогическом смысле. Но при этом опрошенные демонстрировали понимание того, что любые трудности – это их персональная забота, которая ляжет на их плечи, и к этому нужно быть готовыми.

Заключение

Проведенное исследование показало, что учащаяся молодежь Ивановской области преимущественно ориентирована на двухдетную семью. В понимании и юношей, и девушек рождение ребенка является ответственным шагом, к которому надо готовиться основательно. Рождение первого ребенка связывается с необходимостью начать полноценную трудовую жизнь, строить карьеру, обрести финансовую подушку безопасности. Студенты вузов выше оценили свое здоровье (средняя оценка 9.1 в сравнении с 7.2 у студентов колледжей), они более критичны в оценке уровня своего материального благосостояния (чаще выбирали низкие показатели). Именно поэтому у вузовских студентов преобладает умеренно-настороженное видение будущего, в отличие от позитивного восприятия студентами колледжей. Причем настороженные оценки высказывали участники с высокими оценками материального благополучия.

Можно отметить, что репертуар репродуктивных страхов у студентов вузов более разнообразный и более отрефлексированный. Особенно это касается страхов, связанных со здоровьем, медицинским сопровождением беременности, родов и ухода за младенцем, возможными рисками в случае рождения ребенка. Для студентов колледжей наиболее выраженным стал страх ухудшения материального благополучия и недоступности качественной медицинской помощи, а вот физиологические аспекты деторождения не вызвали у них каких-либо опасений.

Исследование показывает гендерную обусловленность репродуктивных страхов. Для девушек – готовность к материнству в отношении ухода за новорожденным и последующего процесса воспитания, ярко выражены опасения в плане медицинского сопровождения женщин и младенцев; и в отличие от юношей они имеют определенную склонность к суевериям, сопровождающим сферу репродукции. Для юношей – топ-страх – страх не справиться с материальным обеспечением семьи, не обеспечить качественную медицинскую помощь жене и ребенку. При этом юноши практически не испытывают страхи в связи с физиологическими аспектами беременности и родов и устойчивы к различным суевериям в этой сфере. Таким образом, мы видим, что одним из источников репродуктивных страхов выступают гендерные стереотипы, предписывающие женщине и мужчине разные модели поведения в репродуктивной сфере.

Проведенное исследование репродуктивных страхов свидетельствует об ответственном поведении в сфере деторождения, желании по возможности учесть все риски и быть максимально готовыми к тому, чтобы обеспечить себе и ребенку максимально высокий уровень и качество жизни. Репродуктивные страхи учащейся молодежи являются отражением социально-экономического неблагополучия региона, тех сложностей, с которыми молодые люди встречаются, выстраивая свою самостоятельную жизнь. Страхи, в свою очередь, влияют на репродуктивные планы молодежи – они все чаще предпочитают малодетную семью, а наличие социально-экономических проблем и невозможность обеспечить ребенку желаемое качество жизни побуждает их откладывать рождение ребенка на неопределенный срок. Все это крайне неблагоприятно отражается на демографических процессах в регионе.

Выявленные особенности репродуктивных страхов могут быть учтены при разработке органами управления мер поддержки молодых семей и стимулирования рождаемости. Важно создать гибкую, чувствительную именно к потребностям молодых, систему налоговых льгот, социальных выплат, программ гибкой занятости для молодых родителей. Будут востребованы коворкинги для молодых семей с детьми и различные формы психолого-педагогической помощи в реализации родительской функции. Повышение качества акушерско-гинекологической и педиатрической помощи позволит снять страхи молодых относительно здоровья матери и ребенка и, возможно, в перспективе преодолеть установки на малодетность.

Примечания

1. Фокус-группы проводились совместно с к.социол.н., доцентом Е.О. Цалко в рамках совместной НИР «Разработка программы социологического исследования репродуктивных установок учащейся молодежи Ивановской области в контексте устойчивого развития региона» и являются логическим продолжение НИР «Факторы и мотивы репродуктивного поведения жителей Ивановской области», проведенной в 2019 году, результаты которой представлены [16–18]. Гайд фокус-групп включал в себя четыре

основных блока – факторы репродуктивного поведения, восприятие бездетности, репродуктивные страхи, мотивы репродуктивного поведения.

2. В фокус-группах приняли участие студенты 6 ивановских вузов – Ивановского государственного химико-технологического университета (ИГХТУ), Ивановского государственного энергетического университета (ИГЭУ), Ивановского государственного политехнического университета (ИвГПУ), Ивановского государственного университета (ИвГУ), Ивановского филиала РАНХиГС (ИФ РАНХиГС), Ивановского филиала РЭУ (ИФ РЭУ).

3. В фокус-группах приняли участие студенты Кинешемского политехнического колледжа, Родниковского политехнического колледжа, Тейковского индустриального колледжа, Вичугского многопрофильного колледжа, Ивановского автотранспортного колледжа, Ивановского технического колледжа, Ивановского политехнического колледжа, Ивановского промышленно-экономического колледжа.

Список литературы

1. Естественное движение населения в Российской Федерации за 2021 год. Статистический бюллетень. М., 2022. URL: EDN_2021.xlsx (live.com) (дата обращения: 12.03.2023).

2. Кьеркьегор С. Страх и трепет / Пер. с дат. Изд. 2-е, дополненное и исправленное. М.: Культурная революция, 2010 (Классики современности). 488 с.

3. Ясперс К. Философия. В 3 кн. Кн. 2. Просветление экзистенции / Пер с нем. А.К. Судакова. М.: Канон+, 2012. 448 с.

4. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.

5. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (По материалам международных исследований) / В.Э. Шляпентох и др. (ред.). М.: МОНФ, 1999. 347 с.

6. Humphrey A., March E., Lavender A.P., et al. Buffering the Fear of COVID-19: Social Connectedness Mediates the Relationship between Fear of COVID-19 and Psychological Wellbeing // Behavioral Science. 2022. № 12 (3). P. 86.

7. Turska E., Stępień-Lampa N. Wellbeing of Polish university students after the first year of the coronavirus pandemic: The role of core self-evaluations, social support and fear of COVID-19 // PLoS ONE. 2021. № 16 (11). P. e0259296.

8. Sántha Á., Telegdy B., Gergely O., Nistor L. The Social Roots of Fears at the Start of the SARS-CoV-2 Pandemic. An Online Study of the Ethnic Hungarian Population in Romania // Acta Univ. Sapientiae Social Analysis. 2021. № 11. P. 79–99.

9. Maher J.M., Saugeres L. To be or not to be a mother? Women negotiating cultural representations of mothering // Journal of Sociology. 2007. № 43 (1). P. 5–21.

10. Баринов Д.Н. Страх как феномен общественного сознания // Бюллетень науки и практики. 2019. № 7 (5). С. 448–457.

11. Немировский В.Г., Немировская А.В. Чувство незащищенности от социальных опасностей как основа типологизации регионов (по материалам социологических исследований в Восточной и Западной Сибири) // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 1 (107). С. 113–127.

12. Витковская М.И. Теоретико-методологические проблемы изучения «страха» в социологии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2003. № 4–5. С. 74–79.

13. Гудков Л.И. Страх как рамка понимания происходящего // Мониторинг общественного мнения. 1999. № 6 (44). С. 46–53.

14. Троцук И.В. Мировоззренческие доминанты молодежи: возможности эмпирической фиксации сквозь призму страхов, надежд и опасений // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2013. № 3. С. 25–39.

15. Гафизова Н.Б., Цалко Е.О. Репродуктивные страхи жителей малых городов Ивановской области // Городские исследования и практики. 2021. № 1 (6). С. 87–99.

16. Гафизова Н.Б., Цалко Е.О. Добровольная бездетность в русской провинции (по материалам социологического исследования в Ивановской области) // Социальные процессы современной России (материалы Международной научно-практической конференции, 19–20 ноября 2020 г., Нижний Новгород) / Под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. В 2 т. Т. 1. Н. Новгород: ООО «Научно-исследовательский социологический центр», 2020. С. 547–550.

17. Гафизова Н.Б., Цалко Е.О. Репродуктивные установки мужчин (на примере Ивановской области) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 3 (59). С. 102–106.

18. Гафизова Н.Б., Цалко Е.О. Репродуктивное благополучие и репродуктивные страхи населения как фактор социального благополучия и устойчивого развития региона (на примере Ивановской области) // Социологические подходы к изучению социального благополучия / М.Ф. Черныш, Ю.Б. Епихина (ред.). М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 205–222.

19. Ардашев Р.Г. Суеверия в жизни современных студентов: иррациональные стратегии сознания // Социология. 2020. № 3. С. 182–189.

REPRODUCTIVE FEARS OF STUDENTS AT COLLEGES AND HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF THE IVANOVO REGION

N.B. Gafizova

Ivanovo branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The author, based on the results of four focus group interviews, identifies and describes the reproductive fears of students of colleges and universities in the Ivanovo region, the key factors in their formation. The analysis of statistical

data shows that the Ivanovo region continues to «age», negative demographic processes are accompanied by the appearance and sustainable (re)production of reproductive fears. The author understands reproductive fears as a special kind of social fears, manifested in the sum of cognitive states, emotional experiences, and behavioral reactions, which are identified by a person as «anxiety», «fear of something», «feeling of threat», «risk situation», «fear» and as the main value and behavioral consequences, they have attitudes towards having few children, postponing the birth of children, and even a conscious rejection of parenthood. The author identifies and describes the fears arising from the physiological aspects of pregnancy and childbirth, interaction with healthcare institutions, the impact of the economic situation on well-being, interaction with relatives and friends, myths and superstitions, perception of the desired future for the child.

The author concludes that reproductive fears arise as a subjective reaction of an individual to unfavorable (primarily socio-economic and institutional) conditions for the implementation of reproductive plans. Child-centered attitudes of students are manifested in the desire to provide the child with the highest possible level and quality of life, the desire to consider all the risks and be as prepared as possible for the birth of offspring. Therefore, economic difficulties, problems with employment and housing, access to the objects of the «childcare infrastructure» cause reproductive fears already at the stage of planning a child.

The repertoire of reproductive fears among university students is more diverse and more reflective than among college students. Also revealed is the gender conditionality of reproductive fears, their connection with existing models of femininity and masculinity.

The author concludes that reproductive fears indicate responsible behavior in the reproductive sphere, the desire to consider all the risks and be as prepared as possible to provide themselves and their children with the highest possible level and quality of life. The state, when implementing family policy, should take into consideration reproductive fears and offer effective measures to stimulate the birth rate and support families with children.

Keywords: fear, reproductive fear, reproductive plans, reproductive attitudes, fertility.

УДК 316.334
DOI 10.52452/18115942_2023_3_112

ПАРАДОКСЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ДОВЕРИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА МЕДИЦИНСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ В ПОСТПАНДЕМИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

© 2023 г.

Н.А. Вялых

Вялых Никита Андреевич, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на-Дону
sociology4.1@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 01.03.2023
Статья принята к публикации 21.07.2023

Обсуждаются результаты социологического исследования факторов социального доверия населения российских регионов к медицинским организациям на этапе фактического окончания пандемии COVID-19. Выбор темы продиктован практической и научной значимостью преодоления разногласий в понимании социальной сущности феномена социального доверия/недоверия в условиях вынужденной коррекции вектора трансформации системы медицинского обеспечения в современной России. На основе эмпирических данных анализируется медицинская активность, раскрываются основные проблемы, страхи, тревоги общества в этой сфере. Замысел исследования базируется на парадигме социального конструктивизма, которая делает возможным изучение как ментальных, так и поведенческих механизмов, конституирующих дискурс кризиса доверия общества к медицинским услугам. В структуру критериев оценки предметной области целесообразно отнести: отношение потребителей к медицинским организациям; степень удовлетворения медицинских потребностей и оценку взаимоотношений с личными врачами; типичные практики самосохранительного поведения; эмоциональный настрой и ожидания от медицинского вмешательства. Аргументировано, что социальное доверие/недоверие формируется только в результате деятельности и требует направленных усилий, активной смысложизненной позиции потенциальных пациентов. Делается вывод о перспективности предложенного инструментария социологического познания в интересах реализации последующих фундаментальных исследований специфики социального доверия в иных подсистемах общественной жизни, например в политике, образовании, брачно-семейной сфере.

Ключевые слова: социальное доверие, медицинские организации, медицинский выбор, российское общество, пандемия COVID-19.

Введение

О доверии как необходимом социально-психологическом герметике коммуникаций на межличностном и институциональном уровне в социологических исследованиях до сих пор говорится много, но о том, что реально скрывается за этим феноменом, каковы его составные элементы, признаки, индикаторы, ученые нередко умалчивают, пребывая в когнитивной ловушке обыденного мышления, будто существует некоторое конвенциональное понимание. В итоге мы сталкиваемся в научной практике с сотнями кейсов социологической оценки доверия/недоверия в самых разнообразных подсистемах общественной жизни, когда оно измеряется по сути само через себя такими вопросами, как «доверяете ли вы…?», «в какой степени доверяете…?», «кому можно (нельзя) верить…?», «уверены ли вы…?» и т.п.

В данной статье мы хотим поделиться опытом социологического исследования парадоксов и противоречий доверия российских потребителей к медицинским организациям. Вначале обсудим методологические предпосылки его научного изучения, очертим атрибутивные характеристики, а затем продемонстрируем, каким образом можно задействовать арсенал инструментов и приемов конкретно-социологического познания для определения специфики отношения общества к медицинским услугам на этапе выхода из сложной эпидемиологической ситуации, вызванной пандемией нового коронавируса.

Методология

В интересах преодоления познавательных искажений и односторонности отдельных парадигм социологи, как правило, опираются на комплексный (интегративный) подход, вбирающий в себя базовые установки номинализма и реализма. Проблема социального доверия не является исключением, поскольку оно конструируется, с одной стороны, на микроуровне повседневной реальности, произрастая из социального взаимодействия акторов, с другой стороны, оно уже существует как некая объективированная структура, своего рода ментальная

программа общества, которая оказывает посредством формальных и неформальных норм (обыкновенно ограничительного свойства) институциональное давление на людей в конкретной коммуникативной ситуации, например в процессе контакта врача и пациента. В этом случае социальные роли и связанные с ними взаимные ожидания могут быть заранее предустановлены, а могут возникать спонтанно.

Учесть все многообразие объективных и субъективных факторов невозможно, поэтому в качестве методологической основы нашего эмпирического проекта был выбран социальный конструктивизм, акцентирующий внимание на первичной роли социального действия человека как носителя ценностей, установок, представлений, эмоций, потребностей, определяющих отношение общества (на мезо- и макроуровне) к врачам и медицинским организациям. Социальный конструктивизм, путем анализа медицинских практик и предиспозиций (т.е. готовности к действию или бездействию), открывает возможность социологам самим ответить на главный исследовательский вопрос: доверяют ли потенциальные пациенты медицинским услугам, и если да, то в какой степени. Некоторые ученые предпочитают переложить это бремя на респондентов и сами начинают «верить» в доверие/недоверие. Так формируется тонкая грань между игрой в социологию и научными социологическими исследованиями с высокой социальной значимостью [1, с. 7].

Методологической точкой опоры будет следующая дефиниция: доверие – это эмоционально-оценочный тип отношения, предрасполагающий пациентов (потенциальных и реальных) делегировать существенную долю ответственности за свое здоровье представителям профессионального медицинского сообщества и решать периодические или постоянные проблемы со здоровьем (дисфункции, недомогания, болезни) средствами доказательной медицины. Принципиально важно учитывать тот факт, что доверие в чистом виде – это фикция, идеально-типический конструкт, используемый в обыденной и научной практике для удобства, ибо в реальности оно немыслимо без своего интеллектуального антагониста – недоверия. Правда, антагонистичность недоверия – это тоже одна из самых распространенных мифологем социально-гуманитарного знания [2, с. 58], поскольку в различных жизненных ситуациях доверие и недоверие могут привести с сопоставимой степенью вероятности к положительным и нежелательным последствиям как для отдельного человека и малых общностей, так и для больших социальных групп.

Стержневыми переменными индивидуальной для каждого человека шкалы доверия/недоверия будут риск, ответственность, модель поведения, система ожиданий, капитал (экономический, социальный, культурный). Также надо осознавать, что симбиотическая пара «доверие/недоверие» динамична по своей природе, словно рефракция глаза, т.к. она служит способом социальной адаптации населения к ситуации неопределенности, пронизывающей сверху донизу всю систему медицинского обеспечения в современной России, что особенно проявилось с пришествием в 2020 г. «черного лебедя» – пандемии новой коронавирусной инфекции.

Более обстоятельно сложности концептуализации социального доверия общества к медицинским организациям в контексте пандемии COVID-19 раскрываются в предыдущих публикациях автора [3, 4]. В данной работе хочется сосредоточить внимание на основных результатах выборочного социологического обследования, обладающих новизной по отношению к накопленному в российской и зарубежной периодике последних лет знанию [5–13].

В ноябре 2022 г. – январе 2023 г. в двадцати семи российских регионах нами проведен разведывательный социологический опрос методом стандартизованного анкетирования ($N = 834$ чел. в возрасте от 18 лет; целевая выборка, квотирована по типу поселения, полу, возрасту). Задача опроса состояла в описании структуры и особенностей доверия/недоверия к медицинским организациям. На подготовительном этапе мы остановились на следующих его эмпирических аналогах: медицинские (самосохранительные) практики и типы терапевтического выбора; склонность к медицинскому риску; эмоциональные переживания в момент взаимодействия с медицинскими организациями; субъективная характеристика качеств постоянного врача (при наличии оного); представления о престиже медицинской профессии; оценочный фон общей ситуации в здравоохранении (на момент острой фазы пандемии COVID-19 и в настоящий момент). Конечно, перечисленные индикаторы в свою очередь сами нуждаются в категориальной распаковке и операционализации, но мы надеемся, что по ходу анализа ряда частотных распределений логика авторского замысла будет понятной. А заключается она, если кратко, в следующем – посредством системы косвенных признаков показать структурно-векторные противоречия социального доверия россиян к услугам медицинских организаций в период устойчивой нормализации эпидемиологической обстановки.

Результаты и их обсуждение

Поскольку доверие анализируется в плоскости деятельностного подхода, респондентам вначале было предложено выбрать предпочтительную для себя тактику поведения в ситуации недомогания и выраженного физического дискомфорта. Уточним, что в вопросе речь шла о том, что делают люди в первую очередь, когда осознают наличие проблемы со здоровьем. Больше трети опрошенных (35.6%) обычно лечатся самостоятельно медицинскими препаратами, не обращаясь к врачам. Второй по популярности практикой (27.3%) является обращение за квалифицированной помощью в медицинскую организацию по полису обязательного медицинского страхования. И далее следуют такие способы поведения, как обращение за помощью к лично знакомым медицинским работникам, например, родственникам и друзьям (12.7%), использование платных медицинских услуг (9.6%), ожидание того, что недомогание пройдет само собой, терпение без каких-либо действий (9.1%), применение средств народной (нетрадиционной) медицины (5%) и иные практики (0.6%), связанные с одновременным комбинированием различных способов реагирования, самостоятельным использованием ранее полученных медицинских предписаний, самолечением респондентами с медицинским образованием.

Представляет интерес потенциальная медицинская активность, а точнее – поведенческий срез комплаентности, т.е. приверженности терапевтической программе (лечению) и сотрудничеству с врачами [14, с. 43]. Анкетный вопрос был следующего содержания: «Представим ситуацию, что Вы обратились к врачу и Вам рекомендовали для лечения (оздоровления, профилактики) список медицинских препаратов. Ваши действия…». О намерении безоговорочно в полном объеме выполнять предписания, назначения и рекомендации врача высказалось 38.4% участников опроса. Примерно столько же (40.5%) отметили, что сначала изучат аннотации рекомендованных препаратов, возможные эффекты и противопоказания, ознакомятся с отзывами в сети Интернет, посоветуются с друзьями, членами семьи и только потом примут решение о стратегии лечения. 10.8% респондентов, скорее всего, обратятся к другому врачу с целью верификации диагноза и уточнения полученных назначений и только после сопоставления мнений двух и более специалистов примут решение, 10% сразу ничего предпринимать не станут, постараются выждать время и по возможности обойтись без выполнения каких-либо медицинских предписаний и дополнительных консультаций. Встречалось также незначительное число иных высказываний (вариант «другое», 0.4%), которые в основном разворачивались вокруг сложностей доступа на прием к врачу и признания возможности вносить самостоятельно коррективы в лечение, например исключать прием отдельных медикаментов.

Несмотря на обозначенную во введении статьи критику социологических исследований обобщенного доверия, мы не могли не задать респондентам в качестве контрольного самый «главный» вопрос: «Доверяете ли Вы в целом медицинским организациям, в которые Вам приходится обращаться постоянно или время от времени?» В анкете он был помещен ближе к финалу, чтоб эмоционально не давить на участников опроса, но его результаты логично раскрыть именно сейчас, т.к. это в дальнейшем поможет лучше продемонстрировать противоречия между декларируемым доверием потребителей медицинской помощи и их социальными представлениями, поведенческими установками и здоровьесберегающими практиками. Итак, 21.5% опрошенных вполне доверяют, 54.2% – доверяют по большей части, 21.8% – очень мало доверяют, 2.5% – не доверяют совсем. Получается, что кумулятивно на три четверти отношение россиян к медицинским организациям вроде бы достаточно позитивное.

При этом 51.8% в составе изученного контингента хотели бы в случае необходимости получать лечение, проходить оздоровительные процедуры и медицинскую диагностику за рубежом, и еще больше – 62.9% – в ином субъекте РФ. Разумеется, между желанием и готовностью медицинского туризма располагается довольно высокий когнитивно-поведенческий барьер, но, как нам кажется, приведенная статистика говорит о сочетании сомнения в возможностях медицины по месту жительства с верой в то, что где-то в другом месте, необязательно за рубежом, можно с большей вероятностью эффективно решить проблемы со здоровьем. Подчеркнем, что эти и некоторые последующие результаты отнюдь не свидетельствуют о недоверии, а лишь констатируют сложный многоуровневый и мультифакторный характер восприятия социумом процессов в сфере медицинского обеспечения.

Еще один индикатор потенциального терапевтического выбора касался степени рискогенности медицинской активности населения. Его функциональное назначение состояло в попытке поставить респондентов перед дилеммой – ситуацией выбора между консервативными и радикальными средствами лечения, каждый из которых обладает очевидными преимущества-

Таблица 1

Степень предрасположенности к медицинскому вмешательству с повышенным уровнем риска, % по выборке

Склонны ли Вы к медицинскому вмешательству с повышенным уровнем риска (скажем, к плановой хирургической операции по совету врача), которое способно быстро и существенно улучшить качество жизни, самочувствие, если можно обойтись сравнительно безопасными, но менее эффективными и более затратными по времени, усилиям, стоимости методами (приемом препаратов и процедур, лечебной гимнастикой, изменением режима и условий труда, диетой)?	Однозначно да	10.3
	Скорее да, чем нет	35
	Скорее нет, чем да	42.2
	Категорически нет	12.5
	Всего	100

Таблица 2

Сопряженность доверия/недоверия с эмоциональным фоном потребления медицинской помощи, % по столбцу

Какие эмоции и настроения Вы чаще всего испытываете перед посещением медицинских организаций?	Доверяете ли Вы в целом медицинским организациям, в которые Вам приходится обращаться постоянно или время от времени?		% по выборке
	«Вполне доверяю» и «по большей части доверяю»	«Очень мало доверяю» и «не доверяю совсем»	
Надежда, оптимизм, убежденность в профессионализме медицинского персонала	21.4	6.9	17.9
Тревога, настороженность, сомнения в положительном результате обращения за медицинской помощью	21.2	48.3	27.8
Спокойное, нейтральное, сдержанное настроение без особых надежд, но и без выраженных опасений и тревоги	56.6	43.3	53.4
Другое	0.8	1.5	1
Всего	100	100	100

ми и недостатками. Допустим, лазерная коррекции неосложненной стационарной близорукости (дальнозоркости, астигматизма) сегодня доступна жителям всех крупных и средних российских городов, как технологически, так и в финансовом плане. Однако даже врачи-офтальмологи и люди с солидным ресурсным капиталом чаще всего ограничиваются контактной либо очковой коррекцией зрения, а также использованием специальных капель, упражнений, витаминов, аппаратных процедур для поддержания и улучшения зрительных функций. Таких частных примеров можно привести сотни из различных разделов международной классификации болезней, их мы и подразумевали, задавая подобный провокационный вопрос.

Как следует из табл. 1, опрошенные предпочитают минимизировать потенциальные риски, хотя совокупная доля тех, кто решился бы, к примеру, на операцию, которую можно избежать, достаточна велика. Отметим, что здесь мы имеем дело только с предиспозицией, потому что реальное поведение зависит от множества ситуативных, контекстуальных и социально-психологических переменных, которые даже в качественном социологическом срезе не всегда можно обнаружить и хоть как-то типологизировать.

Важным компонентом в системе критериев оценки доверия/недоверия является эмоциональная сфера. Чаще всего перед посещением медицинских организаций опрошенные испытывают спокойное, нейтральное, сдержанное настроение без особых надежд, но и без выраженных опасений и тревоги (53.4%). Ощущают надежду, оптимизм, убежденность в профессионализме медицинского персонала 17.9% опрошенных. Почти треть выборочной совокупности (27.8 %) остановила свой выбор на таких состояниях, как тревога, настороженность, сомнения в положительном результате обращения за медицинской помощью. Открытая позиция (вариант «другое», 1%) включала ответы, связанные с негативными переживаниями: раздражением, чувством безысходности из-за невозможности попасть по записи на прием, умеренным волнением, разочарованием, неуверенностью в правильности оформления медицинских документов и схеме лечения. Корреляционный анализ доказывает сопряженность обобщенного доверия/недоверия с привычным эмоциональным фоном ожидания встречи с врачами (табл. 2).

Системообразующим фактором доверия на межличностном и институциональном уровнях организации общественной жизни считается социальный капитал [15]. В контексте нашего исследования речь идет о наличии хорошо знакомых медицинских работников среди близких родственников, друзей, а также врачей, с которыми респонденты в течение длительного времени сотрудничают по мере необходимости. 34.3% опрошенных имеют постоянного врача (например, терапевта, семейного доктора или

Таблица 3

Субъективная оценка респондентами личных качеств постоянного врача, валидный % ответов по столбцу

Оценка качеств врача	Согласен	Не согласен
Мой врач всегда внимателен к моим потребностям и ставит их на первое место	90.9	9.1
Я иногда ставлю под сомнение профессионализм и компетентность своего врача	25.6	74.4
Я настолько доверяю своему врачу, что всегда стараюсь следовать его рекомендациям и назначениям	79.3	20.7
Мне кажется, что мой врач не делает всего, что должен и может для улучшения моего здоровья и самочувствия	13.7	86.3
Мой врач – настоящий эксперт в решении вопросов, связанных со спецификой моих заболеваний	83.5	16.5
Я уверен (-а), что мой врач способен честно признать ошибку в назначениях/диагностике, если она им будет допущена	83.9	16.1
Иногда я беспокоюсь о том, что врач может не хранить информацию о состоянии моего здоровья в полной конфиденциальности	18.7	81.3

узкого специалиста), с которым советуются по всем или многим вопросам своего здоровья. Данную подгруппу мы попросили оценить пометками «согласен»/«не согласен» ряд высказываний касательно различных аспектов социального взаимодействия с личным врачом (табл. 3). Надо сказать, что испытуемые достаточно высоко оценивают профессионализм своих кураторов от медицины.

Половина респондентов (50.6%) имеет среди близких родственников, друзей представителей медицинской профессии, фармацевтов, провизоров, с которыми приходилось советоваться по вопросам COVID-19 (лечения, диагностики, профилактики, реабилитации, вакцинации). Показательно, что 42.2% опрошенных оценили их помощь, советы как эффективные и важные, 8.4% – как бесполезные. Еще 16.8% по выборке отметили наличие знакомых медиков, но прибегать к их советам с начала пандемии COVID-19 им не доводилось. Каждый третий (32.6%) заявил о полном отсутствии подобных социальных связей.

Большинство респондентов отметило, что их отношение к медицинским работникам за прошедшее с начала пандемии COVID-19 время существенных изменений не претерпело (54.3%) либо изменилось в лучшую сторону (27.1%). Только 8.8% опрошенных указали на изменения в худшую сторону, и примерно столько же затруднились ответить (9.8%). Умеренно позитивное коллективное восприятие медицинского сообщества подтверждается представлениями о престижности профессия врача. По мнению 57.9% участников опроса, профессия врача является вполне престижной, т.е. уважаемой и высоко ценимой, в современном российском обществе. 33.5% опрошенных считают, что это «обычная профессия, не слишком престижная, но и непрестижной ее назвать нельзя», меньшая доля (8.6%) назвала профессию врача однозначно непрестижной.

Анкетируемым было предложено по пятибалльной шкале (1 – самый низкий уровень, 5 – самый высокий) оценить свои шансы на своевременное получение медицинской помощи (скорой, первичной, плановой) в острую фазу пандемии COVID-19 (март 2020 г. – март 2022 г.) и на момент заполнения опросного листа. Средние значения получились следующими – 3.12 и 3.73 балла соответственно. Как можно видеть, негативистский привкус восприятия доступности медицинских услуг в пандемию COVID-19 все-таки остался, несмотря на то, что проводился социологический замер почти год спустя после отмены всех ограничений в оказании плановой медицинской помощи и снятия требований обязательной вакцинации в регионах. Наше предположение подтверждается вторичными социологическими данными. Согласно телефонному опросу «ВЦИОМ-Спутник» от 17 ноября 2022 г. (N = 1600 чел. в возрасте от 18 лет), треть россиян (34%) оценивает текущее состояние отечественной медицины «оптимистично» – часть из них (21%) убеждена, что «российское здравоохранение сейчас догоняет по всем направлениям мировую медицину», 13% – что «в каких-то областях уже удалось обогнать мировую медицину». 40% сограждан полагают, что медицина в России сейчас «не развивается», а 26% – затруднились с однозначной оценкой ситуации [16].

Выводы

Критически анализируя полученные данные, мы приходим к заключению, которое, вероятно, не каждый читатель, тем более специалист по теме, будет готов разделить. Не исключено, что социология доверия – один из самых грандиозных мыльных пузырей современного социально-гуманитарного знания. Ведь нет ничего более бессмысленного, чем пытаться найти стержень объективных сложностей системы оказания медицинской помощи в отсутствии доверия

различных агентов по отношению друг к другу, и при этом искренне надеяться на возможность его целенаправленного формирования и управления инструментами социальной политики.

Методологические контуры и данные разведывательного эмпирического проекта в какой-то мере подтверждают сократовскую гносеологическую формулу – о социальном доверии мы знаем только то, что о нем мы не знаем ничего. В то же время вскрытые противоречия и парадоксы могут стать идейно-теоретической и прикладной базой для последующих фундаментальных исследований и управленческих решений, направленных на гармонизацию институциональных взаимодействий между ключевыми субъектами системы российского здравоохранения.

Представленное исследование разворачивалось преимущественно вокруг поведенческих и отчасти эмоциональных структур доверия/недоверия. В будущем целесообразно включить также аксиологические индикаторы, которые помогут определить ценностно-рациональные скрепы (если таковые, конечно, вообще имеются) социального доверия общества не только к медицинским организациям, но и к другим агентам здравоохранения: аптечным сетям, фармацевтическим предприятиям, страховым медицинским организациям. Также мы неизбежно сталкиваемся с методическими ограничениями социального познания доверия, даже раскладывая данный феномен на ряд осязаемых признаков, потому что в основной массе респонденты не будут искренне раскрывать социологам проблемную часть своей повседневности. Дело в том, что недоверие чаще всего ассоциируется в массовом сознании с чем-то плохим, обрастая отрицательными эмоциями (страх, тревога, гнев, фрустрация, неприязнь) и негативистскими коннотациями вроде интеллектуальной недалекости, дремучести, закрытости изменениям. Среднему обывателю, пусть и с учетом добровольного согласия и желания участвовать в опросах, всегда легче отделаться – то ли от самого себя, то ли от интервьюера – сдержанными ответами и срединными оценками.

Результаты социологического опроса в целом регистрируют умеренно-позитивную и нейтральную форму восприятия медицинских услуг на этапе выхода из сложной эпидемиологической обстановки, обнажившей закостенелые организационные, экономические и социокультурные противоречия трансформации системы обязательного медицинского страхования последних трех десятилетий в нашей стране. Однако сопоставляя систему фактов, а не только отдельные распределения мнений, нельзя не обратить внимания на некоторые нестыковки, которые приближают нас в конечном итоге к пониманию смыслового наполнения социального доверия/недоверия общества к врачам и медицинским организациям.

При перекрестном анализе ответов на различные вопросы возникает ощущение диссонанса, словно респонденты живут в некотором состоянии самообмана в связке «доверие другим – доверие себе». Добытые нами сведения говорят о наличии зависимости уровня доверия населения от опыта их личного взаимодействия с медицинским персоналом. Пандемия COVID-19 не оказала существенного влияния на социальные настроения, но вместе с тем привела к повышению роли персональной и коллективной ответственности за здоровье. Наряду с позитивными сигналами трансформации моделей медицинской активности социологические данные фиксируют амбивалентный характер социального отношения к медицинским организациям, который можно выразить народными премудростями: «выслушай всех и сделай по-своему», «доверяй, но проверяй», «семь раз отмерь – один раз отрежь».

Социальное доверие к медицинским организациям во многом декларативно и носит гибкий авансовый характер, зачастую безотчетно для самих пациентов и предпациентов. В реальных жизненных ситуациях, требующих адекватного терапевтического выбора, люди демонстрируют довольно высокую степень ответственности, взвешенные (в плане риска) стратегии поведения, средний уровень комплаентности и желание получать медицинскую помощь за пределами региона постоянного проживания в случае проблем со здоровьем. Кроме того, доверие дифференцируется по критерию социального капитала, т.к. зависит от наличия знакомых медработников, личных, семейных врачей. При этом доверие/недоверие – всего лишь идейно-теоретический конструкт, интуитивная динамическая матрица, посредством которой воспроизводится индивидуальный для каждого человека комплекс адаптивных самосохранительных реакций, приводящий как к положительным, так и нежелательным эффектам.

Исследование выполнено в рамках реализации гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (МК-1818.2022.2) «Динамика социального доверия российского общества к институту здравоохранения в условиях пандемии COVID-19».

Список литературы

1. Шубрт И. Мысли о современной российской социологии и ее перспективах // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 5–15.

2. Веселов Ю.В., Скворцов Н.Г. Доверие в эпоху цифровых трансформаций: опыт социологического исследования // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 57–68.

3. Вялых Н.А. Социальное доверие российского общества к системе здравоохранения: новые смыслы и теоретические основания в период пандемии COVID-19 // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 2 (66). С. 104–111.

4. Вялых Н.А. Феномен социального (не)доверия российского общества к институту здравоохранения в контексте пандемии COVID-19: когнитивные иллюзии и методологические проблемы // Вестник НГУЭУ. 2022. № 2. С. 178–193.

5. Финкельштейн И.Е. Культурные (медицинские) представления хронических больных в период пандемии COVID-19: механизмы работы и формирования культурного знания в ситуации неопределенности // Семиотические исследования. 2022. Т. 2. № 3. С. 110–118.

6. Финкельштейн И.Е. Правила принятия терапевтических решений хроническими больными // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2021. Т. 13. № 2. С. 267–291.

7. Макушева М.О., Нестик Т.А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427–447.

8. Лядова А.В. Социальные факторы здоровья в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2021. Т. 27. № 4. С. 134–156.

9. Hong Z., Deng Z., Zhang W. Examining factors affecting patients trust in online healthcare services in China: the moderating role of the purpose of use // Health Informatics Journal. 2019. № 25 (4). P. 1647–1660.

10. Jabeen F., Hamid Z., Akhunzada A. et al. Trust and reputation management in healthcare systems: taxonomy, requirements and open issues // IEEE Access. 2018. № 6. P. 17246–17263.

11. Lee S. Subjective well-being and mental health during the pandemic outbreak: exploring the role of institutional trust // Research on Aging. 2022. № 44 (1). P. 10–21.

12. Hooper M.W., Mitchell C., Marshall V.J. et al. Understanding multilevel factors related to urban community trust in healthcare and research [Электронный ресурс] // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. № 16 (18). URL: https://www.mdpi.com/1660-4601/16/18/3280/htm (дата обращения: 03.03.2023).

13. Belfrage S., Helgesson G., Lynøe N. Trust and digital privacy in healthcare: a cross-sectional descriptive study of trust and attitudes towards uses of electronic health data among the general public in Sweden [Электронный ресурс] // BMC Medical Ethics. 2022. Vol. 23. № 19. URL: https://doi.org/10.1186/s12910-022-00758-z (дата обращения: 03.03.2023).

14. Шакирова А.Ф., Селянцева А.А. Изучение уровня комплаентности у амбулаторных пациентов // Архитектура здоровья. 2022. № 1. С. 42–46.

15. Елисеева С.Ю. Групповой социальный капитал и индивидуальное здоровье: обзор зарубежных исследований // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 3 (63). С. 133–141.

16. Государственная медицина: в погоне за качеством // Аналитический обзор «ВЦИОМ-Спутник» от 17 ноября 2022 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvennaja-medicina-v-pogone-za-kachestvom (дата обращения: 03.03.2023).

PARADOXES AND CONTRADICTIONS OF RUSSIAN SOCIETY'S TRUST TOWARDS MEDICAL ORGANIZATIONS IN THE POST-PANDEMIC PERIOD

N.A. Vyalykh

Institute of Sociology and Regional Studies at Southern Federal University, Rostov-on-Don

The article discusses sociological research results of trust factors of the population towards medical organizations at Russian regions during COVID-19 pandemic actual ending. The relevance of the observation is determined by the practical and scientific necessity to overcome the differences in understanding the phenomenon of social trust/distrust, especially in modern Russia when the vector of transformation of the medical care system is corrected forcedly. Based on the empirical data, the society medical behavior and their main problems, fears, alarms are analyzed. The study is based on the paradigm of social constructivism. Such approach makes it possible to study both mental and behavioral mechanisms that shape the crisis of public confidence to the medical services. It is expedient to include the following in the structure of criteria for assessing social trust in healthcare system: the attitude of consumers to medical organizations; level of satisfaction with their personal doctors and needs; typical self-preservation practices; emotional mood and expectations from medical interventions. The author argues that social trust is constructed as a result of activity and requires directed efforts, an active position of potential patients. The author comes to conclusion that sociological toolkit will allow identifying implementation perspectives for further fundamental research of social trust problem in other public life subsystems, for example, in politics, education, marriage and family sphere.

Keywords: social trust, medical organizations, medical choice, Russian society, COVID-19 pandemic.

УДК 316.4
DOI 10.52452/18115942_2023_3_119

ФАКТОРЫ СОКРАЩЕНИЯ И ПУТИ УСИЛЕНИЯ РОЛИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

© 2023 г.

С.В. Попова

Попова Светлана Владимировна, к.филос.н.; доц.; доцент кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь
s_popova80@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.03.2023
Статья принята к публикации 26.07.2023

Отмечается, что русский язык в настоящее время по-прежнему остается главным мостом между странами Средней Азии и остальным миром. Однако наблюдается активное снижение его роли в регионе вследствие укрепления национальных языков, усиления геополитической активности в Центральной Азии со стороны других стран, сокращение масштаба участия самой России в социокультурном взаимодействии с регионом. Дается характеристика основных современных проблем по усилению активности России в укреплении языкового влияния в регионе: отсутствие единой образовательной системы, недостаточное финансирование совместных и филиалов российских вузов, отсутствие долгосрочной системной политики по поддержке абитуриентов из Центральной Азии. Рассматриваются способы и пути усиления роли русского языка как инструмента «мягкой силы» России: открытие новых образовательных учреждений и центров по обучению русскому языку в регионе и их финансирование, грантовая поддержка абитуриентов для обучения в педагогических вузах на территории России, а также обучение учителей-русистов непосредственно в регионе.

Ключевые слова: русский язык, Центрально-Азиатский регион, изменение роли русского языка, межкультурное взаимодействие, фактор «мягкой силы».

Введение

В настоящее время резко сократился масштаб использования русского языка в мире, в том числе и в бывших союзных республиках. При сокращении территории его распространения снижается роль русского языка в мировом сообществе в качестве инструмента «мягкого влияния».

Значимость данной проблемы отмечал Л.Э. Слуцкий еще в 2015 г.: «Ни один язык, к сожалению, за последние несколько столетий не исчезал так быстро, как русский. Я уже не раз приводил эту статистику: сейчас по-русски говорят 270 млн человек, а в 1989 г. говорили 370 млн. И это ничтожный по историческим меркам отрезок времени» [1].

Наиболее массовое снижение статуса русского языка произошло в центральноазиатских республиках. В советское время на русском языке здесь говорили более 80% всех жителей (по данным переписи населения 1989 года) [2], что связано с долгосрочной политикой советской власти, сделавшей изучение русского языка обязательным во всех школах. На современном этапе позиции русского языка уже не столь стабильны, значительно сократилось число людей, говорящих по-русски, – не более 50% во всех центральноазиатских республиках, не считая Казахстана [3]. По критерию распространенности русского языка Центральную Азию можно разделить на две категории: во-первых, это Казахстан, где за последнее время возросло число русскоговорящих при одновременном сокращении русского населения на 40%; во-вторых, это остальные республики Центрально-Азиатского региона, где произошло наиболее масштабное снижение позиций русского языка [4].

Целью статьи является анализ причин сокращения роли русского языка в странах Центральной Азии. Изучение данного вопроса позволит наметить и выработать необходимые механизмы усиления его роли в регионе.

Методы исследования

Основным методом данного исследования выступает системный подход, с помощью которого был осуществлен комплексный анализ факторов, снижающих роль русского языка, и пути его усиления в различных странах Центральной Азии; применение общенаучного метода сравнения позволило сопоставить степень влияния каждого из внешнеполитических игроков на политическое и социокультурное развитие региона.

Результаты исследования

Возникает вопрос: почему русский язык значительно реже используется в образовательном,

политическом и медиапространстве Центральной Азии? Есть несколько причин, почему русский язык как мощный инструментарий влияния России постепенно утрачивает свои позиции в регионе.

Во-первых, снижение роли русского языка стало результатом целенаправленной политики по поддержанию национальных языков. Осуществляемая центральноазиатскими странами политика языкового национализма культивировала приоритетное использование национального языка в качестве государственного, деквалифицировав статус русского языка и сократив возможности его использования в публичном пространстве. Наиболее жестко и последовательно эта политика проводилась в Туркменистане, Таджикистане и Узбекистане, в остальных странах региона – Киргизии и Казахстане – осторожнее, с учетом возникающих рисков.

Статуса языка межнационального общения русский язык официально был лишен в Таджикистане еще в 2009 г. Все культурные мероприятия, делопроизводство, официальная переписка ведутся теперь на таджикском языке [5].

Узбекистан занимает второе место в регионе в отношении попыток уменьшения роли русского языка, направленных на ограничение влияния России. В середине 1990-х гг. правительство Узбекистана исключило упоминание русского языка из конституции страны. Такие действия властей подготовили юридическую основу для последующей дерусификации общества. Все делопроизводство в государственных органах осуществляется только на узбекском, с последующим дублированием на русский язык [6]. Следует отметить, что на фоне законодательного закрепления статуса только узбекского языка и значительного сокращения русского населения в Узбекистане функционирует примерно тысяча школ с обучением на русском языке. В республике издаётся большое количество русскоязычных изданий (несколько десятков газет и журналов), функционирует почти два десятка культурных центров, которые регулярно организуют конференции на разную тематику [7].

Из всех стран Центральной Азии в Туркменистане положение русского языка наиболее сложное. Его правительство использовало все возможности, чтобы ограничить влияние России, в том числе в отношении русского языка как индикатора этого влияния. Единственным русскоязычным изданием является газета «Нейтральный Туркменистан», отсутствуют радио- и телепередачи на русском языке. В результате такой политики новое поколение республики вообще не знает русского языка. В некоторых школах еще присутствуют классы с обучением на русском, но большинство из них в 1990-е годы были просто закрыты.

Упадок русского языка в стране отмечается уже к началу XXI века, и в настоящее время Туркменистан является самым закрытым государством среди всех бывших советских республик. Визовый режим и отсутствие массовой трудовой миграции в Россию также способствуют сокращению межкультурных контактов [5].

В Киргизии, как и в Казахстане, русский язык имеет статус официального языка [8] и является вторым языком по числу владеющих и третьим по числу носителей (этнические русские проживают в основном на севере страны). Русский язык также способствует объединению страны, консолидации Севера и Юга, выполняя роль языка межнационального общения [9]. Подобно другим странам Центрально-Азиатского региона, официальные власти Киргизии также стремились сохранить лидерство государственного языка. Однако, чтобы снизить поток эмигрирующих из страны русскоговорящих квалифицированных специалистов и предотвратить экономический кризис, пришлось законодательно закрепить за русским статус официального языка. В результате такого более лояльного отношения к русскому языку трудовые мигранты из Кыргызстана достаточно хорошо его знают, что делает их более конкурентоспособными на российском трудовом рынке, по сравнению с таджикскими и узбекскими мигрантами [10].

Во-вторых, недостаточная роль и участие самой России в социокультурном взаимодействии с регионом. Опираясь на тесные связи с центральноазиатскими странами в советский период, Россия не учитывает современные реалии.

Снижение уровня русского языка порождает угрозу того, что в будущем народы, проживающие в республиках Центральной Азии, утратят последнее основание для развития добрососедских отношений. Избрав после распада Советского Союза западный путь развития, Россия на какое-то время забыла о бывших республиках, что отчасти способствовало формированию подобной ситуации. Такая точка зрения во многом звучит и на политическом уровне республик Средней Азии, например в лице депутата Киргизского парламента Д. Бекешева: «К сожалению, русский язык может со временем и вовсе утратить свою значимость. В этом, я считаю, в какой-то мере виновата сама Россия как культурное ядро русскоговорящего мира. …В тех странах, где русский язык был когда-то распространен, он постепенно исчезает, потому что Российская Федерация мало приложила усилий для того, чтобы создать тесные культурные связи с этими странами» [11].

Позиция России по укреплению языкового влияния в регионе на сегодняшний день выражена недостаточно явно. В то же время наблюдается возрастающая потребность широких групп населения центральноазиатских республик в изучении русского языка. В этом плане можно выделить целый ряд проблем [12]:

1) недостаточное финансирование совместных и филиалов российских вузов, в отличие от замечательно оборудованных американских вузов. «Мы недостаточно поддерживаем «Русский мир», в то время как наши… «стратегические друзья» принимают меры к его коллапсу» [1];

2) отсутствие систематической государственной политики по поддержке абитуриентов из Средней Азии при поступлении в вузы на территории России;

3) ограниченность финансовых средств абитуриентов не позволяет им обучаться на платной основе, поэтому часто они выбирают гранты других стран;

4) отсутствие единой мощной образовательной системы в регионе, что порождает критические настроения среди экспертов: «Есть, увы, ощущение, что Россотрудничество действует с опозданием, так как многие из республик бывшего СССР, являвшихся некогда важной частью «русского мира», быстрыми шагами его покидают» [13].

По мнению С. Маркедонова, «…у самой России после распада СССР не появилось качественной стратегии по развитию «русского вопроса» и русского языка как его составной части… Именно прагматики для обоснованного продвижения русского языка за пределами России катастрофически не хватает. То есть не разговоров о «великой культуре» прошлого, а проектов, нацеленных на решение задач настоящего и будущего» [9].

Разумеется, предпринимаются многие шаги по преодолению подобной ситуации. Например, в Таджикистане в 2023 г. были открыты четыре новые русскоязычные школы. Весьма успешно действует фонд «Русский мир» в Киргизской Республике. Здесь функционируют три центра по обучению русскому языку, регулярно проводятся курсы повышения квалификации для местных преподавателей русского языка, а образовательные учреждения снабжаются необходимой литературой. Среди других форм деятельности фонда можно отметить проведение различных мероприятий развлекательного характера, а также выделение грантов для русскоязычных СМИ. Все это, несомненно, поддерживает престиж русского языка среди киргизского населения [4]. Однако российским правительством пока не сформирована долгосрочная системная политика по укреплению социокультурного взаимодействия со странами Центральной Азии, недостаточно четкое понимание приоритетных целей в этом направлении. На сегодняшний день основными потребителями российских образовательных проектов являются люди в столицах и тех регионах, где русский язык имеет свое традиционное влияние (например, северные районы Казахстана). В частности, все образовательные организации Кыргызстана, финансируемые Россией, находятся в самом Бишкеке, либо в Душанбе, если речь идет о Таджикистане (Российский центр науки и культуры, Таджикско-Российский славянский университет). Поэтому российская языковая стратегия должна предполагать вовлечение людей не только в столицах стран Средней Азии, но и за их пределами, население которых весьма недружелюбно по отношению к России [14].

Следует отметить, что русский язык в настоящее время по-прежнему остается главным мостом между странами Средней Азии и остальным миром. Это связано с недостаточной развитостью местных языков, возможности которых по получению доступа к мировому информационному пространству более ограниченны, по сравнению с русским. Недостаток учебной литературы, а также слабый уровень обучения на местных языках также укрепляют позиции русского языка в регионе. Учитывая, что слишком малый процент жителей региона говорит на других языках – английском, китайском, турецком [14], русский язык по-прежнему необходим для нормального функционирования и развития государств Средней Азии.

Популярность русскому языку добавляет также невысокое качество местных СМИ, однако все вышесказанное – временное явление, поскольку русскоязычное образование в будущем все более будет сталкиваться с конкуренцией.

В-третьих, еще одним фактором, снижающим роль русского языка, является повышение активности в Центральной Азии со стороны других языков, прежде всего английского, турецкого и китайского. Такие страны, как США, Турция, Китай, Иран, многие арабские и европейские государства после распада Советского Союза стремятся разными способами закрепиться в регионе, в том числе через реализацию проектов по распространению своих языков.

Если рассматривать последовательность активизации деятельности разных стран в Центрально-Азиатском регионе, то первоначально это были исламские страны, такие как Саудовская Аравия, Иран, Турция и Пакистан. Они стремились прежде всего реализовать программы образования мусульман. В частности, при

поддержке Турции в Туркменистане, Казахстане и Киргизии построены многие школы, гимназии и университеты с преподаванием английского и турецкого языков, осуществляется обмен студентами, что может позволить в будущем воспитать поколение национальных элит с дружественным отношением к Турции. Большое преимущество Турции дают общие культурные и религиозные корни со странами региона, что позволяет открывать различные культурные центры, также способствующие ее активному продвижению [10].

Крайне негативно на позиции русского языка в регионе сказывается стремление Турции в рамках гуманитарного сотрудничества заменить письменность местных языков с кириллицы на латиницу, чтобы уже ранее произведено в самой Турции. Непродуманность такой политики в странах Центральной Азии привела уже ко многим печальным последствиям. В Узбекистане сегодня можно наблюдать неуклюжее смешение разных алфавитов, проявляющееся, например, в целом калейдоскопе латинских и кириллических надписей на улицах столицы [5].

Республика Казахстан к 2025 г. также планирует перейти с кириллицы на латиницу, став в один ряд с Туркменистаном и Узбекистаном [15]. Здесь следует иметь в виду, что эти страны – самые богатые в регионе, с большим количеством населения (78.8 % от общей численности жителей Центральной Азии) [16]. Решение Казахстана изменить свой алфавит вызвало неоднозначную реакцию, так как именно в этой республике находится самое большое количество русских и русскоязычных граждан Центрально-Азиатского региона [17]. Кроме того, Казахстан имеет общую границу с Россией и обозначает себя в качестве ее стратегического партнера. Поэтому многие восприняли такое решение властей как стремление Казахстана вырваться из-под российского влияния.

Активную роль в регионе стремится играть также Иран, который осуществляет многочисленные программы по обмену учащихся, а также принимает участие в улучшении оборудования библиотек. Однако религиозная специфика Ирана с приоритетом шиитских традиций в результате были активно воспринята только Таджикистаном.

После распада Советского Союза центральноазиатские республики стали предметом активного интереса Соединенных Штатов Америки и ряда европейских стран. США реализуют свою политику в регионе через сеть различных фондов (например, агентство по международному развитию США и фонды Сороса). Внедряются различные образовательные проекты, как в регионе, так и за его пределами, через предоставление грантов, стипендий на обучение в США. Доступность и бесплатность этих программ пользуется достаточной популярностью среди молодежи, значительная часть которой желает уехать в США на постоянное место жительства. Большая привлекательность английского языка по сравнению с русским для молодых людей региона подтверждается различными опросами. В частности, большинство казахстанских студентов, которые учились за рубежом по программе «Болашак», посещали университеты именно в Великобритании (3031) и США (2287), нежели чем в России (741) [14].

При непосредственной поддержке руководства США открываются многочисленные филиалы американских вузов в республиках Средней Азии (в частности, Казахско-Американский университет, Американский университет в Бишкеке и др.). Ежегодно увеличивая объем финансирования данных вузов, США через подобные проекты активно пропагандируют преимущества американской идеологии, образа жизни и образования. Такая политика постепенно вытесняет сферу распространения русского языка в образовательном процессе и заменяет его английским.

До настоящего времени вся элита стран Средней Азии обучалась в основном в России или в филиалах российских вузов на русском языке. Это укрепляло взаимоотношения между республиками и самой Россией. Однако сегодняшнее молодое поколение в своем большинстве обучается в западных вузах. Такое бесплатное образование получили уже тысячи молодых людей региона [10]. Снижение роли России в перспективе создаст опасность дестабилизации ситуации в регионе, поскольку русский язык является основой для укрепления добрососедских и союзнических отношений для стран Центральной Азии.

Следует отметить, что Казахстан, как и Таджикистан, постепенно уже внедряет на государственном уровне программы по обучению на трех языках, в том числе и на английском. Тем не менее этот язык, как считает большинство исследователей, в ближайшем будущем все же не сможет заменить русский, поскольку он востребован только среди узких групп населения [18].

Среди программ, которые реализуют в регионе европейские страны, можно выделить такие, как «Темпус» (взаимодействие в сфере высшего образования), «Коперникус» (взаимообмен научными кадрами), «Интас» (сотрудничество между самими учёными). Внедряются также проекты по изучению языков Европейского союза, в частности французского и немецкого. В реализацию

ряда образовательных и просветительских программ активно включается также ОБСЕ, которая имеет свою Академию в Кыргызстане.

Свои культурные центры организовала в регионе и Япония, которая проявила интерес к странам Средней Азии еще в 1999 г. Организуются различные мероприятия, а также выделяются гранты на бесплатное изучение японского языка [12]. Однако Япония далеко не так активна в своем продвижении в регионе, по сравнению с другими странами.

С 2000-х гг. в регион приходит и Китай, распространяя здесь свой язык и культуру. Были открыты Институты Конфуция, различные центры по изучению китайского языка, прежде всего в республиках Узбекистан и Казахстан. В Таджикистане этот язык стал третьим по популярности после русского и английского [14].

Посредством стипендиальной программы жителям республик предоставляется возможность продолжить обучение и в самом Китае. В отличие от России одной из своих приоритетных целей Китай сделал реализацию гуманитарных и образовательных проектов в Средней Азии непосредственно через ШОС, что только повышает популярность Китая в регионе. Кроме того, Китай старается проводить более мягкую политику по сравнению с достаточно агрессивными действиями других политических игроков [12].

Выводы и условия решения проблемы

Наиболее значимая область, в которой русский язык по-прежнему вне конкуренции, – это образовательная, прежде всего это обучение техническим, медицинским и военным специальностям. На сегодня наиболее актуальным для среднеазиатских республик является вопрос нехватки преподавателей русского языка, а также отсутствие должного уровня его преподавания в национальных школах и высших учебных заведениях. Кроме того, количество книг по русскому языку и литературе, предоставляемых Россотрудничеством, недостаточно. Разумеется, усилиями только Россотрудничества данную проблему не решить. Необходимо объединение усилий как государственных, так и негосударственных образовательных фондов, структур, учреждений культуры, СМИ, социальных сетей и личных инициатив граждан.

Перспективным может быть предоставление грантов, дающих возможность жителям Центральной Азии обучаться в педагогических вузах на территории России, а также обучение учителей-русистов непосредственно в регионе через открытие филиалов российских университетов. Реализация этих программ позволит отбирать и обучать лучшие кадры, повышать их квалификацию и устанавливать необходимые в будущем межличностные связи.

Таким образом, ключевая задача – это активная поддержка и реализация целевых программ по подготовке квалифицированных кадров, прежде всего из числа местного населения, которые хорошо понимают специфику региона.

Символично, что накануне объявления в СНГ 2023 г. Годом русского языка президент Казахстана К.К. Токаев предложил новый проект – создание под эгидой СНГ международной организации по продвижению русского языка. Президент России В.В. Путин одобрил эту инициативу и обещал оказывать всякую поддержку.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что в настоящее время русский язык в стремительно растущей конкурентной борьбе рискует утратить свое влияние в регионе, если Россия не переработает стратегию гуманитарного сотрудничества со странами Центральной Азии. Упрочение пространства русского языка в Центрально-Азиатском регионе в ближайшем будущем всё больше будет зависеть от специализированных и адресных проектов, реализуемых посредством государственных и негосударственных образовательных учреждений различного уровня, культурных центров, СМИ, доступных и интересных для местного населения. Ключевым фактором выступают программы подготовки педагогических кадров с привлечением представителей всех народов Центральной Азии.

Список литературы

1. Слуцкий Л.Э. Россия слабо поддерживает русский язык в экс-республиках СССР // РИА Новости. 24 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20151224/1348180208.html?ysclid=lemq5bergr497856305 (дата обращения: 27.01.2023).

2. Абдуллаев Е. Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях демодернизации // Русский мир в Центральной Азии: Сборник статей и материалов / А.А. Князев (ред.). Вып. 1. Бишкек: Центрально-азиатский институт русской диаспоры, 2007. С. 9–33.

3. Польских А. Русский язык в Центральной Азии лучше всего знают в Казахстане // Русский Мир. 11 декабря 2013 [Электронный ресурс]. URL: https://russkiymir.ru/news/48713/ (дата обращения: 20.01.2023).

4. Евдокимов А.Н., Давыдова Т.А., Савкин Д.А. Русский язык в Центральной Азии: современное состояние и перспективы // Проблемы постсоветского пространства. 2020. № 7 (3). С. 373–388.

5. Синько В. Русский язык в Азии стал камнем преткновения [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumilev-center.ru/russkijj-yazyk-v-azii-stal-kamnem-pretknoveniya/?ysclid=lemqxzq1cq748440217 (дата обращения: 12.02.2023).

6. Закон Республики Узбекистан о Государственном языке Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: http://www.lex.uz/docs/108915 (дата обращения: 27.10.2022).

7. Боришполец К.П. Русский язык в центрально-азиатском регионе // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 63–70.

8. Конституция Кыргызской Республики (от 27 июня 2010 года) (с изменениями от 28.12.2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30778565#pos=4;-157 (дата обращения: 10.01.2023).

9. Маркедонов С. Русский язык в Центральной Азии: статус и реалии [Электронный ресурс]. URL: https://blogs.voanews.com/russian/new-eurasia/2013/07/04/ (дата обращения: 01.02.2023).

10. Бекмурзаев Н. Положение русского языка в странах Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: https://cabar.asia/ru/polozhenie-russkogo-yazyka-v-stranah-tsentralnoj-azii?ysclid=lemrvysaks248967479 (дата обращения: 01.02.2023).

11. Киргизский депутат Д. Бекешев: «В том, что русский язык утрачивает значимость, виновата Россия» [Электронный ресурс]. URL: https://regnum.ru/news/polit/1614571.html (дата обращения: 04.02.2023).

12. Старчак М.В. Российское образование на русском языке как фактор влияния России в Центральной Азии: что происходит и что делать [Электронный ресурс]. URL: https://www.russkiymir.ru/publications/190915/ (дата обращения: 02.02.2023).

13. Соков К. На юге СНГ «русский мир» становится азиатским [Электронный ресурс]. URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2015-11-21--na-juge-sng-russkij-mir-stanovitsja-aziatskim-20653 (дата обращения: 04.02.2023).

14. Летняков Д.Э. Роль русского языка в постсоветской Центральной Азии // Полития. 2015. 4 (79) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-russkogo-yazyka-v-postsovetskoy-tsentralnoy-azii (дата обращения: 04.02.2023).

15. Николаев А. Русский язык ищет в Центральной Азии «пятый угол»? / Росбалт. 12 марта 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rosbalt.ru/world/2018/03/12/1687165.html (дата обращения: 04.02.2023).

16. Шабалин А. Сколько людей будет жить в Центральной Азии через 30 лет. Инфографика [Электронный ресурс]. URL: http://mediaplov.asia/ru/news/732-skolko-lyudey-budet-zhit-v-centralnoy-azii-cherez-30-let-infografika?ysclid=lemtfvqp8r138240713 (дата обращения: 04.02.2023).

17. Молодов О.Б. Русский язык как инструмент использования «мягкой силы» в странах Центральной Азии // Дискурс Пи. 2017. № 1 (26). С. 93–100 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-kak-instrument-ispolzovaniya-myagkoy-sily-v-stranah-tsentralnoy-azii (дата обращения: 04.02.2023).

18. Князев А.А. Статус русскоязычия в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: https://www.liveinternet.ru/users/2503040/post122935319/ (дата обращения: 05.02.2023).

RUSSIAN IN THE CENTRAL ASIAN REGION: THE SITUATION AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

S.V. Popova

North Caucasus Federal University, Stavropol

It is noted that the Russian language currently remains the main bridge between the countries of Central Asia and the rest of the world. However, there is an active decline in its role in the region due to the strengthening of national languages, increased geopolitical activity in Central Asia by other countries, and insufficient participation of Russia itself in socio-cultural interaction with the region. The article describes the main problems in Russia's modern activity to strengthen linguistic influence in the region: the lack of a single powerful educational system, insufficient funding of joint and affiliated Russian universities, the lack of a long-term systemic policy to support applicants from Central Asia. The ways and means of strengthening the Russian language as an instrument of Russia's «soft power» are considered: the opening of new educational institutions and centers for teaching Russian in the region and their financing, grant support for applicants to study at pedagogical universities in Russia, as well as the training of teachers of Russian language directly in the region.

Keywords: Russian language, Central Asian region, Russian world, labor migration, intercultural interaction, «soft power» policy.

УДК 316.444
DOI 10.52452/18115942_2023_3_125

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БЛОГЕРСТВА КАК НОВОГО КАНАЛА СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

© 2023 г.

Е.В. Панкратова, Е.В. Тенчова

Панкратова Екатерина Владимировна, к.соц.н.;
доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом
Ивановского государственного университета
e_v_pankratova@mail.ru
Тенчова Екатерина Викторовна, преподаватель кафедры социологии,
социальной работы и управления персоналом Ивановского государственного университета
tenchova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.01.2023
Статья принята к публикации 21.07.2023

Анализируется социологическое блогерство как канал социальной мобильности. Рассматриваются актуальные теории социальной мобильности, история развития блога как нового явления социальной действительности. На основе анализа литературы даются определения понятий: социальная мобильность, канал социальной мобильности, блог, блогер, блогерство; представлены различные категории блогеров; рассматриваются основные способы использования блога.

Целью работы является получение ответа на два вопроса. Первый: отвечает ли блогерство характеристикам канала социальной мобильности, о которых говорили теоретики социологии? Второй: можно ли в полной мере приравнять блогерство к профессиональной деятельности? В заключении подводятся итоги исследования, обобщаются основные результаты. Авторы обосновывают вывод, что блогерство способствует изменению положения человека в социальной структуре как по горизонтали, так и по вертикали, дает возможность с максимальной интенсивностью продвинуться вверх по социальной лестнице, является каналом мобильности. На основе применения методов анализа литературы, наблюдения отмечается, что блогерство следует считать профессией, еще не институционализированной формой, но находящейся в активной фазе становления.

Ключевые слова: блог, блогер, блогерство, социальная мобильность, канал социальной мобильности, профессия.

Введение

Новые информационные технологии интегрируют мир в глобальных сетях инструментализма. Опосредованная компьютерами коммуникация породила великое множество виртуальных сообществ [1, с. 43]. В информационном обществе происходят процессы социальной мобильности, которая представляет изменение социального положения человека, переход индивида из одного социального статуса к другому или же смену социального положения без изменения статуса. В социологии теория социальной мобильности пользуется особой популярностью и имеет интересную историю. Актуальность изучения данной проблемы обусловлена вниманием ученых к изменениям социальной структуры общества. Важное значение имеет теория социальной мобильности, которая представляет собой механизм изменения социального положения личности, показывающего состояние социальной структуры и систему социальной стратификации общества [2, с. 200].

В данной статье представлен социологический анализ блогерства как канала социальной мобильности. Изучение данной темы сопровождается авторским поиском ответов на два принципиальных вопроса. Первый вопрос: отвечает ли блогерство характеристикам канала социальной мобильности, о которых говорили теоретики социологии? Исследовательский интерес фокусируется главным образом на теориях К. Маркса, П. Сорокина, Д. Урри [3–5]. Второй вопрос, на который предстоит ответить в данной статье: можно ли в полной мере приравнять блогерство к профессиональной деятельности?

Блог, блогер, блогерство, блогосфера: специфика понятий

Прежде всего, рассмотрим понятие блогерства. Существуют разные точки зрения на вопрос появления блогов и причины роста популярности такого занятия. Одним из основателей блогинга называют Тима Бернеса-Ли, известного своим созданием WWW (то есть Всемирной паутины). Авторство блогерства приписывают и первому публикующему на страницах сети свой дневник американцу Джастину Холлу. Родона-

чальниками блогерства, как утверждает А.В. Чеботарева, считаются Тревис Петлер, создавший термин weblog из слов web – от сервиса www и log в значении «журнал», а также Джон Бергер, редактор интернет-дневника, использовавший в конце 90-х годов XX в. термин weblog, обосновав его происхождение от выражения logging the web, что значит «веду дневник в сети». Последующему развитию блогерства способствовали площадки Blogger и LiveJournal [6, с. 104].

Блогерством можно заниматься из любой точки планеты, в любом городе, деревне, как в России, так и за рубежом. Известнейшие блогеры могут набирать около миллиона просмотров в месяц, зарабатывая на этом огромные суммы денег [7, с. 201]. Главными понятиями, которые составляют тему исследования, являются «блог», «блогер», «блогерство», «блогосфера». Обратим внимание на общепринятые интерпретации. Блог – это личный или групповой, доступный аудитории интернет-сайт пользователя, включающий публикуемые регулярно или время от времени тексты-посты, фотографии, видео, предполагающие довольно простую систему управления и возможность взаимного обмена мнениями с подписчиками и другими пользователями Интернета. Для блогов характерна возможность публикации отзывов, которые называются «комментарии» читателей блога [8, с. 180]. Блогер – пользователь сети Интернет, который регулярно ведет блог. Блоги создаются одним человеком, иногда небольшой группой и часто посвящены одной теме. Самыми актуальными являются блоги про отношения, которые насчитывают большое количество подписчиков и быстро развиваются [9, с. 139]. Блогерством (или еще одно общепризнанное название «блогинг») следует называть процесс содержательного наполнения собственного сайта (иначе – блога), вид деятельности, при котором человек, владеющий собственным блогом, создает свой уникальный контент [10, с. 60]. Блогосфера – совокупность всех индивидуальных блогов, которые располагаются на конкретной интернет-площадке. Блогерство – это форма занятости, так как человек зарабатывает деньги, и деятельность от развития блога часто является единственным источником дохода [11, с. 57]. Блогеров смело относят к фрилансерам, они стимулируют продажи разного рода товаров, рекламируя их на своих страницах в сети.

Существует несколько категорий людей, занимающихся подобной деятельностью. К первой категории относятся блогеры, которые с аудиторией делятся событиями своей жизни: сфотографировали себя, написали о том, что было за день (это может быть не нагруженный смыслом рассказ), и выложили на свою страницу в Интернете. Вторую категорию составляют блогеры, показывающие собственные профессиональные умения, которые представлены наиболее наглядно, например мастер-классами. Кто-то из них учит пению, выкладывает свои спортивные тренировки, дает советы, как правильно строить, вязать или готовить еду. В третью категорию входят хорошо известные широкой публике блогеры: артисты, политические деятели, авторитетные в разных сферах люди. В настоящее время удержать большое внимание публики без собственного блога становится невозможным. Последняя категория включает блогеров-аналитиков, повествующих о том, какие товары или услуги стоит выбирать, а какие нет, анализирующих события, происходящие в мире, и ситуации, разворачивающиеся в межличностных отношениях. Отметим, что последняя категория блогеров может высказывать свою экспертную точку зрения по любому поводу [11, с. 56–57].

Популярность социального взаимодействия в блогосфере и использование ее для намеренного распространения информации обусловливают формирование группы профессиональных блогеров [12, с. 18].

Блогерство как канал социальной мобильности

Первый вопрос, ответ на который принципиально важен в данной работе: отвечает ли блогерство характеристикам канала социальной мобильности, о которых говорили теоретики социологии? Для этого мы провели социологический анализ основных теорий социальной мобильности. Теоретико-методологическую основу анализа составили труды западных и отечественных ученых, посвященные анализу социальной мобильности: К. Маркса, П. Сорокина, Д. Урри, У. Бека [3–5; 13].

Проясним, можно ли относить блогерство к каналу социальной мобильности. Совершенно очевидно, что проблема мобильности относится к категории «вечных» в науке. Изменяются общественные условия, но человек или группы продолжают свое движение в рамках социальной структуры. Предшественником прекрасно известного и почитаемого не только в социологии П. Сорокина является А. Дюмон (1849 – 1902 гг.), автор теории социальной капиллярности. Именно она обусловливает процесс подъема людей к высоким статусам улучшением качества их жизни (далее данный процесс получил название социальной мобильности) [14, с. 60].

Карл Маркс (1818–1883 гг.), раскрывая классовую структуру общества, показал изменение классовой позиции человека. Первый вид мобильности групп, который выделил Маркс, – пролетаризация, иначе процесс, при котором происходит обеднение мелкой буржуазии. Второй вид – пауперизация, то есть обнищание рабочего класса. Третий вид – обуржуазивание, иначе переход рабочего класса в буржуазный [2, 3].

Признанным классиком теории социальной мобильности, который ввел в науку термин социальной мобильности (1927 г.), является Питирим Сорокин (1889–1968 гг.). Что такое мобильность, с точки зрения ученого? «Социальная мобильность – это передвижения внутри социального пространства» [4, с. 373–404]. Здесь речь идет о перемещении индивидов, социальных групп и социальных объектов. Следует отметить, что для изучения социального положения человека необходимо исследовать семейное положение, гражданство, религиозную принадлежность, профессию. Социальная мобильность – переход личности из одной социальной позиции в другую. Ученый выделяет в качестве основных видов мобильности горизонтальную и вертикальную. Последняя рассматривается в двух направлениях: восходящая и нисходящая. Стоит упомянуть и такие проявления мобильности, как интенсивность и всеобщность. Первое указывает на конкретное число слоев, которые человек может преодолеть за определенный промежуток времени. Причем личность может менять свой статус по разным критериям – экономическому, политическому, профессиональному. Второе проявление мобильности – всеобщность – определяется количеством человек, сумевших подняться вверх (реже – опуститься вниз) по социальной лестнице за конкретный временн*о*й отрезок. Сложив вместе оба показателя, можно получить некий интегральный показатель социальной мобильности, который будет меняться в зависимости от социальных, политических, экономических, духовных условий жизнедеятельности в конкретном социуме. Также П.А. Сорокин выделил важное понятие – «каналы социальной циркуляции», привычное название хорошо известных «лифтов», среди которых наиболее активными он позиционировал армию, школу, церковь, политические, профессиональные и многие другие организации [4]. Однако эти каналы в настоящее время теряют свое значение. Для современной молодежи ценности службы Родине, образования, труда и семьи хотя и имеют место, но теряют свою значимость [15, 16].

Среди наиболее активных каналов мобильности, способствующих движению личности в иерархии социальной структуры, отметим блогерство. Оно дает возможность с максимальной интенсивностью продвинуться вверх по социальной лестнице, при этом не иметь максимально развитого социального капитала и человеческого потенциала. Истории блогеров пестрят рассказами о том, как они, будучи представителями низших слоев общества, не имеющие хорошего образования, профессии, семьи, которые могли бы способствовать социальному продвижению, стали топовыми блогерами и имеют в настоящее время высокий статус, сопровождаемый доходом, популярностью, авторитетностью.

Обращаясь к труду У. Бека «Общество риска. На пути к другому модерну» (1986 г.), стоит выделить следующую мысль: «социальная мобильность, как, кстати, и мобильность географическая, даже повседневная мобильность между домом и рабочим местом, перемешивают жизненные пути и ситуации людей» [13, с. 72]. Данный тезис очень важен в контексте понимания блогерства, которое позволяет максимально расширять круг общения. Этот канал мобильности позволяет формировать сообщества знакомых и впоследствии ориентироваться на их опыт, знания, тем самым находить решения и выходы из различных социальных ситуаций, что может способствовать и изменению статуса личности.

Британский социолог Дж. Урри (1946–2016 гг.) пишет, что развитие технологий предоставляет людям новые возможности для пространственных перемещений, которые становятся неотъемлемой частью жизни и развития современного общества. По мнению А.В. Ходыкина, «преимущество социологии мобильностей Урри для исследования виртуальных мобильностей состоит в том, что он создал модель, позволяющую объединить перемещения в пространстве как источник производства социального в современном мире и виртуальную реальность как модель реального пространства в виртуальном» [17, с. 586]. Урри выделяет следующие мобильности:

– путешествия, которые происходят в сознании людей на основе образов из таких источников, как литература, кино, фотографии. Недостаток возможностей, которые крайне важны для путешествий, создаются и получают развитие за счет информационных технологий. В отношении блогерства следует отметить один уникальный момент. Мобильность посредством воображаемого путешествия осуществляет не только сам блогер, который может таким образом насытить свой блог информацией, но и его подписчики, его виртуальное окружение, ценители его деятельности, которые тоже благодаря

этому перемещаются в пространстве, меняют свое положение. Другие каналы мобильности, которые действуют более традиционно, не предоставляют такой возможности;

– взаимодействия на основе коммуникации, реализуемые через обмен текстовыми сообщениями, через факс, телефон. Физическое пространство преодолевается коммуникационными сетями [5, с. 136; 17]. Для ведения содержательного блога, который будет интересен окружению, необходимы большие объемы информации различного содержания, представленные в разных формах, например видеоролика, фотоматериала, устные или текстовые высказывания. Блог не ограничен объемом информации в принципе, в отличие от личного или группового реального общения. Получение информации дает возможность мобильных перемещений самого блогера, так и его подписчиков;

– следующий вид мобильностей – виртуальные, то есть способность находиться не в том месте, в котором человек присутствует в реальный момент, а наблюдать, слышать, находиться в другом пространстве на основе действительности, именуемой виртуальной. Телевидение, виртуальные путешествия, видеозаписи лекций – это виртуальные мобильности. Итак, с помощью совершенствования средств передвижения, развития коммуникационных сетей, создания в виртуальном пространстве моделей физического пространства человек способен преодолевать последнее [5, 18; 17, с. 582], что по своей сути и выступает задачей блогера.

Таким образом, блогерство обеспечивает перемещение блогера в социальной структуре общества и в целом социальном пространстве. Этот канал может способствовать и горизонтальной (например, виртуальные географические перемещения), и вертикальной мобильности (например, повышение дохода блогера с ростом его популярности). Блогерство как канал мобильности характеризуется высокой степенью интенсивности, так как позволяет за максимально короткие сроки добиваться наивысших социальных позиций. Блогерство способствует расширению круга социальных связей блогеров. Кроме того, этот канал мобильности определяет передвижение блогера в пространстве как источник производства социальных связей и отношений, а виртуальную реальность для многих блогеров превращает в модель реальной жизнедеятельности.

Блогерство как профессиональная деятельность

Следующий вопрос, на который нужно ответить: можно ли в полной мере приравнять блогерство к профессиональной деятельности?

С одной стороны, блогерство является профессиональной деятельностью, так как оказывает влияние на социальный статус человека, является средством заработка, с другой – оно не является признанным профессиональным занятием личности; требования к квалификации блогера не определены нормами и не дают возможности определить степень квалификации и уровень профессионализма. При этом в настоящее время мы отмечаем появление огромного количества учебных заведений, которые предоставляют образовательные услуги и готовят «профессиональных блогеров».

Узнаваемый блогер стремится построить образ, который понятен и близок большинству. Он должен быть искренним, ведь это эмоционально привязывает подписчика, потому что кажется, что знаменитость показывает свое истинное лицо только ради него. Интернет-блогеры пытаются, с одной стороны, сохранять минимальную дистанцию с аудиторией, но, с другой стороны, ставят себя на более высокое место, строя вертикальные отношения как популярного и значимого человека, который делится чем-то важным с аудиторией. В современном общении блогера с аудиторией происходит игра с психологическими установками зрителя, который проникается симпатией к человеку, делящемуся именно с ним (а когда человек держит в руках телефон и смотрит видео, он физически не ощущает присутствия аудитории, пусть и многомиллионной) своей личной информацией. Блогеры становятся близкими людьми, с которыми хочется строить общение, так как формируется привязанность. Этим объясняется желание людей комментировать фото и видео, писать личные сообщения блогерам, так как коммуникация с ними почти не имеет отличий от коммуникации с другом [19, с. 30]. Получается, что блогер сочетает в себе несколько профессий – он и психолог, и актер, и журналист, но при этом в российском обществе его деятельность официально не признается профессией, так как в классификаторе профессий она не значится [20].

Такая ситуация свидетельствует, что данный вид деятельности находится в переходном состоянии. ВЦИОМ и ЦСП «Платформа» на основе выводов, полученных в результате социологического исследования, позволяют говорить, что блогерство постепенно становится особой профессией. Это подтверждают некоторые специфические черты данного явления: блогер работает за материальное вознаграждение, причем занятость именно этим видом деятельности может выступать главным и единственным источником доходов человека; блогеры оказывают

свои услуги постоянно, так как при несвоевременном обновлении контента интерес к блогу читателей падает; блогерство приобретает черты институционализированной деятельности, так как создание популярного и востребованного аудиторией блога требует работы слаженной команды профессионалов; деление блогеров на подгруппы по виду конкретной деятельности, популярности и т.д. (например, появление отдельной подгруппы инфлюенсеров) [21, с. 144].

Стоит добавить, что блог позволяет человеку быть полезным людям – делиться своими мыслями, чувствами, ценностями, предпочтениями, знаниями, умениями, навыками, а именно трудовая деятельность направлена на получение практически полезного результата, что отличает ее от учения, игры или общения. Нельзя не затронуть вопрос необходимых блогеру умений и навыков, которые он использует при ведении блога, а некое профессиональное мастерство работника – опять же признак профессиональной трудовой деятельности.

Блог позволяет раскрыть профессиональные возможности человека, совершенствовать их, стать для части аудитории блогера наставником. В процессе ведения своего блога представитель любой профессиональной сферы имеет возможность поделиться с читателем своими компетенциями, предпочтениями, ценностями и взглядами. Блог имеет огромное преимущество в области рекламы, он намного эффективнее классической телевизионной или радиорекламы, так как там она воспринимается читателем добровольно, без активного навязывания, преимущественно соответствует интересам подписчиков. К тому же блог способствует появлению популярности, что повышает статус личности в обществе, ее финансовые возможности, ее востребованность на рынке труда [22, с. 20].

Ведение блога, с точки зрения исследовательниц В.В. Фурсовой и Д.Р. Гимадеевой, выступает новым видом деятельности, который имеет ряд несомненных преимуществ. Среди них: «возможность получения прибыли, развитие новых гибких форм занятости и завоевание популярности» [22, с. 24]. Что касается первого преимущества, стоит отметить, что начинающему блогеру не требуется в принципе никакого стартового капитала. С ростом популярности блога растет и прибыль. Поначалу такой вид деятельности может быть успешно совмещен с постоянной работой, далее, по мере развития блога, способен превратиться в автономный вид профессиональной деятельности. Второе преимущество для большой категории людей имеет особое значение. Это те люди, которые отказываются от традиционной занятости, не считая, что она эффективна. Все большую популярность набирает фрилансерство, так как оно позволяет самому выбирать свои трудовые задачи, строить график работы, при этом экономя как временн*ы*е, так и трудовые затраты. На этапе становления блог не приносит дохода и требует вложений (временн*ы*х, интеллектуальных, зачастую и финансовых), но талантливый блогер обязательно найдет своего читателя. Третье преимущество востребовано чаще всего публичными людьми, которые заботятся о развитии своего социального капитала. Чем больше аудитория таких людей, тем выше их популярность, а значит, востребованность и материальный достаток. Но совершенно не обязательно, что блогерством заинтересованы исключительно люди публики. Очевидна значимость повышения своего статуса в узком социальном сообществе, например профессиональном, где лишних, случайных людей и не должно быть.

Опираясь на сказанное выше и возвращаясь к вопросу, является ли сейчас блогерство отдельным видом профессиональной деятельности, на наш взгляд, необходимо ответить положительно. Блогерство – это то явление, которое будет развиваться еще активнее, вовлекая в этот процесс все больше людей. Этому будет способствовать в том числе и активное развитие новых информационных технологий, удешевление Интернета и рост его качества. Блогинг как вид профессиональной деятельности в большей мере схож с работой журналиста. Однако журналистика опирается на признанные этические нормы, а блог на современном этапе зачастую пестрит нецензурными высказываниями, неприличными фото и видео, пропагандой непринятых в нашем обществе ценностей. Такие обстоятельства естественно противоречат не только этическому кодексу профессионала в любой сфере деятельности, но и морали в целом [23].

Исходя из того, что блогерство как особый популярный вид деятельности имеет очень широкое распространение среди населения, естественно, оно в ближайшем будущем будет обеспечено официальным статусом профессии, однако для этого требуется огромная работа по повышению правовой грамотности целого корпуса специалистов [23, с. 4]. Отметим, что актуальной остается разработка морального и этического кодекса этого вида профессии.

Заключение

Социологический анализ блогерства как канала социальной мобильности позволяет говорить, что оно однозначно способствует измене-

нию положения человека в социальной структуре как по горизонтали, так и по вертикали. Это занятие следует считать профессией, пусть еще и до конца формально не институционализированной, но находящейся в активной фазе становления. В свою очередь, сама профессиональная деятельность всегда выступала лифтом мобильности, с точки зрения классиков социологической теории. Блогерство как профессиональное занятие дает блогеру изменение статуса, формирование социального капитала, развитие своих профессиональных качеств, доход, популярность и узнаваемость, возможность самореализации, что делает его эффективным каналом социальной мобильности в современном обществе.

Список литературы

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М: Гос. ун-т. Высш. шк. экономики, 2000. 606 с.

2. Батуренко С.А. Теории социальной мобильности в истории социологической мысли // Вестник Московского университета, Социология и политология. 2014. № 2 (18). С. 199–211.

3. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии / Пер. И.И. Степанова-Скворцова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 1. 908 с.

4. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Прогресс, 1992. 543 с.

5. Урри Дж. Мобильности: Пер. с англ. М.: Праксис, 2012. 501 с.

6. Чеботарева А.В. Блогерство как социальный феномен // Экономика в социокультурном пространстве современности: проблемы, решения, прогнозы: Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Владимир: Аркаим, 2021. С. 103–105.

7. Чечин О.П., Кравцова Д.С. Управление занятостью: блогерство – от увлечения к профессии // Проблемы развития предприятий: теория и практика. 2019. С. 199–203.

8. Лунякова Ю.А., Щанина Е.В. Блогерство как вид занятости современной молодежи // Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Ульяновск: Изд-во Ульяновского государственного технического университета, 2019. С. 179–182.

9. Бурдюгова У.В., Козаченко А.И., Писарюк С.Н. Молодежное предпринимательство: блогинг в современном мире // Материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции (сборник научных статей). 2019. С. 138–141.

10. Федотовская У.Р. Трэвел-блог как одна из разновидностей блогов // Вестник современных исследований. 2020. № 8–1 (38). С. 60–63.

11. Архипова В.Ю. Блогерство: социологический аспект // Мир современной науки. 2020. № 3 (61). С. 56–58.

12. Кульминская А.В. Социальная общность блогеров: становление и развитие в российском обществе: Автореф. дис. … к.с.н. Екатеринбург, 2013. 22 с.

13. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой; Под ред. Л. Павлова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

14. Рыбьякова А.В. Социологическая трактовка идеи социальной мобильности // Вестник ПНИПУ (Социально-экономические науки). 2020. № 2. С. 59–71.

15. Прохода В.А. Образование как канал межпоколенной социальной мобильности в России и других европейских странах // Вестник Московского университета (Философия). 2019. № 3 (7). С. 65–80.

16. Косинов С.С., Самыгин П.С., Самыгин С.И. Система социальной мобильности российского общества: оценка эффективности в условиях современной реальности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 4. С. 33–36.

17. Ходыкин А.В. Социологический анализ распространения виртуальных мобильностей как формы виртуализации пространственных перемещений (на основании социологии мобильностей Джона Урри) // Философия. Социология. Право. 2020. № 3. С. 579–588.

18. Тенчова Е.В., Панкратова Е.В. Роль образования как канала социальной мобильности в жизни современной молодежи // Современное университетское образование: вызовы и проблемы, ценности и инновации, технологии и качество: Сб. статей по итогам научно-методической конференции, Иваново, 24–25 ноября 2021 г. С. 19–28.

19. Таранова А.А. Экспертные блоги о сексе и психологии отношений на русском YouTube: социальная механика доверия интернет-блогерам // Научно-практические исследования. 2020. № 7-8 (30). С. 27–32.

20. Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов. URL: http://okpdtr.ru/ (дата обращения: 16.10.2022).

21. Абилькенова В.А. Станет ли блогерство профессией? (Блогерство – новый феномен среди профессий?) // Ведомости прикладной этики. 2022. № 59. С. 141–155.

22. Фурсова В.В., Гимадеева Д.Р. Блогерство как новый вид профессиональной деятельности // Informatization of society: socio-economic, socio-cultural and international aspects: Materials of the VIII International scientific conference on January 15–16, 2018. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2018. P. 17–25.

23. Белякова С.В., Колотова А.С., Попова А.А. Блогерство как профессия XXI века // Наука и образование. 2021. № 2 (4). С. 1–10.

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF BLOGGING AS A NEW CHANNEL OF SOCIAL MOBILITY

E.V. Pankratova, E.V. Tenchova

Ivanovo State University

The article is devoted to the sociological analysis of blogging as a channel of social mobility. The article discusses current theories of social mobility, the history of the development of the blog as a new phenomenon of social reality. Based on the analysis of the literature, definitions of the concepts of social mobility, social mobility channel, blog, blogger, blogging are given; various categories of bloggers are presented; the main ways of using the blog are considered.

The aim of the work is to get an answer to two questions: the first – does blogging meet the characteristics of the social mobility channel, which were discussed by the theorists of sociology?; the second - is it possible to equate blogging with professional activity? In conclusion, the results of the study are summarized, the main results are summarized. The conclusion is substantiated that blogging definitely contributes to changing the position of a person in the social structure both horizontally and vertically, makes it possible to move up the social ladder with maximum intensity, is a channel of mobility. Based on the application of methods of literature analysis and observation, it is noted that blogging should be considered a profession that has not been institutionalized yet, but it is in an active phase of formation.

Keywords: blog, blogger, blogging, social mobility, social mobility channel, profession.

УДК 316.34
DOI 10.52452/18115942_2023_3_132

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ: СОЦИАЛЬНАЯ ДИСПОЗИЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВА

© 2023 г. ***Е.В. Реутов, М.Н. Реутова, Т.В. Тришина, И.В. Шавырина***

Реутов Евгений Викторович, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры социальных технологий и государственной службы
Белгородского государственного национального исследовательского университета
reutovevg@mail.ru
Реутова Марина Николаевна, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры социальных технологий и государственной службы
Белгородского государственного национального исследовательского университета
reutova@bsu.edu.ru
Тришина Татьяна Владимировна, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры журналистики
филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе
trishina@irkp31.ru
Шавырина Ирина Валерьевна, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры социологии, этнографии и социометрии
Российского государственного социального университета, Москва
shavyrina_77@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.02.2023
Статья принята к публикации 28.07.2023

Целью данной статьи является определение положения молодежи в российском обществе с точки зрения ее социальной диспозиции и перспективы. На основании результатов социологического исследования «Трансформация оснований и практик гражданской активности молодежи в условиях фрагментации жизненных миров и виртуализации общества», проведенного авторами в сентябре–октябре 2021 г. в Белгородской области, Краснодарском крае и городе федерального значения Севастополе (*N*=1200), обнаружена противоречивость социальных диспозиций современной российской молодежи, которая обусловлена осознанием принципиальной, а также ситуативной неопределенности социальной ситуации. Авторы приходят к выводу о сочетании традиционалистской, приватно-фамилистической ценностной модели в сознании молодежи со стремлением к жизненному успеху, выраженному по преимуществу в категориях богатства, самореализации и гедонизма. При этом профессионализм, являясь значимым фактором жизненного успеха, не является частью ценностной модели. Российское общество воспринимается как достаточно комфортное для молодежи, но с рядом значимых барьеров самореализации как в маловостребуемой политической сфере, так и в профессиональной.

Ключевые слова: молодежь, социальная диспозиция, самоидентификация молодежи, ценности молодежи, социальная адаптация молодежи.

Введение

Заявка на рассмотрение молодежи в качестве социального субъекта и даже в виде специфической социальной и социокультурной общности уже сама по себе ставит определенные ограничения в исследовательском дискурсе, поскольку задает направление поиска и акцентуации комплекса характеристик, отличающих молодежь от «старших поколений». Между тем тезис о наличии в обществе «молодежной субкультуры» в качестве некоей социальной константы является во многом порождением специфической социальной ситуации, сформировавшейся в результате послевоенного (имеется в виду Вторая мировая война) бэби-бума и формирования в странах Европы и Северной Америки, а также на их периферии «общества потребления», в материальном и символическом пространстве которого люди старшего поколения компенсировали утраты и лишения молодости и стремились сделать как можно более приятной и беспроблемной жизнь своих детей. Что же касается молодежи, то она получила возможность для самореализации в качестве естественных условий бытия, а не объекта завоевания.

Такого рода социальные условия не являются, безусловно, чем-то уникальным и невоспроизводимым в социальной практике в иной пространственно-временной среде. В какой-то мере подобная ситуация сформировалась в российском обществе «нулевых» – первой половины 2010-х гг., преодолевшем «лихие 90-е» и построившем оптимальную финансово-экономическую модель с точки зрения обмена природных ресурсов страны на допуск высшего и части «среднего» класса в элитный «клуб потребителей».

Данные условия не могли не отразиться на ментальности и социальных практиках значительной части российской молодежи, относящейся к поздней волне поколения «миллениалов», взросление которой пришлось на рубеж 2000–2010 гг. В качестве социологических маркеров новой ситуации в молодежной среде сле-

дует отметить стремительный рост запроса на высшее образование и отсрочку «взросления», дальнейшее повышение реального брачного возраста и возраста деторождения, распространение идеологии «чайлд-фри», значимость «самореализации» в наборе жизненных приоритетов, экспансию постматериальных, гедонистических ценностей в концептуальном оформлении «жизни для впечатлений», многократно усиленной бурным развитием социальных медиа, позволяющих с легкостью трансформировать индивидуальный жизненный опыт в эталонную практику и наоборот.

Кстати, пусть и со значительным временн*ы*м лагом, эти изменения в диспозициях молодежи отразились и на институциональном, правовом дизайне – в повышении Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» верхней границы молодежного возраста с 30 до 35 лет.

В последние пять лет, вследствие негативного влияния затяжного экономического кризиса на доходы россиян, усугубленного в последние годы социальными издержками пандемии, санкционной «войной» против России и крупнейшим геополитическим конфликтом, в который оказалась вовлечена страна, тенденция на отсрочку экономического взросления и выхода на рынок труда прервалась, что выразилось в падении спроса на высшее образование. Впрочем, определенную роль в последнем сыграл и фактор ЕГЭ, нежелательность прохода через процедуру которого существенно повлияла на рост наборов в учреждения среднего профессионального образования.

Что же касается ментальных, ценностных характеристик молодежи, то сформированные в эпоху массового потребления и массовой культуры социокультурные константы вряд ли подвержены столь же относительно быстрой трансформации, как конкретные поведенческие практики, имеющие ярко выраженную адаптационную направленность. Очевидно, что в настоящее время молодежь, как и все российское общество, находится в очередной точке бифуркации, и векторы их дальнейшего социального развития определяются не только острой фазой геополитического конфликта, переживаемого страной «здесь и сейчас». Возможно, что российское общество находится в состоянии цивилизационного сдвига, и от того, какую позицию займет молодежь, во многом зависит и то, чем этот сдвиг завершится.

Методология

Целью данной статьи является определение положения молодежи в российском обществе с точки зрения ее социальной диспозиции и перспективы. При этом диспозиция рассматривается в рамках концепции В.А. Ядова и соавторов как целостная структура, в которой ценности и цели, фиксирующие социальные идеалы индивидов, взаимосвязаны с их социальными ролями, определяющими непосредственное поведение, но данная взаимосвязь не имеет жесткого характера, а усугубляется или ослабевает в связи с доминирующими в обществе параметрами жизненного успеха [1]. Данная концепция вполне согласуется и с теорией габитуса П. Бурдье, понимаемого им как система предрасположенностей, формирующаяся в конкретной социальной среде и позволяющая индивидам находить свое место в социальном пространстве и действовать оптимальным для себя образом [2].

Эмпирической основой статьи являются результаты социологического исследования «Трансформация оснований и практик гражданской активности молодежи в условиях фрагментации жизненных миров и виртуализации общества». Анкетный опрос проводился авторами в сентябре–октябре 2021 г. в Белгородской области, Краснодарском крае и городе федерального значения Севастополе. Объем выборочной совокупности составил 1200 человек (по 400 респондентов в каждом регионе) в возрасте 16–29 лет. Выборка репрезентативна по полу и возрасту в каждом регионе.

Результаты

Один из блоков исследования был связан с социальной самоидентификацией молодежи, ощущением ею своего места в обществе и отношением к будущему. В результате вырисовывается достаточно интересное представление о жизненных диспозициях молодежи.

В основе диспозиционной структуры личности находится система или даже иерархия ценностей, которая явно или латентно определяет жизненные стратегии или социальные практики. Однако сложность экстраполяции ценностной структуры личности на социальные практики состоит в заметном, иногда весьма существенном, лаге между идеалами и необходимостью адаптации к конкретной ситуации. Если ценностный аспект жизненного мира относительно ригиден, то практики гораздо более пластичны и определяются не только идеалами и жизненными целями, но и гораздо более прагматичными интересами, в том числе исходящими из необходимости встроиться в конкретную жизненную ситуацию.

Верхушку ценностной системы российской молодежи условно можно назвать приватно-

Таблица 1

Что является для Вас главным в жизни? (ответы ранжированы по значимости)

Значения	Частота	% от ответов	% от опрошенных
Семья, ее благополучие	726	20.8	60.5
Здоровье	658	18.9	54.8
Деньги, хороший заработок	434	12.5	36.2
Любовь	244	7.0	20.3
Получать от жизни удовольствие	237	6.8	19.8
Реализация своего таланта и способностей	212	6.1	17.7
Свобода, независимость от других	188	5.4	15.7
Карьера	183	5.3	15.3
Друзья, общение	132	3.8	11.0
Покой	100	2.9	8.3
Стать хорошим специалистом	90	2.6	7.5
Хорошее образование	73	2.1	6.1
Власть	52	1.5	4.3
Вера (религия)	52	1.5	4.3
Принести пользу своей стране	48	1.4	4.0
Слава, популярность	44	1.3	3.7
Затрудняюсь ответить	12	0.3	1.0

фамилистической (от лат. privatus – частный и familia – семья). Так, триаду жизненных приоритетов молодежи составляют семья, ее благополучие (в качестве ключевых его отметили 60.5% опрошенных), здоровье (54.8%) и деньги, хороший заработок (36.2%). Достаточно значимыми ценностями являются также любовь (20.3%), получение от жизни удовольствия (19.8%), реализация таланта и способностей (17.7%), свобода, независимость (15.7%), карьера (15.3%), друзья, общение (11.0%). Периферийными в системе ценностей являются покой (8.3%), профессионализм (7.5%), хорошее образование (6.1%), власть (4.3%), вера, религия (4.3%), польза стране (4.0%), слава (3.7%) (табл. 1).

На первый взгляд, данная иерархия применительно к молодежи выглядит довольно консервативно. Признание высокой ценности семьи, здоровья не выделяют молодежь из диспозиционной системы российского общества в целом. Несколько странно смотрятся в данной иерархии приниженные позиции хорошего образования и профессионализма. Что касается последнего, то далее отметим, что на самом деле профессионализм рассматривается молодежью как один из ключевых факторов жизненного успеха. Просто функция профессионализма, так же как и образования, в глазах молодежи предельно инструментальна, и поэтому соответствующие качества оказываются в конце иерархии жизненных ценностей.

Ну а семья – это чуть ли не единственный реально работающий институт российского общества, особенно для лиц с небольшим объемом человеческого и социального капитала. Уход в приватность для россиян является важным социально-психологическим механизмом адаптации к социальной неопределенности и компенсации аутсайдерства. На материалах предыдущих исследований мы отмечали, что гиперболизация жителями российской провинции семейного счастья в качестве критерия жизненного успеха, так же как и распространенность представлений о невозможности добиться в провинции успеха без связей, во многом призвана оправдать пассивные жизненные стратегии [3].

Как было отмечено выше, набор ценностей как часть социальных диспозиций личности (или социальной группы) имеет важное значение для жизненных практик, но его влияние не является однозначным и непосредственным, а определяется сложной конгломерацией интересов, статусов и ролей. Соответственно, социальные стратегии и тактики молодежи вырабатываются под влиянием не только иерархии ценностей, но зависят от многообразия социальных связей и отношений вплоть до конкретных жизненных ситуаций, конфликтов, из которых молодые люди могут выходить победителями либо аутсайдерами.

В результате формируется некая социализационная норма (реальная социализационная норма, в типологии А.И. Ковалевой) – представление о том, что необходимо человеку для социальной адаптации и достижения жиз-

Таблица 2

Как Вы считаете, чтобы комфортно себя ощущать в обществе и пользоваться жизненным успехом, насколько важно для человека…, %

	Очень важно	Скорее важно	Скорее неважно	Совершенно неважно	Затрудняюсь ответить
Соблюдать нормы права	51.3	38.0	4.8	1.6	4.3
Соблюдать нормы общественной морали	49.0	38.8	6.0	2.0	4.3
Иметь хороших друзей	47.4	38.0	7.5	3.6	3.5
Быть, как все в твоем окружении	10.4	17.5	29.6	35.9	6.6
Пользоваться поддержкой семьи	54.3	29.6	6.9	3.8	5.3
Иметь и выражать свою гражданскую позицию	31.9	37.5	16.0	4.5	10.1
Помогать другим людям	32.3	44.0	13.2	4.2	6.3
Быть профессионалом в своем деле	57.7	29.2	5.9	2.3	4.9
Иметь много денег	33.2	38.4	15.3	6.8	6.3
Быть патриотом своей страны	22.0	28.9	23.3	15.0	10.8
Быть оригинальным и неординарным, выделяться из окружения	23.6	30.8	22.7	11.9	11.1

ненного успеха [4]. И наше исследование показало, что ценностная модель, как правило, корректируется, когда речь заходит о том, что необходимо в реальности для этого.

Ключевыми факторами социальной адаптации в современном обществе молодежь считает соблюдение норм права (в качестве важного и скорее важного условия его отметили 89.3% респондентов), следование нормам морали (87.8%), профессионализм (86.9%), наличие хороших друзей (85.4%), поддержка семьи (83.9%), готовность помогать другим людям (76.3%), деньги, богатство (71.6%), наличие и выражение гражданской позиции (69.4%).

В меньшей мере востребованы для этого оригинальность, неординарность (54.4%), патриотизм (50.9%), социальный конформизм – необходимость «быть, как все» (27.9%) (табл. 2).

Таким образом, профессионализм, который был внизу иерархии базовых жизненных ценностей существенно повышает свою значимость в качестве инструментальной ценности, без которой трудно достичь жизненного успеха. Значимость поддержки семьи как инструмента социальной адаптации вполне соответствует ее месту в ценностной иерархии, а наличие друзей (в совокупности с семьей это так называемые «сильные» связи) в жизненных практиках приобретает гораздо больший вес, нежели в иерархии ценностей.

Субъективно высокая значимость «сильных» связей для достижения жизненного успеха в очередной раз указывает на сохранение фамилистических черт российского общества. Но при этом полученные данные говорят и о тенденции к преодолению его атомизации, поскольку наглядно демонстрируют субъективную значимость следования социальным нормам, как формальным – правовым, так и общественной морали. Безусловно, это лишь тенденция. Ведь в целом молодежь склонна описывать современное российское общество в коннотациях несогласия и разобщенности (которые преобладают в нем, по мнению 57.8% опрошенных), нежели согласия, сплоченности (17%).

Но в пользу консолидирующей тенденции говорит то, что состояние молодежного сегмента российского общества оценивается несколько более позитивно: 46% респондентов считают, что в среде молодежи больше несогласия, разобщенности, а 30.8% – что в ней преобладают согласие и сплоченность.

С точки зрения реализации базовых жизненных целей и установок молодежи социальные условия российского общества оцениваются молодыми людьми как относительно благоприятные. Особенно это касается спорта и здорового образа жизни, развлечений и досуга, творческого самовыражения, социально ориентированной активности. Более критически оценивает молодежь условия для политической деятельности и для коллективной защиты прав и свобод. Так:

– условия для занятий спортом и здорового образа жизни в российском обществе созданы, по мнению 75.7% опрошенных, не созданы – 8.8%;

– условия для развлечений и досуга созданы, по мнению 72.0%, не созданы – 10.3%;

– условия для творческого самовыражения созданы, по мнению 64.3%, не созданы – 13.9;

– условия для социально ориентированной деятельности созданы, по мнению 61.9%, не созданы – 15.2%;

– условия для карьеры, профессионального развития молодежи созданы, по мнению 52.0% опрошенных, не созданы – 19.8%;

– условия для религиозной жизни созданы, по мнению 48.5% опрошенных, не созданы – 12.8%;

Таблица 3

Как Вы считаете, в современном российском обществе созданы условия для проявления молодыми людьми социальной активности в различных сферах или же этих условий нет?, %

	Такие условия созданы	Таких условий нет	Затрудняюсь ответить
В политической сфере	33.1	28.6	38.3
В социально ориентированной деятельности, в организации помощи нуждающимся в ней людям	61.9	15.2	22.9
В творческом самовыражении	64.3	13.9	21.8
В свободе получения и распространения информации, в выражении своего мнения по разным вопросам	40.5	30.3	29.2
В карьере, профессиональном развитии	52.0	19.8	28.2
В развлечениях и досуге	72.0	10.3	17.7
В коллективных действиях по защите прав и свобод	36.6	26.2	37.2
В религиозной жизни	48.5	12.8	38.7
В спорте и реализации здорового образа жизни	75.7	8.8	15.5

– условия для получения и распространения информации, выражения своего мнения созданы, с точки зрения 40.5% респондентов, не созданы – 30.3%;

– условия для коллективных действий, защиты прав и свобод созданы, по мнению 36.6% респондентов, не созданы – 26.2%;

– условия для политической активности молодежи созданы, по мнению 33.1% опрошенных, не созданы – 28.6% (табл. 3).

Выявленная иерархия условий для самореализации (с учетом не только их субъективной сформированности, но и доли затруднений с их оценкой) достаточно отчетливо характеризует как сами условия, так и востребованность соответствующих направлений самой молодежью. Например, критическое восприятие условий для проявления гражданской активности молодежи в сфере политики сочетается с высоким уровнем добровольного отчуждения от политической деятельности – даже в виде проявления какого бы то ни было интереса к ней. Большая доля затруднившихся оценить условия для самореализации в религиозной жизни тоже говорит о том, что данная сфера находится на периферии внимания молодежи.

Высоким уровнем критического восприятия со стороны молодежи характеризуется самовыражение в высказывании своей позиции, в реализации свободы слова. Более благоприятно, но тоже достаточно критически, оценивается такое ключевое для молодежи направление, как профессиональное развитие. Лишь чуть больше половины (52%) опрошенных считают сформированными в российском обществе условия для карьеры и профессионального развития молодежи; отрицательную оценку дают 19.8% опрошенных. Оценки работающей молодежи как столкнувшейся с реалиями жизни носят, хотя и не намного, но более критический характер (49.6% и 22.3%, соответственно), чем у учащихся в школах, колледжах и вузах.

Сочетание доминирующих приватно-фамилистических жизненных ценностей, высокой субъективной оценки профессионализма в качестве фактора жизненного успеха с достаточно критическим восприятием условий для профессиональной самореализации и высоким уровнем социальной неопределенности демотивирует российскую молодежь к выстраиванию долгосрочных стратегий. Поскольку опрос проводился до 2022 г., можно предположить, что к настоящему времени жизненные перспективы молодежи становятся еще более туманными, а сроки планирования сокращаются.

Оптимальный срок планирования молодежью своих жизненных стратегий в современном обществе для подавляющего большинства участников исследования не превышает 5 лет. При этом перспективу до 5 лет оптимальной назвали лишь 33.1% респондентов; до 1 года – 26.3%; а 16.2% респондентов считают, что в настоящих условиях планировать вообще бессмысленно. Долгосрочные жизненные стратегии оптимальными считают лишь немногие: до 10 лет – 9.2%, 10 лет и более – 4.1% (табл. 4).

Но нельзя сказать, что ситуация неопределенности является стрессогенной для молодежи в целом. Отсутствие уверенности в завтрашнем дне беспокоит менее трети (24.8%) опрошенных. Ощущают такую уверенность 43.9% респондентов, а 16% в принципе не беспокоит данный вопрос, поскольку им нравится жить в ситуации неопределенности (табл. 5).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о противоречивости социальных диспозиций современной российской молодежи, обусловленной осознанием принципиальной, а также ситуативной неопределенности

Таблица 4

Как Вы считаете, какой срок планирования молодыми людьми своих жизненных стратегий является оптимальным в современном обществе?

Значения	Частота	% опрошенных
Планировать в настоящее время вообще бессмысленно	194	16.2
Не более чем до 1 года	316	26.3
До 5 лет	397	33.1
До 10 лет	110	9.2
10 лет и более	49	4.1
Затрудняюсь ответить	134	11.2

Таблица 5

Можете ли Вы сказать о себе, что уверены в завтрашнем дне, и нужна ли Вам вообще такая уверенность?

Значения	Частота	% опрошенных
Да, я достаточно уверен в завтрашнем дне	527	43.9
Я не уверен в завтрашнем дне, и это меня беспокоит	298	24.8
Я живу лишь сегодняшним днем, поэтому этот вопрос меня не беспокоит	192	16.0
Мне нравится жить в ситуации неопределенности, и такая уверенность мне не нужна	55	4.6
Затрудняюсь ответить	128	10.7

социальной ситуации. В сознании большинства молодежи традиционалистская, приватно-фамилистическая ценностная модель сочетается со стремлением к жизненному успеху, выраженному по преимуществу в категориях богатства, самореализации и гедонизма. Профессионализм считается значимым фактором жизненного успеха, но не является частью ценностной модели. Российское общество воспринимается как достаточно комфортное для молодежи, но с рядом значимых барьеров самореализации – как в маловостребуемой ею политической сфере, так и в профессиональной. Высокий уровень неопределенности заставляет приближать субъективный горизонт планирования и отказываться от долгосрочных жизненных стратегий.

Список литературы

1. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.

2. Бурдье П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2001. 562 с.

3. Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. Жизненный успех и шансы на его достижение в представлениях жителей российской провинции // Социологические исследования. 2020. Т. 46. № 6. С. 61–71.

4. Ковалева А.И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 109–114.

RUSSIAN YOUTH: SOCIAL DISPOSITION AND PERSPECTIVE

E.V. Reutov[1], M.N. Reutova[1], T.V. Trishina[2], I.V. Shavyrina[3]

[1] Belgorod State National Research University
[2] Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol
[3] Russian State Social University, Moscow

The purpose of this article is to determine the position of young people in Russian society in terms of their social disposition and perspective. Based on the results of the sociological study "Transformation of the foundations and practices of youth civic engagement in the context of fragmentation of life worlds and virtualization of society", conducted by the authors in September –October 2021 in the Belgorod Region, Krasnodar Region and the federal city Sevastopol (N=1200), an inconsistency was found social dispositions of modern Russian youth, which is due to the awareness of the fundamental, as well as situational uncertainty of the social situation. The authors come to the conclusion about the combination of a traditionalist, private-familistic value model in the minds of young people with the desire for success in life, expressed primarily in the categories of wealth, self-realization and hedonism. At the same time, professionalism, being a significant factor in life success, is not part of the value model. Russian society is perceived as quite comfortable for young people, but with a number of significant barriers to self-realization – both in the political sphere of little demand and in the professional sphere.

Keywords: youth, social disposition, youth self-identification, youth values, social adaptation of youth.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2023_3_138

МНЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ ДЕТЕЙ О ВИЧ-ИНФЕКЦИИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ЭПИДЕМИИ

© 2023 г.

Н.Н. Чуркина, Н.В. Саперкин, Н.В. Стифеева

Чуркина Наталья Николаевна, к.м.н.; сотрудник Нижегородского областного центра по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями; сотрудник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
natasidorova-ni@yandex.ru
Саперкин Николай Валентинович, к.м.н.; магистр (MSc); доцент кафедры эпидемиологии, микробиологии и доказательной медицины Приволжского исследовательского медицинского университета Минздрава России, Н. Новгород
natasidorova-ni@yandex.ru
Стифеева Наталья Васильевна, ординатор кафедры эпидемиологии, микробиологии и доказательной медицины Приволжского исследовательского медицинского университета Минздрава России, Н. Новгород
natasidorova-ni@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 29.03.2023
Статья принята к публикации 18.07.2023

Развитие эпидемии ВИЧ-инфекции среди населения Российской Федерации, в том числе у детей до 18 лет, определяет необходимость интенсификации профилактических мер. Результатом подобной деятельности выступает снижение темпов распространения эпидемии за счет повышения навыков ответственного отношения к своему здоровью, мотивации к безопасному поведению в отношении риска передачи ВИЧ и снижения стигматизации людей, живущих с ВИЧ. Сегодня люди, живущие с ВИЧ, вступая в отношения, в том числе с незараженными ВИЧ, образуют семьи, которые оказываются затронутыми проблемой этого заболевания. Невысокий уровень знаний населения об инфекции становится причиной явной либо латентной дискриминации. Цель работы: охарактеризовать эпидемическую ситуацию по ВИЧ-инфекции среди детей до 18 лет в Нижегородской области и изучить мнение родителей, в том числе затронутых ВИЧ-инфекцией, о необходимости просвещения детей о данном заболевании, роли социальных институтов – участников, факторах, влияющих на формирование мнения, для выделения эффективных способов информирования.

Ключевые слова: ВИЧ-инфекция; стигматизация; семьи, затронутые ВИЧ; межличностные отношения; социальная перцепция; социальный статус; дети; половое воспитание.

Введение

Эпидемия ВИЧ-инфекции в России в целом и в Нижегородской области в частности продолжает развиваться. В нее вовлечены все возрастные группы, включая детей и подростков [1]. С начала эпидемии (1991 г.) в Нижегородской области выявлен 34 231 больной ВИЧ-инфекцией, сегодня проживает 18 861 человек. Исследования по факторам передачи вируса показывают, что в основном заражение обусловлено «рискованным поведением». Именно оно способствует реализации основных при ВИЧ путей передачи – через незащищенные сексуальные контакты (75.6% в 2022 г.) и кровь (21.9%) [2]. Уже длительное время основными источниками информации о ВИЧ-инфекции для россиян (по данным социологических опросов) остаются средства массовой информации (телевидение, Интернет, газеты, журналы, радио). Не теряют своего значения и беседы с медицинскими работниками. Потенциальными источниками выступают информационные брошюры и буклеты, а также беседы с родственниками [3]. Отметим, что для подростков и молодежи крайне востребован Интернет. Однако не всегда эта информация бывает корректна и достоверна [4, 5]. Для оценки уровня осведомлённости различных групп населения (молодежи, школьников, взрослого населения) о проблеме ВИЧ-инфекции широко проводятся социологические опросы, в том числе результаты такого рода исследований представляет Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Чаще спектр вопросов касается информированности населения о проблеме распространения ВИЧ-инфекции, отношения населения к ВИЧ-инфицированным и мер профилактики этого заболевания. В условиях разнообразия и доступности информации о ВИЧ-инфекции по различным каналам и вовлечения в эпидемию подрастающего поколения интерес представляет позиция родителей в части необходимости обсуждения с детьми всего спектра вопросов о

данном заболевании (разговаривают ли родители с детьми о ВИЧ, как родители хотят получать информацию о ВИЧ для себя, как их дети должны получать информацию, кто может (должен) с детьми говорить о ВИЧ, а также – об актуальных источниках информации).

Данное исследование продиктовано поиском принципов организации и тактики проведения информационно-просветительской кампании среди подрастающего поколения с учетом условий развивающейся эпидемии. А изучение мнения родителей о проблеме просвещения по ВИЧ/СПИДу сможет помочь в планировании профилактической работы в конкретной целевой группе.

Цель работы: изучить позицию родителей, в том числе затронутых ВИЧ-инфекцией, о проблеме просвещения детей о ВИЧ/СПИДе для поиска эффективных способов информирования подрастающего поколения о мерах профилактики.

Материалы и методы

Один из важных факторов, влияющих на формирование здорового образа жизни у детей, – это семья. Являясь первым социальным институтом, она закладывает у ребенка основы самосохранительного поведения, воспитывая важные социальные ценности, такие как реализация способностей, как физических, так и духовных. В формировании ценностных ориентиров здорового образа жизни именно семья выступает неоценимым ресурсом [7]. Тот факт, что родителей надо воспринимать как первых педагогов, отображен в федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации». Образовательная организация становится помощником семьи при достижении данной цели [7, 8]. З.И. Тюмасева и И.Л. Орехова указывали, что только родители могут заложить основы физического, нравственного и интеллектуального развития ребенка. А для сохранения и укрепления физического и психического здоровья, развития индивидуальных способностей, возможностей и необходимой коррекции недостатков его развития в помощь семье действует сеть образовательных организаций [7]. А.В. Петровский отмечал, что успешность развития личности в подростковом возрасте зависит от способности семьи принять все проявления индивидуальности подростка, дать возможность им проявиться в принципе [7].

Ввиду предрасположенности подростков к «рисковому поведению» через поиск новых ощущений, выраженный, например, через применение психоактивных веществ и незащищенный сексуальный опыт, эта группа людей нуждается в особом внимании [9]. Данный факт выделяет их в особую группу риска заражения ВИЧ-инфекцией. Формирующаяся картина субъективной реальности у подростков в большей степени зависит от духовной атмосферы общества, в котором они живут. От отношений в нем и окружения подростка зависит и готовность каждого из них к безопасному поведению в условиях эпидемии ВИЧ-инфекции [10].

Готовность к безопасному поведению предопределена одновременным использованием таких подходов, как системно-деятельностный и гигиенический. Реализация гигиенического подхода осуществляется специалистами системы здравоохранения, медицинскими работниками, обеспечивающими медицинское сопровождение обучающихся в образовательном процессе, а также частично учителями, через предметы школьной программы – биологию, ОБЖ и так далее. Системно-деятельностный развивающий подход используется работниками образования и предполагает получение опыта путем моделирования поведения через осознанный выбор в трудных и нестандартных с неопределенными последствиями жизненных ситуациях используя принцип предосторожности, с применением интерактивных методов и форм обучения [11]. Формирование у несовершеннолетних устойчивых моделей поведения на основе устойчивых ценностей, в том числе и в ситуациях риска передачи ВИЧ (склонение к употреблению психоактивных веществ, вступлению в половые взаимоотношения), способствует повышению уверенности подростков в противостоянии указанным негативным социальным явлениям [11].

Сегодня люди с положительным ВИЧ-статусом, вступая в отношения, в том числе с ВИЧ-отрицательными, образуют семьи, затронутые проблемой ВИЧ. В таких семьях более чем в 98% случаев на свет могут появиться здоровые в отношении ВИЧ-инфекции дети, но семья остается причастной к эпидемии [9, 10]. Невысокий уровень знаний населения об инфекции становится причиной явной либо латентной дискриминации, что особенно ярко проявляется в небольших населенных пунктах, где скрыть диагноз намного сложнее, чем в мегаполисах. Данные обстоятельства вынуждают родителей ограничивать контакты ребенка со сверстниками и взрослыми, что затрудняет формирование опыта общения с окружающими, взаимодействие в коллективе, усвоение социальных норм и традиционных ценностей, выработку собственных [12–14].

Опорным ориентиром для обучающихся в организациях высшего и среднего образования

современного общества является Государственная стратегия противодействия распространению ВИЧ-инфекции в РФ на период до 2030 года [15, 16], сосредоточенная на продвижении семейных и традиционных ценностей, предотвращении рискованного поведения, социально-экономической поддержке молодежи и женщин.

Авторами проведено наблюдательное проспективное эпидемиологическое исследование по типу случай-контроль. С помощью Google Forms нами было опрошено 100 респондентов в г. Нижнем Новгороде. Критерии включения: мужчины и женщины старше 18 лет, имеющие одного и более детей. Участники были разделены на две группы сравнения: семьи, затронутые проблемой ВИЧ-инфекции, где один из родителей – имеющий лабораторно подтвержденный ВИЧ-статус и живущий с диагнозом более 3 лет (основная группа), а также семьи, в которых родители в период проведения исследования не имели ВИЧ-положительного статуса, без диагноза, с одним и более ребенком, также отрицательным по ВИЧ (контрольная группа). Анкета содержала 14 вопросов, с одним и множественными ответами, кроме того, при необходимости была предложена возможность самостоятельных ответов. Перед проведением исследования осуществляли валидацию вопросника путем пилотного анкетирования. Опрос носил анонимный характер, без возможности идентификации личности опрашиваемого. Статистический анализ проводили с помощью R 4.2.1 (RStudio). Категориальные признаки выражали в процентах с указанием стандартной ошибки процентной доли. Частоту того или иного варианта ответа рассчитывали на 100 (%), с указанием 95%-го доверительного интервала (ДИ). Для непрерывных числовых признаков использовали описательные статистики – $\bar{x} \pm \sigma$, где $\bar{x}$ – это среднее, σ – среднеквадратическое отклонение. Для сравнения групп применяли критерий χ^2. Различия считали статистически значимыми при $p < 0.05$.

Результаты и обсуждение

Удельный вес детей до 18 лет в структуре населения Нижегородской области составил 21.7% (более 600 тыс. человек). Дети вовлечены в эпидемию с 1996 г., и каждый год среди этой возрастной группы регистрируются новые случаи инфицирования [2, 6]. На 31.12.2022 в Нижегородском областном центре по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями (ГБУЗНО «НОЦ СПИД») под наблюдением состояло 248 детей младше 18 лет, живущих с ВИЧ (0.03% от численности детского населения), а всего с начала эпидемии среди детей было зарегистрировано 805 случаев ВИЧ-инфекции [2].

С начала эпидемии, по данным эпидемиологического мониторинга, уровень заболеваемости детей снизился в 10.3 раза (с 8.7 на 100 тыс. детского населения до 18 лет в 1996 г. до $0.8^0/_{000}$ в 2022 г.; $p<0.0001$). Инфицирование среди несовершеннолетних происходило всеми известными для ВИЧ путями передачи: в начальном периоде эпидемии чаще выявлялись мальчики-подростки 15–17 лет, которые заразились ВИЧ при совместном употреблении психоактивных веществ внутривенным способом (98%), доля инфицирования при гетеросексуальных контактах – 2% вновь выявленных. С 2009 г. ситуация изменилась в сторону увеличения доли детей в возрасте до 14 лет, инфицированных от ВИЧ-положительной матери (в период беременности, родов), и их удельный вес в 2022 г. среди первично зарегистрированных с ВИЧ детей составил 60% (3 ребенка). При этом продолжали регистрировать случаи инфицирования при половых контактах у подростков (двое в возрасте 15–17 лет) [2, 6].

Распределение заболевших по полу также изменялось в динамике: соотношение мальчиков и девочек колебалось от 9:1 в 1996 г. до 1:5 в 2022 г. соответственно. В составе выявленных детей в 8.1 раза повысился процент инфицированных ВИЧ девочек (с 9.8% в 1996 г. до 80% – в 2022 г.), что, вероятно, обусловлено понижением активности инфицирования при употреблении психоактивных веществ. По итогам 2022 г., получают антиретровирусную терапию 99.1% детей с ВИЧ-инфекцией, что в 19 раз выше аналогичного показателя 1996 г. ($p < 0.0001$).

В период с декабря 2022 г. по январь 2023 г. в рамках наблюдательного проспективного эпидемиологического исследования нами проведено анкетирование родителей, в котором приняло участие 100 человек, в том числе 47 – инфицированных ВИЧ и 53 – не инфицированных ВИЧ.

Для изучения позиции родителей по проблеме просвещения детей о ВИЧ-инфекции мы сравнили мнение участников из основной и контрольной групп, а также попытались оценить вклад различных факторов в формировании той или иной точки зрения.

Характеристика основной группы

Превалирующим мнением об источниках получения информации о ВИЧ-инфекции выступили некоммерческие организации (НКО), работающие в сфере профилактики ВИЧ-инфекции – 61.7% (95% ДИ 47.8–75.6), что в

Таблица 1

Краткая характеристика участников исследования

Параметры	Основная группа (N = 47)	Контрольная группа (N = 53)	Значение p
Возрастные группы: 21–30 31–40 41–50 51–60 61–70	 5 29 – 65.91±7.15% 10 2 1	 11 27 – 50.94±6.87% 11 3 0	0.3789
Женщины	91.49%	83.01%	0.3375
Высшее образование	72.34±6.52%	67.92±6.41%	0.7931
Состав семьи: полная семья	66.83±7.01%	69.81±6.31%	0.6731
Число несовершеннолетних детей	от 1 до 3 человек	от 1 до 3 человек	
Возраст	От 2 месяцев до 16 лет 7.60±4.39 лет	От 11 месяцев до 17 лет 7.44±5.0 лет	0.211

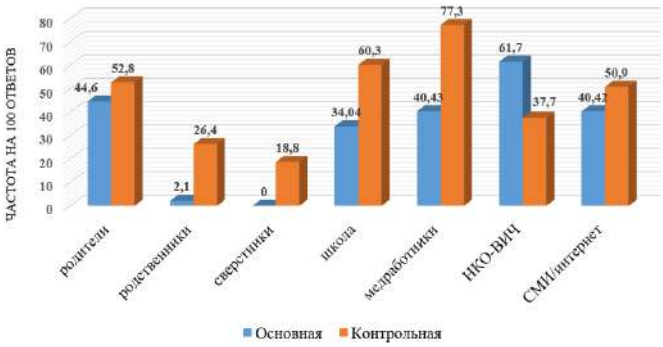

Рис. 1. Мнение родителей об источниках получения информации о ВИЧ-инфекции их детьми

Рис. 2. Сравнение частоты ответов о недостаточном количестве информации в зависимости от источников

1.63 раза выше по сравнению с контрольной группой (p = 0.0142) (рис. 1). Вместе с тем медицинские работники в ответах родителей встречались в 1.9 раза реже (p = 0.0004).

Проблема оптимального числа источников информации тоже не была оставлена нами без внимания. О достаточном количестве информационных источников о ВИЧ-инфекции для подростков заявил каждый третий опрошенный в основной группе. В то же время весьма часто люди обращали внимание на нехватку многих других важных ресурсов: от 17.0 (95% ДИ 6.28–27.77) в отношении НКО до 45.5 (95% ДИ 28.42–56.69) на 100 ответов – от работников школы.

Вне зависимости от ВИЧ-статуса все родители сообщали в своих анкетах о малом количестве информации от работников школы (p = 0.471), медицинских учреждений (p = 0.2873) и образовательных сайтов (p = 0.3711). В то же время

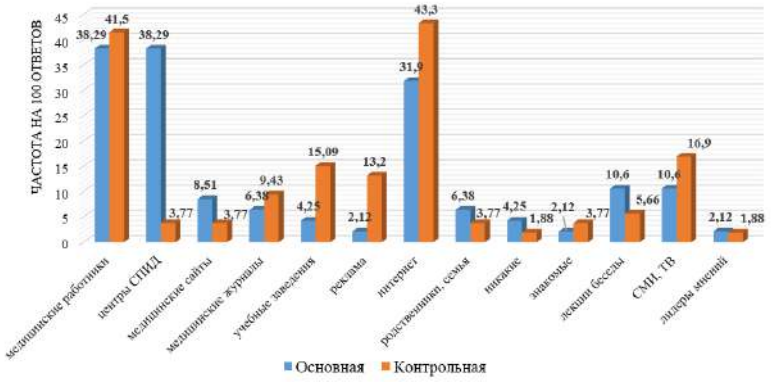

Рис. 3. Изучение предпочтительных источников информации о ВИЧ-инфекции

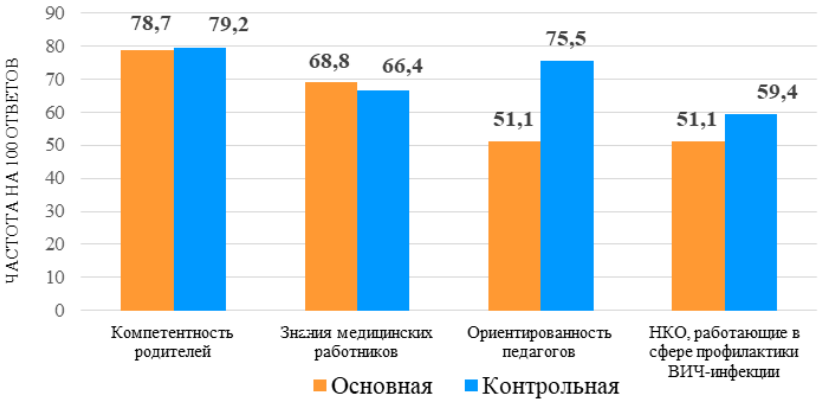

Рис. 4. Мнение относительно ресурсов, необходимых ребенку для получения достоверной и понятной информации о ВИЧ-инфекции

родители с подтвержденным ВИЧ-статусом несколько чаще отмечали ограниченное количество ресурсов от СМИ и Интернета (p = 0.8982), НКО (p = 0.5953), а также из литературы и иных доступных источников (p = 0.8259).

Наиболее предпочтительными в основной группе источниками информации о ВИЧ-инфекции оказались медицинские работники и специалисты центров по борьбе со СПИД: по 38.3% (95% ДИ 24.4–51.2) соответственно (рис. 3). На втором месте по популярности был ответ «Интернет» – 31.9% (95% ДИ 18.02–45.01). Остальные источники информации встречались с частотой менее 5 на 100 ответов. Непопулярность медицинских сайтов (8.5%) может быть связана с особенностями загрузки соответствующих web-страниц в поисковые системы, незнанием правил обращения с данным сайтом и поиском нужной человеку информации. Препятствием к использованию медицинских журналов (6.3% ответов) могут стать стоимость печатной продукции (подписки на издания), недостаточные навыки поиска, неумение скачивать информацию. В 10.6% случаев лекции и беседы, по мнению респондентов, могли бы стать источником информации, что говорит о необходимости более эффективного использования лекций, а также средств гигиенического воспитания и обучения населения. В единичных случаях информацию о ВИЧ-инфекции предпочли бы получать от родственников (6.4%), что связано с вероятным отсутствием разговоров между членами семьи об этой инфекции. Лишь один человек среди прочего отметил в качестве предпочтительного источника рекламу (рекламные щиты, брошюры, информационные стенды, ролики). Это не удивительно, так как, действительно, на телевидении фактически отсутствует информация о ВИЧ-инфекции в виде релевантной социальной рекламы. Были выявлены следующие важные различия между сравниваемыми группами. Так, вне зависимости от ВИЧ-статуса родителей медицинские работники являлись самым предпочтительным источником информации о заболевании (p = 0.9023). В то же время именно центры СПИД в 9 раз чаще встречались среди опрошенных из основной группы (p < 0.0001). Интернет оставался популярным информационным средством без статистически значимых различий по группам (p = 0.33).

В качестве самых необходимых ребенку источников информации о ВИЧ-инфекции отмечены компетентность родителей [78.72% (95% ДИ 67.0–90.4%) на 100 ответов] и знания меди-

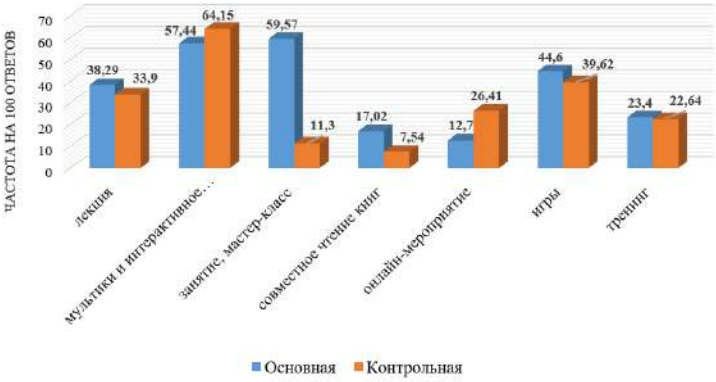

Рис. 5. Изучение мнения родителей об их предпочтениях
в области образовательных мероприятий о ВИЧ-инфекции для детей

цинских работников [63.83% (95% ДИ 52.13–75.53%) на 100 ответов] (рис. 4). Повышено внимание родителей и к ориентированности педагогов [51.06% (95% ДИ 39.36–62.76)] на 100 ответов. Важно отметить, что семьи с положительным ВИЧ-статусом понимают необходимость НКО, работающих в сфере профилактики ВИЧ-инфекции, в качестве ресурса получения достоверной информации о заболевании – 51.06% (95% ДИ 39.36–62.76%). По сравнению с контрольной группой владение информацией о ВИЧ среди педагогов указывалось в 2.3 раза реже (p = 0.0198), что требует отдельного изучения. В целом большинство опрошенных сходились во мнении, что ребенок должен получать достоверную и понятную информацию прежде всего от медицинских работников (p = = 0.9832) и родителей (p = 1.0).

Особый интерес представляло изучение предпочтений родителей в области образовательных мероприятий о ВИЧ-инфекции для детей (рис. 5). С огромным вниманием опрошенные относились к следующим вариантам просветительских мероприятий для ребенка: занятия, в том числе мастер-классы – 59.5% (95% ДИ 45.54–73.6%) на 100 ответов; мультфильмы и интерактивное мероприятие – 57.4% (95% ДИ 43.31–71.57%). Готовность принять участие в играх тоже воспринималась как полноценный формат просветительского мероприятия для детей – 44.6% (95% ДИ 30.47–58.89%). Отметим, что существенных различий во мнениях по данному вопросу между сравниваемыми группами не было обнаружено.

Изучено возможное влияние социодемографических факторов (пол, возраст, уровень образования) на характер ответов. Так, чаще всего о недостатке существующих информационных источников о ВИЧ-инфекции для подростков со стороны работников образования говорили люди в возрасте 31–40 лет (χ^2 = 10.222; p = 0.0368). Представители этой группы не выбирали медицинские журналы и статьи в качестве предпочтительных источников получения информации о ВИЧ-инфекции (χ^2 = 15.781; p = 0.0033). Аналогичная картина выявлена и в отношении СМИ и ТВ (χ^2 = 10.222; p = 0.0368). Нежелание высказаться о своем мнении относительно предпочтительных источников получения информации о ВИЧ-инфекции в большинстве проявляли женщины (χ^2 = 11.098; p = 0.0039). Лица с высшим образованием несколько чаще выбирали ориентированность педагогов в качестве необходимого ресурса для ребенка в получении достоверной и понятной информации о ВИЧ-инфекции (χ^2 = 3.4848; p = 0.0619).

Полученные результаты позволяют говорить о положительном ВИЧ-статусе родителя как факторе, влияющем на характер ответов на вопросы анкеты, по сравнению с отрицательным статусом, а значит, эти данные должны учитываться при изучении мнения об информировании детей о ВИЧ. Измерена сила взаимосвязи между статусом и характером ответа, а также определена статистическая значимость (с помощью отношений шансов (ОШ) с соответствующим 95% ДИ). В таблице 2 представлены вопросы, для которых установлено, что, действительно, вероятность определенного ответа намного выше, если в семье есть родитель, живущий с ВИЧ.

Характеристика контрольной группы

Особый интерес представляло изучение мнения членов семей, не затронутых ВИЧ.

Доминирующая возрастная группа – лица из категории 31–40 лет (50.9%), превалировали женщины (83.01±5.16%). 67.9% респондентов из контрольной группы имели высшее образование. Среди опрошенных преобладали полные семьи, то есть наличие обоих родителей и ребенка или детей (69.8%). Число несовершен-

Таблица 2

Оценка влияния ВИЧ-статуса родителя на ответы в основной группе по сравнению с контрольной группой

Вопросы и предложенные ответы	ОШ (95% ДИ)	Значение *p*
Как Вы считаете, откуда или как Ваши дети должны получать общую информацию о ВИЧ-инфекции?		
От родственников	0.06 (от 0.01 до 0.47)	$p < 0.001$
От работников школы	0.32 (0.14, 0.73)	$p = 0.006$
От медицинских работников	0.18 (0.08, 0.44)	$p < 0.001$
От НКО, работающих в сфере ВИЧ	2.58 (1.15, 5.80)	$p = 0.021$
Перечислите, какие источники получения информации о ВИЧ-инфекции предпочитаете именно Вы		
СПИД-центр	15.52 (3.36, 71.72)	$p < 0.001$
Как Вы считаете, какие ресурсы необходимы Вашему ребёнку для получения достоверной и понятной информации о ВИЧ-инфекции?		
Осведомленность родственников	0.33 (0.12, 0.89)	$p = 0.024$
Ориентированность педагогов	0.31 (0.13, 0.74)	$p = 0.007$
Книги и интерактивные сайты с обучающими элементами	0.36 (0.16, 0.81)	$p = 0.012$
Если бы Вам было предложено посетить просветительское мероприятие о ВИЧ-инфекции для детей, то какое Вы бы выбрали?		
Занятие, мастер-класс	2.78 (1.23, 6.29)	$p = 0.013$

нолетних детей в семье колебалось от 1 до 3 человек, в широком возрастном диапазоне (в среднем, 7.44±5.0 лет). Средний возраст ребенка в семьях с 2 детьми был несколько ниже (6.42±5.03 лет), но без статистически значимых различий с другим составом семьи. Установлено, что более чем в половине опрошенных семей дети не были проинформированы о своем ВИЧ-статусе (66.04%).

Беседы со своими детьми о ВИЧ-инфекции были приняты только в каждой пятой семье (18.8%), при этом затрагивались следующие вопросы: пути передачи вируса, способы заражения, опасность инфекции для человека, методы профилактики.

На вопрос, откуда дети должны получать общую информацию о заболевании, респондентами контрольной группы были выбраны все предложенные варианты ответов. В качестве такого источника медицинские работники фигурировали в 77.3% случаев, затем следовала школа (60.3%). НКО, работающие в сфере борьбы с ВИЧ, были указаны менее чем в 40% ответов ($p < 0.0001$ *vs* медицинские работники).

О достаточном количестве информационных источников о ВИЧ-инфекции для подростков с уверенностью заявили 33.9% опрошенных. Чаще всего участники исследования обращали внимание на нехватку различных по происхождению источников информации (например, для работников школы и медицинских учреждений частота таких ответов была 45.2 и 41.5% соответственно).

Наиболее предпочтительными источниками получения информации о ВИЧ-инфекции в семьях без заболевания рассматривались центры по профилактике и борьбе со СПИД – 41.5% (95% ДИ 28.24–54.77), ожидаемо – Интернет 43.4% (95% ДИ 30.05–56.74).

В качестве наиболее необходимых для ребенка ресурсов для получения достоверной и понятной информации о ВИЧ-инфекции выбирали прежде всего компетентность родителей 79.2% (95% ДИ 68.33–90.16), ориентированность педагогов 75.4% (95% ДИ 63.88–87.05). Знания медицинских работников чуть реже рассматривались как потенциальный ресурс проверенных сведений о заболевании – 66.4% (95% ДИ 53.29–78.79). Интересно отметить, что мультфильмы оказались самым востребованным у родителей просветительским мероприятием о ВИЧ-инфекции для детей – 64.1% (95% ДИ 51.24–77.06). На втором месте по частоте упоминания находились игры – 39.6% (95% ДИ 26.45–52.79), а на третьем – лекции 33.9 (95% ДИ 21.21–46.71) на 100 ответов.

На следующем этапе работы нами изучено возможное влияние социодемографических факторов (пол, возраст, уровень образования) на характер ответов.

Взаимосвязь с возрастом опрошенных в наибольшей степени проявлялась для группы 31–40 лет. В частности, на вопрос об использовании НКО в качестве источника общей информации о ВИЧ-инфекции среди всех ответивших «нет» 59.3% составили представители этой группы ($\chi^2 = 9.27$; $p = 0.026$). В большинстве случаев они указывали на имеющийся недостаток информационных источников о ВИЧ-инфекции от работников школы для подростков ($\chi^2 = 6.96$; $p = 0.073$).

Представители возрастной группы 31–40 лет значимо реже рассматривали в качестве пред-

почтительных ресурсов предлагаемые населению специализированными некоммерческими организациями (χ^2 = 8.07; p = 0.045). Отметим, что предпочтение СПИД-центрам как источникам получения информации о ВИЧ-инфекции высказали только 2 человека, при этом в зависимости от возраста отрицательный ответ обычно давали представители данной категории (χ^2 = 7.75; p = 0.051). Родственников и членов семьи в качестве источников получения информации о ВИЧ-инфекции рассматривали только 2 человека, при этом в зависимости от возраста отрицательный ответ обычно давали люди из указанной группы (χ^2 = 7.75; p = 0.051).

Люди в возрасте 31–40 лет не рассматривали знакомых в качестве предпочтительных источников информации о заболевании (в целом только 3.7% положительных ответов) (χ^2 = 9.39; p = 0.024), с аналогичной ситуацией для лиц младше 30 лет.

Представители названной группы чаще других отмечали компетентность родителей в качестве необходимых для ребенка ресурсов достоверной и понятной информации о ВИЧ-инфекции (χ^2 = 8.47; p = 0.037), на втором месте по частоте положительных ответов находилась группа 41–50 лет. Знания медицинских работников чаще других в качестве необходимых ребенку ресурсов для получения корректной информации о ВИЧ-инфекции в основном отмечали люди в возрасте 31–40 лет (χ^2 = 14.21; p = 0.003), на втором месте по положительным ответам находилась группа 41–50 лет. НКО, работающие в сфере ВИЧ, в качестве необходимых для ребенка ресурсов для получения надежной информации о заболевании выбирали представители разных возрастных групп. В то же время отрицательные ответы в целом превалировали, и несколько чаще других такой ответ встречался в группе 31–40 лет (χ^2 = 6.55; p = 0.089).

Влияние пола на характер ответов было не таким выраженным по сравнению с возрастным фактором. Женщины несколько реже соглашались с утверждением, что дети должны получать общую информацию о ВИЧ-инфекции от своих сверстников (χ^2 = 3.66; p = 0.056). В подавляющем большинстве женщины обращали внимание на недостаточное количество информационных источников о заболевании от некоммерческих организаций для подростков (χ^2 = 12.68; p = 0.0004).

Отметим, что в данном исследовании мы не обнаружили статистически значимых взаимосвязей между уровнем образования родителей и характером полученных ответов.

Заключение

В рамках проспективного эпидемиологического исследования мы изучили мнение родителей, инфицированных ВИЧ, о проблеме просвещения детей по ВИЧ/СПИДу, а также способах такой просветительской деятельности. Полученные результаты были сопоставлены с позицией семей, не затронутых подобной проблемой. ВИЧ-положительные родители почти в 2 раза чаще в качестве источников получения информации для детей рассматривали НКО и медицинских работников. Респонденты отмечали недостаточное количество ресурсов о заболевании со стороны работников школ. Наиболее предпочтительными в основной группе источниками информации о ВИЧ-инфекции названы медицинские работники и специалисты центров по борьбе со СПИД (p < 0.05 vs контрольная группа), Интернет. Осведомленность родителей и медицинских работников были указаны в качестве наиболее необходимых ребенку источников информации о ВИЧ-инфекции. При этом по сравнению с контрольной группой ВИЧ-положительные родители в 2.3 раза реже обращали внимание на владение педагогами информацией о ВИЧ. В качестве детских образовательных мероприятий о ВИЧ-инфекции все опрошенные на первое место поставили мастер-классы, мультфильмы, интерактивные мероприятия и игры. Наличие у родителей ВИЧ-инфекции являлось определяющим фактором при формировании взглядов на способы получения ребенком общих сведений о заболевании, желательные источники информации, необходимые ребенку ресурсы, а также посещение просветительских мероприятий. Принадлежность респондента к возрастной группе 31–40 лет была статистически значимо связана с характером ответов. Крайне неохотно родители-мамы сообщали в ходе исследования о своих взглядах на предпочтительные источники информации. Выявленные ассоциации между ответами на предложенные вопросы и социодемографическими факторами целесообразно учитывать при оценке взглядов родителей на проблему просвещения детей о ВИЧ-инфекции.

Таким образом, в ходе исследования установлена потребность в просвещении детей по вопросам ВИЧ-инфекции. Результаты исследования, особенности возрастной группы и многолетний опыт профилактической работы с несовершеннолетними диктуют необходимость использования системного подхода в предоставлении информации о ВИЧ/СПИДе по возможности в союзе с родителями (законными представителями), педагогами, медицинскими

работниками и НКО, что диктует необходимость их обучения современным технологиям профилактики, с использованием привлекательных и интерактивных форм предоставления информации, а также контроля качественного контента в Интернете и социальных сетях, как часто, возможно, используемого источника информации несовершеннолетними.

Список литературы

1. Справка: ВИЧ-инфекция в Российской Федерации в 2021 г. / Федеральный научно-методический центр по профилактике и борьбе со СПИДом [Электронный ресурс]. URL: http://files.antispidnn.ru/uploads/docs/spec/law/vichrf2021.pdf (дата обращения: 19.03.2023).

2. Информационный бюллетень по ВИЧ-инфекции в Нижегородской области за 2022 год [Электронный ресурс]. URL: http://files.antispidnn.ru/uploads/docs/2022/bull2022.pdf (дата обращения: 19.03.2023).

3. Решетников А.В., Богачанская Н.Н., Присяжная Н.В. Восприятие проблемы ВИЧ-инфекции/СПИДа россиянами // Иммунология. 2018. Т. 39. № 2–3.С. 92–100.

4. Muzoora E.C., Ashaba S., Groves S., Atwine F. Knowledge, attitude, and preferred strategies towards HIV/AIDS prevention among adolescents attending secondary schools in South Western Uganda // Afr. Health Sci. 2021. V. 21. № 3. P. 1067–1073.

5. Хрянин А.А. и др. Новые возможности цифрового здравоохранения (мобильное приложение) в профилактике ИППП и ВИЧ-инфекции среди молодежи // Journal of Siberian Medical Sciences. 2021. № 4. С. 40–52.

6. Чуркина Н.Н., Минаева С.В., Касьянова И.А. и др. Медико-социальный портрет ребенка, живущего с ВИЧ-инфекцией // Актуальные вопросы ВИЧ-инфекции. Охрана здоровья матери и ребенка / Санкт-Петербургская общественная организация «Человек и его здоровье». СПб., 2021. С. 209–210.

7. Тюмасева З.И., Орехова И.Л. Семейная среда как средство сохранения, укрепления здоровья обучающихся и формирования самосохранительного поведения // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7. № 3. С 5.

8. Орехова И.Л., Шурупова М.В. Педагогическая система здоровьесберегающей деятельности коррекционной образовательной организации: управленческий аспект: Монография. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2018. 174 с.

9. Nair M.K., Leena M.L., Paul M.K. [et al.]. Attitude of parentsт and teachers towards adolescent reproductive and sexual health education // Indian J. Pediatr. 2012. V. 79. Suppl 1:S60-3.

10. Miller K.S., Lin C.Y., Poulsen M.N. [et al.]. Enhancing HIV communication between parents and children: efficacy of the Parents Matter! Program // AIDS Educ. Prev. 2011. V. 23. № 6. P. 550–563.

11. Методические рекомендации по организации и проведению открытого интернет-урока по информированию детей и молодежи о профилактике ВИЧ-инфекции «Знание – ответственность – здоровье» / Министерство образования и науки Российской Федерации; Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Центр защиты прав и интересов детей», 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://fcprc.ru/wp-content/uploads/2019/05/Metodicheskie-rekomendatsii-k-Internet-uroku.pdf (дата обращения: 19.03.2023).

12. Фортыгина Ю.А., Коваленко Ю.А. Проблема одиночества и создания семьи у ВИЧ-инфицированных людей // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2017. Т. 2. № 4 (19). С. 67–70.

13. Чуркина Н.Н., Касьянова И.А., Амиров А.В. и др. ВИЧ-инфекция и семья // Старшее поколение современной России: Материалы Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 13–14 октября 2021 года. Н. Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 611–614.

14. Левчук С.В. Социально-педагогический подход в решении проблемы сопровождения семей, воспитывающих детей с положительным ВИЧ-статусом // Социализация детей с ограниченными возможностями здоровья: опыт, проблемы, инновации: Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции: в 3 ч. Часть 1. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2018. С. 76–81.

15. Распоряжение Правительства РФ от 21 декабря 2020 г. № 3468-р «О Государственной стратегии противодействия распространению ВИЧ-инфекции в РФ на период до 2030 г.». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400033496/ (дата обращения: 18.03.2023).

16. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.10.2021 № 2933-р «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Государственной стратегии противодействия распространению ВИЧ-инфекции в Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/docs/all/137061/ (дата обращения: 16.02.2023).

PARENTS' VIEW ON THE PROBLEM OF EDUCATION OF CHILDREN ABOUT HIV INFECTION

***N.N. Churkina*[1,2], *N.V. Saperkin* [3], *N.V. Stifeeva* [3]**

[1]Nizhny Novgorod Regional Center for the Prevention and Control of AIDS and Infectious Diseases, Nizhny Novgorod
[2] National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky
[3] Privolzhsky Research Medical University, Ministry of Health of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod, Russia

The progress of the HIV epidemic among the Russian population, including children under 18 years of age, determines the direction how to make preventive measures more intensive. Such activities result in reducing the spread of the epidemic by increasing a responsible attitude to one's health, motivation for safe behavior in relation to the risk of HIV transmission and reducing the stigmatization of people living with HIV. Today, people living with HIV, entering into relationships, including discordant ones, form families that are affected by the problem of this disease. The low level of knowledge of the population about the infection causes explicit or latent discrimination. The purpose of this study is to characterize the epidemic situation of HIV infection among children under 18 years of age in the Nizhny Novgorod region and to study the opinion of parents, including those affected by HIV infection, on the need to educate children about the subsequent illness, the role of social institutions-participants, morbidity that affect the impact, to highlight an effective alert.

Keywords: risk-taking, HIV infection, stigma, families affected by HIV, interpersonal relationships, social perception, social status, sex education.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2023_3_148

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ МАССОВОГО МОЛОДЕЖНОГО СПОРТА В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2023 г.

В.С. Андреев

Андреев Вячеслав Сергеевич, преподаватель кафедры физической подготовки сотрудников органов внутренних дел
Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России
Veheslav0809@gmail.com

Статья поступила в редакцию 16.01.2023
Статья принята к публикации 31.07.2023

Развитие физической культуры и массового спорта является стратегически важным направлением государственной политики Российской Федерации. В настоящее время уделяется большое внимание развитию массового спорта среди молодежи как на федеральном, так и на региональном уровнях. Вовлечение молодежи в занятия физической культурой и спортом, воспитание стремления к ведению здорового образа жизни являются приоритетными направлениями работы органов государственной власти всех уровней. Молодежь является важной социальной группой современного общества и оказывает существенное влияние на его формирование и развитие. Становление и развитие молодежи происходит в рамках базовых социальных институтов. Особое место принадлежит институту физической культуры и спорта. В настоящей статье проведен статистический анализ развития массового спорта в Тюменской области. Рассмотрены достигнутые и планируемые количественные показатели вовлеченности населения региона в систематические занятия спортом. Проанализированы меры повышения уровня развития массового молодежного спорта в Тюменской области. Выявлены основные причины, препятствующие развитию доступности массового спорта для молодежи, и предложены возможные пути решения данных проблем.

Ключевые слова: физическая культура, массовый спорт, спорт для всех, молодежь, спортивно-массовые мероприятия.

Введение

Политика нашего государства все больше нацелена на оздоровление нации и развитие физической культуры и спорта, на формирование духовного и физического здоровья населения. Среди молодежи все больше начинает формироваться *культ здорового образа жизни*, что является важнейшей социальной ценностью.

Известно, что занятия спортом, наряду с рациональным питанием, соблюдением правил личной гигиены, закаливанием организма, оптимальной организацией труда и отдыха, а также отсутствие влияния неблагоприятных факторов окружающей среды благотворно влияют на здоровье человека и нации в целом.

Молодежь представляет собой будущее нации, от нее зависит развитие нашего государства. Исходя из этого, на государственном уровне большое внимание уделяется поддержанию и развитию здоровья и работоспособности именно молодежи. Прекрасные возможности открывает массовый спорт, который способен не только поддерживать физическое здоровье, но и укреплять дух, содействовать социализации молодых людей. Массовый спорт представляет собой наиболее обширную общественную форму деятельности в сфере физической культуры и спорта, ориентированной прежде всего на развитие и физических, социальных качеств [1, с. 150].

В сфере физической культуры и спорта следует выделить два самостоятельных основных направления:

– спорт высших достижений (большой, профессиональный спорт), направленный на достижение высоких результатов (рекордов) на международном уровне, а также на крупных всероссийских спортивных соревнованиях;

– массовый спорт – направлен на вовлечение в занятия спортом различных социальных групп с целью совершенствования их физических способностей, укрепления здоровья и поддержания профессионального долголетия.

В массовом спорте, в свою очередь, можно выделить следующие разновидности физкультурно-спортивной деятельности: школьная и студенческая, профессионально-прикладная физическая культура и спорт, оздоровительная (рекреативная) физическая культура, физкультурно-кондиционный (профилактический) спорт.

Анализ исследований и публикаций, выявление возникших противоречий, формирование цели и постановка задач исследования

Принятая государственная стратегия развития физической культуры и спорта в России до 2030 г. закрепляет приоритет формирования у

населения стремления к ведению здорового образа жизни как основы гармоничного развития общества и повышения качества жизни.

Цель стратегии состоит в увеличении общей численности населения, систематически занимающегося спортом. Так, до 2025 г. доля систематически занимающихся физкультурой и спортом должна составлять 55%, а к 2030 г. уже 70% [2].

Установленные стратегией показатели невозможно достичь без активного вовлечения в занятия физической культурой и спортом молодежи, представляющей наиболее многочисленную социальную группу общества. Вопрос этот является очень острым, поскольку необходимо правильно определить наиболее эффективные формы и методы вовлечения. В настоящее время вовлечением молодежи в массовый спорт в нашей стране занимаются ряд государственных и общественных организаций.

По словам замглавы Министерства спорта РФ А.Р. Кадырова, уровень обеспеченности населения страны спортивными сооружениями в среднем составляет чуть более 55%, при этом данный показатель в ряде субъектов сильно разнится. Есть субъекты с высокоразвитой спортивной инфраструктурой, а есть такие субъекты, в которых спортивная инфраструктура и вовсе отсутствует. В связи с реализацией таких проектов, как «Спорт – норма жизни», «Демография», к 2024 году данный показатель должен быть увеличен до 60% [3].

Экономическая ситуация в России на сегодняшний день такова, что пока государство не способно обеспечить всем желающим общедоступность объектов спортивной инфраструктуры за счет только бюджетных средств. Изменить данную ситуацию можно лишь путем активного участия и взаимодействия государственных, общественных и коммерческих структур, главной задачей которых стало бы обеспечение повышения доступности массового спорта [4, с. 17].

По мнению Е.Е. Матушанской, финансирование физической культуры и спорта имеет крайне низкую долю расходов в бюджетной системе Российской Федерации [5, с. 91].

Исходя из возникших противоречий между потребностью государства и общества в духовно и физически здоровых и работоспособных молодых гражданах и недостаточным обеспечение доступности массового спорта для молодежи, нами была выявлена проблема исследования, заключающаяся в недостаточной разработанности оптимальных и эффективных методов, способов и технологий повышения доступности массового спорта в молодежной среде на территории Тюменской области.

Исследованием проблем привлечения населения в занятия физической культурой и спортом и по сей день занимаются многие ученые и теоретики в сфере физической культуры и спорта. Так, Н.А. Восколович и Р.И. Юнусов в ходе своего научного исследования провели анализ комплексного наблюдения и выявили невысокий уровень желания населения заниматься спортом. В связи с этим ими был предложен ряд дополнительных мер вовлечения населения в массовый спорт [6, с. 38].

Исследователь В.Д. Миронов теоретически обосновывает, что создание региональных общественных советов, состоящих из представителей различных сфер (здравоохранения, образования, спорта, органов исполнительной власти, общественных организаций), выполняющих функции вовлечения молодежи в занятия спортом, способствовало бы развитию массового спорта [7, с. 263]. Е.А. Горшкова, С.В. Михайлова и А.А. Чернецов в своем исследовании указывают на необходимость совершенствования муниципальной политики в сфере массового спорта среди молодежи и на примере г. Арзамаса предлагают ряд дополнительных мер улучшения организации муниципальной политики по вовлечению молодежи в занятия ФКиС [8, с. 79].

Рассматривая зарубежный опыт развития физической культуры и спорта в Республике Беларусь, Е.В. Гусинец в своем исследовании рассматривает значимые экономические показатели, влияющие на развитие физической культуры и спорта: количество физкультурно-спортивных сооружений, численность лиц, занимающихся физической культурой и спортом, количество специализированных учебно-спортивных учреждений и средних школ-училищ олимпийского резерва и т.д. В исследовании автор приходит к выводу, что увеличение количества физкультурно-спортивных объектов, специализированных учебно-спортивных учреждений, а также числа занимающихся в них спортсменов создает позитивные предпосылки для развития всей отрасли «Физическая культура и спорт» в целом: растет реальное предложение физкультурно-спортивных услуг для населения, предлагая широкий выбор и достойное качество; увеличивается количество рабочих мест; рост числа спортивных объектов в стране стимулирует развитие строительной сферы [9, с. 73].

Однако, несмотря на большой исследовательский интерес к вопросам вовлечения молодого поколения в занятия физической культурой и спортом, не в полной мере рассмотрены способы и средства вовлечения молодежи в занятия спортом.

Цель исследования – выявить проблемы обеспечения доступности массового спорта в

Тюменской области и определить возможные практические меры, направленные на повышение доступности массового спорта в Тюменской области.

Задачи исследования:

– анализ учебной и методической литературы по вопросам вовлечения населения в массовый спорт;

– анализ системы управления физической культурой и спортом в Тюменской области;

– анализ состояния массового молодежного спорта в Тюменской области;

– анализ системы мероприятий, направленных на развитие массового молодежного спорта в Тюменской области;

– разработка мер повышения доступности массового спорта в Тюменской области.

Методы исследования: контент-анализ литературных источников, анализ статистических данных, изучение нормативных документов и научных трудов по проблеме исследования.

Мероприятия по развитию доступности массового спорта на территории Тюменской области

Как известно, уровень развития массового спорта в регионе характеризуется количеством вовлеченного в систематические занятия физической культурой и спортом населения. В последние годы Тюменская область опережает общероссийскую статистику по количеству вовлеченных в занятия спортом. По данным на 2020 г., в регионе систематически занимались спортом 51.5% тюменцев, в 2021 г. цифра увеличилась до 53%. Планируется, что к 2024 г. данный показатель достигнет отметки 59% [10].

Ежегодно в Тюменской области проводится около 400 массовых соревнований по различным видам спорта. Одними из самых популярных спортивных мероприятий в регионе стали «Лыжня России», «День здоровья», «Кросс нации», «Стальной характер», «За бег», соревнования по комплексу «ГТО», фестиваль хоккея «Ночная хоккейная лига», «Кожаный мяч», «Российский азимут».

Отдельное внимание необходимо уделить реализации Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» в Тюменской области, являющегося одним из эффективнейших мероприятий в развитии массового спорта. Жители Тюменской области принимают активное участие в выполнении нормативов комплекса «ГТО».

Следует отметить, что удельный вес населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом, является критерием оценки деятельности органов государственной власти, осуществляющих физкультурно-массовую работу с населением по месту жительства [11, с. 33]. Наибольшую динамику роста вовлеченности населения в занятия массовым спортом в Тюменской области обеспечивает молодежь, доля которой в массовом спорте составляет более 80%. В перспективе развития массового спорта Тюменской области до 2024 года данный показатель планируется увеличить до 91% [12].

Немаловажным фактором роста численности занимающихся физической культурой и спортом в Тюменской области является развитие и совершенствование спортивной инфраструктуры, повышение эффективности ее использования и обеспечение доступности. На территории Тюменской области действует 3493 спортивных сооружения, из них 18 спортивных стадионов, 1797 плоскостных спортивных сооружений, 1076 спортивных залов, 9 крытых ледовых арен, 4 манежа, в том числе 1 легкоатлетический, 65 плавательных бассейнов. Для лыж и биатлона имеется 74 лыжные базы и 3 биатлонных комплекса. Для реализации комплекса ВФСК «ГТО» в области созданы и функционируют 460 площадок для сдачи норм «ГТО», на которых ежегодно выполняют нормативы около 64 тыс. человек в различных возрастных группах [13].

В целях увеличения численности спортивных объектов и сооружений в Тюменской области в 2022 г. выделено 20 млн рублей на создание модульных спортивных залов и «умных» спортивных площадок, в 2023 г. запланировано еще 60 млн рублей. Модульные спортивные залы и «умные» спортивные площадки представляют собой современные оборудованные места для занятий спортом с возможностью выхода в Интернет, где каждый занимающийся может выстроить индивидуальный тренировочный маршрут, а также следить за правильностью техники выполнения упражнений. Данная инфраструктура поспособствует привлечению молодежи к физическим тренировкам и нацелит на здоровый образ жизни [14].

В целях активного вовлечения детей и молодежи в занятия физической культурой и спортом, повышения уровня физической подготовленности обучающихся, укрепления здоровья молодого поколения Тюменской области на территории региона реализуется Межотраслевая программа развития школьного спорта до 2024 года.

Программа нацелена на создание условий, обеспечивающих обучающимся возможность систематически заниматься физической культурой и спортом в общеобразовательных организациях.

Кроме того, принята Программа развития детско-юношеского спорта в Тюменской области до 2030 года, цель которой – создание условий для систематических занятий физической культурой и спортом детей до 18 лет. Программой установлена необходимость использования современных организационных форм при проведении спортивно-массовых мероприятий, расширение информационного пространства за счет развития информационно-коммуникационных и интернет-технологий, интерактивных коммуникаций.

Еще одной масштабной программой является «Развитие физической культуры, спорта и дополнительного образования в Тюменской области», цель которой – создание условий, способствующих систематическим занятиям спортом жителями региона путем развития спортивной инфраструктуры. Срок реализации данной программы рассчитан на период с 2019 г. по 2025 г.

При реализации данной программы предполагается к 2025 г. увеличить долю населения Тюменской области, систематически занимающегося спортом, до 59%, долю детей и молодежи в возрасте от 3 до 29 лет – 91.5%.

В Тюменской области в целях повышения доступности массового спорта для малообеспеченного населения активно привлекаются фитнес-клубы, на базе которых организуются бесплатные занятия спортом. Данная деятельность реализуется в рамках проекта «Спорт доступен каждому».

Стоит отметить, что опыт Тюменской области в развитии детско-юношеского спорта был учтен Правительством Российской Федерации при разработке соответствующих государственных программ.

Проблемы развития доступности массового молодежного спорта в Тюменской области и пути их решения

Несмотря на большое количество принимаемых органами власти Тюменской области мер по вовлечению населения в занятия физической культурой и спортом, по повышению доступности массового спорта для населения, в данном направлении решены далеко не все проблемы.

Одной из проблем развития массового спорта в регионе является неэффективная спортивно-массовая и оздоровительная работа с населением по месту жительства, а порой и вовсе отсутствие такой работы, особенно это касается сельской местности. Даже при условии наличия спортивной базы зачастую на селе отсутствуют специалисты, способные организовать физкультурно-массовую работу с населением. Безусловно, такое состояние физической культуры по месту жительства – бесперспективно [15, с. 240].

На наш взгляд, решить данную проблему возможно за счет создания в муниципальных городских округах и в районах сельской местности дополнительных физкультурных комитетов, осуществляющих спортивно-массовую работу с населением, направленную на вовлечение населения в занятия физической культурой и спортом, на организацию спортивно-массовых мероприятий и соревнований. Контроль за деятельностью таких физкультурных комитетов должен осуществлять полномочный орган власти в сфере физической культуры и спорта в регионе. Такая форма работы с населением позволит более эффективно решать проблемы обеспечения доступности физической культуры и спорта для населения того или иного района [16, с. 97].

Как известно, одним из приоритетных направлений развития физической культуры и спорта являлась реализация мероприятий по развитию комплекса «ГТО». Сегодня с учетом прироста населения Тюменской области, как естественного, так и искусственного (за счет приезжих из соседних регионов), наблюдается чрезмерная загруженность мест тестирования.

Для обеспечения доступности молодежи к выполнению нормативов комплекса «ГТО» следует предоставить возможность реализации тестирования на базе фитнес-клубов с частной формой собственности. На наш взгляд, это обеспечит дополнительное вовлечение молодежи в массовый спорт, позволит оптимизировать затраты на дополнительное создание мест тестирования, поскольку фитнес-клубы уже имеют необходимое оборудование [17, с. 11].

Еще одним существенным препятствием на пути развития массового спорта для молодежи в Тюменской области является недостаточное финансирование. Так, в 2022 г. на развитие физической культуры и спорта из бюджета области было выделено 2.4 млрд рублей, из них на массовый спорт запланировано потратить около 1.1 млрд рублей, этого явно недостаточно с учетом роста численности населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом [18].

Одним из способов решения данной проблемы может стать перераспределение финансирования. Учитывая сложившуюся ситуацию в большом спорте, связанную с отстранением наших сборных от участия в международных соревнованиях, часть средств, направленных на финансирование спорта высших достижений, следует перенаправить на развитие массового спорта в регионе [19, с. 265].

Решению проблемы финансирования массового спорта будет способствовать развитие механизма государственно-частного партнерства в сфере массового спорта, с помощью которого можно привлечь дополнительные средства финансирования для развития массового спорта. Однако из-за отсутствия детально проработанной и закрепленной схемы государственно-частного партнерства существуют риски как для бизнеса (отсутствует проработанный механизм возврата инвестиций), так и для государства (недобросовестное выполнение обязательств) [20, с. 137].

Одной из проблем в регионе стала коммерциализация спорта. Большинство спортивных организаций с частной формой собственности осуществляют физкультурно-спортивные услуги на платной (коммерческой) основе, что приводит к недоступности данных услуг для широких слоев населения. Для решения этого вопроса необходимо разработать дополнительные меры по осуществлению регулирования сферы платных физкультурно-спортивных услуг в Тюменской области, которые предусматривали бы дисконт на посещение для лиц, имеющих затруднительное финансовое положение.

Насущной является проблема кадрового голода в сфере физической культуры и массового спорта. Для решения кадрового вопроса первоочередной задачей местных властей является увеличение заработной платы работников данной сферы. Так, в Тюменской области средняя заработная плата учителя физической культуры в 2022 г. составляла немногим больше прожиточного минимума (19000–24000 рублей). Прожить на такую зарплату молодому специалисту довольно сложно, поэтому большинство людей, имеющих образование в сфере ФКиС, работают не по специальности, отсюда нехватка работников в данной сфере [21].

На наш взгляд, одним из способов развития массового спорта среди молодежи является поддержание и развитие органами власти Тюменской области новых молодежных спортивных течений (уличные виды спорта), как правило, носящих экстремальный характер (трейн-серфинг, паркур). Необходимо осуществлять постоянный мониторинг за популярными среди молодежи спортивными дисциплинами и совершенствовать методики работы на местах дислокации данных течений, обеспечить подготовку квалифицированных инструкторов по данным направлениям.

Резюмируя вышеизложенное, для повышения доступности массового спорта в Тюменской области необходимо принять следующие меры:

– на уровне районных администраций необходимо учредить орган управления, полномочный в сфере физической культуры и массового спорта;

– продолжить активную работу по реализации комплекса «ГТО», связанную с заключением соглашений с различными частными организациями (клубами) с целью увеличения мест тестирования населения;

– организовать работу по дополнительному привлечению инвестиций физической культуры и спорта за счет развития механизма государственно-частного партнерства;

– заключить соглашения о возможности льготного посещения физкультурно-спортивных объектов с различной формой собственности гражданами, находящимися в трудном материальном положении;

– обеспечить достойную заработную плату сотрудникам и работникам сферы физической культуры и спорта.

Заключение

Развитие физической культуры и массового спорта является стратегически важным направлением государственной политики в Российской Федерации. В настоящее время уделяется большое внимание развитию массового спорта молодежи как на федеральном, так и на региональном уровнях. Вовлечение молодежи в занятия физической культурой и спортом, воспитание стремления к ведению здорового образа жизни являются приоритетными направлениями работы органов государственной власти всех уровней [16].

Проведенный в рамках исследования анализ статистических данных развития физической культуры и массового спорта в Тюменской области показал положительную динамику по ряду направлений. Однако проблемы обеспечения доступности массового спорта среди молодежи в регионе до конца еще не решены.

На наш взгляд, мероприятия, направленные на развитие доступности массового спорта среди молодежи Тюменской области, необходимо применять комплексно с учетом складывающей социально-экономической обстановки в регионе, при этом необходим постоянный мониторинг за изменением ситуации в массовом спорте для своевременной корректировки принимаемых мер.

Список литературы

1. Гафиатулина Н.Х. Социальное здоровье молодежи в контексте современных инноваций в российском обществе // Инновационная наука и современное общество: Сб. статей Междунар. научно-практ. конф. Уфа, 2015. С. 149–153.

2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 21 июл. 2020 г. № 474 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru, https://tass-ru.turbopages.org/tass.ru/s/nacionalnye-proekty/9572117 (дата обращения: 02.02.2023).

3. Официальный сайт ТАСС. URL: https://tass-ru.turbopages.org/tass.ru/s/nacionalnye-proekty/9572117 (дата обращения: 02.02.2023).

4. Стратович А.С. Спорт – основа психического и физического здоровья человека в информационном обществе // Актуальные исследования. 2019. № 3. С. 16–23.

5. Матушанская Е.Е. Место физической культуры и спорта в структуре расходов бюджетной системы Российской Федерации // Вектор экономики. 2018. № 12 (30). С. 91–96.

6. Восколович Н.А., Юнусов Р.И. Проблемы вовлечения российского населения в занятия спортом // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 3. С. 31–41.

7. Миронов В.Д. Способы оптимизации привлечения молодежи к занятиям физической культурой и спортом // Ученые записки Университета Лесгафта. 2020. № 2 (180). С. 259–264.

8. Горшкова Е.А., Михайлова С.В., Чернецов А.А. Муниципальная политика по вовлечению молодёжи в физическую культуру и спорт // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2018. № 2. С. 74–80.

9. Гусинец Е.В. Особенности развития отрасли «Физическая культура и спорт» в Республике Беларусь // Экономика и банки. 2019. № 1. С. 67–76.

10. Официальный сайт «Единая Россия». Тюменская область. URL: https://tyumen.er.ru/activity/news/tyumenskaya-oblast-operezhaet-obsherossijskie-pokazateli-po-kolichestvu-sistematicheski-zanimayushihsya-sportom (дата обращения: 03.02.2023).

11. Олонец С.Б., Кадыров А.М., Олонец Л.К. Физкультурно-спортивная деятельность в среде студенческой молодежи как главный фактор повышения потенциала здоровья // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 6. С. 31–34.

12. Об утверждении государственной программы Тюменской области «Развитие физической культуры, спорта и дополнительного образования»: постановление Правительства Тюменской области от 3 дек. 2018 № 454-п (с изменениями от 14.12.2020 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.02.2023).

13. Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. URL: https://admtyumen.ru/ (дата обращения: 03.02.2023).

14. Официальный сайт «Тюменская область сегодня». URL: https://tumentoday.ru/2022/02/01/tyumenskaya-oblast-na-federalnye-dengi-postroit-umnye-sportploshadki/ (дата обращения: 03.02.2023).

15. Ганин П.А. Проблемы развития массового спорта в России // Омский научный вестник. 2015. № 4. С. 239–240.

16. Аллянов Ю.Н., Белогорцева Ю.А., Киртбая И.В. Теоретические основы местного самоуправления и развития физической культуры и спорта в муниципальном образовании // Транспортное дело России. 2014. № 1. С. 96–99.

17. Воронина В.Т. Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне» (ВФСК ГТО) как фактор развития массового спорта // Региональный вестник. 2018. № 6 (15). С. 9–11.

18. Официальный сайт 72RU. URL: https://72.ru/text/economics/2021/11/04/70233155/ (дата обращения: 02.02.2023).

19. Перькова Е.Ю. О финансировании массового спорта в федеральных округах России // АНИ: экономика и управление. 2020. № 4 (33). С. 264–266.

20. Болозин А.А. Доступность массового спорта для современной российской молодёжи // Социально-гуманитарные знания. 2018. №11. С. 135 – 142.

21. Официальный сайт 72RU. URL: https://72.ru/text/job/2022/03/20/70519676/ (дата обращения: 03.02.2023).

22. Бауэр В.Г. Социальная значимость физкультуры и спорта в современных условиях развития России // Теория и практика физической культуры. 2019. № 1. С. 50–56.

PROBLEMS OF ENSURING THE ACCESSIBILITY OF MASS YOUTH SPORTS IN THE TYUMEN REGION

V.S. Andreyev

Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The development of physical culture and mass sports is a strategically important direction of state policy in the Russian Federation. Currently, much attention is paid to the development of mass sports among young people, both at the federal and regional levels of government. Involving young people in physical culture and sports, as well as instilling in them the desire to lead a healthy lifestyle, are priority areas for the work of state authorities at all levels. Youth is an important social group of modern society and has a significant impact on its formation and development in the future. The formation and development of youth takes place within the framework of basic social institutions. A special place belongs to the Institute of Physical Culture and Sports, whose activities are aimed at promoting the values of abandoning bad habits and maintaining a healthy lifestyle in society. The author of the article carried out a statistical analysis of the development of mass sports in the Tyumen region. The achieved and planned quantitative indicators of the involvement of the population of the region in systematic sports are considered. The research work analyzes the measures taken to increase the level of development of mass youth sports in the Tyumen region. The main reasons hindering the development of the accessibility of mass sports for young people are identified and possible solutions to these problems are proposed.

Keywords: physical culture, mass sports, sports for all, youth, mass sports events.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2023_3_154

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СЕРБСКОЙ И РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

© 2023 г.

М. Мишлянов

Мишлянов Мария, аспирантка кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
maja.misljanov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 12.12.2022
Статья принята к публикации 21.07.2023

Рассматриваются вопросы основных тенденций развития современной сербской и российской семьи. Мы являемся свидетелями глобальных изменений, которые отражаются и на семье. Об этом говорит официальная статистика Сербии и России, которая анализируется с 1950-х гг. до наших дней. Наблюдается заметный рост разводов, существует тенденция к снижению числа зарегистрированных браков и появлению внебрачных союзов. Как и в большинстве развитых стран, заметна тенденция депопуляции. Мнения исследователей разделились: обязательно ли наблюдаемые тенденции плохи или есть положительные изменения в современной семье, такие как гендерное равенство, например. Ответы ищутся через анализ исторического и экономического развития государств. Тема актуальна, и многие исследователи занимаются поиском причин этих явлений. Статистические данные, приводимые на государственном уровне, являются всеобъемлющими и важными для анализа этих явлений. Государства разрабатывают социальную политику, чтобы смягчить проявления негативных тенденций.

Ключевые слова: семья, Сербия, Россия, тенденции трансформации социальных институтов, государственная статистика.

Увод

Једна од најпознатијих дефиниција породице подразумева да породица представља основну ћелију друштва [1]. Породицом као социјалном групом се баве многе науке, разматрају њене функције, као што су биолошка, материјално-економска, емоционално-подржавајућа и тако даље, а са друге стране, појавила се и потреба да се породица дефинише законима.

У Србији је «Породичним законом» (2005) загарантована је заштита породице. Брак се дефинише као законом регулисани савез мушкарца и жене, који су равноправни по својим правима. Интересантно је то што се овим законом признаје ванбрачна заједница, где супружници имају иста права и обавезе као и супружници који су регистровали брачну заједницу. Када је реч о рођењу деце, родитељска права и обавезе мајке и очеви подједнако деле. Родитељи су равноправни у погледу права. Супружници су дужни да се међусобно уважавају и помажу. Имовина супружника може бити заједничка или посебна и закон је предвидео могућност брачног диговора. Када је реч о крају брака, брак се завршава смрћу једног од супружника, поништењем или разводом брака. Супружници имају право на развод брака, који у писаној форми, обавезно укључује споразум о поверавању малолетне деце и о подели заједничке имовине. Уколико супружници не могу да постигну договор у погледу развода брака, обраћају се суду. Свако од супружника има право на развод, уколико су супружнички односи озбиљно и трајно нарушени или уколико се заједница живота супружника објективно не може постићи [2].

У „Породичном кодексу Руске Федерације“ постоји део о закључењу и разводу брака. Брак, је као и у Србији, добровољни, званично регистровани савез мушкарца и жене. Развод је званични крај брака, преко државних органа, а на захтев једног или оба супружника или услед смрти једног од супружника [3, 4].

Према званичној статистици Србије и Русије, у обе државе се уочавају тенденције, као што су повећање броја развода бракова, као и повећање броја ванбрачних заједница [5, 6]. Ове тенденције су привукле пажњу научника, који су предвидели распад породице [7], као и других научника, који имају оптимистичнији поглед на ове промене и сматрају да ће институт породице постојати и у будућности, као и да наведене тенденције нису нужно негативне [8]. Тема је актуелна и државе се старају да стимулишу позитивне тенденције помоћу социјалне политике. Промене у породици су неизбежне и поставља се питање због чега се повећава број развода, као и број ванбрачних заједница, те се при том смањује

број деце рођених у Србији и Русији, као двема државама које се налазе у сложеном историјском и културолошком моменту.

Када размишљамо о променама у друштву, важно је узети у обзир историјски фактор. Традиционалне вредности су важне за културу обе земље. Историјски и културолошки, и Србија и Русија су прошле кроз фазу социјализма, као државног поретка, за којим је уследио период транзиције, који је уважио и вредности капитализма. Осим тога, у религиозном смислу, православна црква је имала велики утицај на историју обе земље. Циљ овог чланка је анализа и компарација основних тенденција развоја савремене породице у Србији и у Русији.

Методологија
(Теоријско-методолошки приступи)

Ако усмеримо пажњу на тенденције у свету, видећемо да се статистика разликује и да у земљама у којима и даље преовладава утицај традиционалних вредности, као што су на пример арапске земље, број развода брака није велики. Са друге стране, у европским земљама цифре су сличне онима у Србији и у Русији [9]. Такође, иако су према законима Србије и Русије родитељи равноправни, статистика показује да већина деце разведених родитеља живе са мајкама [10, 5].

Уколико се на кратко осврнемо на историју развоја социологије породице у Русији, можемо уочити неколико периода. У периоду до револуције у Русији црква је имала доминантнан утицај на породичне вредности. Развод у традицији хришћанства се углавном није ни разматрао. После револуције, улога цркве је слабила. У време револуције је постојао институт регистрације брака и људи тога времена су могли да ступају у брак и да се разводе по слободној вољи. Без обзира на велику слободу избора, људи су и даље вредносно били оријентисани ка традиционалним вредностима, које су се предавале са колена на колено, те је из тог разлога број развода остао незнатан. Предпоставља се да су тежа материјална ситуација просечне породице, а такође и ратни период (Грађански рат и Други Светски рат) имали утицаја на то да су традиционалне породичне вредности опстале. Генерације, које су рођене 1970-тих и 1980-тих година имале су боље материјалне услове за живот, стога је економска функција породице слабила. Људи су престајали да се труде да решавају породичне конфликте и проблеме, лакше је било једноставно развести се. Један од разлога продужених постразводних конфликата је управо подела имовине. У Србији и Русији у пракси није распрострањен институт предбрачног уговора и може се предпоставити да у погледу таквог чина постоје предрасуде, те да се сматра актом који противуречи вредностима породице и љубави. У Србији и Русији предбрачни уговор се искључиво односи на имовину супружника [9, 11].

О савременим тенденцијама у друштвима која се приклањају капитализму, писао је чувени немачки социолог Ерих Фром, који је у својој књизи „Бекство од слободе“ указао на ирационслне покушаје да се избегне или умањи значај несносног осећаја отуђења савременог човека, који напротив, још више појачава осећање бесмисла. Фром је издвојио три основна механизма бекства: ауторитаризам, деструктивност и конформизам. Прва два механизма су карактеристична за тоталитарна друштва, а трећи за савремено демократско друштво [12]. У књизи „Здраво друштво“ Фром даље истражује бекство човека у претерани конформизам, а такође и указује на опасност од роботизације у савременом индустријском друштву [13]. Савремене тенденције у многоме потврђују Фромову теорију. Данас широко распрострањене западне вредности индивидуализма и доминантног рационалног делања у односу на моралне норме се уклапају у овакве тенденције [14].

Гурко у својем научном чланку описује предмете истраживања социологије породице који су били актуелни у различитим периодима руског друштва. Крајем 19. века и почетком 20. века руски филозофи су се бавили темом еманципације жена, као и питањима ентитета љубави и породице. Руски филозоф тога времена, Сорокин, истраживао је нове тенденције на примеру градских породица. Показатељи породичне кризе укључивали су, између осталог, раст броја развода и ванбрачних заједница, проституцију, смањење наталитета, слабљење заштите брачних вредности од стране државе. Међу важним узроцима породичне кризе истакао је факторе, који су и данас важни, као што је значај индивидуализма, утицај економије и промену начина живота у градовима, те слабљење улоге религије у животима људи. Он је такође оценио да је основна тенденција у развоју породичних односа слабљење патријархата. У периоду после Другог Светског рата, а посебно током 60-тих година 20. века, са развојем индустрије, проблеми емпиријских истраживања били су повезани са трансформацијом брачних и породичних односа у периоду урбанизације и индустријализације, нарочито са значајним скоком развода после либерализације законо-

давства. У том периоду, рад Харчева (видети у Гурко, 2018), показујући кризу породице у буржоаском друштву, редефинише значење института породице са марксистичке позиције и доказује важност ових института с тачке васпитања деце и хармоничног развоја личности. Како су совјетске жене све више постајале део друштвене производње, социолози су почели да указују на проблем двоструког радног дана жена које су у браку. С модернизацијом Совјетског Савеза, наталитет је почео да опада, посебно у великим градовима европског дела земље. Совјетски демографи (као и пре тога у западним земљама), према овој тенденцији су имали две супротстављене позиције- криза породице и модернизација породице, које у одређеној мери одражавају конзервативну и либералну идеологију. Осамдесетих година 20. века у Совјетском Савезу је била популарна функционалистичка теорија социологије породице. Учење Т. Парсонса да породица испуњава основне функције- биолошку, социјализацију деце у односу на културолошке вредности и норме друштва и стабилизацију његових чланова, у потпуности се приписује општој идеологији развоја социјалистичког друштва. Са друге стране, у складу са идеологијом марксистичког феминизма, жене би требало да буду економски независне, активно учествују у друштвеном животу, а децу треба да васпитавају институције друштва. Резултат тога је теоријско спајање функционализма и марксизма. Деведесетих година 20. века се уочава дестабилизација брака, због чега су се истраживања фокусирала и на потребе младе породице, а такође и на појаве нетипичних породица, као што су породице са више деце или са децом инвалидима. Присутне су теме као што су слиоженост односа међу женама и мушкарцима у браку и после развода, укључујући и сексуалне односе, расподелу супружничких и родитељских улога у разним етапама живота. Посебна пажња је била на проблемима узрока и последица развода, насиља у породици, ефективности система државне бриге о деци, дефиницији појма породица у циљу прилагођавања породичне политике и тако даље. Теорија размене и феминистичка теорија су послужили као основа за изучавање перцепције понашања мужева и жена у различитим сферама породичног живота, расподеле родитељских улога, фактора задовољства браком. Данас се тема васпитавања деце све чешће јавља независно. Главни фокус је на анализи динамике васпитних пракси мајки и очева, нарочито после развода, развој препорука у погледу проблема породичне заштите деце, а такође и законодавства везаног за давање новца за издржавање детета. Са појавом нових пракси закључивања уговора приватног живота, репродуктивних технологија, интересовање за њихово проучавање такође расте- познанства и бракови у зрелом узрасту, проблем економски зависних мужева, сурогат мајки, последице виртуалних познанстава итд. У погледу реализације концепције породичне политике Руске Федерације, научници се интересују за ефективност мера донетих на државном нивоу у односу на део социјалне и демографске политике у области наталитета, добростања деце и родитеља [15].

Студије спроведене у Србији деведесетих година 20. века указују на перцепције промена у породичном животу. Научници су у тој области већ приметили спору модернизацију породице и брака. (Бобић, 2003; Милић, 2009; Милић, 2010; Благојевић, 2002, Ажин, 2006 видети у Бобић, 2010). Открили су да су процеси депатриархализације и детрадиционализације почели почетком 20. века. Друштвени преокрети довели су до повратка старих образаца породичног живота и повратка младих људи у примарну породицу или остајања код родитеља после брака. Стварање породица неколико генерација због неповољних друштвених околности довело је до прекида интеракције, повећања броја конфликата, промене улога које захтевају заједнички живот. Да промене у друштвеном контексту имају значајан утицај на функционисање породице потврђује студија која је спроведена двадесетак година касније. Тако Благојевић Хагсон (2017) региструје промене у партнерствима. Она је веровала да је кредибилитет жена на микро нивоу ојачан и да је сада већа вероватноћа да ће брачни парови доносити заједничке одлуке о већим улагањима у домаћинства него почетком другог миленијума, када такве одлуке најчешће доносе мушкарци. Егалитаризам у браку је већи ако је жена образованија. Ове значајне промене у породичним односима догодиле су се у релативно кратком временском периоду. Социолози такође уочавају појаву нових облика породице у домаћем контексту. Када је реч о модерним облицима породице, Бобић (2003) је открила да су родне улоге и партнерске интеракције у овим породичним облицима углавном традиционалне. Мајка брине о деци, док отац обезбеђује породицу. Жена се прилагођава мушкарцу, конфликти се избегавају, нема преговора, док се кућни послови сматрају уобичајеним. Поред тога, социолози су приметили повећање броја породица самохраних родитеља и они су само екстремни показатељ трендова модернизације.

Саможртвујући микроматријархат подразумева да родитељи, посебно мајке, треба да се жртвују зарад своје деце. Самохране породице и породице после развода ретко су израз алтернативног начина живота, већ последица нестабилних партнерстава. (Томановић, Љубичић, Станојевић, 2014: 216 видети у Љубичић и Драгишић Лабас, 2019). Поред тога, утврђено је да је већа вероватно да ће се ове породице суочити са материјалним и стамбеним проблемима у поређењу са породицама са два родитеља, да не могу да се ослоне на формалне услуге подршке, да родитељи, најчешће мајке, имају ниске плате. Социолози су такође покренули теме очинства и улоге очева у породицама. Значајна студија ове врсте је „Ново очинство у Србији“ (Станојевић 2018, видети у Љубичић и Драгишић Лабас, 2019). Анализирајући породичну динамику, аутор је дошао до закључка да спремност очева да се укључе у бригу о деци и одговорности домаћинства иде заједно са степеном интимности између партнера. Такође је утврђено да је мања вероватноћа да ће се ангажовати око деце очеви који су традиционалнији, они који живе у проширеној породици, и они са више потомака [16].

Студија о утицају макросистема на породицу у Србији добија свој посебан израз у студијама о младима. Једно од њих је истраживање Young Our Present (Tomanović et al., 2012, видети у Любичић и Драгишић Лабаш, 2019). Упоређујући резултате ове студије са девет година раније рађеним студијама, констатовано је да је значајан број младих људи и даље финансијски и у погледу становања зависно од њихових родитеља и да је ретрадиционализација у стамбеним стратегијама (живот са родитељима у проширеној породици) заправо принудно решење. Због недостатка мера државне подршке младима, најважнији извори подршке су родитељи и непосредни социјални ресурси, на које се ослањају чак и за запошљавање. Када је реч о субјективној димензији одрастања, једна студија у Србији показала је да и објективно присутна друштвена ограничења са којима се суочавају млади људи и породичне карактеристике играју важну улогу у разумевању себе као (не)одрасле особе. Вреди напоменути да је већа вероватноћа да ће се млади људи чије су породице егзистенцијално угроженије више ослањати на непосредну социјалну околину, док су њихови вршњаци из богатијих породица више фокусирани на индивидуализацију [16].

У Србији је током такозваног транзиционог периода, то јест током преласка са социјалистичког на капиталистички социјални систем, дошло до додатне економске нестабилности и многи људи су остали без посла. У периоду пре тога Србија је доживела ратове и санкције. Имајући у обзир све наведено, као и тренд демографског старења, дошло је до повећања броја вишегенерацијских породица. Овај тренд се може посматрати кроз теорије међугенерацијских солидарности и међугенерацијских амбивалентности. Бобић истиче да поред најчешће наведених карактеристика "друге демографске транзиције" на породичном нивоу, можемо издвојити карактеристике, као што су 1. прелазак из брака у кохабитацију, 2. од "детецентричне" породице до партнерства, 3. од такозване "превентивне контрацепције", која се односи на избегавање рођења трећег и четвртог детета, до "концепта самоостварења", који подразумева планирање зачећа, 4 . од хомогених породица и домаћинстава до различитих облика породице, а тренд демографског старења изазива промену става према традиционалној институцији брака (Bobić, 2003: 69 видети у Влаић, 2021), који има потенцијал да закомпликује међугенерацијске односе. Трендови у Србији указују на све већи значај сродства и проширених породичних односа као на велики ресурс када је у питању економска и емотивна подршка породице. Стварање нових извора међугенерацијских солидарности често измиче из поља теоретичарима који, као део конзервативног дискурса о "кризи породице" и "нестанку породичних вредности", страхују да прелазак са колективне на индивидуалистичке вредности и појава "културе нарцизма" (Лаш, 1986, видети у Влаић, 2021) може да поткопа идеологију фамилизма. С обзиром на то да демографски трендови у великој мери обликују породичне структуре, обрасци на општем нивоу популације такође утичу на састав породица. У том смислу, савремени мултигенерацијски, стуб изграђен преко три или чак четири генерације указује и на истицање универзалне доминације парсонског модела нуклеарне породице. На примеру савремених вишегенерацијских породица, постоји логична и емпиријска разлика између концепата "породице" и "домаћинства", где је кључна детерминанта прве сродство, а друге место боравка. Темпо транзиција, или трајање и след кључних догађаја у друштвеном контексту од изузетног су значаја за проучавање односа између генерација. Поменута тенденција је произашла с кашњењем у постсоцијалистичким друштвима, као и узимајући у обзир резултате истраживања по преласку у одраслу доб живота у Србији за последње две деценије поставља питања о њеном дугорочном утицају на међугенерацијски односе (Tomanović et al., 2012; Tomanović et al.,

2015, видети у Влаић, 2021). Феномен "продужене младости", тежи приступ основним материјалним ресурсима, разна културна ограничења као што су патернализам и инфантилизација детета, одлагање формирања породичне оријентације и дужи боравак младих људи у породици порекла неки су од закључака ових студија, који указују на неизбежно присуство међугенерацијске амбивалентности. Теорија међугенерацијских амбивалентности може бити корисна за разумевање специфичности међугенерацијских односа у постсоцијалистичким друштвима. С обзиром на то да је период обнове капитализма у Србији обележен урушавањем система социјалне заштите и сужавањем његове сфере, неразвијени систем институционалне подршке и недостатак различитих ресурса надокнађени су пребацивање одговорности на појединачну групу и појединачне актере, што је обезбеђено специфичним нормативним контекстом, пре свега породичном идеологијом (Milić, 2007: 224, видети у Влаић, 2021). С обзиром на то да нормативне премисе породичне идеологије симболично генерализују патријархатско и традиционалистичко вредносно опредељење, фамилијализам и ослањање на међугенерацијски пренос и присилну породичну солидарност постају тиха државна стратегија која маскира неефикасност и неприступачност јавних служби. Једна од последица тог друштвеног контекста је стратегија ослањања младих људи на финансијске, стамбене и друге ресурсе породице порекла [17].

Почетком деведесетих година 20. века, спроведено је компаративно истраживање интеракције улога и ставова младих брачних парова у Грузији, Русији, Пољској и САД. Односи у Русији о исправном брачном и породичном понашању формирају се под утицајем масовне културе, као и искуства и традиције непосредног окружења. Утврђене су најзначајније разлике у представама жена и мужева у вези односа патријархат- егалитаризам у брачној интеракцији. Значајан тренд последњих година је раздвајање родитељских и брачних односа. То се огледа у широкој расподели једнородитељских (пре свега мајчинских) породица и повећању броја брачних парова који не желе да имају ни једно дете. Пропорција породица самохраних родитеља може се оцењивати само на основу података пописа становништва – 1989. године у Руској Федерацији чинили су 14% (од чега су само 1% породице очева) између осталих врста породица са малолетном децом. Тренд који потврђује горе наведено је раст ванбрачних порођаја, с једне стране, и де факто брачних заједница, с друге стране. С обзиром на све ово, одговор на питање шта је породица данас је комплексан. Данас је, по свему судећи, прикладније говорити не о "породици", већ о породицама. Одговор на питање шта је породица може се састојати или у сужавању опсега концепта, као што неки западни научници сугеришу, на пример у заједницама у којима постоје зависници (малолетници, инвалиди или старији) или у потреби да се разликују различити типови породица као засебне врсте, мале групе. Ово је важно за спровођење емпиријских истраживања, укључујући интеркултурална истраживања. Развој типологија је неопходан и са становишта социјалне политике и научне подршке социјалном раду. Теоријска основа која је важна за савремена истраживања је концепт животног циклуса породице. Фаза животног циклуса, узима у обзир трајање и редослед брака (за потпуне породице), процедуру развода (за самохране породице), узраст детета, период током којег мајка не ради ван дома. Заправо, идеја разликовања фаза циклуса породичног живота (као у развојној психологији) су специфични задаци које породица као група мора да реши како би успешно функционисала у будућности. Очигледно је да су типичне фазе животног циклуса различите у различитим историјским периодима и у различитим културама, на пример, у Русији брак деце обично није био праћен одвајањем од родитељске породице. У вези са фазама циклуса породичног живота, кризно друштво производи много различитих врста стресора: губитак или промену посла, промену боравка, нерешив стамбени проблем, погоршање материјалног нивоа итд. Утицај разних врста стресних догађаја који потенцијално изазивају породични стрес је динамичан критеријум за типологију породица. Ове кризе могу бити нормативне и очекиване, као што су рођење детета, смрт старије особе итд., и ненормативне или неочекиване, као што су развод, рат итд. Породице које се издвајају по природи активирајућег догађаја, као што су имигрантске породице, релативно су проучаване у иностранству и обично се анализирају у оквиру теорије породичног стреса, која се јавља развојем идеје структуралног функционализма. У поређењу са развијеним земљама, које су већ створиле посебне услуге за помоћ особама у кризним ситуацијама, породице у Русији су и даље углавном усамљене у ситуацијама као што су брига о болеснима и старијима, психотерапеутске услуге и слично, иако економски стандард за већину становништва није висок. Ширење вредности индивидуализма и хедонизма, непромишљено наметнути најгори

примери стране масовне културе, алкохолизација становништва, међуетнички сукоби стварају многе нове препреке успешном функционисању породица. Излаз из ове ситуације може бити ослањање на оживљавање колективистичких вредности и добро промишљену социјалну политику у Русији [14].

У Србији 2003. године у оквиру пројекта „Трансформација социјалних група у Србији“ спроведено је истраживање репрезентативног узорка домаћинстава, чија је сврха проучавање неких одлика трансформације система одгајања деце у Србији. Концепти на којима је студија заснована су културни и друштвени капитал, који су везани за васпитање деце и њену трансформацију. Србија такође пролази кроз промене у саставу модерне породице, као што су несклад језгра нуклеарног сродства кроз развод, ванбрачне порођаје и напуштање родитељства, као и процеси детрадиционализације и индивидуализације. Постоје три различита мишљења о овим променама. Прво мишљење је да промене имају негативан утицај – у породичном животу постоји пропадање и деморализација, процеси детрадиционализације и индивидуализације слабе друштвене везе и наносе штету социјалној кохезији. Према другом, напротив, промена има позитиван утицај – трансформацију карактеришу демократизација и егалитаризам; промене су промениле искуство љубави, сексуалности и породичног живота; Прелазак са неопходности заједнице на слободан избор; Пријатељство је централно за међумесне односе, пружање социјалне и емоционалне подршке и осећај колективитета. Према трећем мишљењу, суштински се ништа није променило - било какве промене се доводе у питање; наглашава се континуитет подела, друштвених разједињености, односа моћи и неједнакости као кључа за разумевање интимних односа и друштвеног капитала. Према студијама о родитељству у постсоцијалистичкој трансформацији у Србији, породица је, с једне стране, нестабилна, с друге стране, пружа подршку и тиме ублажује потешкоће са којима се особа суочава. Породице у Србији припадају културном моделу јужне Европе због интеграционе везе и подршке коју родитељи пружају деци током целог живота (финансијска помоћ, смештај, нега и брига о деци). Због тога се често формира модел васпитања као жртве. Она игра кључну улогу за жене у одржавању и развоју неформалних мрежа подршке и помоћи оптерећеног материјалном оскудицом и социјалном кризом, која је извор сукоба у породици и узрок фрустрације [18]. Неки аутори (Berger and Berger, 1983, види у Томановић, 2019) верују да такве концептуализације отежавају проучавање породице. У друштву се чак и у академском дискурсу из прошлог века често могу чути мишљења конзервативних мислилаца о пропадању традиционалне или касније буржоаске породице (на пример, Popenoe, 1988; 1993 видети у Томановић, 2019), а такође и последична предвиђања о њеном нестанку. На другом крају идеолошког позиционирања били су радикални захтеви нове левице и феминисткиња да се одбаци појам породице као идеолошке конструкције (Barrett, McIntosh, 1982 видети у Томановић, 2019), мислећи на застарелу институцију угњетавања појединца [19].

Развод или слом брака рангирани су високо на разним скалама стреса. То је драматичан тренутак у породичном животу када се урушава постојећа веза пара, када две особе, као резултат породичних сукоба или свести о емоционалном отуђењу, одлучују да раскину како би живеле одвојено или наставиле потрагу за личном срећом. Према статистичким подацима, Русија је једна од водећих земаља у погледу броја развода. Тренутно се сваки други брак распада, или на сваких 10 закључених бракова постоји 5–6 развода. Многе студије су сагледале разлоге ове ситуације и једна од студија је показала следеће резултате: 23% развода је последица прељубе, 18% је последица сиромаштва, 16% је услед недостатка међусобног разумевања и свађа, 15% је због присуства алкохолизма, 12% је због утицаја рођака, 8% је због немогућности да се има дете, 5% због избледелих осећања, 3% су други разлози. Као важан фактор у доношењу одлуке о разводу јавља се број деце. Демографска статистика показује да има више развода у породицама без деце и породицама са једним дететом него у породицама са двоје или више деце. Већина развода се дешава у 5–9 година породичног живота и за прве 4 године породичног живота постоји око 40% развода, а за 9 – око 2/3 њиховог укупног броја. Са растом финансијске независности и економском независношћу жена, институција брака губи свој некадашњи значај за њих [20].

Друга студија у Русији наглашава проблем повећања броја развода у породици, као и смањење броја званичних бракова. Такође се узима у обзир теорија животних циклуса породице Дувалла и наглашава велики број развода за годину или две након венчања, као и период од 5 до 9 година брака као посебно кризни период. Због чињенице да постоји низ бракова који проистичу из непланиране трудноће жене и под претпоставком да се пре брака млади нису довољно познавали, може доћи до краха идеалне слике партнера и сукоба.

Поред тога, са рођењем првог детета у породици могу настати потешкоће у односима повезане са појавом нових, раније неразвијених обавеза супружника за бригу о детету. Када говоримо о разлозима смањења броја бракова и повећању броја развода постоји неколико фактора попут погрешног начина живота повезаног са алкохолизмом и зависношћу од дроге, имајући у виду да Русија последњих година заузима злогласно 4. место на ранг листи земаља света по количини алкохола који се конзумира по глави становника према Светској здравственој организацији (World Health Organization (WHO)).

Важан разлог, али статистички гледано, мали број развода се јавља и услед менталне или физичке болести једног од супружника. Прилично редак разлог је присуство криминалног досијеа супружника. Као веома важан разлог за развод је недостатак сопственог стамбеног простора, што доводи до уплитања рођака у породични живот и често изазива сукобе директно између супружника, као и између супружника и њихових рођака. Један од савремених разлога је и коришћење интернета и друштвених мрежа, где се могу стећи нова познанства, те појава зависности од видео игара. Иако је статистика забрињавајућа, када су Русе 2017. године упитали "Шта је основа брака?", скоро 80% испитаника је рекло љубав [7].

Један од честих узрока развода је кохабитација без регистрације брака. Слично томе, статистика указује на то да како се број деце у породици повећава, вероватноћа да ће супружници одлучити да се разведу се смањује. У контексту данашњих проблема, често супружници не могу да имају децу или не желе да буду родитељи. Када је реч о Србији, утврђено је да прекомерна конзумација алкохола постаје све учесталија. Посебно забрињава све већи број младих међу конзументима ове супстанце (Министарство здравља РС, 2013, према Драгишић Лабаш, 2017. видети у Љубичић и Драгишић Лабаш, 2019). На пример, истраживање спроведено на репрезентативном узорку испитаника потврдило је да 45.2% младих (17–35 година) пије алкохол најмање једном недељно и око 15% чешће него једном недељно (Tomanović, Stanojević, 2015: 65 види у Любичић и Драгишић Лабаш, 2019). Високи степени отуђености, хедонизма и потрошачке идеологије који карактеришу сва постмодерна друштва, укључујући и Србију, важни су фактори који младе воде ка злоупотреби супстанци (Dragišić Labaš, 2017, Dragišić Labaš, Ljubičić, 2018 смотри в Любичич и Драгишич Лабаш, 2019) [16]. Када је реч о насиљу у породици, сазнајемо драгоцене податке из социолошких истраживања о степену виктимизације као резултата насиља у породици, карактеристикама жртава и факторима ризика. Бабовић , Гинић и Вуковић (2010 видети у Љубичић и Драгишић Лабас, 2019) препознали су факторе ризика: низак социјално-економски статус, економска зависност жена и вредносна оријентација партнера, као и зависност од алкохола и дрога, учешће у ратовима једног од чланова породице деведесетих година. И Драгишић Лабаш (2019b, видети у Љубичић и Драгишић Лабаш, 2019) дошао је до сличних закључака у својој студији о виктимизацији жена у породицама у којима су присутни проблеми са алкохолом. Жене које долазе из ових породица карактерише мање повољна финансијска ситуација, као и већа стопа незапослености и нижи ниво образовања у поређењу са испитаницима из породица чији партнери немају проблема са алкохолом [16].

Резултати и анализа резултата истраживања

Извор социолошких података у контексту овог истраживања су базе података Федералне државне службе Русије (Росстат) и Државне статистике Србије [5, 6].

У Русији, спровођење статистичких истраживања на државном нивоу има дугу историју. У циљу идентификовања актуелних трендова и потреба популационе политике, често се спроводе истраживања, а један од најсвеобухватнијих, наравно, јесте попис који се спроводи сваких десет година и у Русији и у Србији.

Свеобухватни попис становништва у Русији је 2002. године био спроведен на основу Федералног закона о свеобухватном попису становништва Росстат-а. У том периоду спроведена су статистичка истраживања великих размера: Сверуски пољопривредни попис из 2006, Сверуски попис становништва из 2010. Процењује се да је број становника Русије у 2021. години 143.4 милиона становника [6]. Спровођење пописа становништва има веома дугу традицију и у Србији, од 1834. године, када је спроведен први попис на територији тадашње Србије у савременом смислу тог термина. У периоду после Другог светског рата, у Републици Србији спроведено је осам пописа: 1948, 1953, 1961, 1971, 1981, 1991, 2002. и 2011. Процењује се да је број становника Републике Србије у 2021. години 6.834.326 становника. Стопа раста становништва, у поређењу са претходном годином, негативна је и сада је -9,4 на 1000 становника. Према демографској

Табела 1

Промене у броју породица и броју деце у Русији карактеришу следећи подаци из 2002 и 2010 године (portret-russia 2010.pdf)

	Укупно	На сваких 1000 породица које имају децу млађу од 18 година				
		с 1 дететом	с 2 деце	с 3 деце	с 4 деце	с 5 и више деце
Породичне јединице са децом млађом од 18 година						
2002 г.	21004429	677	269	41	9	4
2010 г.	17285907	675	267	45	9	4
Супружнички пар са децом						
2002 г.	14682542	626	310	48	11	5
2010 г.	11635272	611	317	55	12	5
Мајке са децом						
2002 г.	5637820	793	175	25	5	2
2010 г.	5002597	801	168	24	5	2
Очеви са децом						
2002 г.	684067	822	150	21	5	2
2010 г.	648038	841	137	18	3	1

статистици из 2021. године, стопа природног повећања је –10.9‰. Стопа рађања је 9.1‰ а стопа смртности је 20.0‰. Од 1999. године Завод за статистику Републике Србије нема никакве податке о реонима Косова и Метохије [2, 5].

Према статистици Завода за статистику Републике Србије, главни демографски трендови се не разликују од трендова примећених у Руској Федерацији. У Србији, као и у Русији, постоје трендови као што су нуклеаризација породице, смањење наталитета, смањење стопе регистрованих бракова, висока стопа развода, повећање броја нерегистрованих кохабитација и повећање стопе рађања ван брака [2, 5, 21].

Састав домаћинстава

У домаћинствима у Русији која чине 2 или више људи, 23 милиона домаћинстава, или 57%, састоји се од једног брачног пара (укључујући домаћинства која укључују једног од родитеља супружника). Преостала домаћинства могу имати неколико брачних парова и/или укључивати самохране мајке (или очеве) са децом и/или другим рођацима и не-рођацима. С тим у вези, породичне јединице су одвојене од састава домаћинстава. Подаци о породичним јединицама дају тачан број великих породица и породица у којима децу васпитава само један од родитеља. Табела 1 приказује податке о последња два пописа у Русији.

Анализирајући младе породичне јединице 2002. године, где су родитељи млађи од 35 година, 17% њих су брачни парови без деце, 50% су брачни парови са децом, 30% самохране мајке са децом, а 3% самохрани очеви са децом. Међу младим брачним паровима са децом, 65% има 1 дете, 30% има 2 детета, 4% троје деце, 1% четворо или више деце. Међу младим самохраним мајкама 80% има 1 дете, 17% има 2 детета, 3% троје или више деце. Међу самохраним очевима 87% има 1 дете, 12% има двоје деце, 1% троје или више деце [6].

Према последњем истраживању Федералне државне службе за статистику из 2009 и 2012. године, одгајање детета и мушкарци и жене сматрају важним животним циљем. С друге стране, афирмише се важност одгајања детета у финансијски добрим условима. Регистрација брачних односа и заједничког боравка породице није обавезна. Руси имају либералније ставове када је у питању одгајање детета у разним породичним групама/везама (нерегистровано, непотпуно, нерезидентно, поновљено итд.). Такође, рођење више од једног детета није приоритет за Русе. Генерално, око 85% испитаника сматра да је изузетно важно "имати децу", а само 5% не сматра да су деца главни животни циљ. Истовремено, професионална достигнућа нису ништа мање важна и за мушкарце и за жене. Резултати показују да, упркос негативним статистичким подацима, не треба закључити да породица и деца губе улогу основних друштвених вредности. Друга ствар је да сама породица и однос између чланова породичне групе могу да се промене и разликују од традиционалне идеје о њој [8].

У Србији су, према породичном саставу, најчешћа једночлана домаћинства брачних/нерегистрованих парова са децом (свако треће домаћинство, односно 36.4%), а следе једночлана домаћинства, која чине 22.3% од укупног броја домаћинстава које прате домаћинства брачних/нерегистрованих парова без деце (18.5%). Од 2.125.772 породице које су, према попису из 2011. године, у Републици Србији, скоро половина (48.9%) су брачни парови са децом. То прате породице као што је брачни пар без деце (28.3%), а следе породице као што су мајке са децом (13.7%), док најнижи проценат породица у укупном броју су отац са децом (3.6%), нерегистрован пар са децом

Табела 2

Домаћинства у Србији по саставу породице према попису из 2011
(G20222055.pdf (stat.gov.rs))

Укупно	**2487886**
Породична домаћинства	**1887179**
Без других чланова	1613170
С другим члановима	274009
Домаћинства са једном породицом	**1663729**
Без других чланова	**1418078**
Супружнички пар /нерегистрован пар без деце	412691
Супружнички пар /нерегистрован пар са децом	750986
Мајка са децом	204754
Отац са децом	49647
С другим члановима	**245651**
Супружнички пар /нерегистрован пар без деце	46434
Супружнички пар /нерегистрован пар са децом	153891
Мајка са децом	33526
Отац са децом	11800
Домаћинство са две породице	**209026**
Домаћинство са три и више породица	**14424**
Непородична домаћинства	**600707**
Домаћинства која се састоје из једног члана	555467
Домаћинства која се састоје из неколико чланова	45240

(3.2%) и нерегистрован пар без деце (2.3%). У Табели 2 су приказани подаци последњег пописа у Србији 2011. године.

У студији, која је спроведена у Србији 2004. године, узорак је обухватио 1638 људи. Према резултатима, издвојени су следећи типови породице: нуклеарна 57.6%, а проширено домаћинство 42.4%. Најчешће породице имају двоје деце – 57.6%, затим једно дете – 28.7%, а троје – 11.3%, док су најређе породице са четворо или петоро деце – 2.6%. Међу испитаним родитељима постоји сагласност да је породица веома важна – 91.6% њих је таквог мишљења. Када је реч о ослањању на туђу помоћ, родитељи се најчешће ослањају на друге када им је потребна подршка у виду новца, савета или емотивне подршке. Међу родитељима не постоји консензус о томе да ли родитељи данас добијају више, мање или исту помоћ од својих примарних породица него у прошлости (35.4% њих сматра да је подршке мање, 27.8% више, 36.8% сматра да је исто). Врста очекиване помоћи коју су пријавили испитаници у великој мери зависила је од њихове финансијске ситуације, а како се материјална независност повећавала, очекивања ове врсте помоћи су се смањила, а очекивање емоционалне подршке се повећало (слични резултати су добијени приликом поређења по образовању анкетираних родитеља). Студија је показала да су сопствена породица и васпитање деце важни за самоидентификацију и самоостварење појединца [15].

Статистика склопљених бракова и развода

У Русији је 2002. Регистровано више од једног милиона бракова. Пропорција поновног венчања између пописа остаје стабилна и чини 25–28% од укупног броја бракова. Распрострањеност нерегистрованих бракова је феномен карактеристичан за већину европских земаља и у Русији је дошло до повећања броја развода, броја деце рођене ван брака и броја људи који никада нису били у браку. Више од трећине развода је међу младим брачним паровима који су у браку мање од пет година [6].

У Табели 3, приказани су подаци по годинама од 1950. до 2021. године и овде се може видети разлика у броју бракова и развода током времена у Русији.

Из таблице се види да се временом број склопљених бракова умањује, док се у исто време број развода повећава.

Просечна старост супружника у Русији у време ступања у брак је 31 година за мушкарца, 27 година за жену, показују званични подаци из 2017. године. Тако се особе разводе углавном, између 30 и 40 година. Број развода се сада смањује у складу са смањењем броја регистрованих бракова. Међутим , ако уочимо проценте бракова и развода за одређену годину, можемо видети занимљив податак. На пример, проценат бракова и развода за 2011. годину је 50.86%, док је у 2016. однос 61.7%, а за 2017. – 58.24%. Тако се стопа развода у овим годинама значајно повећала у просеку за 10% [7].

Резултати истраживања које је спровео ВЦИОМ указују на трансформацију модерне руске породице. Истраживање је завршено 2007. године и укључило је 1 600 људи у узорак. Шта савремени брак значи за Русе? Који су његови циљеви и задаци? Како се мењају ставови људи према браку и разводу? Више од

Табела 3

Број склопљених и разведених бракова у Русији
(Демография (rosstat.gov.ru))

Године	Брак		Развод	
	Број	На 1000 људи	Број	На 1000 људи
1950	1222971	12.0	49378	0.5
1960	1499581	12.5	184398	1.5
1970	1319227	10.1	396589	3.0
1980	1464579	10.6	580720	4.2
1990	1319928	8.9	559918	3.8
1995	1075219	7.3	665904	4.5
2000	897327	6.2	627703	4.3
2001	1001589	6.9	763493	5.3
2002	1019762	7.1	853647	5.9
2003	1091778	7.5	798824	5.5
2004	979667	6.8	635835	4.4
2005	1066366	7.4	604942	4.2
2006	1113562	7.8	640837	4.5
2007	1262500	8.8	685910	4.8
2008	1179007	8.3	703412	4.9
2009	1199446	8.4	699430	4.9
2010	1215066	8.5	639321	4.5
2011	1316011	9.2	669376	4.7
2012	1213598	8.5	644101	4.5
2013	1225501	8.5	667971	4.7
2014	1225985	8.4	693730	4.7
2015	1161068	7.9	611646	4.2
2016	985836	6.7	608336	4.1
2017	1049735	7.1	611436	4.2
2018	893039	6.1	583942	4.0
2019	950167	6.5	620730	4.2
2020	770857	5.3	564704	3.9
2021	923550	6.3	644209	4.4

Табела 4

Распоред насељења по ступању у брак (на 1000 људи узраста преко 16 година) према попису из 2010. године
(portret-russia 2010.pdf)

	Никада нису били у браку	У браку	Од тога		Удовци	Званично разведени бракови	Растављени
			У регистрованом браку	У нерегистрованом браку			
Руска Федерација	**207**	**573**	**497**	**76**	**119**	**84**	**17**

половине испитаника сматра да је број породица и бракова у последњих 10–15 година мањи. Међутим, 84% испитаника сматра да брак није застарела заједница. Као најважнију функцију брака, 46% испитаника издвојило је васпитање деце. Око 70% испитаника сматра да се у последњих 10–15 година повећао број развода. Само 12% њих је мишљења да брак треба сачувати по сваку цену. То су чешће представници старије генерације [22].

Статистика бракова у 2021. години у Србији бележи пораст броја бракова за 38.8% у односу на 2020. годину, што је повећање са 23.599 у 2020. години на 32.757 бракова у 2021. години. Медијана старости за жене је 31 година, а за мушкарце 34 године. Истовремено, 26.309 закључених првих бракова указује на повећање од 44.5% у односу на 2020. годину. Број бракова на 1.000 становника је 4.8. Просечна старост младожење је 34.3 године, а младе 31.1 година. У 2021. години број развода показује повећање од 12.7% у односу на претходну годину и износи 9.790 развода. Табелом 5 приказани су подаци за период од 2011. до 2021. године [5].

Најчешћи су етнички хомогени бракови, или бракови које су закључили супружници исте националности – 28.126 (85.9%). Исти ниво образовања супружника карактеристичан је за највећи број бракова - 22.965 (70.1%), а ако погледамо економске активности младе и младожење, онда су у 24.460 бракова (74.7%), оба супружника економски активна лица. Највећи број бракова закључен је између грађана Републике Србије, тачније 29 696 (90.7%). (Aktuelni demografski pokazatelji (mdpp.gov.rs))

У периоду 2011–2021. година, број бракова на 1000 становника се смањио. У 2021. години број бракова, закључених на 1000 становника био је 4.8 у односу на број бракова из пописа 2011. године, када је био 4.9 на 1000 становника.

Табела 5

Закључени бракови у Србији у односу на узраст мушкарца и жене

(G20222055.pdf (stat.gov.rs))

	2011	2018	2019	2020	2021
Узраст мушкарца					
16–19 година	11	9	5	3	6
20–29	864	890	1 020	705	755
30–39	2 970	2 933	3 270	2 578	2 849
40–49	2 453	3 337	3 430	2 923	3 297
Више од 50 година	1 903	2 727	3 174	2 478	2 883
Неизвесно	50	99	–	–	–
Узраст жене					
16–19 година	38	38	31	24	30
20–29	1 635	1 626	1 897	1 350	1 430
30–39	3 251	3 380	3 683	2 948	3 266
40–49	1 995	3 035	3 166	2 733	3 170
Више од 50 година	1 358	1 751	2 123	1 632	1 891
Неизвесно	74	111	–	–	–
Укупно	**8 251**	**9 995**	**10 899**	**8 687**	**9 790**

Табела 6

Број закључених и разведених бракова у Србији

(G20222055.pdf (stat.gov.rs))

	2011	2018	2019	2020	2021
Број бракова на 1 000 становника	4.9	5.2	5.1	3.4	4.8
Број развода на 1 000 становника	1.1	1.4	1.6	1.3	1.4
Број развода на 1 000 бракова	230.4	275.2	306.4	368.1	298.9

Табела 7

Разведени бракови по узрасту мушкарца и жене у Србији

(G20222055.pdf (stat.gov.rs))

	2011	2018	2019	2020	2021
Укупно	**8251**	**9995**	**10899**	**8687**	**9790**
Узраст ушкарца					
16–19 година	11	9	5	3	6
20–24	157	210	202	134	144
25–29	707	680	818	571	611
30–34	1363	1290	1513	1094	1240
35–39	1607	1643	1757	1484	1609
40–44	1364	1810	1921	1553	1750
45–49	1089	1527	1509	1370	1547
50–54	815	1104	1262	954	1159
Више од 50 год	1088	1623	1912	1524	1724
Неизвесно	50	99	–	–	–
Узраст жене					
16–19 година	38	38	31	24	30
20–24	460	508	578	364	384
25–29	1175	1118	1319	986	1049
30–34	1701	1517	1806	1380	1509
35–39	1550	1863	1877	1568	1757
40–44	1166	1690	1790	1537	1799
45–49	829	1345	1376	1196	1371
50–54	668	768	936	718	865
Више од 50 год	690	983	1187	914	1026
Неизвесно	74	111	–	–	–

У периоду 2011–2021 година број развода на 1000 становника се повећао. Број развода на 1000 становника у 2021. години је 1.4 и повећава се у поређењу са 2011. годином, када је био 1.1 на 1000 становника.

У Републици Србији је 2021. године разведено 9.790 бракова, односно 12.7% више него претходне године. Број развода на 1.000 становника је 1.4. Просечна старост мужа у разводу је 44.7 година, а жена – 41.2 године. Просеч-

Табела 8

Основни показатељи закључених и разведених бракова у Србији, 2017–2021 г.
(Aktuelni demografski pokazatelji (mdpp.gov.rs))

Република Србија	2017	2018	2019	2020	2021
Број закључених бракова - укупно	36047	36321	35570	23599	32757
Број бракова на 1 000 становника	5.1	5.2	5.1	3.4	4.8
Средњи узраст младожење у моменту закључења брака	34.1	34.2	34.5	34.8	34.3
Средњи узраст невесте у моменту закључења брака	30.8	31.2	31.3	31.5	31.1
Број закључених првих бракова	28919	29005	28113	18209	26309
Средњи узраст младожење у моменту закључења првог брака	31.2	31.3	31.4	31.5	31.5
Средњи узраст невесте у моменту закључења првог брака	28.3	28.5	28.6	28.6	28.7
Број развода - укупно	9262	9995	10899	8687	9790
Број развода на 1 000 становника	1.3	1.4	1.6	1.3	1.4
Број развода на 1 000 закључених бракова	256.9	275.2	306.4	368.1	298.9
Средњи узраст мужа при разводу	43.7	44.1	44.2	44.5	44.7
Средњи узраст жене при разводу	40.2	40.5	40.6	41.0	41.2

Табела 9

Средњи број рођене деце жена на узрасту 40–49 година у Русији
(на 1000 жена узрасне групе, по броју рођене деце) према попису 2010 г.
(portret-russia 2010.pdf)

	Укупно становништво		Градско становништво		Сеоско становништво	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
Руска Федерација	**1852**	**1704**	**1708**	**1560**	**2303**	**2102**

на дужина брака до развода за 2021. годину је 13.7 година [5].

Највећи број развода су бракови са децом – 5.187 (53.0%). Од укупног броја разведених бракова са децом, разведени бракови са једним дететом су најчешћи – 2.670 (51.5%). После развода, малолетна деца су најчешће била поверена мајкама, у 3.600 развода (69.4%). (Aktuelni demografski pokazatelji (mdpp.gov.rs)).

У периоду 2017-2021. број закључених бракова у Републици Србији у просеку износи 32.859 бракова, а просечна стопа брака је 4.7 на 1.000 становника. Просечан број разведених бракова у петогодишњем периоду је 9.727, док просечна стопа на 1.000 становника износи 1.4. Мушкарци и жене се венчавају касније, али се и разводе касније. У просеку, разлика у годинама између супружника је нешто више од три године – мушкарци су обично старији од жена, гледајући и склопљене и разведене бракове. (Aktuelni demografski pokazatelji (mdpp.gov.rs)).

Статистика рађања

У периоду међу пописа у Русији, број домаћинстава без деце млађе од 18 година повећао се за 15%. Домаћинствима, како урбаним тако и сеоским, и даље доминирају домаћинства са 1 дететом.

Међу домаћинствима у Русији, која се састоје из двоје или више људи, 17.9 милиона домаћинстава (44%) имају децу млађу од 18 година (у 2002 години домаћинстава, која имају децу млађу од 18 година је било 52%).

У 2011. години наталитет у Србији је био 9.0‰, а 2021. – 9.1‰. Пропорција жена старости од 15 до 45 година у укупној популацији смањила се са 22.6% (2011) на 21.7% (2021). С друге стране, смртност новорођенчади је знатно смањена са 6.3 на 4.7 смртности новорођенчади на 1.000 живорођених.

Укупна стопа рађања је испод прага за једноставну репродукцију становништва и кретала се од 1.40 (2011) до 1.52 (2021) по жени у последњих десет година. Трендови депопулације становништва са негативном стопом раста и негативним природним прираштајем забележени су у Војводини осамдесетих и у остатку Србије почетком деведесетих година двадесетог века.

Ванбрачне заједнице и ванбрачно рађање деце

Према резултатима пописа из 2011. године у Србији, по брачном статусу, нешто више од половине људи старости 15 и више година је у браку (55%). Око 28% људи никада није било у браку, сваки девети становник је удовац или удовица, док је сваки двадесети становник Републике Србије разведен већ 15 година.

Табела 10

Распоред домаћинстава у Русији по броју деце млађе од 18 година

	Милиони		2010 г. у процентима од 2002 г.	У процентима од укупне вредности	
	2002 г.	2010 г.		2002 г.	2010 г.
Сва домаћинства од 2 или више особе са децом млађом од 18 година	21.2	17.9	84.3	100	100
Од тога:					
с 1 дететом	13.8	11.7	84.6	65.2	65.5
с 2 детета	6.0	4.9	82.4	28.2	27.5
с 3 и више деце	1.4	1.3	89.5	6.6	7.0
Градска домаћинства од 2 или више особе са децом млађом од 18 година	15.6	13.2	84.5	100	100
Од тога:					
с 1 дететом	10.9	9.1	83.8	70.0	69.4
с 2 детета	4.0	3.4	84.5	25.8	25.8
с 3 и више деце	0.7	0.7	95.5	4.2	4.8
Сеоска домаћинства од 2 или више особе са децом млађом од 18 година	5.6	4.7	83.9	100	100
Од тога:					
с 1 дететом	2.9	2.6	87.6	52.2	54.5
с 2 детета	2.0	1.5	78.3	34.7	32.4
с 3 и више деце	0.7	0.6	84.2	13.1	13.1

Табела 11

Рађање жена по узрасту

(G20222055.pdf (stat.gov.rs))

	2002	2011	2019	2020	2021
Општи коецифијент жена по узрасту	43.1	40.2	42.6	41.2	41.9
Мање од 15 година	0.3	0.3	0.4	0.4	0.3
15–19	25.4	18.9	13.6	13.6	13.4
15	4.6	4.5	3.6	3.3	4.0
16	11.3	9.6	7.0	7.0	8.0
17	20.1	14.3	11.7	11.9	11.4
18	32.7	26.8	19.3	18.0	16.6
19	55.8	37.7	27.4	27.9	26.5
20–24	94.8	62.8	56.4	55.0	55.3
20	76.8	47.3	38.3	39.4	38.4
21	87.5	56.1	47.2	44.5	47.1
22	97.3	62.0	56.8	56.9	53.7
23	103.1	71.5	64.4	59.2	62.8
24	108.7	75.6	72.1	71.7	72.9
25-29	104.7	90.1	91.9	90.1	94.5
25	111.8	84.0	79.1	77.8	82.8
26	111.3	91.0	89.7	85.9	87.6
27	106.5	91.8	94.8	91.0	96.1
28	101.5	92.0	98.9	95.4	102.9
29	91.6	91.4	96.3	99.5	102.1
30-34	63.0	72.9	88.3	84.3	86.9
30	87.2	91.3	101.6	98.1	99.8
31	71.7	82.7	96.1	91.0	96.3
32	62.1	73.7	91.3	84.4	87.6
33	50.7	62.3	82.9	77.3	82.9
34	43.3	55.4	71.1	72.1	69.3
35–39	21.5	29.9	43.6	42.9	43.3
40–44	4.0	5.4	9.1	9.3	9.5
45–49	0.2	0.3	0.7	0.8	0.6
Више од 50 година	0.0	0.0	0.1	0.2	0.1
Општи коецифијент рођења	**1.6**	**1.4**	**1.5**	**1.5**	**1.5**

Табела 12

Породични положај становништва у Србији
по подацима пописа 2011 године
(G20222055.pdf (stat.gov.rs))

Укупно	**6161584**
Неожењени/ Неудате	1719959
Ожењени/ Удате	3396240
Удовци/ Удовице	716843
Разведени/ Разведене	303970
Непознато	24572
Мушкарац	**2971868**
Неожењен	988400
Ожењен	1693659
Удовац	154459
Разведен	122619
Непознато	12731
Жена	**3189716**
Неудата	731559
Удата	1702581
Удовица	562384
Разведена	181351
Непознато	11841

Табела 13

Тип породице у Србији по подацима пописа из 2011 године
(G20222055.pdf (stat.gov.rs))

Укупно	2 125 772
Супружнички пар без деце	600 724
Нерегистрован пар без деце	48 943
Супружнички пар с децом	1 040 177
Нерегистровани пар с децом	67 971
Мајка с децом	291 522
Отац с децом	76 435

Закључци

Може се закључити да се промене које се дешавају у породици у Србији дешавају и у суседним земљама. Сличне промене се одвијају и у Русији. Промене су брзе и показују негативне трендове. Традиционална породица пролази кроз промене у складу са глобалним трендовима развијених земаља. С друге стране, у руским и српским породицама резултати многих студија указују на то да породица и деца остају међу значајним вредностима савременог човека. Већина људи жели да оснује породицу и оствари се у улози родитеља. С друге стране, брак више није неодвојива веза, а развод је друштвено прихватљив у данашњем свету. Такође , број деце у породици је мањи, што утиче на виши животни стандард породице. С друге стране, промене у родној равноправности су спорије, а то је посебно евидентно у подели кућних послова у породици.

Список литературы

1. Милић А. Социологија породице: критике и изазови // Чигоја штампа. 2008, с. 354.

2. Кабинет министра без портфеља задуженог за демографију и популацуиону политику Србије [Электронный ресурс]. Aktuelni demografski pokazatelji (mdpp.gov.rs) (приступљено: 26.11.2022).

3. Гурко Т.А. Брак и родительство в России: Институт социологии РАН, М., 2008. С. 325.

4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ [Электронный ресурс] // «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (приступљено: 26.11.2022).

5. Републички завод за статистику (2022): *Статистички годишњак,* Београд. [Електронски ресурс] G20222055.pdf (stat.gov.rs) (приступљено: 26.11.2022).

6. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики (rosstat.gov.ru) (приступљено: 26.11.2022).

7. Жиляева С.К., Юзефович Ж.Ю., Максимова А.А. Анализ статистики браков и разводов в Российской Федерации на современном этапе // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 74–76.

8. Егорова Н.Ю. Трансформации супружества в контексте семейных ценностей // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 18–32.

9. Белкина К.А., Цуканов О.В. История понятия развода и прекращения брака в России // Синергия наук. 2019. № 41. С. 409–413.

10. Кудрявцева Л.В., Дружинина Д.И., Петренко Е.А. Сравнительный анализ брачно-семейных

отношений в РФ и США // Modern Science. 2020. № 12-1. С. 284–287.

11. Породични закон Републике Србије 2005. *Porodični zakon*, Službeni glasnik RS, br. 18/2005, 72/2011- dr. zakoni 6/2015.

12. Фромм Э. Бегство от свободы / Пер. с англ. Г.Ф. Швейника; общ. ред. и послесл. П.С. Гуревича. М.: Прогресс, 1990.

13. Фромм Э. Здоровое общество / Пер. с англ. Т.В. Банкетовой, С.В. Карпушиной. М.: АСТ: Астрель, 2011.

14. Гурко Т.А. Трансформация института современной семьи // СОЦИС. 1995. № 10. С. 95–99.

15. Гурко Т.А. Становление социологии семьи // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 40–52.

16. Любичић, М. И. Драгишић Лабаш, С. Значење социолошких студија спроведених у Србији за развој системске теорије и породичне терапије // Универзитет у Београду, Филозофски факултет. 2019. № 3. С. 779–791.

17. Влаић М. Доминантни теоријски дискурси у изучавању односа међу генерацијама у породици // Универзитет у Београду, Филозофски факултет. 2021. № 4. С. 708–727.

18. Томановић С. Васпитање деце у транзицији: капитал, проблеми, стратегије у Милић А. et al. Социјална трансформација и стратегије социјалних група: свакодневни живот Србије почетком трећег миленијума. Београд, 2004. № 2. С. 153–170.

19. Томановић С. О чему говоримо, када говоримо о породици. Контекстуализација концепција // Универзитет у Београду, Филозофски факултет. 2019. № 3. С. 301–322.

20. Тарасова О.Б., Головина У.А., Филиппова А.А. Статистический анализ разводов в России и причины распада семей // Взаимодействие науки и бизнеса: Сб. научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, Москва, 27 марта 2015 г. М.: ООО «Научный консультант», 2015. С. 151–153.

21. Егорова Н.Ю., Курамшев А.В. Современная российская семья: основные тенденции // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 4. С. 106–118.

22. Пахомова Е.И. Браки и разводы: Что изменилось в представлениях россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2008. № 1. С. 128–135.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE MODERN SERBIAN AND RUSSIAN FAMILY

M. Mishlyanov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The issues of the main tendencies in the development of modern Serbian and Russian families are discussed. We are witnessing global changes that are also reflected in the family. This is evidenced by official Serbian and Russian statistics, which are analyzed from the 1950s to the present day. There has been a noticeable increase in divorce, a downward trend in the number of registered marriages and the emergence of non-marital unions. As in most developed countries, there is a noticeable trend toward depopulation. Opinions of researchers are divided: are the observed trends necessarily bad, or are there positive changes in the modern family, such as gender equality, for example. Answers are sought through an analysis of the historical and economic development of states. The topic is relevant, and many researchers are searching for the causes of these phenomena. State-level statistics are comprehensive and important for analyzing these phenomena. States develop social policies to mitigate negative trends.

Keywords: family, Serbia, Russia, trends in the transformation of social institutions, state statistics.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378
DOI 10.52452/18115942_2023_3_169

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ СФЕРА СОВРЕМЕННЫХ ДЕВУШЕК: АНАЛИЗ СИТУАЦИИ

© 2023 г.

С.В. Акутина, И.С. Беганцова, Т.Т. Щелина

Акутина Светлана Петровна, д.пед.н.; доц.; заведующая кафедрой
социальной работы, сервиса и туризма
Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
akutina@arz.unn.ru
Беганцова Ирина Серафимовна, к.психол.н.; доц.; заведующая кафедрой
общей и практической психологии
Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
bis@arz.unn.ru
Щелина Тамара Тимофеевна, д.пед.н.; проф.; заведующая кафедрой
общей педагогики и педагогики профессионального образования,
директор Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ppf@arz.unn.ru

Статья поступила в редакцию 26.06.2023
Статья принята к публикации 11.07.2023

Рассматривается проблема изменений в ценностно-смысловой сфере современных девушек с учетом особенностей современной российской действительности, а также трендов гендерной представленности ценностно-смысловых и культурных реалий. На современном этапе развития общества молодежь является той его частью, которая ищет себя в жизни, выбирая профессию и определяясь с отношением к семейным ценностям. Теоретический анализ проблемы показал, что современные девушки, по исследованиям ученых, стремятся к высокому социальному положению и выстраиванию своей карьеры, что говорит в целом об изменении гендерных стереотипов, приводящем к изменению поведенческих паттернов. Целью нашего исследования явилось выявление особенностей ценностно-смысловой сферы современных девушек в контексте изучения гендерной идентичности. Авторами было изучено отношение к ценностным и смысложизненным ориентациям у девушек на бессознательном и сознательном уровне; было доказано, что девушки отходят от традиционной женской роли. Это приводит к выводу о том, что девушкам свойственна довольно высокая выраженность маскулинных качеств. Выбор ими ценностей показал выраженное преобладание ценностей индивидуальной самореализации («активная деятельностная жизнь», «материальное отношение к жизни» и «жизненная мудрость»).

Ключевые слова: ценностно-смысловая сфера, ценностные ориентации, идентичность, девушки.

Введение

Проблема формирования ценностно-смысловой сферы современных девушек приобретает особую значимость на современном этапе развития общества, молодежь является той его частью, которая ищет себя в жизни, выбирая профессию и определяясь с отношением к семейным ценностям. Согласно научным исследованиям А.А. Деркача, И.В. Дубровиной, М.С. Каган, А.А. Реан, Д.И. Фельдштейна [1–4], молодежь относится к группе, имеющей особые социальные и психологические черты, связанные с развитием поиска себя в жизни, профессии, семье, так называемые «смыслообразующие мотивы» (А.Н. Леонтьев) и «смысложизненные ориентиры» (Н.М. Трофимова). Процесс формирования ценностно-смысловых установок и ориентаций продолжается достаточно длительный период жизни, становления себя как независимой, самостоятельной личности. Ценностно-смысловая сфера выполняет регулирующую и стимулирующую функции в жизнедеятельности личности [4]. При этом очевидным фактом является недостаточная изученность ценностно-смысловой сферы современных девушек как социального и психолого-педагогического феномена.

Для раскрытия темы исследования важно понимать, что особенно ярко изменяются цен-

ностные установки и взгляды под влиянием условий социально-культурной среды у современных женщин (девушек) [5–7]. В научных исследованиях Ш. Берна, Т. Булавиной, Е.К. Завьяловой, И.С. Клециной, И.С. Кона и др., посвященных рассмотрению проблем гендерной идентичности, отмечается, что современные девушки пытаются отойти от традиционно закрепившейся в социальном сознании общества женской роли. Психологические характеристики современных девушек и женщин противоречат традиционной модели женского поведения и набору ее поведенческих паттернов, так как они становятся более похожими на мужские, связанные с карьерным ростом, независимостью, более поздним рождением детей и созданием семьи, что, несомненно, проявляется в их ценностно-смысловой сфере.

Работы И.В. Абакумова, А.Г. Асмолова, А.А. Бодалева, Э.Ф. Зеера, Д.А. Леонтьева, В.А. Сластенина, В.П. Тугаринова, А.Р. Фонарева, В.Э. Чудновского, Ю.А. Шерковина, посвященные исследованиям образа мира и ценностно-смысловой сферы личности, в том числе и современной молодежи, именно доказывают процесс изменения ценностно-смысловой сферы девушек. Особенно ярко это проявляется у современных девушек «независимо от их отражения в сознании» (Д.А. Леонтьев).

Изучение ценностно-смысловой сферы девушек с разной гендерной идентичностью позволит раскрыть особенности их образа мира, понять, говоря словами А.Н. Леонтьева, способ их ориентации в мире как основы жизнедеятельности. Мы акцентируем свое внимание на развитии ценностно-смысловой сферы девушек. В связи с чем целью нашего исследования стало выявление особенностей ценностно-смысловой сферы современных девушек в контексте развития общества.

Методологическую основу исследования составляют концептуальные положения общей психологии (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др.), концепция самоактуализации (А. Маслоу), аксиологический (ценностный) подход (Б.М. Бим-Бад, Б.С. Брушлинский, Б.И. Додонов, А.Г. Здравомыслов, М.С. Каган, Н.Д. Никандров, М.Н. Фишер, П.Г. Щедровицкий), системный (Л. Берталанфи, И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин, А.Д. Холл, Р.И. Фейджин) подход, а также идеи смысловой регуляции деятельности (А.Г. Асмолов, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, Д.Н. Леонтьев, А.П. Подольский); теоретические исследования по проблеме ценностей (В.В. Водзинская, А.И. Донцов, Е.А. Подольская, В.Э. Чудновский).

Методы и методики исследования: теоретические (анализ философской, социальной, психолого-педагогической литературы, диссертационных работ по проблеме исследования, научных материалов и публикаций; систематизация, классификация); эмпирические (наблюдение, констатирующий эксперимент).

Постановка проблемы

Анализ научной литературы по проблеме исследования позволил нам говорить о содержательном переосмыслении понятия *ценностно-смысловая сфера и приоритеты современных девушек*, важными параметрами которой являются такие категории, как жизненная мудрость, удовольствие, активная жизнедеятельность, материальное отношение к жизни, красота во всех смыслах данной дефиниции, являющиеся, как оказалось в ходе нашего исследования, достаточно значимыми для современных девушек [5, 8–10].

Как отмечает в своей работе Е.В. Ярославкина, женщины с фемининной идентичностью ориентируются преимущественно на традиционно закрепившиеся в общественном сознании женские ценности. Женщины с маскулинной идентичностью ориентируются на традиционно закрепившиеся в общественном сознании мужские ценности. У андрогинных женщин представлены как женские, так и мужские ценности. В смысловой сфере женщин с разной гендерной идентичностью мужские, женские и нейтральные в гендерном отношении ценности представлены разными семантическими полями, что позволяет судить о гендерных отличиях их образа мира [11]. Можно предположить, что тенденция к маскулинности или феминности у современных девушек в любом случае проявится в специфике их ценностных ориентаций. Особенно актуально рассмотреть те или иные предпочтения, соотнеся сознательный и бессознательный уровень функционирования личности.

Результаты исследования

Участниками исследования выступили девушки (студентки вуза разных курсов и направлений подготовки) в возрасте от 18 до 24 лет в количестве 58 человек.

В исследовании использовались тест М. Рокича [3] «Ценностные ориентации» и метод незаконченных предложений. Математическая обработка результатов эмпирического исследования проводилась с применением корреляционного, кластерного и дисперсионного анализа с помощью статистической программы SPSS-13.

Таблица 1

Корреляционная зависимость эмпирических данных сознательного и бессознательного выбора

Variable	Correlations Marked correlations are significant at p < ,05000 N=64				
	АДЖ БВ	МОЖ БВ	КРАСОТА БВ	ЛЮБОВЬ БВ	ЖМ БВ
АДЖ СВ	–0.14	0.22	0.20	–0.10	0.17
МОЖ СВ	0.08	–0.17	0.00	0.14	–0.15
КРАСОТА СВ	**0.38**	0.10	**–0.40**	–0.08	–0.12
ЛЮБОВЬ СВ	–0.17	–0.08	0.12	–0.16	–0.08
ЖМ СВ	–0.09	**0.23**	0.02	–0.22	**–0.23**

Полученные результаты подтверждают, что отсутствуют скрытые данные, искажающие исследование, и что данные в выборках распределены по нормальному закону.

Из всех терминальных ценностей и смысложизненных ориентаций по методике М. Рокича мы анализировали полученные данные для независимых переменных полоролевой социализации, были выбраны пять мотивационно отличающихся типов ценностей: удовольствие (УДОВОЛЬСТВИЕ), активная деятельная жизнь (АДЖ), красота (КРАСОТА), жизненная мудрость (ЖМ), материальное отношение к жизни (МОЖ). По эмпирически полученным данным проведен дальнейший математический анализ. Были проверены гипотезы о нормальности эмпирических данных для девушек, а также о нормальности эмпирических данных при сознательном и бессознательном выборе.

По результатам проведенного исследования мы получили, что на бессознательном уровне параметр материальное отношение к жизни (МОЖ) занимает у девушек ведущее место, относится к наиболее важным, значимым ценностям.

В исследовании нас интересовало, какие именно ценностные типы входят в группу наиболее значимых при сознательном и бессознательном выборе девушек в предложенной нами системе ценностей и смысложизненных ориентаций молодежи.

Далее мы провели анализ корреляционной зависимости между сознательным выбором и бессознательным (таблица 1). Это разведочный корреляционный анализ.

Показательно, что зависимость между красотой и активной деятельностью в жизни, а также между жизненной мудростью и материальным отношением к жизни входят в доминирующую пару. Значит, бессознательно девушки стремятся быть привлекательными в своей жизни, к тому же свою мудрость применяют к получению материальных ценностей.

Чем больше сознательный выбор на красоту, тем больше на уровне неосознаваемых установок молодежь проявляет активность в своей жизни. Из таблицы 1 мы видим, что максимальные положительные значения попадают на взаимосвязь АДЖ БВ и КРАСОТА СВ, ЖМ СВ и МОЖ БВ, это показывает, чем больше в своей жизни девушки стремятся к материальному благополучию, тем активнее проявляется ее жизненная мудрость.

На одном из этапов анализа и интерпретации результатов исследования мы провели регрессионные исчисления проявления ценностных ориентаций.

Методы множественной регрессии позволили получить регрессионный результат для зависимых переменных. Для всех выборок мы находили β-коэффициент регрессии, которые представляют силу и тип взаимосвязи независимой переменной по отношению к зависимой. С помощью этих данных нами построены регрессионные модели, наглядно интерпретирующие результаты исследования.

Дисперсионный анализ выявил явные закономерности всех ценностей девушек при сознательном выборе от ценностей на бессознательном уровне.

Например, результаты анализа на бессознательном уровне АДЖ (активной деятельностной жизни) показали интересные данные.

Как мы видим в таблице 2, кроме ценности ЛЮБОВЬ, все эмпирические данные по остальным ценностям зависят от ценности АДЖ (активной деятельностной жизни).

После проведения анализа результатов по методике М. Рокича [3], мы использовали метод незаконченных предложений для более глубокого анализа и уточнения ценностных ориентаций девушек. Девушкам предлагалось продолжить фразу «Изменятся ли ваши ценностные ориентации в последующей жизни или они являются для вас основополагающими?».

Представим ответы некоторых респондентов:

«Для меня важным есть и будет активная деятельная жизнь, независимость, материальные ценности, так как это мне позволит построить успешную карьеру и создать крепкую семью»;

«Для меня важно приобрести жизненную мудрость, считаю ее самой главной ценностью»;

Таблица 2

Зависимость ценностей при сознательном выборе от АДЖ

Dependnt Variable	Test of SS Whole Model vs. SS Residual										
	Multiple R	Multiple R^2	Adjusted R^2	SS Model	df Model	MS Model	SS Residual	df Residual	MS Residual	F	p
АДЖ СВ	**0.563686**	**0.317742**	**0.225232**	**22.5585**	**8**	**52.81982**	**907.324**	**59**	**15.37837**	**3.434683**	**0.002619**
МОЖ СВ	**0.672823**	**0.4526911**	**0.378478**	**38.2303**	**8**	**54.77878**	**529.829**	**59**	**8.98015**	**6.099988**	**0.000010**
КРАСОТА СВ	**0.481845**	**0.232174**	**0.128061**	**96.5401**	**8**	**37.06751**	**980.695**	**59**	**16.62195**	**2.230033**	**0.037613**
ЛЮБОВЬ СВ	0.309524	**0.095805**	-0.026798	159.9210	8	19.99013	1509.314	59	25.58160	0.781426	0.620655
ЖМ СВ	**0.474422**	**0.225076**	**0.120001**	**333.0056**	**8**	**41.62570**	**1146.524**	**59**	**19.43261**	**2.142054**	**0.045596**

«Возможно, мои взгляды и ценности поменяются, но что останется неизменным – независимое материальное положение»;

«Независимость и красота – главное для меня».

Как можно судить по ответам участников опроса, обе методики подтвердили изменение ценностей у современных девушек.

По результатам данных нашего исследования, наблюдениям и живому общению с девушками получилось, что на бессознательном уровне параметр материальное отношение к жизни (МОЖ) занимает у девушек ведущее место, относится к наиболее важным, значимым ценностям.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют об особенностях развития ценностно-смысловой сферы девушек. Авторами выявлено выраженное преобладание ценностей индивидуальной самореализации у девушек, ориентация на профессиональное саморазвитие, простроенность карьеры, активная жизнедеятельность, а также красота (ухоженный внешний вид), удовольствия.

Выводы:

– к числу ценностей сознательного выбора у девушек принадлежат АДЖ (активная деятельная жизнь), ЖМ (жизненная мудрость), МОЖ (материальное отношение к жизни), КРАСОТА (красота). К отвергаемым ценностям девушки относят ЛЮБОВЬ (любовь);

– ярко выраженная потребность в красоте, желание хорошо выглядеть является главной мотивирующей ценностью в юношеском возрасте. Социальная привлекательность зависит от внешней привлекательности;

– девушкам в нашем исследовании свойственна достаточно высокая выраженность маскулинных качеств, выбор ими ценностей показал выраженное преобладание ценностей индивидуальной самореализации («активная деятельностная жизнь», «материальное отношение к жизни» и «жизненная мудрость»).

Таким образом, девушки, обладающие более высоким уровнем активности, имеют более продуктивные ценности; современные девушки пытаются отойти от традиционно закрепившейся в социальном сознании женской роли. Все чаще в обществе феминные черты начинают восприниматься как не соответствующие современному стилю поведения и жизнедеятельности женщины; осознанный выбор женщины уже в юношеском возрасте ставит в приоритеты выстраивание собственной карьеры, независимости от мужчины, высокий профессионализм, откладывание создания семьи на неопределенный срок.

Научная новизна исследования заключается в том, что в ходе его выявлено и эмпирическим путем доказано, что у современных девушек изменяется ценностно-смысловая сфера личности; выявлена структура значимых, основополагающих ценностей (удовольствие, активная деятельная жизнь, красота, жизненная мудрость, материальное отношение к жизни).

Перспективы исследования. Анализ научной литературы и интерпретация результатов исследования специфики ценностных ориентаций позволит нам сформулировать стратегии психолого-педагогической поддержки и развития ценностно-смысловой сферы современных девушек.

Список литературы

1. Дубровина И.В., Круглов Б.С. Психологические аспекты формирования ценностных ориентаций и интересов учащихся. М.: НИИОП, 1983.

2. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 205 с.

3. Методика М. Рокича «Ценностные ориентации» [Электронный ресурс]. URL: https://mosmetod.ru/files/Методика_Рокича.pdf (дата обращения: 24.06.2023).

4. Фельдштейн Д.И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: Избранные труды. М., 2004. 672 с.

5. Беганцова И.С., Щелина Т.Т., Маркеева М.В. Социально-психологические особенности студентов в контексте современных проблем воспитания // В мире научных открытий. 2014. № 11.11 (59). С. 4446–4461.

6. Akutina S.P., Begantsova I.S., Shchelina T.T. Forming teachers` moral and ethical competences: standpoint of hermeneutic pedagogy and psychology WoS // IFTE 2019 5th International Forum on Teacher Education 29–31 May 2019; The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS, 2020, 1.1. P. 189–197. URL: https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.01.24; https://doi.org/10.15405/epsbs(2357-1330).2020.1.1

7. Begantsova I.S., Akutina S.P., Shchelina T.T. The Question of Students' Preparedness for Studying in the Digital Educational Environment // VI International Forum on Teacher Education. ARPHA Proceedings 3: VI International Forum on Teacher Education. 2020. P. 207–218.

8. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 229 с.

9. Акутина С.П., Калинина Т.В. Формирование смысложизненной концепции современного студенчества в процессе профессионального воспитания в вузе // Научный диалог. 2016. № 3 (51). С. 255–266.

10. Shchelina T.T., Akutina S.P., Begantsova I.S. et al. Psychological-Pedagogical Diagnostics of the Development of Individuals and Groups in the Education of Modern Students // Revista ESPACIOS. Año 2017. Vol. 38 (Nº 35). P. 33. URL: http://www.revistaespacios.com/a17v38n35/17383533.html

11. Ярославкина Е.В. Ценностно-смысловая сфера женщин с разной гендерной идентичностью: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Дальневост. гос. ун-т путей сообщ. Южно-Сахалинск, 2008. 26 с.

VALUE AND SEMANTIC SPHERE OF MODERN GIRLS: ANALYSIS OF THE SITUATION

S.P. Akutina, I.S. Begantsova, T.T. Shchelina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch

The article deals with the problem of changes in the value-semantic sphere of modern girls, taking into account the peculiarities of modern Russian reality, as well as trends in the gender representation of value-semantic and cultural realities. At the present stage of development of society, young people are that part of it that is looking for itself in life, choosing a profession and determining its attitude to family values. Theoretical analysis of the problem showed that modern girls, according to scientists, strive for a high social position and building their careers, which in general indicates a change in gender stereotypes, leading to a change in behavioral patterns. The purpose of our study was to identify the features of the value-semantic sphere of modern girls in the context of studying gender identity. The authors studied the attitude to the value and life orientations of girls at the unconscious and conscious levels; girls have been shown to be moving away from the traditional female role. This leads to the conclusion that girls are characterized by a rather high severity of masculine qualities. Their choice of values showed a pronounced predominance of the values of individual self-realization (“active activity life”, “material attitude to life” and “life wisdom”).

Keywords: value-semantic sphere, value orientations, identity, girls.

УДК 373.8
DOI 10.52452/18115942_2023_3_174

ПРОБЛЕМЫ ПРОГРАММИРОВАНИЯ В РАМКАХ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2023 г. ***И.В. Барышева, О.А. Козлов, Е.В. Малкина, Н.В. Шестакова***

Барышева Ирина Викторовна, преподаватель Института информационных технологий, математики и механики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ibar1950@yandex.ru
Козлов Олег Александрович, д.пед.н.; проф.; ведущий научный сотрудник Института стратегии развития образования Российской академии образования, Москва
ole-kozlov@yandex.ru
Малкина Елена Владиславовна, к.пед.н.; доц.; доцент кафедры математического обеспечения и суперкомпьютерных технологий Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
malkina@unn.ru
Шестакова Наталья Валерьевна, старший преподаватель кафедры математического обеспечения и суперкомпьютерных технологий Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
shestakova@vmk.unn.ru

Статья поступила в редакцию 19.06.2023
Статья принята к публикации 06.07.2023

Рассматриваются проблемы преподавания программирования в период бурного роста информационных технологий, появления новых направлений, в условиях «цифровизации» практически всех сторон жизни современного общества, а также сделана попытка обосновать необходимость введения в школьную программу самостоятельного предмета «Программирование». Проведенное исследование показывает, что рамки школьного предмета «Информатика и КТ» становятся слишком тесными для формирования базовой подготовки и профессиональной ориентации школьников в области алгоритмизации и программирования. Авторами обсуждается недостаточность языка программирования Python как первого языка, с которого начинается обучение, для формирования уверенных компетенций в области программирования, формирования знаний основополагающих элементов, таких как типы данных, работа с памятью, структуры хранения, используемые в Python либо по умолчанию, либо они скрыты в его инструментальной среде.

Ключевые слова: информатика, алгоритм, программирование, профессиональная ориентация школьников, первый язык программирования.

Введение

При введении в школе нового предмета «Информатика» в 1985 году как-то не стоял вопрос о том, что должно войти в программу изучения. Изучали то, что позволяли обстоятельства и материально-техническая база в школе, привлекая к ведению занятий преподавателей высшей школы, программистов и инженеров. Примерная программа нового предмета «Основы информатики и вычислительной техники», или ОИВТ, с некоторыми региональными вариациями включала рассмотрение вопросов [1, 2]:

– теория информации;

– элементы математической логики;

– основные возможности ЭВМ и варианты их применения;

– архитектура и компоненты ЭВМ;

– основы алгоритмизации, построение блок-схем;

– основы программирования (изучение языков программирования и написание программ).

К началу 2000-х информатика стала расширять свое присутствие в школьной программе, изучение предмета начиналось в 7 классе с одного часа, а в девятом уже по два часа в неделю. Таким образом, общее количество часов значительно увеличилось, но при этом программа существенным образом не изменилась. До введения ЕГЭ как единственного варианта подведения итогов обучения у учителей была возможность уделить больше внимания практике программирования, что оказало значительное влияние на уровень подготовки школьников [3]. Например, в Нижегородской области замена на ЕГЭ классических выпускных экзаменов была осуществлена только 2009 г., при этом на олимпиадах и вступительных экзаменах задания по программированию были более содержательными и сложными, чем в последние годы, и требовали объемных решений. Количество заданий на каждом таком испытании было только четыре [3, 4].

В последующие годы школьная информатика все более смещалась в прикладную сторону,

Таблица 1

Количество учебных часов по информатике в разных классах

Классы	Количество часов информатики	Из них на программирование	Лекции	Практические занятия
5–6	68	10	3	7
7–9	102	34	12	22
10–11	68	17	7	10
10	68	18		
11	68	9		

школьники стали изучать работу в операционных системах, прикладное программное обеспечение (ПО): текстовые и графические редакторы, почтовые программы и т.д. Предмет переименовали в «Информационные и коммуникационные технологии» (ИКТ), содержание предмета стало опасно расплываться, пытаясь включить все то новое и привлекательное, что появлялось в быстроразвивающейся области информационных технологий. Значительную долю стали занимать стандартные и офисные продукты Microsoft, средства коммуникации, то есть локальные и глобальные приложения обработки и передачи данных [5]. Современная информатика – это целый ряд наук, таких как дискретные структуры, основы технологий программирования, теория вычислений и вопросы сложности, алгоритмы и структуры данных, вычислительная математика, архитектура вычислительных машин, операционные системы, вычислительные сети, языки программирования, технологии взаимодействия человек – компьютер, интеллектуальные компьютерные системы, программная инженерия и другие [5]. К сожалению, в рамках одного школьного предмета при наличии 1–2 часов занятий в неделю даже обзорно обсудить все аспекты современной информатики не получается. Пожертвовали программированием. Программа по информатике в современной школе свела количество часов на алгоритмизацию и программирование до критически низкого уровня, когда говорить о приобретении учащимися каких-либо реальных навыков в области программирования говорить не приходится и тем более говорить о профессиональной ориентации школьников [6–8]. Многие выпускники школ, выбирая вуз с целью пойти «учиться на программиста», совершенно не представляют, чем они реально будут заниматься.

Анализ школьной программы по информатике и последствий перехода к сдаче ЕГЭ на компьютере

Примерные сведения о количестве часов в различных вариантах школьной программы по информатике приведены в табл. 1.

Отведенных часов на программирование явно мало, да и по содержанию возникает много вопросов. Например, в программе 9 класса есть тема «Основы алгоритмизации и объектно-ориентированное программирование» объемом 19 часов [8], но идеи объектно-ориентированного программирования (ООП) даже обозначить и сформулировать за отведенное время просто невозможно. Другой пример – в заданиях ЕГЭ подразумевается и рекомендуется использование рекурсивных функций при том, что вопросы грамматики функций, базовые положения о подпрограммах, не говоря уже о рекурсии, практически не входят в учебную программу информатики; более того, необдуманное использование рекурсии может привести к ошибке «переполнение стека», а само понятие стека, как динамической структуры, обсуждается только в высшей школе в рамках предмета «Алгоритмы и структуры данных».

При активном росте интереса школьников к вопросам, связанным с информационными технологиями и программированием, школьная программа не успевает за требованиями современного общества как по количеству отведенных на программирование часов, так и по содержанию учебной программы.

В таблице 2 приведены данные опросов студентов Нижегородского университета, поступивших на первый курс факультета информационных технологий, математики и механики. Это мотивированные школьники, выбравшие IT-профессию, должны были ответить на вопрос: «Какие языки программирования знаете/слышали название/немного пробовали?», засчитывался любой ответ. В допандемийный период в ответах чаще всего встречались названия языков Basic и Pascal, очень редко C++ или даже школьный алгоритмический язык. Интересные результаты показал 2021 год, когда учащиеся были более свободны в выборе изучаемых предметов, источников получения информации и могли свободнее распоряжаться своим временем, в ответах появились новые названия языков программирования, наблюдается широкий разброс ответов. Кроме того, в 2021 году результаты опроса показывают резкое увеличение показателей языка программирования Python.

Таблица 2

Знакомство с различными языками программирования студентов 1-го курса до начала обучения в вузе

		2017 – 2020 г.		2021 г.		2022 г.	
Кол-во респондентов		Всего 87 чел.	Всего в %	Всего 115 чел.	Всего в %	Всего 57 чел.	Всего в %
Языки программирования	Basic	40	**46**	0	0	0	0
	C#			7	7	3	5
	C++	5	6	**22**	**19**	14	**18**
	CSS			3	3	1	5
	HTML			7	7	3	5
	Java			6	6	2	4
	PHP			1	1		
	Python			**55**	**56**	46	**81**
	SQL			1	1		
	Pascal	40	**46**	**34**	**34**	19	**33**
	Другое	2	2	4	4	4	7

В 2022/23 учебном году Python становится в школе основным языком программирования, с которым знакомят школьников. Притом именно знакомят, достаточно часто ученики знают лишь название или заученные готовые программы, с помощью которых можно получать ответы на те или иные вопросы ЕГЭ, например, второе задание или пятнадцатое [9], для которых выдается готовая программа, требующая замены одного условия при получении конкретного варианта. Средний балл ЕГЭ по информатике в стране за 2022 год был 59.47, для достижения такого балла можно вообще не выполнять задания, связанные с написанием программ. В этом же 2022 году пятая часть выпускников, сдававших ЕГЭ по информатике, получили более 80 баллов. Проводимый ежегодно опрос показал, что мотивированные школьники знания по программированию получали не столько в школе, сколько изучая самостоятельно или на занятиях с репетиторами или на различных курсах (более 80% опрошенных).

Анализ динамики изменения содержания ЕГЭ показал зависимость тематики вопросов экзамена от технических средств, использованных при проведении экзамена. В 2020 году ЕГЭ по объективным обстоятельствам в экстренном порядке проводился на компьютерах. Результатом изменения технических средств проведения экзамена явилось существенное изменение вопросов экзамена. Из заданий убрали некоторые одиозные задачи: например, задание 23, в котором требовалось определение количества решений системы пятнадцати логических уравнений с пятнадцатью неизвестными, со сложно повторимым ответом в виде четырехзначного числа, другие вопросы приобрели более значимые с точки зрения приобретения новых компетенций формы, например работа с базами данных и электронными таблицами. В 2021–2022 экзамен реформировался и изменялся как со стороны постановки вопросов, так и в предлагаемых методиках решения, реагируя на вновь возникшие технические возможности. Происходит совершенно объективный и естественный процесс адаптации набора вопросов к компьютерной форме проведения ЕГЭ.

Экзамен по информатике к лету 2023 года фактически превратился в экзамен по программированию, для которого формат 27 заданий на 3 часа 55 мин не подходит. При изменениях тематики вопросов и методики решения поставленных задач не изменились условия проведения экзамена – количество заданий и время, отведенное на их решение. Выявилось явное несоответствие времени проведения экзамена и количества предлагаемых задач. Задачи, которые в прежнем формате экзамена решались на основе логического анализа, использования математических методов информатики, после перехода на сдачу экзамена с помощью компьютера предлагают решать методом полного перебора с помощью программ на языке Python. Например, задание № 8, в котором необходимо определить слово, стоящее на 210-м месте, если первые четыре слова имеют вид: 1) ААААА, 2) ААААО, 3) ААААУ, 4) АААОА. Нормальное решение состоит в переводе числа 209 в троичную систему счисления и замене цифр буквами, новая методика предлагает программу на Python, состоящую из пяти вложенных циклов, в качестве структуры хранения используется словарь. Школьникам предлагают запомнить программу.

В таблице 3 приведены данные по количеству заданий в разные годы, в формулировке которых звучит «написать программу» и/или рекомендуемым вариантом решения является написание программы.

Предлагаемые варианты решений на тренировочных сайтах 2023 года [9] практически для 18 заданий из 27, или 66.6% от общего числа,

Таблица 3

Рост числа заданий по программированию на ЕГЭ

	2015–2020	2021–2022	2023
Самостоятельное написание программ	2 задания	5 заданий	18 заданий
Язык программирования	Basic, Pascal, C, C++, школьный алгоритмический язык	Pascal, C++, Python	Python, редко Pascal

отсылают к написанию программ на Python. Данный факт подтверждает необходимость введения программирования как самостоятельной дисциплины. При 17 часах программирования на два года в 10 и 11 классах (см. табл. 1) написание восемнадцати программ, от 10 до 40 и больше строк каждая, за 3 часа 55 минут, которые длится экзамен, кажется совершенно нереальным. Правда, есть мнение, что качество поставленных вопросов на экзамене можно оценивать близостью полученных за экзамен оценок к распределению Гаусса, неважно каким окажется математическое ожидание. Кроме этического вопроса о чувствах школьников, принимавших участие в экзамене, сложно не заметить несоответствие изучаемой дисциплины и принадлежность вопросов: изучали информатику, а экзамен по программированию.

Выбор первого языка программирования

Выбор языка программирования как первого языка для вхождения в предмет чрезвычайно важен. В нем должны достаточно прозрачно и значимо проявиться основополагающие элементы программирования: типы данных, структуры хранения, набор основных элементарных составляющих – ввод и вывод данных, ветвление, организация повторений, с использованием которых строятся базовые алгоритмы. В различных языках и средах минимальный набор таких операторов реализуется с небольшими грамматическими отличиями, что дает возможность понять само программирование и легко переходить с одного языка на другой.

Опасным явлением при изучении программирования оказалась дань моде – срочный перевод школьного программирования на Python (см. табл. 2, 3). Python на фоне других языков выглядит проще, имеет богатые библиотеки и встроенные структуры хранения данных. Python как ни один другой язык подходит для сдачи ЕГЭ: можно использовать как калькулятор, декларации типов не требует, вместо алгоритмов сортировки, определения суммы или поиска по признаку можно одной строкой вызвать соответствующую функцию из библиотеки, работа со строковыми данными спрятана в готовых разработках, программы получаются иногда короче вдвое их аналогов на других языках. Но если главная цель обучения в школе не сдача ЕГЭ, а формирование думающего человека, готового к развитию и принятию быстро меняющегося мира, когда образование – это не сумма заученных инструкций, а возможность понимания всего того нового, что с огромной скоростью появляется в сфере информационных технологий, тогда необходимо ориентироваться на другие характеристики и свойства языка программирования, с которого начинается обучение. Инкапсуляция многих основополагающих элементов программирования в Python не позволяет сформировать компетенции обучающихся, связанные с научной стороной программирования [10]. Python – это технология программирования, а технологии устаревают по мере развития науки. Целью создания языка Python является решение прикладных задач опытными программистами, для которых переход на Python связан с упрощением внешнего вида программ и для которых эффективность по памяти и времени получаемых проектов не носит критический характер.

Язык Pascal в свое время был создан специально для изучения программирования, его появление было этапом эволюционного развития программирования как науки. Практическое использование Pascal на данном этапе в основном пережило себя, но значимость Pascal как первого языка обучения программированию трудно переоценить.

В Pascal четко определены важные научные понятия программирования:

– типы данных, как базовые, так и конструируемые;

– переменные/объекты, обладающие именем, адресом и типом;

– модульное программирование с «передачей параметров по значению» и «передачей параметров по адресу», формальные и фактические параметры;

– распределение проекта в файлах и т.д.

Более того, организация библиотек с помощью специальных модулей unit в Pascal может быть рассмотрена как прообраз появления объектно-ориентированного программирования (ООП): управление доступом к элементам в виде интерфейсной секции и секции реализации,

подключение к основному файлу и даже секция инициализации может быть трактована как прообраз конструктора. Таким образом, Pascal, с одной стороны, язык практического программирования для начинающих, с другой стороны, язык, формирующий фундаментальные понятия программирования как быстроразвивающейся науки. Однако из таблиц 2 и 3 видно, как в последние годы Pascal исчезает из школьной программы.

Языки C/C++ в определенном смысле еще лучше, чем Pascal, но для школьного программирования они сложны. Например алгоритмический язык C имеет сложный интерфейс, операторы ввода/вывода требуют спецификаторы, связанные с типами данных, и адресацию объектов. Формирование C происходило в период, когда информация, обрабатываемая на компьютере, была в основном числовой, поэтому у C весьма скромная библиотека работы со строками, при этом реализация строк как массивов символов требовала работы с указателями, наиболее эффективный вариант – динамический массив, даже для студентов профильных специальностей изучение этих тем представляет сложности. Главной прерогативой C++ является объектно-ориентированное программирование, но изучение данной технологии точно не для школы и по уровню сложности данной темы, и по времени, необходимому для понимания, да и уровень школьных задач не предполагает использование ООП. C++ без объектов по своей идеологии, по реализации обязательных элементов программирования имеет много общего с Pascal, поэтому разумное разделение – в школе изучается Pascal, в вузе – C и C++. Такой вариант позволяет выявить закономерности программирования как такового, понять тенденции развития языков программирования, принять мысль о том, что языки программирования имеют несколько этапов: возникновение, расцвет, зрелый период и закат, а программирование как наука, как технология при этом получает новые стороны развития. Необходимо понимать быстротечный характер «жизни» языков программирования. Важнейшей компетенцией в области программирования является знание внутренней структуры самого программирования, которая проявляется и получает реализацию в каждом конкретном языке, умение безболезненно за разумное время переходить с одного языка на другой. Переход с Pascal, C, C++ на более простой по форме языка Python, особенно для специалистов, знакомых со структурами данных, не представляет труда, обратный переход начинается с изучения программирования практически с нуля.

Выводы

1. Изучение программирования необходимо начинать с основополагающих понятий, с языка, имеющего в основе формальную грамматику, теоретически грамотно и последовательно формирующего профессиональное мировоззрение, понимание ключевых положений программистской культуры. Язык, в котором заложены идеи дальнейшего развития программирования, может использоваться как первый язык для начинающих программистов.

2. Назрела необходимость введения в школьную программу самостоятельного предмета «Программирование», она обусловлена следующими факторами:

– высокая потребность в IT-специалистах; по данным Росстата, отечественным компаниям требуется более миллиона IT-специалистов, к 2027 году кадровый дефицит может достигнуть 2 млн человек;

– большой интерес к IT-индустрии у школьников, о чем свидетельствуют и наличие компьютеров почти у каждого учащегося, и высокие конкурсы в вузы по данным специальностям;

– наличие большого числа различных курсов, часто платных, восполняющих недостаток школьной программы;

– ранняя профориентация школьников, позволяющая правильно определить свои возможности, введение программирования в школе в объемах, позволяющих оценить сложность предмета, не оставит места иллюзиям о профессии в IT-индустрии, осознание после не совсем успешного окончания второго курса вуза, что «программирование – это не мое», слишком поздно и болезненно;

– несоответствие школьной программы и содержания заданий ЕГЭ, в которых фактически подразумевается написание достаточно серьезных программ, даже в тех заданиях, в условии которых нет слов «написать программу», но сложность этих заданий на логику, на системы счисления заставляет переходить в Python и прямым перебором находить решение [9].

В противном случае необходимо приведение в соответствие школьной программы по предмету «Информатика и КТ» в разделе «Программирование» с содержанием вопросов единого государственного экзамена. Изучение программирования школьниками переложить на дополнительное образование, содержание которого не должно отражаться в вопросах ЕГЭ.

Изучение языков программирования, алгоритмизация должны присутствовать в школьной программе не только с целью освоения предмета, но и как фактор формирования логического и математического мышления. Умение разбить за-

дачу на простые шаги, оптимизировать выполнение каждого шага и всей задачи в целом, правильно определить все ветвления – все эти навыки в школе может дать только программирование, а пригодятся они не только программистам [5].

Список литературы

1. Эволюция школьного компьютера. Часть вторая, современная [Электронный ресурс]. URL: https://www.pvsm.ru/blog-kompanii-intel/16061 (дата обращения: 16.06.2023).

2. Относительно школьной программы по информатике [Электронный ресурс]. URL: http://acm.mipt.ru/twiki/bin/view/Curriculum/SchoolCurriculumArticle (дата обращения: 16.06.2023).

3. Барышева И.В., Козлов О.А. Формирование структурного мышления школьников в процессе обучения программированию в рамках школьного курса информатики // Вопросы современной науки: Колл. научн. монография / Под ред. Н.Р. Красовской. М.: Интернаука, 2016. Т. 14. С. 112–129.

4. Барышева И.В., Гергель В.П., Городецкий С.Ю. и др. Информатика для абитуриентов. Задачи и решения. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2007. 360 с.

5. Рабочая учебная программа по информатике (в соответствии с ФГОС) [Электронный ресурс]. URL: https://karaul-school.astr.eduru.ru/media/2019/10/22/1265929801/inf_7-9.pdf (дата обращения: 16.06.2023).

6. Босова Л.Л., Босова А.Ю. Информатика: Учебник для 5, 6 класса. М.: БИНОМ, Лаборатория знаний, 2017.

7. Босова Л.Л., Босова А.Ю. Информатика: Учебник для 7, 8, 9 класса. М.: БИНОМ, Лаборатория знаний, 2017.

8. Босова Л.Л., Босова А.Ю. Информатика: Учебник для 10, 11 класса. М.: БИНОМ, Лаборатория знаний, 2017.

9. Образовательный портал для подготовки к экзаменам. Информатика [Электронный ресурс]. URL: https://inf-ege.sdamgia.ru/ (дата обращения: 16.06.2023).

10. Почему лучше учить сложный C++, чем простые Python/Java | Skillbox | ПромоСтраницы. URL: https://promo.turbopages.org/promo/media/id/5a6713a177d0e69d17108229/648057d6f6b2005e042bd385.

ROLE OF PROGRAMMING AS A SCIENCE AND TECHNOLOGY IN THE FORMATION OF A MODERN-DAY PERSON IN THE COURSE OF SCHOOL EDUCATION

***I.V. Barysheva*[1], *O.A. Kozlov*[2], *E.V. Malkina*[1], *N.V. Shestakova*[1]**

[1] Lobachevsky University of Nizhny Novgorod
[2] Institute for Education Development Strategy of the Russian Academy of Education, Moscow

In this paper, we consider the problems of teaching programming in the period of rapid growth of information technologies, the emergence of new IT areas, under conditions of «digitalization» of almost every aspect of modern-life society; we make an attempt to justify the need to introduce the independent subject «Programming» in the school program. The conducted study demonstrates that the scope of the school subject «Informatics and CT» is gradually becoming too narrow for the formation of basic training and professional orientation of school students in the fields of algorithmization and programming. We discuss the insufficience of Python as the first language of programming being studied, for the formation of confident competencies in programming, for formation of knowledge of the fundamental elements including data types, memory handling, storage structures, which are used in Python either by default or are hidden in its workbench.

Keywords: computer science, algorithm, programming, professional orientation of school students, first programming language.

УДК 371, 378
DOI 10.52452/18115942_2023_3_180

МОДЕЛИРОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА ПОСРЕДСТВОМ КОНКУРСА ПО СОСТАВЛЕНИЮ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

© 2023 г.

Г.А. Воробьев, Т.П. Фомина

Воробьев Григорий Алексеевич, к.т.н.; доцент кафедры информатики, информационных технологий и защиты информации
Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского
vorobjev_g_a@mail.ru
Фомина Татьяна Петровна, к.ф.-м.н.; доц.; доцент кафедры математики и физики
Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского
fomina_t_p@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.04.2023
Статья принята к публикации 20.06.2023

Для современного развивающегося российского общества требуются образованные, воспитанные, активные профессионалы, которые могли бы принимать обоснованные решения на основе предварительного анализа, прогнозировать возможные последствия сделанного выбора. Это невозможно без опоры на образование. Процесс образования в современном мире непрерывен, потому как постоянно внедряются инновационные программы, все чаще используются цифровые ресурсы и т.п., что определяет многоаспектность деятельности учителя. И здесь очень важно развитие личных качеств и профессионализма педагога, одним из элементов которого является методическая подготовка. Авторы подчеркивают значимость умений учителя составлять свои задачи для обучающихся. Поэтому использование студенческого конкурса по составлению математических задач дает возможность повысить необходимые компетенции будущего учителя.

В статье определены структурные компоненты модели комплексной системы повышения уровня методической подготовки студентов и рассматривается один из ее элементов: конкурс по составлению задач. Обозначены задачи конкурса, описаны его структура и содержание. Анализируются некоторые элементы методической подготовки будущего преподавателя математики к разработке несложных олимпиадных заданий для школьников. В статье выделены этапы предлагаемой модели, в процессе реализации которых студенты сумеют подготовить интересные задачи, полезные учащимся.

Ключевые слова: математические задачи, конкурс, составление задач, популяризация математических знаний, методика преподавания математики.

Введение

Одно из важных направлений модернизации системы образования состоит в повышении профессионального уровня педагогов и формировании профессиональных компетенций, соответствующих требованиям ФГОС. Путь к эффективной профессиональной деятельности лежит через понимание педагогом её структуры, содержания, мотивации к различным элементам. Правильно выстроенная система действий по профессиональному развитию педагогов, несомненно, способствует повышению эффективности деятельности и самого образовательного учреждения.

Деятельность современного учителя математики становится всё более многогранной, одним из её творческих элементов является работа по составлению и/или модификации задач. Ресурсы сети Интернет, печатные издания содержат большое количество математических задач разного уровня сложности, разнообразной тематики, многообразной специфики. Совершенствуется и инструментарий поиска условий и решений задач. Поэтому уникальные, хотя бы в некоторой мере задачи, составленные конкретным учителем, представляют определённую ценность как для его учеников, так и для самого педагога.

Эффективность обучения напрямую связана с возможностью создания условий для саморазвития, формирования интеллектуального и творческого потенциала личности, совершенствования способностей обучающихся. Творческая деятельность, в том числе по составлению математических задач, даёт возможность педагогу повысить свою компетентность сразу по нескольким направлениям.

Возникает необходимость в поиске подходов к организации системы работы с будущими педагогами, которая осуществляла бы формирование их профессиональных компетенций.

Целью исследования выступает обоснование и описание использования студенческого конкурса по составлению математических задач в системе повышения профессионализма будущего учителя математики.

Методы исследования

При выполнении исследования применялись теоретические методы: изучение и анализ научно-методической литературы, сравнительно-сопоставительный анализ существующих точек зрения, обобщение опыта образовательной практики различных аспектов профессиональной деятельности учителя математики. Для построения схемы «Модели комплексной системы повышения уровня методической подготовки студентов» использовались эмпирические методы (наблюдение, беседа, анкетирование, анализ результатов исследования, опытно-экспериментальная работа).

Проведя анализ научной и научно-методической литературы, в которой обсуждаются проблемы современного образования, заключаем, что сегодня сформировались новые требования к профессионализму педагогов. Различным аспектам этой проблемы посвятили свои исследования многие ученые и педагоги.

В статье Н.А. Астаховой реализуется попытка классификации методов составления математических задач в соответствии с приемами эвристической деятельности, строится и описывается модель обучения составлению задач как средства формирования специальных предметных компетенций [1].

Вопросам формирования метакогнитивных компетенций в процессе конструирования математических задач разного уровня сложности, в том числе задач в формате PISSA, посвящена статья А.И. Савенкова. А.И. Савенковым и Т.С. Озеровой отмечается польза конструирования математических задач для развития как предметных, так и общегуманитарных и естественно-научных компетенций, формирования критического мышления с помощью самостоятельного составления студентами [2, с. 226; 3]. С.И. Борсуковский ещё больше расширяет спектр формируемых при составлении математических задач компетенций, описывая развитие исследовательских компетенций [4]. В целом перечисленные авторы, а также Д.Н. Бурданова и Е.Н. Перевощикова [5, 6] указывают на значительный универсализм формируемых при разработке математических задач компетенций, выделяют некоторые методические аспекты составления авторских задач.

В исследовании Н.И. Пака представлен способ формализации процесса составления достаточно стандартных математических задач с позиций формальной грамматики Хомского [7]. В литературе описываются и различные подходы к составлению нестандартных математических заданий [8].

В современных публикациях рассматриваются и вопросы, связанные с использованием при составлении математических задач регионального, краеведческого материала. А.Е. Томилова в своей статье анализирует особенности организации и проведения школьного и студенческого конкурсов соответствующей направленности [9]. Отмечается, что цель конкурсов заключается в повышении интереса учащихся к особенностям, традициям, культуре и истории региона, популяризации математического образования и математических знаний.

Достаточно много работ посвящены вопросам развития компетенций студентов в процессе конструирования математических задач или анализу отдельных аспектов формирования их профессиональных навыков [10–15].

Все это подтверждает целесообразность использования конкурса по составлению математических задач для повышения профессионализма студентов.

Результаты и их обсуждение

Предлагаемый нами студенческий конкурс по составлению задач областной открытой олимпиады по математике «Уникум» (далее – Конкурс) – это олимпиада по одному из разделов теории и методики обучения математике, олимпиада направлена на выявление учебных достижений студентов в конкурсном режиме. Предлагаемая олимпиада подразумевает творческую самостоятельную индивидуальную работу участников, соревнование носит заочный характер, с консультационной помощью вузовских педагогов.

Основной целью Конкурса является повышение уровня методической подготовки студентов педагогических направлений, а также формирование нижеуказанных профессиональных компетенций.

Выделим компетенции, на формирование которых прежде всего направлен Конкурс (бакалавриат, направление 44.03.05 «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки, один из которых «Математика»)).

Общепрофессиональные компетенции выпускников:

– ОПК-6 – способен использовать психолого-педагогические технологии в профессиональной деятельности, необходимые для индивидуализации обучения, развития, воспитания,

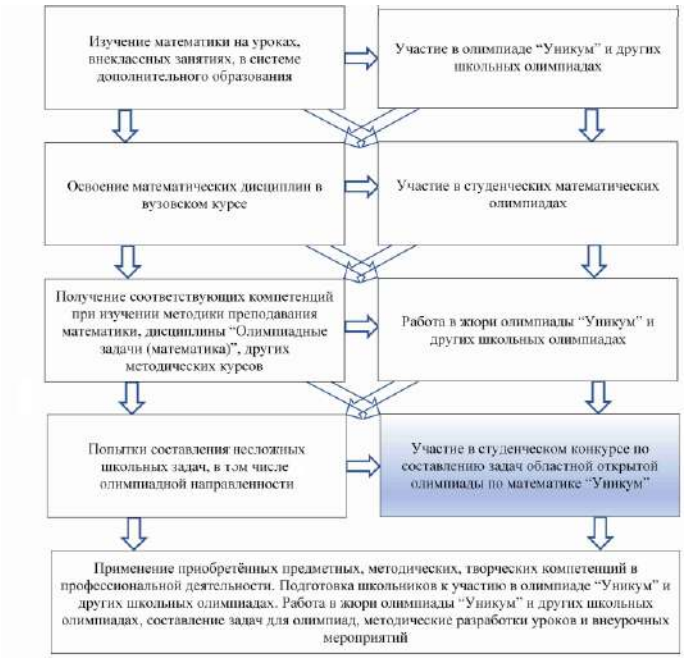

Рис. Модель комплексной системы повышения уровня методической подготовки студентов, включающая конкурс по составлению задач

в том числе обучающихся с особыми образовательным и потребностями.

Профессиональные компетенции:

– ПК-1 – способен осваивать и использовать теоретические знания и практические умения и навыки в предметной области при решении профессиональных задач;

– ПК-3 – способен формировать развивающую образовательную среду для достижения личностных, предметных и метапредметных результатов обучения средствами преподаваемых учебных предметов (пример индикатора достижения компетенции: использует образовательный потенциал социокультурной среды региона в преподавании (предмета по профилю) в учебной и во внеурочной деятельности);

– ПК-8 – способен организовывать образовательный процесс с использованием современных образовательных технологий, в том числе дистанционных (индикатор достижения компетенции: формирует средства контроля качества учебно-воспитательного процесса).

Схожие компетенции можно выделить и в направлении подготовки бакалавриата 44.03.01 «Педагогическое образование» (с одним профилем подготовки «Математика»). В направлении подготовки магистратуры 44.04.01 «Педагогическое образование» («Математическое образование») можно дополнительно отметить один из индикаторов достижения профессиональной компетенции ПК-5: применяет современные теоретические и практические знания для постановки исследовательских задач в соответствующей предметной области.

Предлагается модель комплексной системы повышения уровня методической подготовки студентов, одним из элементов которой и является Конкурс, схема приведена на рисунке.

Основными задачами Конкурса являются:

– повышение уровня методической подготовки студентов педагогических направлений;

– выявление учебных достижений студентов;

– формирование вышеуказанных компетенций у студентов соответствующих направлений подготовки;

– развитие интереса студентов к изучению дисциплины «Олимпиадные задачи (математика)»;

– использование потенциала регионального математического образования.

Конкурс проводится в один тур. Вначале организационный комитет Конкурса доводит до сведения потенциальных участников информацию о мероприятии. В частности, предлагаемые участникам Конкурса материалы содержат образцы и шаблоны для оформления конкурсных заданий. Затем участники Конкурса сдают конкурсные задания в оргкомитет Конкурса. На последнем этапе жюри Конкурса определяет победителя и призёров соревнования. Они определяются в двух номинациях: победители и призёры по составлению отдельной задачи или серии задач (2–4) для разных классов с одной сюжетной линией. Отдельные конкурсанты, которые предлагают несколько заданий, могут соревноваться одновременно в каждой из номинаций. От одного участника принимается любое количество разработанных конкурсных материалов.

Участие в Конкурсе могут принять все желающие из числа студентов ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», обучающиеся по следующим направлениям бакалавриата (одним из профилей подготовки должна являться математика):

44.03.01 «Педагогическое образование» (с одним профилем);

44.03.05 «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки);

или магистратуры:

44.04.01 «Педагогическое образование» («Математическое образование»);

01.04.02 «Прикладная математика и информатика» («Математическое моделирование»).

Вне конкурса участие в олимпиаде могут принимать и студенты других вузов и направлений подготовки, школьные учителя, педагоги дополнительного профессионального образования и даже школьники, интересующиеся математикой. Многие из участников Конкурса, будучи школьниками 3–6 классов, сами принимали участие в олимпиаде «Уникум».

При формировании смысловой оболочки задачи приветствуется использование региональных элементов (краеведческого материала), а также сюжетов и героев детских книг и фильмов (особенно российских и советских), участие в сюжете задачи героя олимпиады – Уникума. Дополнительно оценивается использование оригинальных иллюстраций к задачам.

К участию в Конкурсе допускаются только материалы, соответствующие заявленным в положении об олимпиаде требованиям. Жюри выполняет проверку предлагаемых заданий на оригинальность. Своеобразность задачи может состоять как в необычных идеях решения задач, так и в интересной для детей смысловой оболочке.

Участники конкурса и члены жюри обязуются не выкладывать в открытом доступе конкурсные задачи и не разглашать их содержание каким-либо другим способом до проведения очередной олимпиады.

С заданиями прошлых лет олимпиады «Уникум» можно познакомиться по адресу: http://openolymp.strategy48.ru/?q=node/48.

Задачи победителей и призёров соревнования предлагаются разработчикам конкурсных материалов для использования в текущей олимпиаде. Участие в Конкурсе означает согласие автора на использование его задачи на олимпиаде «Уникум», возможно, с коррекцией, доработкой, дополнительным оформлением. Многие участники Конкурса приглашаются для работы в жюри олимпиады соответствующего года.

Олимпиада «Уникум» для школьников 3–6 классов проводится ежегодно начиная с 2010 года. Организаторами являются управление образования и науки Липецкой области, ГОАОУ «Центр поддержки одаренных детей «Стратегия», ФГБОУ ВО «ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского», ФГБОУ ВО «ЛГТУ», ФГБОУ ВО «ЕГУ им. И.А. Бунина».

Олимпиада проводится по классическим правилам – школьники получают в аудитории тексты задач и в течение отведённого времени решают их, оформляя подробное решение на специальных бланках. Текст олимпиады состоит из десяти заданий различного уровня сложности, который, как правило, увеличивается от первых к последним задачам. Первые задачи не представляют особой трудности для большинства обучающихся, что создает мотивацию к решению последующих задач.

Рекомендуемая примерная тематика задач: задачи на смекалку, числовые ребусы, задачи-шутки, игры со стратегией, оценка + пример, задачи на взвешивания, правдолюбцы и лжецы, метод перебора, задачи на проценты, доли, смеси, уравнения в целых числах (диофантовы уравнения), текстовые задачи на арифметический способ решения, текстовые задачи на составление уравнений, закономерности и алгоритмы, процессы и операции, делимость и остатки (чётность и нечётность), принцип Дирихле, нестандартные уравнения, доказательство несложных неравенств, элементы комбинаторики, инварианты, операции над множествами, круги Эйлера, простые задачи на графы, задания на разрезания и раскраски, геометрические конструкции, нестандартные геометрические задачи, задачи со спичками.

Критерии оценивания задач конкурсантов (каждый элемент оценивается по пятибалльной шкале: 1…5, при определении рейтинга баллы по первым трём критериям утраиваются):

1. Оригинальность задачи;
2. Правильность и полнота решения;
3. Целесообразность использования задачи на олимпиаде «Уникум»;
4. Обоснованность критериев оценивания задачи;
5. Использование региональных элементов в смысловой оболочке задачи;
6. Использование в смысловой оболочке задачи сюжетов и героев детских книг и фильмов (особенно российских и советских);
7. Наличие и качество оригинальных иллюстраций к задачам;
8. Личное мнение члена жюри о задаче.

В целях систематизации работы участников Конкурса им предлагается примерный план ра-

боты по составлению и проверке задач. Структура плана формировалась и модифицировалась в процессе проведения первых соревнований, учитывалось мнение самих конкурсантов. Примерный план содержит следующие этапы, конечно, не каждый участник конкурса в процессе работы реализует все предлагаемые шаги, но определённую направленность деятельности он получает.

1. Разбор задач, предлагавшихся на олимпиаде «Уникум» и других школьных олимпиадах. Анализ приёмов решения олимпиадных задач.

2. Выбор планируемой тематики составляемых задач на основе предпочтений конкурсанта.

3. Определение идеи/идей, которые планируется реализовать в решении составляемой задачи. Например, одним из приёмов может являться построение задачи, обратной ранее опубликованной.

4. Формирование примерной структуры решения задачи. Подбор исходных данных к задаче выбранной структуры. Отработка вычислительных процедур, которые будут реализованы в процессе решения.

5. Разработка смысловой оболочки задачи с учётом интересов школьников соответствующих классов.

6. Составление первоначальной версии задачи и её решения. Самостоятельная проверка решения.

7. Тестирование условия задачи и её решения с привлечением однокурсников.

8. Окончательная формулировка конкурсного задания и его решения.

Рассмотрим примеры конкурсных заданий разных лет, которые в дальнейшем использовались в материалах открытой олимпиады «Уникум».

Задачи на делимость

Как-то раз Незнайка решил стать математиком и принялся за решение задачи. Он взял два натуральных числа, сумма которых 1011. Затем увеличил каждое число на 2022 и перемножил получившиеся числа. В итоге у него получилось число, оканчивающееся на 1011. Результат своих вычислений он показал Знайке. Посмотрев на условие задачи и результат вычислений, Знайка сказал: «Решение неверно!». Объясните, почему результат Незнайки ошибочный.

Пример логической задачи

В организации олимпиады «Уникум» принимают участие только фантазеры и мудрецы. Фантазеры всегда фантазируют (говорят неправду), мудрецы всегда говорят правду. Встретились три организатора. Первый из них сказал: «Мы все фантазеры». Второй ответил: «Ровно один из нас мудрец». Третий организатор промолчал. Определите, кто из организаторов мудрец.

Дополнительные баллы по результатам конкурса участник может получить, если оболочка задачи содержит региональный материал, как, например, следующая задача.

В некоторый учебный год в Липецкой области всего было 3300 школьников, каждый из которых принимал участие хотя бы в одной открытой олимпиаде «Грамотей», «Уникум» или «Супербит» (финальный этап). В олимпиаде «Грамотей» принимало участие 2326 школьников, в олимпиаде «Уникум» – 1402 школьника, в олимпиаде «Супербит» – 445 школьников. Также оказалось, что 600 школьников были и на олимпиаде «Грамотей», и на олимпиаде «Уникум»; 95 – на олимпиаде «Грамотей» и на олимпиаде «Супербит»; 247 – на олимпиаде «Уникум» и на олимпиаде «Супербит». Сколько школьников смогли принять участие сразу в трёх олимпиадах «Грамотей», «Уникум» и «Супербит»?

Регулярно предлагаются задания с геометрическим содержанием. Например, следующая задача: «Уникум решил из бумажного листа площадью 144 см^2 сделать бумажный самолётик. Изготовив самолётик, он заметил, что ровно половину исходного листа пришлось свернуть в 4 слоя, ровно 1/3 исходного листа пришлось свернуть в 3 слоя, оставшаяся часть исходного листа осталась однослойной. Чему равна площадь полученного самолётика?

Площади и исходного листа, и полученного самолётика рассматриваются только с одной стороны».

Можно рассмотреть и другие виды предлагавшихся на конкурсе задач, в том числе и не самые удачные варианты, но подробный анализ банка задач выходит за рамки проводимого исследования.

Эффективность подготовки студентов и магистрантов в университете зависит от многих факторов, включает формальные и неформальные аспекты.

Так, например, для оценки удовлетворенности научно-образовательной деятельностью и внеучебной работой в университете было проведено анкетирование студентов (предлагалось 18 вопросов), обучающихся по направлению подготовки «Педагогическое образование», по уровням: полностью доволен, частично доволен, частично недоволен и совсем недоволен. Опрос проводился в весеннем семестре 2020 года. В нем приняли участие 65 обучающихся 1–5 курсов. Участие было анонимным и добровольным. Анализ полученных результатов позволил заключить, что большинство студентов (74%) удовлетворены организацией научно-образовательной деятельности и внеучебной работы, причем около трети

Таблица

Количество участников Конкурса

	2020	2021	2022
Бакалавриат	10	8	12
Магистратура	2	3	3

из них лишь частично удовлетворены разными сторонами. При этом 61% респондентов отметили важность участия в олимпиадах и конкурсах.

Сами же участники Конкурса ежегодно участвуют в анкетировании по вопросам, касающимся мотивации обучения, расширения кругозора, формирования профессиональных компетенций, самосознания, развития коммуникативной компетенции и др.

Количество студентов и магистрантов, принявших участие в Конкурсе по годам, они же принимали участие и в опросе, приведено в таблице.

Для определения тесноты связи между ответами студентов бакалавриата и магистратуры были вычислены значения коэффициента корреляции Спирмена: 0.92; 0.89; 0.91. Наблюдаем определенную устойчивость значений. Это очевидно, потому что участвуют наиболее успешные студенты.

Заключение

На основе проведённого исследования можно сделать выводы о целесообразности, в рамках комплексной системы повышения уровня методической подготовки студентов, проведения Конкурса по составлению олимпиадных задач. Участие студентов в подготовке к соревнованию и непосредственно в Конкурсе способствует повышению профессиональных и метакогнитивных компетенций педагога-математика.

Таким образом, в результате самостоятельного составления задач у студентов совершенствуются навыки работы с информацией, обогащается профессиональная терминология, они видят практическое применение своих знаний для разработки задач. Все это вместе ведет к формированию у них соответствующих компетенций, развивается мышление.

Студенты в целом высоко оценивают проводимую работу по составлению задач для школьных олимпиад, отмечают важность участия в рассматриваемом Конкурсе и в проверке работ школьников.

Корреляционный анализ, проведённый в рамках исследования, позволил отметить наличие статистически значимых связей, а направление полученных корреляций согласуется с теорией и практикой образовательного процесса.

В образовательном процессе педагогического университета должно быть место творческой деятельности, в том числе и учебной направленности. Различные конкурсные мероприятия стимулируют реализацию созидательных, креативных способностей студентов, накопление личного профессионального и творческого опыта. Приобретённые профессиональные и метакогнитивные компетенции студент будет применять в самостоятельной педагогической деятельности.

Список литературы

1. Астахова Н.А. Обучение студентов составлению математических задач как средство формирования специальных умений по их решению // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 9 (33). С. 204–208.

2. Савенков А.И., Романова М.А., Смирнова П.В. Развитие метакогнитивных компетенций студентов в процессе конструирования математических задач для младших школьников // Acta Biomedica Scientifica (East Siberian Biomedical Journal). 2022. Т. 7. № 2. С. 223–232.

3. Озерова Т.С., Воронина Л.В. Составление студентами задач на занятиях по математике как инструмент формирования универсальных компетенций // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании: Материалы 27-й Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 19–20 апреля 2022 года. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2022. С. 95–98.

4. Борсуковский С.И. Составление математических задач как средство формирования исследовательских компетенций учащихся // Современное общее образование: проблемы, инновации, перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, Орел, 25 февраля 2022 года / Редколлегия: Т.М. Бакурова [и др.]. Орел: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2022. С. 521–524.

5. Бурданова Д.Н. Методические аспекты составления авторских задач, формирующих математическую компетентность // #ScienceJuice2020: Сборник статей и тезисов студенческой открытой онлайн-конференции, Москва, 23–27 ноября 2020 года. Т. 5. М.: ПАРАДИГМА, 2021. С. 12–19.

6. Перевощикова Е.Н., Бычков А.В. Методические аспекты формирования у студентов новых компетенций по разработке заданий для учащихся в рамках модульного подхода // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9. № 1 (34). С. 6.

7. Пак Н.И. Способ формализации процесса составления математических задач // Информатизация образования и методика электронного обучения: циф-

ровые технологии в образовании: Материалы VI Международной научной конференции в трех частях, Красноярск, 20–23 сентября 2022 года. Часть 1. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2022. С. 103–107.

8. Деза Е.И. Вопросы подготовки будущего учителя к организации школьных математических олимпиад // Развитие общего и профессионального математического образования в системе национальных университетов и педагогических вузов: Материалы 40-го Международного научного семинара преподавателей математики и информатики университетов и педагогических вузов, Брянск, 7–9 октября 2021 года. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2021. С. 157–160.

9. Томилова А.Е. Опыт и перспективы проведения конкурсов по составлению и решению краеведческих математических задач // Бесконечномерный анализ, стохастика, математическое моделирование: новые задачи и методы. Проблемы математического и естественнонаучного образования: Сборник статей Международной конференции, Москва, 15–18 декабря 2014 года / Под ред. А.И. Кириллова, С.А. Розановой. М.: Российский университет дружбы народов, 2015. С. 329–333.

10. Боженкова Л.И., Алексеева Е.Е. Составление задач учащимися как средство достижения предметных и метапредметных результатов при обучении геометрии // Наука и школа. 2013. № 5. С. 103–107.

11. Воробьев Г.А., Фомина Т.П. Взаимосвязь развивающей, обучающей и контрольно-соревновательной функций дистанционных математических конкурсов // Вопросы педагогики. 2021. № 4–1. С. 74–77.

12. Воробьев Г.А., Фомина Т.П., Хорцев А.В. Использование геймификации (игрофикации) в дополнительном профессиональном образовании по математике // Гуманитарные исследования Центральной России. 2022. № 2 (23). С. 73–83.

13. Жигалова О.П. Проектирование и конструирование элементов образовательной среды как необходимое условие подготовки педагога к профессиональной деятельности в информационном обществе // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2018. Т. 9. № 2. С. 2.

14. Savenkov A.I., Karpova S.I., Sukhova E.I. Model of development of children’s giftedness in the Russian education system // Psychology and Education. 2018. **55 (2)**. P. 74–84.

15. Тимиргалеев М.М., Шигапова Д.К. Развитие творческих способностей будущих педагогов // Непрерывное профессиональное образование как фактор устойчивого развития инновационной экономики: Материалы 11-й Международной научно-практической конференции. В 2 книгах / Под общ. ред. Е.А. Корчагина, Р.С. Сафина. Казань, 2017. С. 400–404.

MODELING OF SOME ELEMENTS OF A TEACHER'S PROFESSIONAL ACTIVITY THROUGH A COMPETITION FOR COMPOSING MATHEMATICAL PROBLEMS

G.A. Vorobyev, T.P. Fomina

Lipetsk State Pedagogical P.P. Semenov-Tyan-Shansky University

The modern developing Russian society requires educated, well-mannered, active professionals who could make informed decisions based on preliminary analysis, predict the possible consequences of the choice made. This is impossible without relying on education. The process of education in the modern world is continuous, because innovative programs are constantly being introduced, digital resources are increasingly being used, etc., which determines the multidimensional nature of the teacher's activities. And here it is very important to develop personal qualities and professionalism of a teacher, one of the elements of which is methodical training. The authors emphasize the importance of the teacher's ability to compose their tasks for students. Therefore, the use of a student competition for composing mathematical problems makes it possible to increase the necessary competencies of a future teacher.

The article defines the structural components of the model of an integrated system for improving the level of methodological training of students and considers one of its elements: a competition for drawing up tasks. The tasks of the competition are outlined, its structure and content are described. Some elements of methodical preparation of a future mathematics teacher for the development of simple Olympiad tasks for schoolchildren are analyzed. The article highlights the stages of the proposed model, during the implementation of which students will be able to prepare interesting tasks useful to students.

Keywords: mathematical problems, competition, compilation of problems, popularization of mathematical knowledge, methods of teaching mathematics.

УДК 378.048.2
DOI 10.52452/18115942_2023_3_187

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ АСПИРАНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

© 2023 г.

Л.Р. Газизулина

Газизулина Лилия Рустемовна, к.филол.н.; доцент кафедры иностранных языков
в профессиональной коммуникации
Казанского национального исследовательского технологического университета
gazizulina78@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.05.2023
Статья принята к публикации 14.06.2023

Правильно организованная академическая коммуникация позволяет решить некоторые задачи и проблемы, стоящие перед аспирантами и молодыми учеными. Инженерные исследования часто предполагают взаимодействие между учеными из разных дисциплин и разных стран. Академическая коммуникация играет решающую роль для аспирантов инженерных направлений, поскольку помогает им делиться результатами своих исследований с другими учеными в своей области, способствует развитию сотрудничества, партнерства и возможностей для дальнейших исследований. Эффективная академическая коммуникация для инженеров означает, что ученые докладывают о своих исследованиях междисциплинарной и международной аудитории. Цель настоящей работы – проанализировать особенности развития навыков иноязычной академической коммуникации у аспирантов инженерных направлений на примере КНИТУ (Казанский национальный исследовательский технологический университет). Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач: выявить потребности аспирантов в практике иноязычной академической коммуникации, проанализировать особенности сферы инженерной научной деятельности, провести обзор курсов по развитию навыков академической коммуникации в российских вузах, предложить ряд педагогических методов для развития навыков устной и письменной коммуникации в научной среде. Методы исследования: теоретические, эмпирические. В результате выявлены особенности коммуникации в инженерной среде и определены основные приемы и методы развития навыков иноязычной академической коммуникации. Сделаны выводы о необходимости разработки курсов по развитию навыков иноязычной академической коммуникации для аспирантов в каждом вузе с учетом специфики направлений подготовки.

Ключевые слова: академическая коммуникация, аспирантура, инженерные направления, педагогические приемы и методы.

Введение

В настоящем исследовании академическая коммуникация понимается как реализация академического дискурса, участниками которого являются исследователи, преподаватели, студенты. Многочисленные исследования в области академического дискурса выявляют его признаки, особенности, историю возникновения и развития. Н.Г. Бурмакина употребляет термин «академический дискурс» для обозначения «всей совокупности коммуникативных явлений в рамках взаимодействия субъектов научной и педагогической сфер деятельности. Академический дискурс понимается как коммуникация между членами академического сообщества, а именно учеными-исследователями, преподавателями и студентами, по векторам вертикального и горизонтального взаимодействия в рамках соответствующих коммуникативных жанров» [1]. Е.В. Вахтерова определяет научный дискурс как «речевое взаимодействие представителей научной среды друг с другом, целью которого является получение нового знания о предмете, явлении, их свойствах и качествах и основой которого является создание научного текста» [2]. Итак, определим иноязычную академическую коммуникацию как способ международного общения между представителями научного сообщества в рамках научной и педагогической сфер деятельности. Реализация программ по развитию навыков иноязычной академической коммуникации зачастую является задачей кафедр иностранных языков, а также докторских и иных центров по работе с аспирантами [3].

Обучение в аспирантуре предполагает необходимость представления результатов научной деятельности на конференциях, в том числе и международных, а также опубликование статей в ведущих профильных научных изданиях [4]. Усиление научно-исследовательского компонента в системе высшего образования и необходимость в развитии иноязычной коммуникативной компетенции привело к появлению в ряде

российских вузов курсов по академическому письму и научной коммуникации [5]. Аспирантура российских вузов нацелена на подготовку аспирантов по наиболее актуальным направлениям фундаментальной и прикладной науки, владеющих при этом «академической грамотностью» [6]. Академическая коммуникация требует от аспирантов критического осмысления своих исследований и их последствий. Общение в научной среде может помочь им детализировать свои идеи и аргументы и развить более глубокое понимание своей области исследования. Представляя свои исследования на научных конференциях, публикуя статьи в научных журналах и взаимодействуя с другими учеными в профессиональной среде, аспиранты могут повысить свою известность и зарекомендовать себя как эксперты в своей области исследования. Это позволяет им вносить свой вклад в академический дискурс и продвигать знания в своей области. Делясь результатами своих исследований с другими учеными, они могут получать отзывы и конструктивную критику, что помогает в проведении исследования и улучшении качества работы.

Таким образом, обладая навыками иноязычной академической коммуникации, аспиранты могут посещать научные конференции, присоединяться к академическим сообществам и участвовать в онлайн-дискуссиях. В рамках научного общения аспиранты получают возможность анализировать и сравнивать результаты своих исследований, отбирать и оценивать существующую литературу в своей области и разрабатывать аргументы в поддержку своих исследований. С развитыми навыками академического общения аспиранты могут участвовать в международных академических программах, проектах и других формах академической мобильности, что может быть полезно для их будущей академической и профессиональной карьеры [7].

Методология

В рамках настоящего исследования была проанализирована потребность аспирантов КНИТУ в занятиях по развитию навыков академической коммуникации. На протяжении трех лет ежегодно проводится анкетирование с двумя вопросами: «Насколько важны для Вас навыки проведения презентации на английском языке?» и «Насколько важны для Вас навыки академического письма на английском языке?». В качестве вариантов ответов даны: a) Очень важно и необходимо; b) Не очень важно, но может пригодиться; c) Не важно и не нужно [8]. Традиционно большинство аспирантов (95%) выбирают первый из предложенных вариантов ответов. В связи с высокой востребованностью навыков устной и письменной иноязычной коммуникации кафедра иностранных языков в профессиональной коммуникации Казанского национального исследовательского технологического университета и докторский тренинговый центр университета предлагают своим аспирантам занятия по академическому письму, методологии исследований, навыкам презентации и общению. Курсы преподаются опытными преподавателями, которые предоставляют студентам рекомендации и отзывы об их навыках академического общения. Занятия доступны для всех аспирантов Казанского национального исследовательского технологического университета, независимо от направления их обучения. Для аудиторной и самостоятельной работы были изданы учебные пособия, помогающие развить навыки презентационной деятельности и профессиональный иноязычный словарь.

Для сравнения ситуации был проведен обзор курсов по академической коммуникации ведущих российских вузов. Многие российские университеты разработали курсы по академической коммуникации, чтобы помочь своим студентам и аспирантам развить навыки письма, разговорной речи и презентаций. В числе российских университетов, предлагающих курсы по академической коммуникации или академическому письму, Московский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, ИТМО, Высшая школа экономики, Новосибирский государственный университет, Казанский федеральный университет, Томский государственный университет, Томский государственный педагогический университет (информация взята с официальных сайтов университетов). Многие другие российские университеты также предлагают занятия по академической коммуникации, интегрированные в курс «Иностранный язык». Представленный краткий обзор курсов приводится для подтверждения актуальности и востребованности занятий по развитию академической грамотности.

Для создания эффективных занятий и курсов для аспирантов инженерных направлений необходимо учитывать особенности их профессиональной и академической коммуникации. Эти особенности связаны с техническим характером инженерных исследований и необходимостью донесения исследователями сложных технических концепций до широкой аудитории. Некоторые из особенностей академического общения для исследователей в области инженерии включают:

1) Технический профессиональный подъязык: исследователи-инженеры используют технические термины и профессиональный жаргон для описания сложных понятий, и это может затруднить понимание написанного не инженерами, а также исследователями из смежных областей. Эффективное академическое общение для инженеров требует использования технического языка (не только родного, но и иностранного), который ясен и понятен не только специалистам, но и широкой аудитории;

2) Использование наглядных пособий. Инженеры часто используют рисунки, чертежи, диаграммы и графики, чтобы проиллюстрировать результаты своих исследований. Эффективное академическое общение для инженеров требует использования и комментирования этих наглядных пособий, чтобы помочь слушателям и читателям понять сложные технические концепции. Таким образом, помимо общенаучной лексики, инженеру-исследователю необходимо знать и развивать свой запас профессиональной иноязычной лексики;

3) Акцент на результатах: инженерные исследования часто сосредоточены на решении практических задач, и акцент делается на результатах, а не на процессе. Эффективная научная коммуникация для инженеров-исследователей требует от них четкого и краткого изложения своих результатов, подчеркивая практическое значение исследований;

4) Совместные исследования. Использование правил технического письма: эффективное академическое общение для инженеров требует знания правил технического письма, таких как правильное использование терминов и профессиональной лексики, а также оформление цитат и ссылок, четкий стиль письма и соблюдение профессиональных стандартов.

Результаты и их обсуждение

Особенности иноязычной академической коммуникации для исследователей в области инженерии связаны с необходимостью донесения сложных технических концепций до специалистов в определенной области и более широкой аудитории с использованием правил технического и научного профессионального языка. Преподавателям, работающим с аспирантами инженерных направлений, необходимо учитывать специфику их профессиональной коммуникации и отражать ее при составлении занятий. Эффективное академическое общение для инженеров требует четкого и лаконичного письма, развитых навыков устной презентации результатов своих исследований, знания профессиональной иноязычной лексики, использования наглядных пособий и способности эффективно общаться с междисциплинарной аудиторией. Практика интернационализации высшего образования и развитие международных образовательных проектов подтверждают необходимость развития иноязычной коммуникативной компетенции у студентов и аспирантов [9].

Академическое письмо является ключевым компонентом академического общения, и аспиранты, практикующие академическое письмо еще на этапе обучения в аспирантуре, быстрее и эффективнее развиваются в карьере. В ходе написания исследовательских работ они могут научиться структурировать свои аргументы, правильно цитировать и следовать правилам оформления научных работ. Традиционно преподаватели обучают академическому общению, включая его элементы в курсовые и дипломные работы и предоставляя аспирантам рекомендации и отзывы. Некоторые распространенные методы, используемые преподавателями для обучения аспирантов академическому общению, включают:

1) Письменные задания: преподаватели дают различные письменные задания, такие как резюмирование и реферирование исследовательских работ, эссе и литературные обзоры. Они предоставляют рекомендации и критерии оценки, предлагают отзывы, чтобы помочь аспирантам улучшить свое письмо;

2) Проведение семинаров по академическому письму: преподаватели проводят семинары по письму, чтобы дать аспирантам возможность обсудить свои письменные работы и получить отзывы от преподавателей и других аспирантов о стиле, структуре и содержании своего письма.

Помимо традиционных методов развития навыков академического письма и устной коммуникации, появилось несколько относительно новых педагогических методов, которые можно использовать для обучения аспирантов. Предлагаемый перечень методов был составлен автором статьи на основе пройденных курсов повышения квалификации, в том числе «Teaching Principles and Practices Modular Faculty Development Course» от чешско-американского фонда CERGE-EI Foundation. Практически все методы (кроме геймификации) были апробированы в ходе иноязычной подготовки аспирантов КНИТУ и являются результатом практического опыта. Некоторые из этих методов включают в себя:

1) Смешанное обучение (blended learning): сочетает в себе традиционное обучение в классе с учебными онлайн-ресурсами. Этот подход позволяет аспирантам получать доступ к мате-

риалам курса и участвовать в онлайн-дискуссиях, а также получать очные инструкции и отзывы от своих преподавателей;

2) Наставничество сверстников (peer mentoring): включает в себя объединение аспирантов с более опытными коллегами, которые могут предоставить обратную связь и рекомендации по их академическим коммуникативным навыкам. Этот подход позволяет аспирантам учиться у своих сверстников и получать индивидуальную обратную связь о своих навыках письма, разговорной речи и презентаций;

3) Экспериментальное обучение (experimental education): предполагает предоставление аспирантам возможности применить свои академические коммуникативные навыки в реальных условиях. Этот подход может включать стажировки, исследовательские проекты или другой практический опыт, который позволяет аспирантам применять свои академические коммуникативные навыки в профессиональном контексте;

4) Перевернутый класс (flipped classroom): включает в себя перевернутую традиционную модель классной комнаты, когда учащиеся изучают материалы курса в Интернете перед посещением занятий. Этот подход позволяет аспирантам подготовиться к занятиям, просматривая материалы курса и участвуя в онлайн-дискуссиях, а также используя очные инструкции и отзывы своих преподавателей;

5) Геймификация (gamification): включает в себя использование игровых элементов, таких как очки, значки и таблицы лидеров, для мотивации аспирантов к изучению материалов курса и улучшения их навыков академического общения. Такой подход может помочь сделать обучение более увлекательным для обучающихся, а также предоставить им возможность практиковать свои навыки без стресса;

6) Предоставление отзывов о презентациях: преподаватели оставляют отзывы о презентациях аспирантов, чтобы помочь им улучшить свои навыки публичных выступлений. Они могут предоставить рекомендации о том, как структурировать презентацию, как эффективно использовать наглядные пособия и как вовлечь аудиторию;

7) Поощрение участия в научных конференциях: преподаватели поощряют участие аспирантов в научных конференциях для развития навыков академического общения. Они могут дать рекомендации о том, как подготовиться к презентации на конференции, как наладить контакты с другими учеными и как подать заявку на грант;

8) Обучение цитированию и ссылкам: преподаватели учат аспирантов, как правильно цитировать и ссылаться на источники, чтобы избежать плагиата. Они могут дать рекомендации по использованию различных стилей цитирования, таких как APA, MLA и Chicago, а также по правильному форматированию ссылок.

В целом преподаватели обучают академическому общению, предоставляя аспирантам возможности практиковать свои навыки письма, публичных выступлений и общения в сети, а также предоставляя обратную связь и рекомендации, чтобы помочь аспирантам улучшить свои навыки.

Существует несколько приемов развития навыков письменного академического общения, которые могут быть рекомендованы аспирантам для самостоятельной работы. В их числе:

1) Широкое чтение. Широкое чтение в релевантной области обучения и за ее пределами может помочь развить навыки письма. Читая академические статьи, книги и другие научные публикации, можно научиться структурировать свои аргументы, правильно цитировать и следовать правилам академического письма;

2) Регулярная практика. Регулярная практика улучшает навыки письма. Рекомендуется начинать с небольших письменных заданий, таких как написание резюме научных статей или коротких эссе, и постепенно переходить к более сложным письменным заданиям, таким как исследовательские работы и диссертации;

3) Поиск отзывов. Поиск отзывов от своих преподавателей, коллег или наставников о письме: обратная связь помогает улучшить навыки академического письма благодаря конструктивным отзывам о стиле, структуре и содержании письма;

4) Использование полезных ресурсов. Полезные ресурсы, такие как руководства по академическому письму, в том числе онлайн-ресурсы, помогают получить рекомендации о том, как структурировать текст, правильно цитировать и писать четко и лаконично;

5) Практика в редактировании. Редактирование собственного и чужого письма является важной частью академического письма. Поиск и исправление грамматических, стилистических и пунктуационных ошибок помогает не допускать их в будущем;

6) Посещение семинаров или курсов по академическому письму. Такие семинары могут дать рекомендации о том, как эффективно писать, а также предоставить возможность попрактиковаться в навыках написания текстов различных жанров.

Устная академическая коммуникация представляет особые трудности для аспирантов ин-

женерных направлений ввиду недостаточной практики и психологического барьера. Однако современные ресурсы предоставляют неограниченные возможности для развития навыков устной академической коммуникации, как под руководством преподавателя, так и самостоятельно. К приемам развития навыков устной академической коммуникации относятся:

1) Регулярная практика навыков устного общения. Регулярные выступления с презентациями, участие в групповых дискуссиях и дебатах помогает развивать способности четко и эффективно формулировать свои идеи, увеличивает словарный запас, помогает держаться увереннее перед аудиторией;

2) Подготовка. Презентации или выступления рекомендуется готовить заранее, чтобы выступающий был организован, сосредоточен и четко формулировал свои мысли. Создание плана или сценария и практика в его изложении позволяет эффективно освоить материал;

3) Использование визуальных эффектов. Практически все выступления сегодня сопровождаются презентациями. Слайды PowerPoint или другие визуальные средства могут помочь четко проиллюстрировать мысли и сделать презентации более наглядными и информативными. Однако следует уделить внимание правилам и рекомендациям по организации материала на слайдах и соотнесенности его с текстом выступления;

4) Вовлечение аудитории. Тренировка выступлений перед аудиторией помогает научиться поддерживать зрительный контакт, эффективно использовать язык тела, реагировать на отзывы аудитории и вдумчиво отвечать на вопросы;

5) Отзывы и обратная связь от преподавателей, коллег или наставников о навыках устного общения и качестве презентации. Преподаватели и коллеги могут предоставить конструктивную обратную связь о стиле речи, ошибках и общей эффективности;

6) Посещение семинаров или курсов. Семинары или курсы по публичным выступлениям или устному общению помогают развивать необходимые навыки. Эти семинары могут дать рекомендации о том, как готовиться к презентациям, выступать с презентациями и взаимодействовать с аудиторией.

Таким образом, с учетом запросов от аспирантов на создание занятий и курсов по академической коммуникации был предложен ряд рекомендаций для аудиторной и самостоятельной работы. Выявленные в ходе данного исследования педагогические методы не имеют никакой дисциплинарной специфики и подходят аспирантам любых научных направлений, однако при составлении курсов для аспирантов инженерных направлений должна учитываться специфика их профессиональной коммуникации. В связи с этим кафедрой ИЯПК КНИТУ было издано учебное пособие «How to Present a Research Project?» («Как представлять исследовательский проект?»), в котором одна из глав посвящена формированию профессионального вокабуляра инженерной направленности. Модернизированный курс по дисциплине «Иностранный язык» для аспирантов КНИТУ с включенными в него модулями по развитию навыков презентационной деятельности и академического письма показал его востребованность и эффективность [8].

Заключение

Современный аспирант должен стремиться стать узнаваемым в научном сообществе специалистом, способным к участию в научно-технических программах, грантах, стажировках, международных научных проектах и, соответственно, иметь навыки представления научных результатов в форме публичных презентаций, докладов, научных публикаций [10].

Аспиранты КНИТУ подтверждают необходимость в развитии и применении навыков устной презентационной деятельности и академического письма для их научной и профессиональной деятельности. Кафедры иностранных языков, докторские тренинговые центры и специальные курсы эффективно выполняют задачу по развитию навыков иноязычной академической коммуникации. Однако, являясь относительно новым, это педагогическое направление может быть оптимизировано и улучшено, педагогические приемы и методы могут быть доработаны и внедрены в соответствующие курсы. Самостоятельная работа аспирантов требует практики, расширения и развития профессионального технического вокабуляра, подготовки и готовности взаимодействовать с аудиторией. Регулярно практикуясь, заранее готовя свои презентации, используя наглядные материалы и примеры, привлекая аудиторию, получая отзывы и посещая семинары или курсы, аспиранты могут улучшить свои навыки устного и письменного академического общения.

В качестве перспективы исследования рассматривается возможность более масштабной и разнообразной выборки для выявления потребности в практике иноязычной академической коммуникации российских аспирантов инженерных направлений.

Список литературы

1. Бурмакина Н.Г. Дискурсивно-интегративные и культурно-конвенциональные характеристики академической коммуникации: Автореф. дис. ... кандидата филологических наук. М.: Моск. гос. лингвист. ун-т, 2014. 24 с.

2. Вахтерова Е.В. Исследование академического дискурса в отечественной и зарубежной лингвистике // Глобус. 2021. № 1 (58). С. 22–25.

3. Газизулина Л.Р. Развитие мягких навыков в ходе иноязычной подготовки аспирантов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 4 (56). С. 275–279.

4. Бедный Б.И., Кузенков О.А. Интегрированные образовательные программы «Академическая магистратура – аспирантура» // Высшее образование в России. 2016. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/integrirovannye-obrazovatelnye-programmy-akademicheskaya-magistratura-aspirantura (дата обращения: 05.05.2023).

5. Комкова А.С., Блинова Е.С. Роль обучения академическому письму на иностранном языке в системе магистратура–аспирантура современного вуза // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 9-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-obucheniya-akademicheskomu-pismu-na-inostrannom-yazyke-v-sisteme-magistratura-aspirantura-sovremennogo-vuza (дата обращения: 17.05.2023).

6. Ласковец М.А. Роль академического письма в процессе обучения аспирантов иностранному языку (английский язык) // Научный альманах. 2015. № 8 (10). С. 544–547.

7. Муртазина Л.Г., Зиятдинова Ю.Н. Академическая мобильность как фактор развития международного сотрудничества исследовательского университета // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 19. С. 269–272.

8. Газизулина Л.Р. Актуализация модернизированного курса по иностранному языку для аспирантов КНИТУ // Глобальный научный потенциал. 2022. № 2 (131). С. 103–106.

9. Горылев А.И., Кузнецова С.Н. Совместные образовательные программы как инструмент интернационализации (на примере юридического факультета Университета Лобачевского) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 1 (45). С. 150–155.

10. Бедный Б.И., Миронос А.А., Серова Т.В. Анализ научной продуктивности диссертационных работ как элемент системы управления качеством послевузовского профессионального образования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Инновации в образовании. 2006. № 1. С. 28–46.

DEVELOPMENT OF ACADEMIC COMMUNICATION SKILLS OF ENGINEERING GRADUATE STUDENTS

L.R. Gazizulina

Kazan National Research Technological University

Properly organized academic communication allows solving some of the tasks and problems challenging graduate students and young scientists. Engineering research often involves interaction between researchers from different disciplines and different countries. Academic communication plays a crucial role for engineering postgraduate students as it helps them share their research results with other scientists in their field, promotes collaboration, partnerships and opportunities for further research. Effective academic communication for engineers requires researchers to effectively communicate their research to an interdisciplinary and international audience. The purpose of this work is to analyze the features of the development of academic communication skills in engineering postgraduate students of KNRTU. To achieve this goal, it is necessary to complete a number of tasks: to identify the needs of postgraduate students in the practice of academic communication, to analyze the features of engineering scientific activity, to review courses for the development of academic communication skills in Russian universities, to compile a list of pedagogical techniques for developing oral and written communication skills in a scientific environment. The applied research methods are theoretical, empirical, mathematical. As a result, the features of communication in the engineering environment were revealed and the main techniques for developing academic communication skills were identified. It is also concluded that there is a need to organize courses on the development of academic communication skills for postgraduate students in each university, the features of the areas of training being taken into consideration.

Keywords: academic communication, postgraduate studies, engineering areas, pedagogical techniques and methods.

УДК 378
DOI 10.52452/18115942_2023_3_193

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ЗАРУБЕЖНЫХ ВУЗОВ НА ОСНОВЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

© 2023 г.

А.Т. Галиахметова

Галиахметова Альбина Тагировна, к.пед.н.; доц.; доцент кафедры иностранных языков
Казанского государственного энергетического университета
albinagal2601@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.05.2023
Статья принята к публикации 18.06.2023

Цель работы – рассмотреть проблемы формирования и развития у студентов зарубежных вузов глобальной компетентности – одного из важных компонентов функциональной грамотности и важного условия профессиональной подготовки современного специалиста. Одна из важных причин формирования глобальной компетентности у будущих специалистов заключается в том, что ключевой задачей современного профессионального образования является личностное развитие будущего специалиста, обеспечивающее профессиональный универсализм – способность человека менять способы и сферы своей деятельности. На современном рынке труда наиболее важными качествами специалиста считаются навыки саморазвития и самообразования, умение решать проблемы, возникающие в познании, во взаимоотношениях людей, в профессиональной жизни и в личностном самоопределении. Результаты исследования, проведенного в ряде зарубежных вузов, говорят о том, что успешность сотрудника зависит от его профессиональных компетенций лишь на 15%, оставшиеся 85% зависят от универсальных и глобальных компетенций.

В статье разработаны и представлены сущность и ретроспективный анализ развития понятий «глобальная компетентность» и «глобальные компетенции». Рассматриваются взаимосвязь глобального образования и глобальной компетентности, влияние глобальных компетенций на профессиональную компетентность, уровень профессиональной подготовки современных специалистов. Доказана эффективность процесса развития глобальных компетенций студентов на основе цифровизации образования. В работе использованы следующие методы – теоретические: изучение теоретического анализа и обобщение отечественной и зарубежной психолого-педагогической литературы; эмпирические – педагогическое наблюдение на тему исследования, опрос, анкетирование, тестирование.

Ключевые слова: глобализация общественного развития, создание единых экономических, политических, образовательных и культурных центров, глобальное образование, глобальные проблемы, глобальные компетенции, глобальные компетенции как средство совершенствования профессиональной подготовки специалистов.

Введение

Актуальность исследования состоит в том, что в современных условиях развития общества многие зарубежные вузы проводят активную деятельность по развитию глобальных компетенций у обучаемых. В настоящее время возникает острая необходимость изучения и реализации данного зарубежного опыта в деятельности отечественных вузов. Лишь глобально компетентные специалисты способны эффективно решать современные проблемы в различных сферах и обеспечить инновационное социально-экономическое развитие предприятия (организации), отрасли и страны.

Цель исследования – изучение теоретических основ и опыта деятельности зарубежных вузов по повышению эффективности процесса развития у студентов глобальных компетенций на основе цифровизации образования.

Задачи исследования: а) уточнить сущность понятий «глобальная компетентность» и «глобальные компетенции», определить особенности их формирования и развития у студентов зарубежных вузов; б) определить модель повышения эффективности процесса развития глобальных компетенций у студентов зарубежных вузов на основе реализации цифровых технологий; в) проанализировать результаты работы зарубежных вузов по формированию и развитию у студентов глобальных компетенций на основе реализации цифровых технологий и определить возможность реализации данного опыта в деятельности отечественных вузов.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

– определено содержание понятий «глобальная компетентность» и «глобальная компетенция»;

– определена модель повышения эффективности процесса развития глобальных компетен-

ций у студентов зарубежных вузов на основе реализации цифровых технологий.

Практическая ценность исследования заключается в том, что результаты изучения процесса формирования и развития глобальных компетенций у студентов зарубежных вузов позволят реализовать данный опыт в деятельности отечественных вузов и значительно повысить уровень профессиональной подготовки.

Методологию исследования составляют положения (концепции) системно-деятельностного подхода и системного анализа, принцип единства логического, исторического и культурологического в педагогическом познании.

Материалы исследования

Развитие глобальных компетенций у студентов вносит ценный вклад в процесс повышения качества профессионального образования. Настало время для формирования у будущих специалистов не только узкопрофессиональных компетенций по отдельным специальностям, но и системы умений (компетенций), позволяющих решать крупные, глобальные проблемы в различных сферах и обеспечить инновационное развитие исследуемого объекта или системы. Часто решение профессиональных проблем невозможно без рассмотрения конкретной профессиональной деятельности в составе системы глобального мира, глобального образования и принятия мер для решения узкопрофессиональных и глобальных проблем во взаимосвязи.

В настоящее время происходит формирование многополярного мира и, естественно, осуществляются определенные изменения в процессе глобализации общественного развития. Вектор создания центров экономических, политических, образовательных и культурных пространств в мире все более ориентируется на Восток (Китай, Индию) и Россию.

Для полного понимания значения деятельности по формированию и развитию у студентов глобальных компетенций необходимо разобраться в понятиях «глобальное образование» и «глобальная компетентность».

Глобальное образование и глобальная компетентность – взаимосвязанные и взаимообусловленные понятия.

«Глобальное образование трактуется как образование, целью которого является формирование глобального миропонимания, то есть рассмотрение изучаемых объектов как составляющих и взаимосвязанных компонентов целостного (глобального) мира и его глобальных сфер (экономики, политики, духовной сферы, социальной сферы, в том числе культуры, науки, образования)» [1]. Глобальное образование характеризуется также универсализацией содержания учебного материала.

Глобальное образование как система представляет собой интеграцию различных образовательных систем, форм и технологий.

В соответствии с требованиями глобального образования вузы должны готовить будущих специалистов не только к узкой специализации в своей профессиональной области. В вузах должна быть заложена основа для целостного представления о любой области знаний, в том числе о любой области профессиональных знаний, основа для генерации инновационных идей. Глобальное образование определяется как образовательная стратегия, в рамках которой глобальные проблемы изучаются на основе интегративного метода. Глобальное обучение обладает двумя характеристиками: оно сущностно связано с глобальными проблемами и реализует полидисциплинарную концепцию формирования содержания образования, позволяющую интегрировать дисциплинарные знания, а также научный и личный опыт.

Глобальное образование можно рассматривать и как образование, целью которого является формирование глобальных компетенций [1–8].

В США созданы центры и школы глобального образования. Во многих вузах разрабатываются программы глобального образования [10, 11].

Образовательные программы большинства школ и центров глобального образования реализуют междисциплинарный и мультидисциплинарный подходы (наряду с введением метапредметов).

Проблемы глобального образования исследовали К. Андерсон [1], Р. Хенви [2], Дж. Коган [3] (США) и др. Вопросами разработки теории и практики формирования и развития у обучаемых глобальных компетенций занимались Г. Битхем, А. Литлджон [4] (Великобритания), Дарла К. Дирдорф [5], В. Мансилла, Э. Джексон [6], В. Хантер [7] (США), Джин Ли [8], Тен Цзюнь [9] (Китай), Т.В. Коваль [10], С.Е. Дюкова [11], С.А. Королькова [12], О.П. Миханова [13] (Россия) и др.

При организации отечественными образовательными учреждениями работы по формированию и развитию глобальных компетенций у будущих специалистов, в том числе на основе реализации цифровых технологий, мы, безусловно, должны воспользоваться также и опытом зарубежных стран (как западных, так и восточных).

Понятия «глобальная компетентность» и «глобальные компетенции» в педагогической литературе определяются по-разному.

Значительное большинство ученых понятие «глобальная компетентность» определяет как многомерную способность, которая включает в себя следующие глобальные компетенции:

а) способность изучать глобальные и межкультурные проблемы;

б) способность понимать и ценить различные мировоззрения и точки зрения;

в) способность успешно и уважительно взаимодействовать с представителями других культур;

г) способность принимать меры для коллективного благополучия и устойчивого развития изучаемого объекта.

Таким образом, мы видим, что первоначально ученые мира понятие «глобальная компетентность» рассматривали лишь как многомерную способность специалиста, ориентированную на понимание и решение глобальных проблем различных народов, национальностей, культур, стран, а также на решение глобальных межнациональных и социальных проблем» [14]. Иначе говоря, рассматривалось решение глобальных проблем мира и его основных сфер, разделенных по национальному, культурному, географическому, территориальному признаку.

Глобальные проблемы – это проблемы, затрагивающие жизненно важные интересы всего населения мира (всемирные) или региона (региональные). Глобальные проблемы затрагивают различные сферы жизнедеятельности человека.

В настоящее время понятие «глобальная компетентность» рассматривается в узком и широком смысле слова.

В узком смысле данное понятие означает «способность:

– рассматривать весь мир и его отдельные аспекты как сложную систему, состоящую из различных взаимосвязанных элементов;

– рассматривать изучаемый объект как органическую часть одной из глобальных сфер человеческой деятельности (глобальной экономики, глобальной политики, глобальной социальной сферы, глобальной духовной сферы, в т. ч. глобальной культуры, глобального образования);

– понимать и принимать меры для решения глобальных проблем» [6].

В широком смысле слова под глобальной компетентностью понимают не только способность рассматривать изучаемый объект как органическую часть глобального мира, в том числе одной из глобальных сфер человеческой деятельности, и принимать меры для решения глобальных проблем, но и как:

а) способность, позволяющую (совместно с профессиональной компетентностью) принимать меры для эффективного решения ключевых профессиональных проблем (межотраслевых, отраслевых или специальных), эффективной практической реализации профессиональной деятельности и инновационного развития изучаемого объекта;

б) способность, позволяющую (совместно с компетентностью по конкретным учебным дисциплинам) принимать меры для эффективного решения ключевых проблем данных дисциплин, а также междисциплинарных проблем.

Реализация данных способностей осуществляется на основе:

– глобального образования, в том числе знаний о различных сферах человеческой деятельности и их проблемах, знаний о глобальных проблемах человечества;

– установления тесного взаимодействия с представителями этих сфер;

– педагогических технологий определения и решения проблем (проектных, исследовательских, проблемных, модульных, проблемно-модульных, интегральных), других современных технологий образования и развития личностных качеств;

– универсальных (метапредметных) учебных умений (компетенций) (познавательных, регулятивных, коммуникативных);

– современных цифровых технологий.

При данном подходе понятие «глобальная компетентность» рассматривается гораздо шире и более системно.

За рубежом реализуются различные организационно-педагогические условия повышения эффективности процесса развития глобальных компетенций студентов вузов.

Важным условием является цифровизация образования, внедрение цифровых технологий в процесс развития глобальных компетенций студентов.

Понятия «цифровые технологии» и «информационные технологии» – взаимосвязанные понятия.

Цифровые технологии – это технологии, основанные на дискретной (двоичной) системе счисления и базирующиеся на кодировании и трансляции информационных данных, позволяющих решать разнообразные задачи за относительно короткие отрезки времени (как передачи и обработки информации, так и другие задачи: цифровое производство, цифровой дизайн и т. д.) [6, 7].

Эффективность цифровых технологий повышается значительно при условии их реализации одновременно с другими инновациями, в частности при реализации одновременно с инновационными педагогическими и управленческими технологиями, например с технологией проектного управления.

Ключевая цель проектного управления – повышение эффективности процесса развития глобальных компетенций студентов на основе:

а) развития у студентов умений и навыков самостоятельно получать профессиональные знания, работать с профессиональной информацией, эффективной реализации универсальных компетенций (коммуникативных, регулятивных, познавательных);

б) личностного развития;

в) ориентации на конечный практический продукт.

Концепты (основные концептуальные идеи) технологии проектного управления процессом развития глобальных компетенций студентов:

1. Осознание обучаемыми проблемы необходимости повышения глобальной компетентности и направленность данной работы на конечный практический «осязаемый» продукт (например, конечный продукт может быть в форме памятки об инновационной компетентности и инновационной технологии, планов (технологических карт) учебных занятий по формированию инновационной компетентности на основе данной технологии и т.д.);

2. Самостоятельная познавательная, исследовательская работа студентов.

Принципы проектной деятельности:

а) мотивация (стимулирование) учебно-познавательности деятельности студентов и педагогических работников;

б) оптимальное сочетание теоретических и практических форм методической работы;

в) адаптивность проектной деятельности;

г) оптимальное сочетание форм работы (индивидуальной, групповой и фронтальной).

Рассмотрим пример реализации цифровых технологий в условиях проектного управления процессом развития глобальных компетенций студентов.

Модель процесса развития глобальных компетенций студентов зарубежных вузов на основе цифровизации образования в условиях проектного управления. Основные этапы процесса автоматизированы с помощью цифровых технологий.

1. Проблемно-ориентированный анализ уровня глобальной компетентности студентов (данный этап автоматизирован).

Проблема заключается в необходимости развивать у студентов глобальные компетенции.

2. Планирование (автоматизировано).

а) Целеполагание (автоматизировано).

Образовательная цель – развивать у студентов глобальные компетенции.

Цель как конечный практический продукт (или комплекс практических продуктов).

Разработать (подготовить):

– учебно-методическое пособие по развитию глобальных компетенций студентов на основе цифровых технологий;

– план или технологическую карту учебного занятия по развитию глобальных компетенций студентов на основе цифровых технологий;

– открытое занятие по развитию глобальных компетенций студентов на основе цифровых технологий;

– критерии оценки и анализа занятия по развитию глобальных компетенций студентов на основе цифровых технологий.

При дальнейшем планировании и реализации задач, конкретных мер и мероприятий студенты ориентируются не только на то, что у них должны сформироваться определенные знания, компетенции, но они также готовят (разрабатывают) описанный комплекс практических продуктов.

Основные задачи (определение задач автоматизировано):

а) изучить литературу по развитию глобальных компетенций студентов на основе цифровых технологий;

б) изучить электронную информацию по развитию глобальных компетенций студентов на основе цифровых технологий;

в) изучить опыт работы преподавателя по развитию глобальных компетенций студентов на основе цифровых технологий;

г) учеба на курсах по развитию глобальных компетенций студентов на основе цифровых технологий и т.д.

3. Поисково-исследовательская деятельность (автоматизирована):

а) поиск и изучение информации по развитию глобальных компетенций студентов на основе цифровых технологий (литературы, цифровой информации, опыта работы, обучения на курсах и т.п.);

б) исследовательская деятельность (можно уже на этом этапе проверить некоторые гипотезы об эффективности изучаемой технологии).

4. Проектирование (моделирование, конструирование) инновационной системы процесса развития глобальных компетенций студентов (частично автоматизировано).

5. Подготовка комплекса конечных практических продуктов (частично автоматизирована):

а) учебно-методического пособия или памятки по развитию глобальных компетенций студентов на основе цифровых технологий;

б) плана или технологической карты учебного занятия по развитию глобальных компетенций студентов на основе цифровых технологий;

в) открытого занятия по развитию глобальных компетенций студентов на основе цифровых технологий;

г) критериев оценки и анализа занятия по развитию глобальных компетенций студентов на основе цифровых технологий.

6. Презентация проекта (презентация комплекса конечных практических продуктов (частично автоматизирована)).

7. Рефлексия (самооценка, самоанализ) проектной деятельности.

Основные цифровые технологии, реализуемые в зарубежных вузах.

В зарубежных вузах имеются различное цифровое оборудование, лаборатории, включающие в себя многообразие приборов. Они позволяют автоматизировать различные этапы учебно-познавательной деятельности студентов, в т. ч. развивать навыки иностранной речи, а также автоматизировать основные функции управления процессом образования, в том числе управления процессом развития глобальных компетенций студентов. Существуют также специальные аудитории, снабженные ноутбуками и программным обеспечением, позволяющим взаимодействовать со студентами. В распоряжении студентов имеются лаборатории, оборудованные ноутбуками с выходом в Интернет, наушниками, микрофонами, динамиками, проектором и интерактивной доской. Это позволяет отрабатывать и контролировать различные навыки в процессе обучения.

Преподаватель имеет возможность создавать курсы для каждой учебной группы и выбрать свою траекторию развития глобальных компетенций.

Преподаватель, направив задания студентам, может наблюдать за их результатами в электронном журнале. Система автоматически анализирует и оценивает работы обучаемых, представляет обобщенную информацию по группе.

На занятиях активно используются электронные учебники. Данные ресурсы размещены в свободном доступе на сайтах и могут использоваться как в качестве дополнительного материала на занятиях, так и для самостоятельной работы студентов. Здесь представлены различные упражнения и задачи.

В зарубежных вузах все активнее используются так называемые инструменты коллективного пользования, призванные развивать навыки и умения проектно-исследовательской деятельности, коллективной работы [3; 6; 7]. К ним относятся облачные сервисы и системы дистанционного обучения, позволяющие разнообразить форматы проведения занятий – от телемостов до трансляции лекций из вузов. В свои курсы преподаватели загружают тексты, аудио, видео, ссылки на необходимые ресурсы, создают упражнения для отработки определенных тем, форумы для обсуждения и обратной связи со студентами, а также тесты для входного, промежуточного и итогового контроля.

Имеется доступ к видеоматериалам на всех изучаемых языках. Помимо этого, видеосопровождение дает возможность наглядно представить те явления, места, процессы, о которых идет речь.

Для самостоятельной работы студенты используют различные интернет-ресурсы, позволяющие закрепить знания по изученным темам, а также пообщаться в режиме онлайн.

Интерактивный компонент – непосредственная составляющая практических занятий. Практика предполагает его использование в ситуациях коммуникации.

Электронные курсы и учебники включают в себя тесты, задания, видео, аудирование, систему автоматического анализа и оценивания. Роль преподавателя ограничивается тьюторством, так как он является наблюдателем учебного процесса.

Роль преподавателя незаменима в преподавании. Цифровизация не может заменить человека.

Эффективность развития глобальных компетенций студентов вузов на основе цифровых технологий повышается в связи с тем, что цифровые технологии обеспечивают возможность:

– повысить темп обучения, что зависит от скорости передачи информации и является острой необходимостью в глобальном мире;

– обучаться дистанционно;

– автоматизировать управление процессом формирования и развития глобальных компетенций студентов (автоматизация функций управления: диагностика и анализ уровня глобальной компетентности студентов);

– автоматизировать поиск и изучение информации о развитии глобальных компетенций студентов (литературы, цифровой информации, опыта работы, обучения на курсах и т.п.);

– повысить эффективность исследовательской деятельности;

– обучаться у любого преподавателя по всему миру или в любой образовательной организации по всему миру;

– обучаться в удобное для себя время и в любом месте, без отрыва от основной деятельности;

– реализовать личностно ориентированный подход к обучению, проектировать и реализовывать индивидуальные траектории развития студентов;

– неформально общаться с представителями других национальностей и культур (друзья по переписке, социальные сети, форумы и т.д.) для налаживания межкультурных связей, передачи опыта и дополнительной практики иностранного языка;

– изучать мировую и национальную культуру;

– организовать коммуникации на основе использования и приобретения педагогического опыта, методической и учебной литературы по направлению;

– широко использовать в деятельности по развитию глобальных компетенций активные методы обучения;

– осуществлять интеграцию различных видов образовательной деятельности (образовательной, исследовательской и др.);

– активизировать адаптацию процесса развития глобальных компетенций студентов вузов к индивидуальным потребностям обучаемых;

– повысить мотивацию деятельности студентов по развитию глобальных компетенций.

Таким образом, формирование и развитие глобальных компетенций у студентов вузов обеспечивает не только решение глобальных (всеобщих) проблем, но и профессиональных проблем и совершенствование профессиональной подготовки специалистов (на основе интеграции профессиональной и глобальной компетентности и личностного развития будущих специалистов).

Цифровые технологии являются важным средством повышения эффективности развития глобальных компетенций у студентов вузов.

Результаты исследования

Проведен анализ развития понятий «глобальная компетентность» и «глобальные компетенции», определены и изучены современные модели развития глобальных компетенций у студентов зарубежных вузов как важного условия повышения уровня профессиональной подготовки специалистов:

– модель развития у студентов глобальных компетенций на основе создания в вузах центров обучения и управления данной деятельностью (центров глобальной компетентности);

– модель развития глобальных компетенций у студентов вузов на основе интернационализации образования;

– модель развития глобальных компетенций у студентов европейских вузов на основе Болонского процесса и др.

Исследование показало, что интеграция данных моделей с моделью развития глобальных компетенций у студентов вузов на основе цифровизации образования значительно повышает качество и эффективность данного процесса (процесса развития глобальных компетенций студентов) и его результатов.

Так, повышение уровня глобальных компетенций в исследуемых вузах наблюдалось в среднем: а) у 36% студентов с низкого до среднего уровня; б) у 25% студентов со среднего до высокого уровня (по шкале оценки качества вузовского образования государственных и межвузовских исследовательских программ США, ряда европейских стран, а также Международной программы оценки образовательной деятельности – PISA).

Данные модели также были экспериментально проверены и широко апробированы в образовательной деятельности отечественных вузов, в т.ч. Казанского государственного энергетического университета. Данные результаты также позволили сделать вывод о положительном влиянии данных моделей на учебный процесс в учреждениях высшего профессионального образования, его ресурсы и результаты. В ходе эксперимента отмечены следующие изменения: а) повышение качества конечных результатов работы вуза (количество студентов экспериментальных групп, выдержавших экзамены на «4» и «5», с 34.2% увеличилось до 48.4%); б) повышение качества и эффективности образовательного процесса (количество лекций и практических занятий в экспериментальных группах, на которых реализуются современные педагогические технологии, с 21% увеличилось до 87%).

Заключение

Опыт работы зарубежных вузов (США, Европы, а также стран Востока) по развитию у студентов глобальных компетенций как важного условия профессиональной подготовки специалистов (в том числе на основе цифровых технологий) в настоящее время является исключительно востребованным.

Вследствие этого имеется возможность реализовать основные положения исследований и опыт зарубежных вузов по данной проблеме (с учетом особенностей страны) в деятельности вузов России и значительно повысить уровень профессиональной подготовки отечественных специалистов.

Список литературы

1. Bruno A., Bates I., Brock T., Anderson C. Towards a global competency framework // American Journal of Pharmaceutical Education. 2010. № 74 (3). URL: https://doi.org/10.5688/aj740356 (дата обращения: 05.03.2023).

2. Hanvey R.G. An attainable global perspective // Theory into Practice. 1982. Vol. 21. № 3. P. 162–167.

3. Cogan J.J., Derricott R. Citizenship for the 21st century: an international perspective on education. L.: Kogan Page, 1998. P. 25–29.

4. Beetham H., McGill L., Littlejohn A. Thriving in the 21st century: Learning literacies for the digital age (LliDA project). Glasgow, UK : The Caledonian Academy, Glasgow Caledonian University, 2009. P. 14–19.

5. Deardorff D.K. Identification and assessment of intercultural competence as a student outcome of internationalization // Journal of Studies in International Education. 2006. № 3. P. 241–266.

6. Mansilla V.B., Jackson A. Educating for Global Competence: Preparing our Youth to Engage the World. 2011. CCSSO – Asia Society. URL: http://asiasociety.org/files/book-globalcompetence.pdf (дата обращения: 08.03.2023).

7. Hunter W.D., White G.P., Godbey G.C. What Does It Mean to be Globally Competent? // Journal of Studies in International Education. 2006. № 10 (3). P. 267–285.

8. Jian Li. Comprehensive Global Competence for World-Class Universities in China. Context, Concept, Model and Evaluation // Springer Nature. Singapore: Pte Ltd, 2020. P. 43–48.

9. Цзюнь Тен. Качество образования и глобальная компетентность студентов. Пекинский университет, 2016. 278 с.

10. Коваль Т.В., Дюкова С.Е. Глобальные компетенции – новый компонент функциональной грамотности // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1. № 4 (61). С. 112–123.

11. Коваль Т.В., Дюкова С.Е. Как оценивать умения учащихся в сфере глобальных компетенций // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1. № 4 (61). С. 208–217.

12. Королькова С.А. Компетентностный подход в профессиональном обучении // Вестник ВолГУ. 2008. Серия 6. Вып. 11. С. 29–33.

13. Миханова О.П. Формирование универсальных компетенций: от теории к практике // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2009. № 4 (12). С. 145–151.

14. Fantini A.E. Assessing intercultural competence // The SAGE handbook of intercultural competence. 2009. P. 456–476.

INCREASING THE EFFICIENCY OF THE PROCESS OF DEVELOPING GLOBAL COMPETENCES AMONG STUDENTS OF FOREIGN UNIVERSITIES ON THE BASIS OF DIGITALIZATION OF EDUCATION

A.T. Galiakhmetova

Kazan State Power Engineering University

The purpose of the work is to consider the problems of formation and development of global competence among students of foreign universities - one of the important components of functional literacy and an important condition for the professional training of a modern specialist.

One of the important reasons for the formation of global competence among future specialists is that the key task of modern professional education is the personal development of the future specialist, which ensures professional universalism – the ability of a person to change the ways and areas of his activity. In the modern labor market, the most important qualities of a specialist are the skills of self-development and self-education, the ability to solve problems that arise in knowledge, in relationships between people, in professional life and in personal self-determination. The results of a study conducted in a number of foreign universities show that the success of an employee depends on his professional competencies by only 15%, the remaining 85% depend on universal and global competencies.

The article developed and presented the essence and retrospective analysis of the development of the concepts of «global competence» and «global competences». The interrelation of global education and global competence, the influence of global competences on professional competence, the level of professional training of modern specialists are considered.

The effectiveness of the process of developing global competencies of students based on the digitalization of education has been proven.

The following methods were used in the work: theoretical: study of theoretical analysis and generalization of domestic and foreign psychological and pedagogical literature; empirical: pedagogical observation on the topic of research, survey, questioning, testing.

Keywords: globalization of social development, creation of common economic, political, educational and cultural centers, global education, global problems, global competencies, global competencies as a means of improving the professional training of specialists.

УДК 378.14.015.62
DOI 10.52452/18115942_2023_3_200

ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ КАЧЕСТВА ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СВЕТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРЕНДОВ: ОТ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ – К ИННОВАЦИОННОМУ СОДЕРЖАНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ

© 2023 г.

Е.В. Калинина

Калинина Евгения Валерьевна, д.ю.н.; профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского;
профессор кафедры социальной медицины и организации здравоохранения Приволжского исследовательского медицинского университета, Н. Новгород
ev_kalinina22@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.06.2023
Статья принята к публикации 05.07.2023

Рассматриваются три основных типа инноваций: системные инновации (глобальные и национальные образовательные тренды), инновационные образовательные технологии и инновационное содержание образовательных программ – и поднимается вопрос о целесообразности учета действующих трендов при пересмотре концепции российского образования и его реформировании.

Для реализации поставленных в исследовании задач были задействованы системный и функциональный анализ, а фокус на междисциплинарность обусловил использование синергетического подхода, объединившего правовой и педагогический инструментарий для обоснования комплекса мер по оптимизации современного юридического образования.

Автор приходит к выводу о том, что междисциплинарность является инновационной составляющей оптимизации образовательного процесса в современных вузах, включая юридические факультеты. В первую очередь, она должна затронуть дизайн образовательных программ. Помимо этого, требуется проработка аналитического механизма выявления и изучения изменений потребностей общества для успешного прогнозирования появления новых правовых профессиональных квалификаций.

Ключевые слова: юридическое образование, глобальные тренды, инновационные технологии, междисциплинарность, гибридные образовательные программы.

Введение

Целесообразность реконцептуализации и реформирования российской системы образования вызывает много споров и опасений. Будут ли учтены сложившиеся национальные и глобальные образовательные тренды в ходе будущих трансформаций или ситуация будет развиваться по уникальному сценарию? Следует признать, что подавляющее большинство трендов носят закономерный, а потому и универсальный характер – они связаны с фокусом на технологическое развитие, которого в последние годы придерживается и наша страна. Поэтому, реализуя программу стратегического позиционирования Российской Федерации в международном пространстве, не следует преуменьшать значимость «мягкой силы» образования.

10 ноября 2021 года в штаб-квартире ЮНЕСКО был представлен аналитический доклад о будущем образования до 2050 года [1] и далее. В нем выражена весьма интересная мысль о способности образования *управлять будущим*, как минимум *управлять изменениями*. Можно согласиться с мнением аналитиков ЮНЕСКО, поскольку образование действительно участвует во всех существенных социальных трансформациях (в пределах своего функционала, конечно), внося свой вклад в формирование социально-политической мировоззренческой платформы.

По всей видимости, именно на этот потенциал образования возлагаются большие надежды и в нашей стране. Так, в настоящий момент, под эгидой Министерства науки и высшего образования запущен проект внедрения в образовательный процесс универсального/общеобязательного курса «Основы российской государственности» [2]. Инициаторы проекта обосновывают его целесообразность назревшей потребностью возврата к традиционным духовно-нравственным ценностям [3; 4]. Инструкции к формированию контента дисциплины выдают попытку реанимировать подорванное доверие к своему национальному прошлому. Такое воздействие на обучающихся со временем может дать положительный результат, однако учитывая то, что последние десятилетия на молодые поколения осуществ-

лялось прямо противоположное влияние, сделать это будет непросто, да и методы следует использовать деликатные.

Таким образом, сейчас перед сферой образования поставлена непростая задача – стать эффективным инструментом в преобразовании мировоззренческой платформы общества. Тем не менее возврат к старому (содержание и обучающие приемы) невозможен в силу изменившегося мировоззрения и мировосприятия потенциальных реципиентов знаний. Для эффективного воздействия на обучаемых необходимо использовать современные, инновационные инструменты, даже в тех случаях, когда речь идет о популяризации нашего славного прошлого и рецепции традиционных духовно-нравственных ценностей. Так, в проекте УМК «Основы российской государственности» для проработки каждого из базовых блоков предусмотрено использование кейс-стади, квизов, квестов и др. [5].

Исходя из вышесказанного, нельзя не согласиться с мнением о дуалистичности природы образования: с одной стороны, оно достаточно консервативно, поскольку призвано формировать новые поколения в духе культуры, традиций, духовно-нравственных ориентиров общества, в целях сохранения его идентичности и гарантии его целостности. С другой стороны, образование неизбежно испытывает на себе все существенные «колебания» и трансформации социума, чьи потребности оно должно обеспечивать в рамках своего функционала, отражая инновационные практики, «определяющие перспективы развития общества» [6, с. 3–76].

Представляется логичным рассмотреть заявленную проблему в такой последовательности: 1) *инновации современной системы образования* (глобальные тренды и их реализация во внутригосударственном пространстве), 2) *инновационные образовательные технологии,* 3) *инновационное содержание образовательных программ*.

Инновации современной системы образования

Анализ эмпирического материала и исследований, опубликованных за последние годы, позволяет выделить следующие наиболее явные трансформации современной образовательной системы.

Во-первых, крупные компании, являющиеся работодателями, *«запустили» собственные программы подготовки кадров,* специализированные на выработке наиболее актуальных, а потому – востребованных навыков, что автоматически делает данные коммерческие структуры *успешными конкурентами классических вузов,* предлагающих в первую очередь фундаментальные, а лишь затем практико-ориентированные компетенции.

Во-вторых, научно-технический прогресс, существенно ускоривший все социальные процессы, привел к *быстрому устареванию профессиональных* (и не только) *знаний и умений* [7], что, в свою очередь, требует оперативного заполнения постоянно образующихся компетентностных «пробелов». Таким образом, необходимость постоянного обновления знаний обусловила *третий* вид образовательной трансформации – lifelong education. Несмотря на потребность в обновлении профессиональной информации, высокая конкуренция не позволяет надолго оставлять рабочие места, в связи с чем закрепилась *четвертая* инновация – разнообразие программ ДПО, позволяющих обучаться не только в традиционных учебных заведениях, но и на рабочем месте. Это повлекло за собой популяризацию появившихся в печальные времена пандемии платформ удаленного обучения, что можно считать *пятым* новшеством.

В-шестых, «подвижность»/изменчивость образовательного контента и признание необходимости непрерывного обучения привели к пересмотру концепции образовательных целей и задач. Вместо традиционной передачи накопленного массива знаний в рамках определенных специализаций от обучающего обучаемому последнему прививаются навыки эффективного поиска информации, что, при сложившихся обстоятельствах, является оптимальным способом подготовки студента к будущей профессиональной жизни. Кстати, среди образовательных подходов в сфере юриспруденции всегда предполагалось развитие умений поиска и корректного выбора нормативного материала для разрешения конкретного дела. А любому практикующему юристу всегда приходилось отслеживать новеллы в законодательстве, так что «мобильностью» нормативных знаний правоведов испугать сложно.

В-седьмых, проникновение высоких технологий во все сферы общественной деятельности, обусловило, с одной стороны, *возникновение* множества *новых профессий* [8], что повлекло открытие в вузах новых направлений подготовки, а с другой – потребность в *междисциплинарных образовательных программах* для подготовки кадров нового типа. Так, признанная необходимость в правовом регулировании оказания медицинских услуг приводит к признанию нового направления в праве – медицинского права; медицинские работники вынуждены получать дополнительное юридиче-

ское образование, а юристы – знакомиться с основами организации здравоохранения и социальной медицины. Аналогичная потребность в профессионалах, обладающих «гибридными» компетенциями, наблюдается и в сфере обеспечения безопасности медиапространства и правовом регулировании его добросовестного использования.

В-восьмых, подобная междисциплинарность и спрос общества на многофункциональных специалистов закономерно вынуждают *интегрироваться* в единое образовательное пространство не только подразделения, участвующие в инновационных совместных проектах внутри образовательного учреждения, но и целые вузы, ранее специализировавшиеся на определенных направлениях подготовки [7, с. 73–78].

Экономические, политические и социальные изменения, воздействуя на систему образования и профессиональной подготовки, порой приводят к реконцептуализации функционала образовательных организаций, их *реструктуризации* и *изменению внутренней экосистемы*. В связи с этим можно обозначить ряд вызовов переосмысления концептуальных основ образовательной системы.

(1) *Лоббирование работодателями-промышленниками отступления от традиционной фундаментальности университетского образования и заполнения образовательных программ практико-ориентированным контентом*. Тут выявляется дилемма: работодатели, участвующие в формировании концепции содержания образовательных программ, согласно ФГОС 3++, ратуют за уменьшение (если не упразднение) фундаментальных предметов в пользу специализированных, чтобы сократить период адаптации при поступлении на работу.

С другой стороны, ранее обозначенная тенденция быстрого морального устаревания конкретных знаний и навыков практически лишает смысла такой вариант, в то время как именно фундаментальные профильные дисциплины развивают у обучающихся широкий кругозор и аналитическое мышление, позволяющее выявлять закономерности и на их основе строить прогнозы, в том числе – и относительно дальнейших изменений приоритетов в производственно-экономической сфере.

Другими вызовами можно считать (2) *инкорпорирование гуманитарных знаний* в учебные программы непрофильных направлений; (3) *междисциплинарный характер современных технологий*, требующий такой же междисциплинарности в обучении будущих и имеющихся кадров; (4) внедрение междисциплинарных образовательных программ требует либо *внутривузовской интеграции,* либо *межуниверситетской интеграции*, что неизбежно усложнит управление образовательными учреждениями; (5) дальнейшие *структурные изменения внутри вуза* при переходе на междисциплинарное обучение.

Инновационные тренды, способствующие оптимизации качества учебного процесса и востребованности образовательного продукта

За последние годы в научных публикациях [9–11], аналитических отчетах [6] и интернет-публикациях [12–14] были названы глобальные тренды, направленные не только на оптимизацию качества образования, но и на синхронизацию последнего с меняющимися потребностями общества. Наибольшее признание получили: 1) *практическая ориентированность обучения,* 2) *проектная деятельность,* 3) *повсеместное внедрение ИКТ в образовательный процесс,* 4) *геймификация* и 5) *индивидуализация обучения*. И если первые три позиции из разряда новшеств переходят в состояние привычной практики, то применимость последних двух неоднозначна. Так, *индивидуализация обучения (личностно ориентированное обучение)* в современном понимании, опирающемся на идею опционности, предоставления студентам возможности выстроить собственную образовательную траекторию, что представляет наибольший интерес, поскольку содержит потенциал «гибкости» и, возможно, междисциплинарности направлений профессиональной подготовки, российскими вузами воспринимается как нерентабельное. Поэтому наше видение *индивидуализации* сохраняет свою «традиционность»: внимательное отношение преподавателей к обучаемым, учет познавательной и психологической специфики рабочих групп, что позволяет грамотно распределять задания между обучаемыми для достижения оптимального результата. Этот прием можно совмещать с проектной деятельностью. Тем не менее эффективная синхронизация вуза с социально-экономическими изменениями зависит от его способности предоставить «гибкие», подвижные образовательные программы с междисциплинарными модулями, обеспечивающими обучающимся возможность перехода от одной специальности к другой[1] в индивидуальном порядке.

Что касается *геймификации*, то, казалось бы, она, как разновидность игровых технологий, прекрасно встраивается в систему передачи новых знаний и отработки умений и навыков в увлекательной форме, вызывающей азарт обучающихся. Этот подход широко использован в

технологически насыщенных направлениях подготовки, а также у экономистов и менеджеров, но, к сожалению, в юридических специальностях, характеризующихся тяготением к консервативным и традиционным приемам, не слишком широко распространен. Тем не менее создание программ-симуляций, при помощи которых студенты могли бы развивать искусство риторики, вырабатывая навыки выступления в суде или умение вести деловые переговоры, не говоря уже о других возможных имитациях жизненных ситуаций, в которых требуется помощь юриста, оптимизировало бы процесс подготовки квалифицированных кадров. Ранее применение игровых технологий в учебном процессе предполагало организацию группы студентов на такой формат взаимодействия, продумывание сценария, распределение ролей, совместный анализ кейсов и способы поощрения. Современные электронные симуляции позволили бы сэкономить аудиторное время, а студентам предоставили бы возможность выбрать свой собственный ритм и испытать себя в разных ролях в рамках компьютерных имитаций правоотношений с последующей программной обработкой результатов, мониторинг которых осуществляет преподаватель.

На современном этапе пришло осознание целесообразности *системного подхода* к применению инновационных инструментов. Если ранее аналитики рассуждали об эффективности применения, например, игровых технологий или широкого использования презентаций при проведении лекций и семинаров, а об удаленном доступе к очным занятиям не приходилось и мечтать, то сейчас многие образовательные программы становятся привлекательными именно благодаря инновационным средствам, экономящим время и усилия обучающихся, без потери в качестве обучающего материала. Последнее, однако, не будет эффективным без мотивированности студентов и зрелого подхода к самообучению.

Системность же инновационных технологий предполагает комплексное их использование и взаимообусловленность. Так, геймификация не может реализоваться без широкого внедрения ИКТ в образовательный процесс. Создание компьютерных обучающих симуляций может стать продуктом проектной деятельности совместной рабочей группы, включающей, например, студентов-юристов и студентов IT-направлений подготовки.

Таким образом, *оптимизация качества образовательного процесса в эпоху инновационных трендов* зависит от множества *факторов*, самыми распространенными из которых являются: *достаточная материально-техническая база подразделения/вуза*; *специфика образовательного предмета*; *заинтересованность преподавателей* в креативном подходе к учебному процессу; *мотивированность и организованность студентов*; *наличие аудиторного времени*, которое можно «выкроить» из объема часов, отведенных под освоение учебного курса, и прочие.

Инновационность содержания образовательных программ

В ноябре 2022 года, на основании докладов высокопоставленных чиновников от науки и высшего образования, ректоров ведущих вузов были разработаны и опубликованы Рекомендации Государственной Думы[1] относительно дальнейшего развития российской системы образования. Его планирование требует 1) прогнозирования потребностей экономики и социума в кадрах специфического профиля (п. 1.1) и 2) мобильности моделей подготовки, формирующих «междисциплинарных специалистов» (п. 1.4). Первое представляется существенным вызовом, поскольку до сих пор не выработано аналитических механизмов, позволяющих выстраивать достоверные прогнозы изменения спроса рынка труда. Да и разработка качественных образовательных программ по подготовке кадров для новых профессий требует времени и «обкатки» курсов. А к тому моменту, когда будет достигнут достаточный уровень качества образовательных продуктов, их контент может оказаться неактуальным.

Последние годы в научном дискурсе обсуждается концепция *опережающего образования* [15], одной из производных которой можно считать идею *опережающего моделирования реальности* [16, с. 13]. Дабы синхронизироваться с потребностями рынка труда, вузы начинают формировать так называемый «динамический портфель образовательных программ» [6], ежегодно обновляющийся и актуализирующийся. В качестве примера можно упомянуть разработку модульного комплекса по медиаправу и правовому регулированию прогрессивного коммуникативного пространства на юридическом факультете ННГУ им. Н.И. Лобачевского, которая предшествовала проекту построения новой социально-политической мировоззренческой платформы, однако во многом предвосхищала механизм решения задач информационно-психологической безопасности социума.

Тем не менее прогнозирование будущего спроса на новые профессии требует проведения постоянного мониторинга экономических и социально-политических трансформаций и выяв-

ления закономерностей, позволяющих с высокой степенью вероятности «просчитать» будущие потребности общества. Решению такой проблемы способствовало бы создание междисциплинарных центров компаративной аналитики социально-правовых процессов.

Второй аспект – формирование междисциплинарных кадров – требует инновационного подхода к содержанию образовательных программ. Примером реакции системы образования на изменение спроса на кадры специфической квалификации можно считать следующие инновационные преобразования учебных планов по юриспруденции: 1) появление дисциплин, отражающих признание новых сфер деятельности, требующих правового регулирования, а также научно-технологические потребности общества (информационные технологии в юриспруденции, медицинское право, спортивное право, юридическая конфликтология и прочие); 2) внедрение дисциплин, связанных с трансформациями в межгосударственном взаимодействии (интеграционное право, право международной безопасности и международной информационной безопасности, глобальное право и др.).

Тем не менее, учитывая сложную ситуацию, в которой оказалась наша страна, и стремление руководства выработать солидную мировоззренческую социально-политическую платформу как основу жизнеспособности и солидарности внутри российского общества, требуются инновационные междисциплинарные курсы, объединяющие знания в нескольких сферах. Таким образовательным продуктом представляются «Основы российской государственности», охватывающие базовые знания в сфере истории, политологии, социологии, психологии и правоведения. Однако такой массив может стать эффективным только будучи подкрепленным другими междисциплинарными курсами, призванными сформировать подвижные компетенции в сфере государствоведения и обществоведения. Так, весьма полезным было бы включение в программу подготовки юристов курсов (модулей), содержащих информацию о профайлинге пространства массовых коммуникаций и об этическом и социально-правовом регулировании отдельных его областей (медиаправо).

Заключение

Принимая во внимание сложившиеся тренды и имеющиеся практики (как российских вузов, так и зарубежных), можно сделать нижеследующие выводы относительно способов оптимизации учебного процесса.

Оптимизация нашего образования зависит от множества *факторов*, немаловажными из которых являются: 1) *содержание учебного* и *научного материала*, его *качество* и *междисциплинарность*; 2) *способы подачи* учебной информации (с акцентом на инновационные инструменты, обеспечивающие быстрое и глубокое усвоение, а также способность вуза предложить преподавание дисциплин, заложенных в учебном плане, на иностранных языках); 3) *комплексный* и *системный* (взаимосвязанный) характер инновационных технологий; 4) *связь теории и практики/практическая применимость предлагаемого учебного материала* (кстати, для этого требуется, чтобы сферы знаний, которые мы предлагаем, были обеспечены высоким и конкурентоспособным уровнем развития, иначе наш образовательный материал не будет пользоваться спросом).

Междисциплинарность – это *инновационная составляющая оптимизации образовательного процесса* в вузах. Как вытекает из вышесказанного, ее целесообразность продиктована сразу несколькими *социально-образовательными трендами*: индивидуализацией обучения; практической ориентированностью обучения; востребованностью проектного мышления; изменчивостью спроса на виды профессиональных квалификаций и интенсивностью формирования новых профессий; потребностью общества в определенных константах для сохранения своей идентичности и солидарности.

Создание ***единообразных этических представлений общества*** требует также внедрения в программу подготовки юристов гибридных курсов по медиаправу, предполагающих не только изучение системы норм, регулирующих медиасферу, но и профайлинг сетевых и иных информационных ресурсов, ставших частью прогрессивного коммуникативного пространства.

Примечание

1. Рекомендации парламентских слушаний на тему «Развитие системы высшего образования в Российской Федерации», утвержденные Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания РФ № 2485-8ГД от 24 ноября 2022 года.

Список литературы

1. Reimagining our futures together: a new social contract for education. Report from the International Commission on the Futures of Education. Published in 2021 by the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 7, place de Fontenoy, 75352 Paris 07 SP, France. UNESCO 2021. https://doi.org/10.54675/ASRB4722. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379707 (дата обращения: 28.05.2023).

2. В Госдуме рассказали о новом предмете «Основы российской государственности». URL: https://

www.vedomosti.ru/society/articles/2023/04/05/969639-gosdume-osnovi-rossiiskoi-gosudarstvennosti (дата обращения: 15.04.2023).

3. Курс «Основы российской государственности» введут в вузах с 1 сентября. URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/04/10/970275-kurs-osnovi-rossiiskoi-gosudarstvennosti (дата обращения: 15.04.2023).

4. В подготовке курса «Основы российской государственности» для вузов приняли участие 3 тысячи преподавателей. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/66405/ (дата обращения: 20.04.2023).

5. Информационное письмо Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 21.04.2023 № МН-11/1516-ПК. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/method/Ps_MON_MN_11_1516_PK_21042023.pdf (дата обращения: 29.04.2023).

6. Тенденции развития высшего образования в мире и в России. Аналитический доклад-дайджест / Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Научно-исследовательский институт развития образования. Москва, 2021. URL: https://www.rea.ru/ru/org/managements/Nauchno-issledovatelskijj-institut-razvitija-obrazovanija/Documents/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4-%D0%B4%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%20%D0%A2%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%8F%20%D0%B2%D1%8B%D1%81%D1%88%D0%B5%D0%B3%D0%BE%20%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F.pdf (дата обращения: 19.05.2023).

7. Тарабаева В.Б. Инновационное развитие вузов: проблемы управления конфликтами: Монография. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. 324 с.

8. Атлас новых профессий. URL: https://atlas100.ru/catalog/ (дата обращения: 29.05.2023).

9. Фокина Л.В. Тренды современного образования: философское осмысление // Образование и право. 2021. № 4. С. 456–462. URL: file:///C:/Users/%D0%95%D0%B2%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0/Downloads/trendy-sovremennogo-obrazovaniya-filosofskoe-osmyslenie.pdf (дата обращения: 20.05.2023).

10. Константинова Л.В. Глобальные тренды развития современного образования // Россия в XXI веке: образование как важный цивилизационный институт развития и формирования российской культурно-исторической идентичности: Сборник докладов и материалов XXX Моисеевских чтений. М.: Академия МНЭПУ, 2022. С. 36–44.

11. Клячко Т.Л. Образование в России и мире: основные тенденции // Образовательная политика. 2020. № 1 (81). С. 26–42.

12. Школа будущего: пять трендов, которые совершат революцию в высшем образовании. 08.06.2020. URL: https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/404527-shkola-budushchego-pyat-trendov-kotorye-sovershat-revolyuciyu-v-vysshem (дата обращения: 20.05.2023).

13. Форсайт: основные тренды образования будущего // Электронный журнал «Аккредитация в образовании». 2020. 6. URL: https://akvobr.ru/forsait_osnovnie_trendi_obrazovaniya_buduschego.html (дата обращения: 24.05.2023).

14. Образование будущего: принципы и тренды. 04.02.2022. URL: https://gb.ru/blog/obrazovanie-buduschego/ (дата обращения: 21.05.2023).

15. Сиренко С.Н. Опережающее педагогическое образование как инструмент управления будущим // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: Труды 4-й Международной конференции (4–5 февраля 2021 г., Москва). М.: ИПМ им. М.В. Келдыша, 2021. С. 260–269.

16. Гафурова Н.В., Осипова С.И. Идеи и проблемы опережающего образования // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 4. С. 9–14.

ENHANCEMENT OF LEGAL EDUCATION WITHIN GLOBAL TRENDS: FROM INNOVATIVE TECHNOLOGIES TOWARDS INNOVATIVE CONTENT OF ACADEMIC PROGRAMS.

E.V. Kalinina

Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod
Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod

The article examines three essential types of innovations: systematic ones (global and national educational trends), innovative educational technologies and innovative content of academic programs. The crucial point is whether the current trends should be considered while reimagining of the system of Russian education or not.

Methods. The goals of the research required the use of systematic and functional analysis. Focus on interdisciplinarity preconditioned the synergetic approach that unites legal and pedagogical tools for substantiating comprehensive set of measures for legal education enhancement.

Results. The author infers that interdisciplinarity is an innovative component of the enhancement of educational process. First of all, it should be considered in regard to the design of academic programs. Besides that, the current reality requires analytical mechanism for detecting and studying the transformations of public needs for forecasting of emerging of new professions (including legal ones).

Keywords: legal education, global trends, innovative technologies, interdisciplinarity, hybrid academic programs.

УДК 377
DOI 10.52452/18115942_2023_3_206

ПРИМЕНЕНИЕ МЕНТАЛЬНЫХ КАРТ В РАЗВИТИИ КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ

© 2023 г.

О.Ю. Муллер

Муллер Ольга Юрьевна, к.пед.н.; доцент кафедры педагогики профессионального и дополнительного образования Сургутского государственного университета
muller_ou@surgu.ru

Статья поступила в редакцию 26.02.2023
Статья принята к публикации 06.05.2023

Автор статьи рассматривает ментальные карты, применение которых в образовательном процессе позволяет сменить роль обучающегося с пассивной на активную, способствуя развитию когнитивного мышления. Именно ментальные карты позволяют визуализировать большие объемы сложного для изучения теоретического материала с высоким уровнем абстрактности. Цель данного исследования – определение эффективности применения ментальных карт в развитии когнитивных способностей студентов педагогического направления. Методы исследования: теоретические (анализ, синтез, систематизация, обобщение) и эмпирические (тестирование). В эксперименте на базе Сургутского государственного университета участвовали студенты 1–2 курсов направления «Педагогическое образование» (две группы), изучающие дисциплины «Педагогика», «Психология». В рамках эксперимента студенты разрабатывали ментальную карту, основанную на семантической сети, – выделяли понятия предметной области, связи между ними, а также направления связей между понятиями и их смысл. Представленные результаты исследования и обзор источников позволяют сделать вывод об эффективности применения ментальных карт в развитии когнитивных способностей студентов.

Ключевые слова: ментальные карты, когнитивные способности, визуализация, информация, студент.

Введение

В условиях цифровизации и гуманизации современного образования увеличивается внимание к когнитивным технологиям в педагогике. Ранее остававшиеся в категории педагогических экспериментов и альтернативных подходов в образовании, когнитивные технологии, прошедшие успешную апробацию во многих экспериментах, становятся отличной перспективой для развития педагогики в XXI веке, т. к. они характеризуются высоким уровнем соответствия особенностям постиндустриального информационного общества. Когнитивные технологии, таким образом, представляются актуальным инструментом, использование которого во многих сферах деятельности современного человека соответствует сложившимся условиям. Среди множества когнитивных технологий следует отметить ментальные карты, теорию которых, основанную на образовании модели радианного мышления, выдвинул британский психолог Тони Бьюзен.

Обзор литературы

В рамках когнитивного подхода М.А. Холодной разработана теория, заключающаяся в редукции интеллекта к свойствам отдельных познавательных процессов. По мнению исследователя, именно процесс словесно-образного перевода, предполагающий актуализацию визуальных когнитивных схем разной степени обобщенности, обеспечивает предметный характер понятийной мысли [1].

Российским ученым В.А. Козаренко в 1990 году была разработана система запоминания «Джордано», способствующая эффективному запоминанию информации при изучении основных дисциплин [2]. Также следует отметить в изучении данного направления С.С. Матвеева, являющегося экспертом в сфере развития памяти [3]. Многие исследователи разрабатывают новые методы и приемы, способствующие эффективному запоминанию и усвоению информации. Но именно Тони Бьюзен стал популяризатором идеи интеллект-карт как эффективного способа работы с информацией [4]. Как отмечает автор, ментальная карта может выглядеть поразному, но принцип их построения один: в центре картинкой либо словами обозначается основная идея или проблема – ядро, из которого произрастают, как ветки, связанные с ним понятия, свойства, ассоциации. Затем каждая ветка продолжает делиться на более тонкие веточки – так происходит детализация свойств элементов карты, обозначаются направления работы, углубляются ассоциации. Исследователь отмечает,

что важно каждую новую ветвь рисовать другим цветом и стилем, далее придерживаться этой цветовой гаммы при дальнейшем разветвлении – таким образом четче выделяются смысловые блоки ментальной карты.

Изучением данного метода в России занимается профессор М.Е. Бершадский, который предлагает использовать его не только как обучающую, но и как диагностическую структуру, позволяющую определить уровень сформированности знаний и умений обучающихся в овладении и осознании учебного материала [5]. В частности, Л.М. Андрюхина раскрывает сущность технологии ментальных карт и методику их использования при оценке уровня достижения общекультурных компетенций обучающихся [6].

С.Г. Новикова в своем исследовании доказывает, что метод интеллект-карт позволяет реализовать обучающимся свои творческие способности и личностные качества, создает условия для их самообразования [7].

Важны размышления М.А. Каримовой в данном направлении: интеллект-карты представляют собой шаг вперед на пути прогресса от линейного (одномерного) через латеральное (двухмерное) к радиантному (многомерному) мышлению [8]. При этом Р.Ф. Мусин отмечает главное достоинство этого метода – простоту и схематичность изложения мысли [9].

Данные научные обоснования эффективности применения ментальных карт позволяют констатировать, что ментальная карта – это наглядный графический инструмент мышления, который структурирует информацию, систематизирует и обобщает данные [10].

Методы и материалы

В качестве методологической основы исследования выступили идеи Т. Бьюзена, М.Е. Бершадского, В.Э. Морозова, Е.А. Щеуловой, О.В. Кудринской, направленные на психолого-педагогические аспекты когнитивного обучения. Методы исследования: теоретические (анализ, синтез, систематизация, обобщение) и эмпирические (тестирование).

В эксперименте на базе Сургутского государственного университета участвовали студенты 1–2 курсов направления «Педагогическое образование» (две группы), изучающие дисциплины «Педагогика» и «Психология». В рамках данного исследования нами проведен эксперимент по определению эффективности использования ментальных карт.

Цель данного исследования – определение эффективности применения ментальных карт в развитии когнитивных способностей студентов педагогического направления.

Результаты и их обсуждение

В рамках изучаемой технологии в условиях образовательного процесса важен результат, итогом которого может быть повышение уровня формирования у студентов мышления и сознания, которые детерминируют в дальнейшем характер приобретаемых знаний. Такое формирование требует, в свою очередь, применения специальных приемов и способов выстраивания учебного процесса [11]. Данной цели возможно достигнуть с помощью повышения уровня формирования когнитивной компетенции – готовности к реализации разных видов познавательной деятельности, а также возможностей применения своих знаний на практике. При этом относящиеся к переработке полученной информации когнитивные механизмы можно определить как одни из важных в профессиональном становлении будущих специалистов. Поэтому в нашем исследовании является актуальным изучение ментальных карт как эффективной технологии в развитии когнитивных способностей студентов.

На основании выше названных исследований мы резюмируем, что при применении ментальных карт используются для обучения когнитивные способности человека [12]. А.А. Логинова охарактеризовала когнитивные способности человека как психические процессы (мышление, память и внимание), способные определить степень успешности человека в познавательной деятельности [13]. Ю.Ф. Фасхутдинова также в своем исследовании утверждает, что основными когнитивными навыками, необходимыми в процессе обучения, являются мышление, память, внимание, а также обработка и упорядочивание информации [14].

В контексте когнитивистики использование технологии ментальных карт базируется на модели радианного мышления, сущность которого заключается в представлении центрального сферического объекта как информации, поступающей в мозг (образ, запах, цвет, звук и т. д.). Благодаря особенностям мнемонической и ассоциативной памяти можно провести ассоциации в виде когнитивной карты, построенной на основе полученных в ходе обучения знаний и умений.

Таким образом, обучение по технологии ментальных карт соответствует структурной схеме когнитивной педагогики и теории когнитивных карт, поскольку предлагает рассматривать обучение как процесс их построения, которым можно управлять (рис. 1).

Как видно на рис. 1, все связи расходятся от центрального объекта, от «прототипа». Все расходящиеся от «прототипа» связи конкрети-

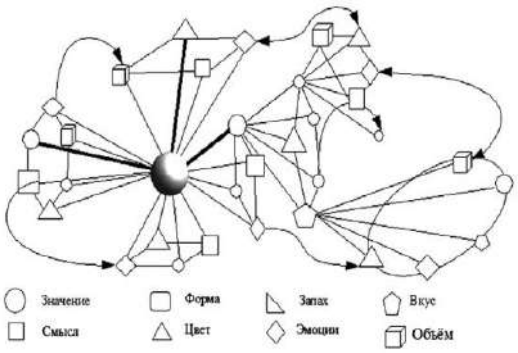

Рис. 1. Ассоциативная сеть (когнитивная карта)

зируют сведения об этом объекте, имея с ним индивидуальную ассоциативную связь, которой нет у других элементов схемы [15].

При построении ментальной карты используются все особенности ассоциативной сети. Для запоминания может применяться запоминающийся объект (слово, образ и т. д.), который проще обозначить картинкой. Остальные связи отражаются как можно конкретнее, не допуская многозначной трактовки, для чего их необходимо подкреплять цветом, изображениями и т. п. Учитывается также эффект синестезии — комбинирование всех видов эмоционально-чувственного восприятия [16].

В целом ассоциативная сеть считается бесконечной. Это позволяет не ограничивать область применения ментальных карт в обучении студентов. Однако немаловажным условием является эффективное использование ментальных карт обучающимися в соответствии с вышеописанной теорией, что необходимо учитывать при определении возможностей их практического применения.

Исследуем практические возможности применения ментальных карт в развитии когнитивных способностей студентов педагогического направления с учетом теоретических и практических аспектов, касающихся когнитивной теории.

В контексте данного исследования имеет значение то, что в постсоветской педагогике ментальные карты часто применяются в контексте мыследеятельностной педагогики, поскольку она ориентирована на востребованное метапредметное обучение [17]. В условиях вуза данное условие способствует формированию надпредметных компетенций, позволяющих производить универсальные учебные действия (УУД), интенсифицирующие образовательный процесс и предоставляющие возможность эффективнее усвоить содержание различных дисциплин.

Следует учесть, что концепция УУД разработана на базе системно-деятельностного подхода, что позволяет применять ментальные карты для изучения практически любой дисциплины с равной эффективностью [18]. Качество усвоения знаний определяется многообразием и характером видов УУД. Ментальные карты в данном случае эффективны тем, что развивают у студентов навыки, позволяющие быстро и качественно обрабатывать большие объемы информации (запоминать, воспроизводить, анализировать, синтезировать, сравнивать, устанавливать причинно-следственные связи и т. д.) [19].

В теории мыследеятельностной педагогики УУД разделяются на четыре группы (рис. 2).

В данном случае нас интересует группа «Знак», поскольку связанные с ней знаково-символические действия формируются с использованием ментальных карт. Знаково-символические действия отражают моделирование как преобразование объекта из чувственной формы в модель, где выделены существенные характеристики объекта.

В рамках эксперимента на протяжении учебного семестра студенты (контрольная группа – 20 человек, экспериментальная – 20 человек) составляли ментальные карты по темам из предусмотренных на семестр учебных дисциплин педагогического профиля в рамках проектной деятельности (темы для углубленного освоения выбирались самостоятельно).

После освоения материала студенты представляли изученный материал с помощью ментальных карт преподавателю на промежуточной аттестации. Например, студенты экспериментальной группы при изучении дисциплины «Педагогика» в программе Mindomo разрабатывали проект на тему «Современные образовательные технологии», основанный на построении ментальной карты, при этом графами, объектами выступили понятия, свойства, процессы. Студентам необходимо было построить семантическую сеть, в которой нужно выделить понятия предметной области, связи между ними, а также направления связей между понятиями и их смысл. В данном случае студенты использовали семантическую сеть по принципу ассоциации как инструмент анализа учебного материала и форму представления результатов, при этом совместно в группе сформулировали алгоритм действий (рис. 3).

Для определения уровней формирования познавательной активности (низкий, средний, высокий) мы использовали следующие методики: методика изучения мотивации профессиональной деятельности по К. Замфир в модификации А. Реана – ценностный компонент; методика выявления коммуникативных и организаторских склонностей В.В. Синявского, В.А. Федоришина – деятельностный компонент; тестовые задания по В.С. Аванесову – когнитивный компонент.

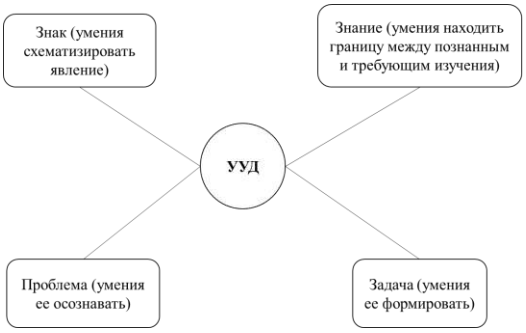

Рис. 2. Универсальные учебные действия

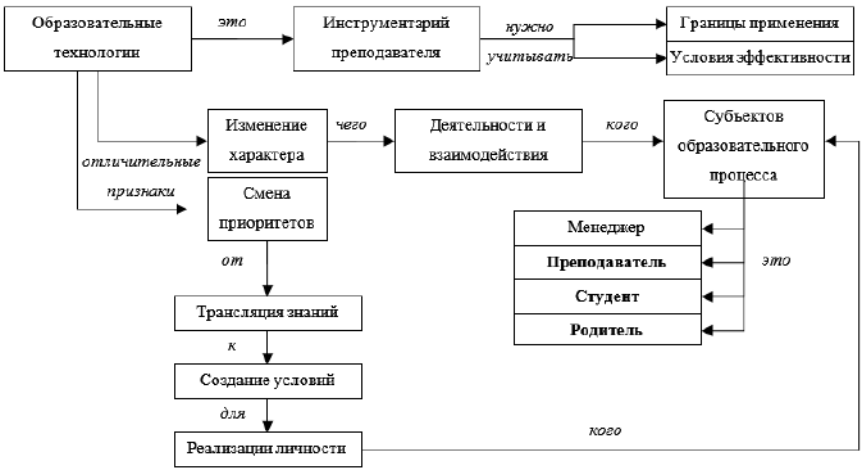

Рис. 3. Пример семантической сети «Современные образовательные технологии» (фрагмент)

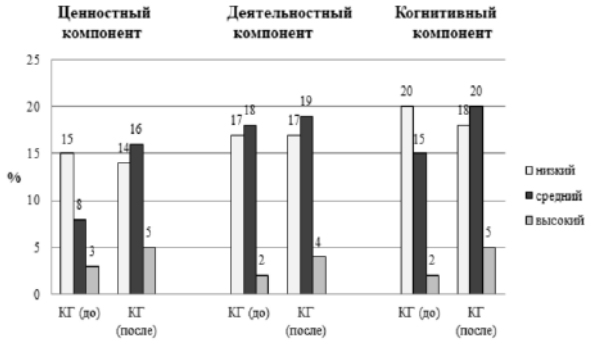

Рис. 4. Динамика уровней формирования познавательной активности будущих педагогов (контрольная группа)

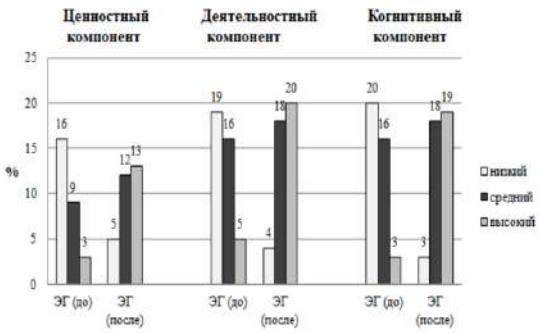

Рис. 5. Динамика уровней формирования познавательной активности будущих педагогов (экспериментальная группа)

Результаты констатирующего и оценочного этапов представлены на рисунках 4 и 5.

Как видно из результатов констатирующего этапа, в контрольной и экспериментальной группах преобладают низкий и средний уровни формирования познавательной активности, а высокий уровень отличается незначительно. Здесь следует отметить недостаточный уровень развития ценностного, деятельностного и когнитивного компонентов, что подтвердило необходимость проведения формирующего этапа, направленного на разработку проекта, основанного на построении семантической сети. Результаты эксперимента свидетельствуют о положительной динамике формирования познавательной активности студентов. Эмпирические данные, представленные в исследовании, могут служить обоснованием эффективного применения технологии ментальных карт в развитии когнитивных способностей студентов.

Заключение

Эксперимент позволил определить влияние ментальных карт на развитие когнитивных способностей студентов педагогического профиля

в процессе изучения гуманитарных дисциплин, содержащих большой объем информации для усвоения. С дидактической точки зрения данный фактор ориентирует практическое применение ментальных карт на формирование надпредметных компетенций через группу навыков «Знак».

Преимущества данной технологии заключаются в изучении материала, основанном на создании структурно-смыслового единства, а также в поэтапной разработке в зависимости от количества логических элементов. Таким образом, результат проведенного эксперимента свидетельствует, что ментальные карты как инструмент в развитии когнитивных способностей студентов способствуют эффективному запоминанию информации.

Ментальные карты являются когнитивной технологией, которая наиболее востребована в теории и практике мыследеятельностной педагогики. В данном случае такая технология представляется как наиболее эффективный инструмент формирования надпредметных компетенций через развитие умений схематизировать явления.

Список литературы

1. Холодная М.А. Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Институт психологии РАН, 2012. 288 с.

2. Мнемотехника (техника запоминания на основе визуального мышления) / Под ред. М.А. Зиганова, В.А. Козаренко. М.: Образование, 2002. 173 с.

3. Матвеев С.С. Феноменальная память: Методы запоминания информации. М., 2013.153 с.

4. Бьюзен Т. Интеллект-карты. Полное руководство по мощному инструменту мышления. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 208 с.

5. Бершадский М.Е. Теоретико-практические аспекты работы с картами интеллект-понятий // Народное образование. 2012. № 6. С. 203–212.

6. Андрюхина Л.М. Ментальные карты (интеллект-карты) как контрольно-оценивающее средство по дисциплине «История и методология педагогической науки» // Формирование кадрового потенциала СПО – инновационные процессы на производстве и в профессиональном образовании: Сборник научных трудов IX Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2016. С. 78–86.

7. Новикова С.Г. Использование интеллект-карт на предметах гуманитарного цикла в школе // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». 2016. Т. 15. № 2. С. 68–71.

8. Каримова М.А. Развитие мышления и творчества на уроках литературы с помощью метода интеллект-карт // Молодой ученый. 2016. № 3 (107). С. 837–841.

9. Мусин Р.Ф., Девлеткиреева Л.З. Ментальные карты: инструмент для визуализации мышления // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 11 (67). С. 85–86.

10. Рязанцев А. Ментальные карты для бизнеса. М.: Омега-Л, 2017. 160 с.

11. Пантелеева З. В. Технология измерения уровней сформированности когнитивных и профессиональных компетенций студента по дисциплине «Экономика организации» // Молодой ученый. 2015. № 11 (91). С. 1446–1450.

12. Горлова Ю.И., Алтунина О.А. Применение ментальных карт в дистанционном обучении студентов вуза // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2021. С. 127–130.

13. Логинова А.А. Влияние психотехнических игр на когнитивные способности студентов-психологов // Наука через призму времени. 2022. № 12 (57). С. 94–97.

14. Фасхутдинова Ю.Ф. Мотивация и развитие когнитивных способностей у школьников // Современное образование. 2013. № 1. С. 140–154.

15. Муллер О.Ю. Применение технологии интеллект-карт в учебном процессе // Личность и образование в зеркале гуманитарных исследований и цифровой трансформации общества: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Елец, 2022. С. 147–150.

16. Камалеева А.Р., Муллер О.Ю. Когнитивно-визуальные технологии как способ формирования информационной компетентности студентов педагогического направления // Северный регион: наука, образование, культура. 2022. № 3 (51). С. 6–12.

17. Морозов В.Э. Мыследеятельностная педагогика в преподавании культуры речи студентам-нефилологам // Метапредметный подход в образовании: русский язык в школьном и вузовском обучении разным предметам: Сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Московский педагогический государственный университет. М.: Сам Полиграфист, 2021. С. 201–205.

18. Щеулова Е.А., Митичева Т.И. Формирование познавательных универсальных учебных действий младших школьников как психолого-педагогическая проблема // Молодой ученый. 2017. № 1 (135). С. 425–428.

19. Кудринская О.В. Ментальные карты в образовании // Теория и практика современных гуманитарных и естественных наук: Сб. науч. ст. ежегодной XV межрегион. науч.-практ. конф. Петропавловск-Камчатский, 2015. С. 147–150.

20. Магомедалиева М.Р. Формирование готовности будущих педагогов профессионального обучения к проектной деятельности: Дис. … канд. пед. наук. Махачкала, 2013. 191 с.

APPLICATION OF MENTAL MAP IN THE DEVELOPMENT OF COGNITIVE ABILITIES OF STUDENTS

O.Yu. Muller

Surgut State University

The author of the article considers mental maps, the use of which in the educational process allows you to change the role of the student from passive to active, contributing to the development of cognitive thinking. It is mental maps that make it possible to visualize large volumes of theoretical material that is difficult to study with a high level of abstractness. The purpose of this study is to determine the effectiveness of the use of mental maps in the development of cognitive abilities of students in the pedagogical direction. Research methods: theoretical (analysis, synthesis, systematization, generalization) and empirical (testing). The experiment on the basis of Surgut State University involved students of 1-2 courses of the direction «Pedagogical education» (two groups), studying the disciplines «Pedagogy», «Psychology». As part of the experiment, the students had to build a mental map based on the semantic network - to highlight the concepts of the subject area, the connections between them, as well as the directions of the connections between the concepts and their meaning. The presented results of the study and a review of sources allow us to conclude that the use of mental maps is effective in the development of students' cognitive abilities.

Keywords: mental maps, cognitive abilities, visualization, information, student.

УДК 377.1
DOI 10.52452/18115942_2023_3_112

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ИНИЦИАТИВНОСТИ СОТРУДНИКОВ ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА В ПРОЦЕССЕ ВНУТРИКОРПОРАТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ

© 2023 г.

Т.Г. Мухина, Д.В. Малыгин

Мухина Татьяна Геннадьевна, д.пед.н.; проф.; профессор РАО;
профессор кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского;
профессор кафедры военной педагогики и психологии
Новосибирского военного ордена Жукова института им. И.К. Яковлева;
профессор кафедры военно-научных исследований
Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии
Российской Федерации
tg-muhina@yandex.ru
Малыгин Денис Вячеславович, аспирант, преподаватель кафедры общей и социальной педагогики
Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина
malygindv@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 01.06.2023
Статья принята к публикации 03.07.2023

Представлены результаты исследования деятельности по определению и внедрению педагогических условий в образовательную практику развития инициативности сотрудников трудового коллектива в условиях внутрикорпоративной подготовки кадров и организации интеграции с системой дополнительного профессионального обучения. Теоретико-методологический анализ показал, что в профессиональном развитии сотрудников трудового коллектива необходимо развивать личностное качество инициативности. Показаны и сформированы педагогические условия развития трудовой и социальной инициативности сотрудников трудового коллектива. Представлены результаты экспериментального исследования по развитию инициативности у сотрудников трудового коллектива с определенными педагогическими условиями.

Ключевые слова: инициативность, инициатива, трудовой коллектив, внутрикорпоративная подготовка, воспитательный потенциал трудового коллектива, педагогические условия развития инициативности.

Введение

Современный темп научно-технологических открытий и динамика социальной жизни показали, что предприятиям и их трудовым коллективам нужен сотрудник, способный самостоятельно и инициативно развиваться и оставаться актуальным как в плане профессионализма, так и в плане надпрофессиональных навыков. Особая роль в подготовке кадров отводится внутрикорпоративной подготовке как системе, акцентированной на тех знаниях и навыках, которые требуются для успешного выполнения функциональных задач именно в данной сфере в рамках конкретного предприятия.

Поэтому задача внутрикорпоративной подготовки кадров состоит не только в передаче профессиональных знаний, но и развитии личностных качеств, позволяющих сотруднику трудового коллектива самому генерировать и реализовывать новые, творческие решения, улучшающие его рабочую деятельность и деятельность коллектива, развивать личностные установки, помогающие оставаться актуальным профессионалом в динамично меняющемся мире с высокой конкуренцией.

Цель данной статьи – представить результаты многолетнего труда по вопросам внутрикорпоративной подготовки торговых работников и внедрения педагогических условий развития инициативности сотрудников трудового коллектива, проявляемой ими в трудовой деятельности и в социальной жизни коллектива.

Теоретико-методологические основы

Понятия «инициативность» и «инициатива» наиболее полно рассматривались в работах А.И. Крупнова. В рамках системно-функционального подхода, разработанного А.И. Крупновым, исследования продолжались целой плеядой последователей: Э.И. Карамовой, Н.А. Фоминой, И.А. Пономаревой, Е.Н. Полянской, Д.А. Шляхта, И.А. Новиковой и Г.А. Шурухи-

ной и другими, сначала разграничивших понятия «инициативность», определив его как относительно устойчивое качество личности, и «инициатива», определив его как любое первоначальное действие человека, выполняемое им в нетрадиционной форме, или почин, выступающий как начало процесса инициации. Инициативность как свойство личности рассматривается в современной науке как целостное образование, представляющее собой совокупность мотивационно-смысловых и инструментально-динамических характеристик, это позволяет более точно разбираться в понятии. Понятия корпоративного развития и обучения, его целей и содержания рассматривались в работах Н.С. Гавкалова, А.А. Гришновой, Г.В. Дмитриева, И.В. Журавлева, А.П. Егоришина, А.Я. Кибанова и других, в частности в концепции корпоративного образования М.Н. Певзнера. Понимание и определение инициатив рассматривается нами в русле концепции личной инициативы (Personal Initiative – PI) М. Фриза и Д. Фэя (M. Frese, D. Fay). Аспект внутрикорпоративной подготовки для развития инициативности сотрудников трудового коллектива рассматривается фрагментарно, в основном через отдельные элементы и формы занятий (Н.В. Тучак, В.И. Байков, Э.И. Карамова, С.М. Зиньковская).

Современное понимание воспитательного потенциала трудового коллектива основано на опыте А.С. Макаренко и понимании технологий работы с персоналом А.Я. Кибанова и его последователей. Однако интеграции всех указанных концептуальных основ при работе над проблемой развития инициативности в среде трудового коллектива в условиях корпоративного обучения на сегодняшний момент недостаточно.

Внутрикорпоративную подготовку кадров, основываясь на содержании этого понятия, данного М.Н. Певзнером, и концепции HR-менеджмента, мы определяем как систематизированную педагогическую деятельность по образованию и воспитанию сотрудников трудового коллектива, основанную на сознательном планировании, мотивации и вовлечении кадров в образовательный процесс. В контексте исследуемой проблематики ориентируясь на определение корпоративного воспитания М.Н. Певзнера как педагогической деятельности, направленной на привитие сотрудникам организации профессионально-личностных качеств, способствующих их творческой самореализации в интересах личности и корпорации, стремлению добиться ее успешной и эффективной деятельности, готовности достигать частных и групповых интересов, сообразуясь с правовыми нормами и требованиями общественной морали.

Соглашаясь с определением, данным А.И. Крупновым, что инициативность и инициатива – понятия взаимообразующие, инициативность это качество личности, «обеспечивающее процесс инициации и его завершение, характеризующее побуждение к новому, к опережению наличной стимуляции»; уточнение понятия позволяет сделать вывод, что инициативность как свойство личности члена трудового коллектива в условиях внутрикорпоративной подготовки, проявляемая в трудовой и социальной сферах, рассматривается как целостное образование, представляющее собой совокупность установочно-целевого, в виде установок об инициативном поведении, как о нормальном и желаемом шаблоне поведения в трудовом коллективе, мотивационно-волевого, в виде постоянства проявлений инициативности, вне зависимости от разнообразия выполняемых задач и поиска решений при возникновении трудностей в работе, и регулятивно-деятельностного, в виде активных действий сотрудника и инициации коммуникаций и инноваций.

Практика результативности применения совместных действий менеджмента и сотрудников трудового коллектива [1] и основные педагогические условия развития инициативности сотрудника трудового коллектива ранее были описаны в наших исследованиях [2].

Многолетний опыт внутрикорпоративной подготовки сотрудников торговой сферы позволил разработать и реализовать следующие педагогические условия формирования трудовой и социальной инициативности сотрудников трудового коллектива:

1) создана воспитывающая образовательная среда предприятия, основанная на традициях, сложившихся в трудовом коллективе и позитивной оценке проявлений инициативности со стороны руководства предприятия;

2) осуществляется поэтапная внутрикорпоративная подготовка, включающая реализацию образовательных проектов, направленных на получение профессиональных знаний и развитие инициативности сотрудников;

3) разработаны и внедрены учебные программы корпоративного обучения, основанные на принципах переменности с учебными программами образовательных учреждений (профессиональных техникумов), интегрированные с программами дополнительного профессионального обучения в профильных техникумах, в которых ведется подготовка специалистов для сферы услуг;

4) учтена степень «открытости» (психологического комфорта в деятельности сотрудников);

5) определены измеримые критерии инициативности сотрудников как личностного качества и стимулирована мотивация к их проявлениям;

6) разработан комплекс диагностического инструментария, позволяющего проводить мониторинг формирования инициативности сотрудников.

Реализация данных педагогических условий и мониторинг результатов исследования проводились на базе торговых предприятий, работающих под брендом «Ордер», и образовательных учреждений, реализующих программы среднего профессионального образования в сфере услуг г. Нижнего Новгорода.

Воспитательный потенциал трудового коллектива и его влияние достигается проектом «Инициативная группа» – разработка и внедрение коммуникативных ритуалов для развития инициативности с привлечением актива сотрудников, формированием мотивационных мер в виде премирования сотрудников за проявление инициативности и создание коллективных традиций по проявлениям инициативности.

Поэтапная внутрикорпоративная подготовка проводится в три этапа и включает в себя: на первом этапе – улучшение условий, формирование мотивации на инициативное поведение. Разработка и внедрение ритуалов проявления инициативности. Этап реализуется с помощью проекта «Мотивация», затрагивающего коллективное и индивидуальное премирование сотрудников за проявление инициативы, и проектов «Коммуникации» и «Инициативная группа» – разработка и внедрение коммуникативных ритуалов для развития инициативности в индивидуальной, групповой и фронтальной формах. На втором этапе – определение и обучение наставников. Формирование устойчивой формы взаимодействия управления и инициативных групп. Формирование и обновление учебных модулей внутрикорпоративной подготовки. Этап реализуется с помощью проектов «Школа наставников» – определение и подготовка наставников, ответственных за адаптацию новых сотрудников, в индивидуальной форме с помощью инструктажей и тренингов, «Обучение» – изменение структуры внутрикорпоративной подготовки, дополнение учебных модулей в групповой и фронтальной формах с помощью методов: тренинг, деловая игра, мозговой штурм, дискуссия, кейс-метод и других. На третьем этапе – интеграция учебных модулей техникума и внутрикорпоративной подготовки и проекта «Информационная среда» в индивидуальной форме с помощью видеоинструкций и видеотренингов, видеолекций и демонстраций.

В рамках интеграции образовательной среды корпоративного и профессионального обучения была разработана и реализована на базе ГБПОУ «Нижегородский техникум городского хозяйства и предпринимательства» программа дополнительного профессионального образования (повышение квалификации) «Культура предпринимательства». Программа повышения квалификации включает 72 часа и состоит из следующих блоков: «История предпринимательства в мире и России», «Личностные качества и навыки (Skills) предпринимателя», «Современное понимание «продукта» и технологий продажи», «Алгоритмы работы с проектными задачами по инновациям рабочих процессов». Программа повышения квалификации комплектовалась практическими заданиями в виде кейсов и групповых обсуждений, мозговых штурмов, актуальными для сферы торговли и услуг, включала практические ситуации для данной сферы.

Следует отметить, что интеграция с профессиональными образовательными учреждениями осуществляется как на базе подготовки студентов в процессе прохождениями ими производственной практики, так и направлением сотрудников трудового коллектива на прохождение данной программы на базе техникума.

Создавая «степень открытости» и комфортности образовательной среды», выраженной в доступности информации о функциональных, коммерческих и социальных аспектах работы трудового коллектива, возможности беспрепятственно и демократично контактировать с руководством и позитивной оценки руководством проявлений трудовой и социальной инициативности сотрудников, *реализованы* проекты «Коммуникация» и «Школа наставников», основанные на совместных с руководством коммуникативных ритуалах: оперативных совещаниях перед началом работы и в конце рабочей смены, дискуссии, коллективного поиска решений по функциональным трудностям и прочих. Для развития инициативности мы прививаем корпоративные традиции новым сотрудникам трудового коллектива, а позитивная оценка со стороны руководства поддерживает и развивает все компоненты инициативности.

Решая задачу оптимизации полученных результатов на каждом этапе внутрикорпоративной подготовки, мы разработали критерии и уровни развития трудовой и социальной инициативности сотрудников трудового коллектива и подобрали диагностический инструментарий. Первый критерий – установочно-целевой, включает установки и мотивацию к инициативному поведению, как нормальному и желаемому шаблону поведения в трудовом коллективе. Второй критерий – мотивационно-волевой, включает постоянства проявлений инициативности, вне зависимости от разнообразия выпол-

Таблица

Диагностический инструментарий для проведения мониторинга эффективности педагогических условий развития трудовой и социальной инициативности в процессе внутрикорпоративной подготовки

Компоненты инициативности	Содержание компонентов	Критерии	Диагностические методики
Установочно-целевой	– установки об инициативном поведении, как о нормальном и желаемом шаблоне поведения в трудовом коллективе; – постоянное устойчивое мнение о необходимости инициативности для решения функциональных задач (своих и команды, где член трудового коллектива работает)	Личностная установка	Анкета на основе теста-опросника А.И. Крупнова
Мотивационно-волевой	– постоянство проявлений инициативности, вне зависимости от разнообразия выполняемых задач; – инициация поиска решений при возникновении трудностей в работе со своими задачами и с задачами команды	Поиск решений при возникновении трудностей в работе	Тест А.А. Реана «Мотивация успеха и боязнь неудач» Экспертная оценка (оценочный лист)
Регулятивно-деятельностный	– активные действия в рамках своего функционала либо в выполняемой командной роли; – предложения (инициация инноваций); – инициация коммуникаций с коллегами	Активные действия в рамках своего функционала; предложения (инициация инноваций)	Тест на поведенческую активность Вассермана – Гуменюка Экспертная оценка (оценочный лист)

няемых задач и поиска решений при возникновении трудностей в работе. Третий критерий – регулятивно-деятельностный – это активные действия сотрудника и инициации коммуникаций и инноваций.

Критерии определены в рамках системно-функциональной модели личностных качеств А.И. Крупнова и уточнены под особенности среды трудового коллектива с помощью метода экспертных оценок.

Также на основании теоретического анализа определены пять уровней развития инициативности сотрудников трудового коллектива: нулевой, низкий, средний, высокий и агармонически-высокий. Содержательный аспект и характеристика уровней основаны на исследованиях Э.И. Карамовой, Н.А. Фоминой, Е.Н. Полянской, Д.А. Шляхты, И.А. Новиковой и Г.А. Шурухиной, Н.В. Тучака, В.И. Байкова, М. Фриза и других. В основе уровневых характеристик находятся частота проявлений, масштаб проявлений (для решения своей проблемы – для решения проблемного вопроса для всего коллектива), регулярность проявлений при сложностях в работе, участие в проектных командах, наличие и постоянство личностных установок и их трансляции в коллективе.

Результаты и обсуждение результатов исследования

Экспериментальная работа по развитию трудовой и социальной инициативности сотрудников трудового коллектива в условиях корпоративной подготовки осуществлялась на базе торговых предприятий, работающих под брендом «Ордер»; общим количеством 222 сотрудника из четырех трудовых коллективов, которые были разделены на два формата: условно средний трудовой коллектив и условно малый трудовой коллектив. Общая численность экспериментальной группы 124 человека. Общая численность контрольной группы 98 человек. ЭГ составили обучающиеся по программе ДПО «Культура предпринимательства» и обновленной структуры корпоративной подготовки. КГ составили сотрудники, обучавшиеся в старой структуре корпоративной подготовки и не проходившие программу ДПО на базе ГБПОУ «Нижегородский техникум городского хозяйства и предпринимательства» Нижнего Новгорода. Критерии возраста, половой состав групп, а также образование и социальное положение в ЭГ и КГ примерно идентичны. Для проведения мониторинга и оптимизации результатов исследования разработан диагностический инструментарий в соответствии с критериями развития инициативности. Компоненты, их содержание, критерии и методики диагностики инициативности членов трудового коллектива представлены в таблице.

Полученные в ходе эксперимента результаты исследования представлены на рисунках 1–3.

На рис. 1 представлены результаты оценки уровня установочно-целевого компонента инициативности ЭГ и КГ по итогам формирующего

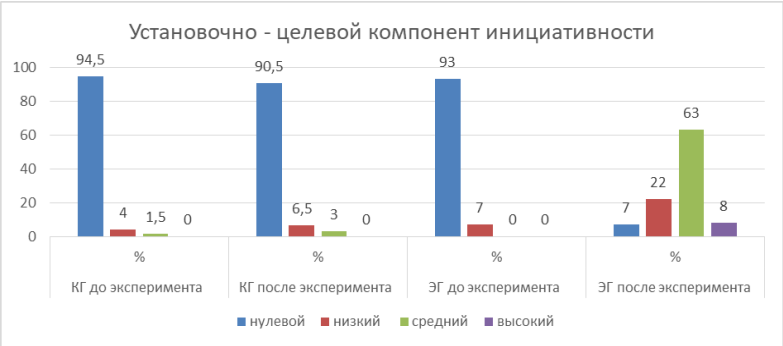

Рис. 1. Результаты динамики показателей развития в установочно-целевом компоненте инициативности

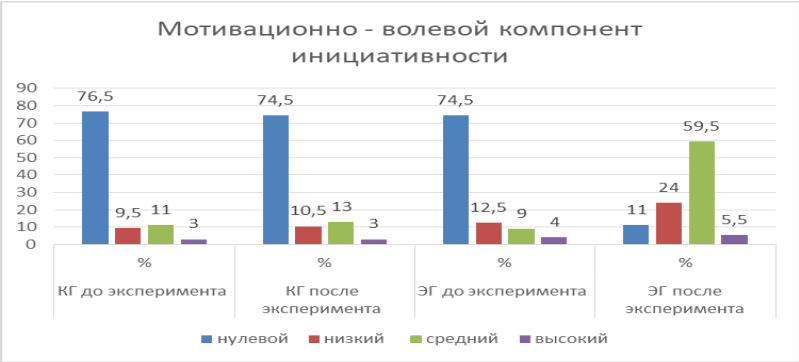

Рис. 2. Результаты динамики показателей развития в мотивационно-волевом компоненте инициативности, измеряемой по оценочным листам

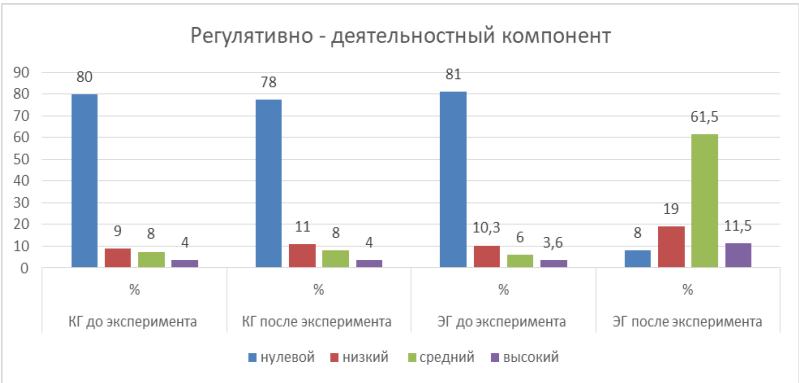

Рис. 3. Результаты динамики показателей развития в регулятивно-деятельностном компоненте инициативности, измеряемой по оценочным листам

этапа эксперимента. Положительная динамика в установочно-целевом компоненте в ЭГ очевидна. В установочно-целевом компоненте в нулевом уровне падение показателей на 86%, в низком уровне – рост показателей на 15%, в среднем уровне – рост показателей на 63%, в высоком уровне – рост показателей на 8%. Значительной динамики в указанном компоненте в КГ не выявлено. Данные результаты свидетельствуют о эффективности проекта «Коммуникации» с изменением локально-нормативных актов, постоянной трансляцией о важности личного качества инициативности у членов трудового коллектива на разных уровнях, от непосредственного руководства в лице администраторов магазинов до генеральных директоров предприятия.

На рис. 2 представлены результаты оценки уровня мотивационно-волевого компонента инициативности ЭГ и КГ по итогам формирующего этапа эксперимента. В мотивационно-волевом компоненте в нулевом уровне – падение показателей на 63.5%, в низком уровне – рост показателей на 11.5%, в среднем уровне – рост показателей на 50.5%, в высоком уровне – рост показателей на 1.5%. Значительной динамики в указанном компоненте в КГ не выявлено. Данные результаты мы связываем с проектами «Инициативная группа» и «Мотивация».

На рис. 3 представлены результаты оценки уровня регулятивно-деятельностного компонента инициативности ЭГ и КГ по итогам формирующего этапа эксперимента. В регулятивно-деятельностном компоненте в нулевом уровне –

падение показателей на 73%, в низком уровне – рост показателей на 8.7%, в среднем уровне – рост показателей на 55.5%, в высоком уровне – рост показателей на 7.9%. Значительной динамики в указанном компоненте в КГ не выявлено. Данные результаты связаны в первую очередь с прохождением программы дополнительного профессионального обучения «Культура предпринимательства» и проектом «Наставничество». Агармонически-высокий уровень инициативности фиксировался в единичных случаях, в процентном измерении составляющих менее 1% исключительно в рамках регулятивно-деятельност-ного компонента, поэтому не был включен в результаты измерений динамики развития инициативности.

Выводы

Исследование показало, что определенные педагогические условия по развитию трудовой и социальной инициативности сотрудников трудового коллектива в условиях корпоративного обучения, поэтапное применение развивающих проектов, программы дополнительного профессионального образования и различные методы корпоративного обучения сотрудников обеспечивают эффективное развитие инициативности сотрудников трудового коллектива в условиях корпоративной подготовки.

Особенностью внутрикорпоративной подготовки кадров в проведенном нами экспериментальном исследовании являются использование метода проектов, позволяющее выйти за рамки обучения и задействовать внутренние коммуникации, мотивацию, адаптацию новых сотрудников в рамках используемой нами концепции HR-менеджмента, и интеграция внутрикорпоративной подготовки с системой дополнительного профессионального образования, позволяющей более широко представлять значение личностного качества «инициативность» не только в рамках предприятия, но и для построения карьеры и личностного развития как субъекта.

Результаты оценки эффективности внедренных педагогических условий развития инициативности сотрудников трудового коллектива в условиях внутрикорпоративной подготовки позволили сделать вывод о том, что во всех компонентах инициативности сотрудников наблюдается положительная динамика. Соблюдение всего спектра педагогических условий является важнейшим аспектом развития инициативности сотрудников трудового коллектива, так как определенные нами условия охватывают как внешние характеристики среды трудового коллектива и внутрикорпоративной подготовки кадров, так и влияющие на внутренние состояния сотрудников через мотивационную и социальную составляющие. Все это создает воспитательный потенциал и формирует комфортную среду для развития инициативности в процессе внутрикорпоративной подготовки кадров.

Список литературы

1. Малыгин Д.В. Исследование инициативы сотрудников трудового коллектива торгового предприятия // Социально-экономические и естественно-научные парадигмы современности: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. В 2 частях. Часть 1. Ростов-на-Дону: Издательство: Южный университет (ИУБиП). 2018. С. 271–281.

2. Малыгин Д.В. Трансформация педагогических условий в факторы при развитии инициативы в трудовом коллективе // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9. № 1. С. 8–9.

3. Полат Е.С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 3-е изд., стер. М.: Академия, 2010. 364 с.

4. Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Части 1–7 / Сост., коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова, С.И. Аксенов. Н. Новгород, 2007–2014. 536 с.

5. Крупнов А.И. Целостно-функциональный подход к анализу индивидуальных проявлений активности человека // Системные исследования свойств личности. М.: РУДН, 1994. С. 9–23.

6. Певзнер М.Н., Петряков П.А. Корпоративная педагогика: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2010. 457 с.

7. Реан А.А. Психология изучения личности: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 1999. 288 с.

8. Тучак Н.В. Психологическая структура и типы реализации инициативности личности предпринимателя: Автореф. дис. … к. психол. н. М., 1993. 21 с.

9. Кибанов А.Я. Управление персоналом: Учебное пособие. 6-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2018. 202 с.

10. Frese M., Fay D. Personal initiative: An active performance concept for work in the 21st century // Research in Organizational Behavior. 2001. **23 (2).** P. 133–188.

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF INITIATIVE EMPLOYEES OF THE LABOR COLLECTIVE IN THE PROCESS OF INTERNAL CORPORATE TRAINING

***T.G. Mukhina*[1–3], *D.V. Malygin*[4]**

[1]Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
[2]Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute I.K. Yakovleva
[3]St. Petersburg Military Order of Zhukov, Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation
[4]Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

The results of a study of activities to determine and implement pedagogical conditions, in the educational practice of developing the initiative of employees of the labor collective in the context of intra-corporate training and organizing integration with the system of additional professional training are presented. Theoretical and methodological analysis showed that in the professional development of employees of the labor collective it is necessary to develop the personal quality of initiative. The pedagogical conditions for the development of the initiative of the employees of the labor collective are shown and formed, taking into account the age and social characteristics of the environment. The results of an experimental study on the development of initiative among employees of a labor collective with certain pedagogical conditions are presented.

Keywords: initiative, initiative, labor collective, internal corporate training, educational potential of the labor collective, pedagogical conditions for the development of initiative.

УДК 378.026
DOI 10.52452/18115942_2023_3_219

МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОРАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНОГО ВУЗА В ПРОЦЕССЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ И ТЕХНОЛОГИЯ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

© 2023 г.

В.Г. Перчаткина

Перчаткина Вероника Григорьевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков в профессиональной коммуникации
Казанского национального исследовательского технологического университета
verouette@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 18.05.2023
Статья принята к публикации 19.06.2023

Статья посвящена разработке теоретической модели социально-профессионального саморазвития студентов инженерного вуза в процессе иноязычной подготовки, рассматриваемого автором как комплекс последовательно-параллельно реализуемых «самопроцессов». Социально-профессиональное саморазвитие студентов инженерного вуза в процессе иноязычной подготовки включает самопознание, самомотивацию, самоорганизацию, самоконтроль, саморефлексию, самосовершенствование. В соответствии с рядом требований, предъявляемым к теоретическим педагогическим моделям, описывающим образовательные процессы, автором представлены результаты разработки теоретической модели социально-профессионального саморазвития студентов инженерного вуза в процессе иноязычной подготовки: определена ее структура как совокупность взаимосвязанных, взаимообусловленных и взаимодополняющих блоков (внешняя среда, целевой, теоретико-методологический, организационный, содержательно-технологический, результативно-диагностический), дана их краткая структурно-содержательная характеристика, описана взаимосвязь. Автором представлена поэтапная технология ее реализации: для каждого этапа определены цель, задачи, описаны используемые методики.

Ключевые слова: иноязычная подготовка, инженерный вуз, модель, социально-профессиональное саморазвитие, технология.

Введение

Одна из современных тенденций в профессиональной подготовке в вузе – формирование готовности обучающихся к постоянному самоизменению личностных особенностей с целью эффективного решения в дальнейшем профессиональных и социальных задач, т.е. социально-профессиональное саморазвитие [1]. Процесс социально-профессионального саморазвития обучающегося в вузе должен быть целенаправленно организован преподавателями и направлен на повышение мотивации и активности обучающегося [2, 3]. Особая роль при этом отводится иноязычной подготовке, главная цель которой – не только формирование способности свободного владения иностранным языком в социально-профессиональной сфере, что обеспечивает профессиональную и социальную мобильность специалистов [4, 5], выпускников инженерного вуза, но и формирование способностей дальнейшего самостоятельного, постоянного повышения уровня знаний иностранного языка, социокультурных особенностей страны изучаемого языка в процессе профессиональной деятельности [6, 7].

Цель нашего исследования – разработка и реализация технологии организации социально-профессионального саморазвития студентов инженерного вуза в процессе иноязычной подготовки. Для достижения поставленной цели нам необходимо разработать теоретическую модель исследуемого процесса, отражающую на концептуальном уровне исследовательскую идею и способствующую проверке гипотезы исследования.

Методы исследования

Для решения обозначенной цели использованы следующие методы исследования: анализ научных, педагогических разработок, позволивший определить структурные блоки проектируемой модели; индукция и дедукция, обеспечивающие проведение всестороннего анализа полученных данных, определение причинно-следственных связей блоков модели; моделирование, позволяющее в исследовательской деятельности замещение реального процесса его моделью.

Теоретическая модель социально-профессионального саморазвития студентов инженерного вуза в процессе иноязычной подготовки

Модель социально-профессионального саморазвития в процессе иноязычной подготовки, рассматриваемого в нашем исследовании как комплекс «самопроцессов» – самопознание, самомотивация, самоорганизация, самоконтроль, саморефлексия и самосовершенствование [8], строилась в соответствии с требованиями, предъявляемыми к педагогическим моделям [9, 10]: включение цели и результата; иерархичность, отражающая ее структурные компоненты, их соотношение и соподчинённость; в определенной степени замещение исследуемого объекта.

В соответствии с указанными требованиями разработанная в исследовании модель социально-профессионального саморазвития студентов инженерного вуза в процессе иноязычной подготовки включает следующие блоки:

– *внешняя среда* обусловливает необходимость социально-профессионального саморазвития обучающихся в процессе иноязычной подготовки: нормативные документы, Федеральные образовательные стандарты регламентируют процесс иноязычной подготовки; государственный и социальный заказ на специалиста, владеющего иностранным языком, определяет владение иностранным языком для осуществления профессиональной и социальной коммуникации как необходимой составляющей профессиональной готовности специалиста; потребности личности в саморазвитии обусловливают личностный рост; рыночные отношения создают потребность в постоянном профессиональном росте;

– *целевой блок* представлен единством целей и задач; определенная нами стратегическая цель – социально-профессиональное саморазвитие студентов инженерного вуза в процессе иноязычной подготовки – декомпозируется на практическую цель (владение всеми видами речевой деятельности и способность самостоятельно ее расширять), воспитательную цель (гуманистическая направленность инженерного образования в процессе иноязычной подготовки); социокультурная цель (знания социокультурных особенностей страны изучаемого языка, ее традиций), развивающая цель (формирование способности к саморазвитию в процессе иноязычной подготовки); обозначенные цели определяют задачи в процессе иноязычной подготовки: формирование активности, мотивации, сознательной деятельности, саморегуляции в процессе иноязычной подготовки, владение всеми видами речевой деятельности для делового общения [11];

– *теоретико-методологический блок* составляют педагогические подходы (системный, личностно ориентированный, культурно-антропологический, прогностический, контекстный, гуманистический, синергетический) и общедидактические (технологичности, сознательности и активности, субъектности и субъектного контроля, профессиональной направленности), общеметодические (лингводидактические) (коммуникативной направленности, интернационализации профессиональной подготовки, мобильности, взаимосвязи и взаимодополняемости языкового и культурного обучения, интерактивности), частнометодические (речевой направленности, дифференцированности и взаимосвязи обучения различным видам речевой деятельности, отбора типовых образцов и их использования в обучении) принципы;

– *организационный блок* отражает структурные единицы, в рамках которых осуществляется социально-профессиональное саморазвитие в инновационной образовательной среде исследовательского университета [12]: профессиональное образование (бакалавриат, специалитет, магистратура, аспирантура), дополнительное профессиональное образование и профессиональная переподготовка, различные научные, образовательные и социальные среды (научные конференции, клубы (клуб общения с носителями английского языка для студентов КНИТУ в рамках RELO «Виртуальный преподаватель» (региональный офис английского языка), клубы «Деловой английский», «Специализированный английский» и др.), тренинги («Переводчики для бизнеса», «Бизнес-английский» и др.), волонтёрские движения в составе международных организаций (14-го Международного экономического форума «Россия – Исламский мир: KazanForum2023», автономной некоммерческой организации «Дирекция спортивных и социальных проектов»), молодёжных и трудовых лагерей [13]);

– *содержательно-технологический блок* включает этапы социально-профессионального саморазвития и используемые на каждом этапе педагогические технологии, реализуемые на основе авторских учебно-методических разработок;

– *результативно-диагностический блок* содержит критерии сформированности компонентов (познавательного, мотивационного, организационного, контролирующего, регулирующего, когнитивно-деятельностного) способности к социально-профессиональному саморазвитию в процессе иноязычной подготовки на низком,

ниже среднего, среднем, высоком уровнях, их показатели, а также диагностический инструментарий (тесты, анкеты, опросники, упражнения).

Все выделенные блоки находятся в тесной взаимосвязи: требования внешней среды определяют цели социально-профессионального саморазвития, обозначенные цели предопределяют задачи этого процесса; исходя из целей и задач на обозначенном теоретико-методологическом базисе строятся организационный и содержательно-технологический блоки; все составляющие модели в конечном итоге нацелены на результативно-диагностический блок. Существует и обратная связь: по результатам, полученным в результативно-диагностическом блоке, при необходимости, вносятся корректировки в содержательно-технологический блок (совершенствуются используемые и включаются новые педагогические технологии, расширяется методическое обеспечение).

Технология социально-профессионального саморазвития студентов инженерного вуза в процессе иноязычной подготовки

К технологии социально-профессионального саморазвития студентов в процессе иноязычной подготовки, как гарантирующей успех совокупности действий, осуществляемых определенным способом и в определённой последовательности, предъявляется ряд требований [14, 15]: системность, управляемость, эффективность, воспроизводимость. В нашем исследовании разрабатываемая технология является поэтапной, для каждого этапа определены цели, задачи и механизмы реализации. Каждый из этапов сопровождается и поддерживается авторским учебно-методическим обеспечением.

На первом этапе – этапе *самопознания* – основной целью является получение обучающимся объективных знаний о собственном уровне профессионально ориентированной иноязычной подготовки. Обозначенная цель обусловливает задачи этого этапа: определение собственных сильных и слабых сторон в иноязычной подготовке; оценка своих потенциальных возможностей в изучении иностранного языка. При решении указанных задач мы используем тестирование, анкетирование. Затем используются индивидуальные и групповые беседы, в процессе которых студент наблюдает, анализирует, оценивает и сравнивает себя с другими, а также сопоставляет результаты самонаблюдения с мнением других, в результате чего он критически смотрит на себя и начинает меняться.

Целью второго этапа – *самомотивации* – определено побуждение мыслей и собственных потребностей в изучении иностранного языка. Главные задачи здесь – осознание необходимости постоянно актуализировать иноязычные знания, поиск и поддержка внутренних стимулов к самостоятельному изучению иностранного языка. Особая роль в решении этих задач в нашем исследовании отводится методу моделирования, позволяющему сымитировать реальные профессиональные и социальные ситуации, и методу сценирования, при использовании которого рассматриваются реальные картины профессиональных событий с различными вариантами развития с необходимостью последующего выбора благоприятного решения. Все это способствует пониманию и осознанию необходимости уверенного владения иностранным языком для дальнейшего успешного карьерного роста, повышает мотивацию к привлечению ресурсов иноязычной подготовки для социально-профессионального саморазвития.

На следующем этапе – *самоорганизации* – цель обозначается как планирование и осуществление собственной деятельности по изучению иностранного языка. Задачи – активизация личностных качеств, волевая регуляция, организация и упорядочение деятельности. Основные методы, используемые на этом этапе, – метод таймбоксинга, предполагающий выделение фиксированного, заранее заданного времени на иноязычную подготовку с достижением определенного результата; метод матрицы приоритетов, использующий группировку изучаемых тем по признакам важности и срочности; метод правила трех, направленный на ежедневное выполнение ограниченного объема заданий.

Основными задачами этапа *самоконтроля*, цель которого – сознательное и самостоятельное регулирование собственной деятельности, мы определили оценку собственных достижений в изучении иностранного языка на основе определенного эталона; выявление упущений и их устранение. Наиболее эффективными методами на этом этапе, на наш взгляд, оказались метод ведение портфолио, языкового портфеля [16, 17], фиксирующий самостоятельно сформированные языковые способности; метод картотеки типичных ошибок, акцентирующий внимание на типичных ошибках и позволяющий разработать собственную систему по их предупреждению.

Цель на этапе *саморефлексии* – выработка способности разбираться в себе. Главными задачами определены всесторонний анализ предыдущего опыта изучения иностранного языка, осмысление его результатов, формирование выводов. Используемые на этом этапе методы – это метод опросов, метод тренингов.

Завершающий этап – *самосовершенствование*. Его цель – постоянное обновление и пополнение профессиональных иноязычных знаний, их актуализация. Задачи – уверенное владение профессионально ориентированными речевыми навыками, социокультурными и социолингвистическими знаниями. Среди многочисленных методов, которые могут быть использованы на этом этапе, наиболее эффективными мы считаем веб-квест, обеспечивающий продуктивность самостоятельной иноязычной подготовки с привлечением интернет-ресурсов, а также кейс-метод, предполагающий активную самостоятельную творческую деятельность по разрешению конкретной проблемной профессиональной или социальной ситуации [18].

Выделенные этапы цикличны и могут выполняться последовательно, последовательно-параллельно в зависимости от уровня иноязычной подготовленности обучающихся.

Учебно-методическая поддержка указанных этапов осуществляется использованием разработанных автором ряда учебных пособий. Так, например, разработаны методические указания к самопознанию уровня иноязычной подготовки студентов факультета пищевой инженерии. В учебный процесс внедрены методические разработки к развитию самомотивации студентов того же факультета. Для организации самоконтроля студентами факультета пищевой инженерии активно используются методические разработки по английскому языку к выполнению самоконтроля студентов. Для организации аудиторной и внеаудиторной работы в процессе самосовершенствования используются методическое пособие по практике речи английского языка, разработанный автором профессионально ориентированный англо-русский словарь (для организации самостоятельной работы студентов факультета пищевой инженерии), а также учебное пособие «English for Food Engeneering».

Выводы и перспективы дальнейших исследований

Представленная теоретическая модель социально-профессионального саморазвития студентов инженерного вуза в процессе иноязычной подготовки является, с одной стороны, познавательной, поскольку она отражает состав и структуру процесса социально-профессионального саморазвития в иноязычной подготовке, а с другой стороны, прагматической, поскольку на ее основе могут быть разработаны и реализованы инновационные технологии и авторские методики, направленные на формирование готовности обучающихся к социально-профессиональному саморазвитию в процессе иноязычной подготовки. Поэтапность разработанной технологии, содержательная наполненность каждого из ее этапов обеспечивают планомерность ее реализации, с высокой степенью гарантируют достижение целей социально-профессионального саморазвития студентов инженерного вуза в процессе иноязычной подготовки.

Список литературы

1. Осипов П.Н., Зиятдинова Ю.Н. Глобализация как фактор саморазвития студентов // Высшее образование в России. 2015. № 1. С. 140–145.

2. Осипов П.Н. Социальная ответственность, дисциплина и самодисциплина как средства формирования конкурентоспособных специалистов // Образование и саморазвитие. 2010. № 5 (21). С. 10–17.

3. Osipov P.N. Training competitive specialists as the priority of modern education // 2013 International Conference on Interactive Collaborative Learning, ICL 2013. P. 251–254.

4. McKay S.L., Bokhorst-Heng W.D. International English in its sociolinguistic contexts: Towards a socially sensitive EIL Pedagogy. New York: Routledge, 2017. 228 p.

5. Valeeva R., Ziyatdinova J., Osipov P. et al. Development of International Academic Mobility: Success Stories // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2020. Vol. 1135. P. 443–454.

6. Сухристина А.С., Султанова Д.Ш., Эбель А.О. Англоязычные образовательные программы как средство повышения привлекательности отечественных инженерных университетов // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 4 (61). С. 485–490.

7. Осипов П.Н., Зиятдинова Ю.Н. Преподаватели и студенты как субъекты интернационализации образования // Социологические исследования. 2017. № 3 (395). С. 64–69

8. Зиятдинова Ю.Н., Перчаткина В.Г. Содержание социально-профессионального саморазвития студентов инженерного вуза в процессе иноязычной подготовки // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 4 (61). С. 344–349.

9. Сластенин В.А., Чижакова Г.И. Введение в педагогическую аксиологию: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений М.: Издательский центр «Академия», 2003. 192 с.

10. Сериков В.В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем. Издательская корпорация «Логос», 1999. 272 с.

11. Wang J.X. What every engineer should know about business communication. Boca Raton, FL: CRC Press, Technology & Engineering, 2008. 208 p.

12. Зиятдинова Ю.Н. Инновационная образовательная среда исследовательского университета // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. С. 471.

13. Malinovska L. Development of engineering student skills and competencies through participation at international scientific conferences // Engineering for

Rural Development. 2012. P. 638–643. URL: https://www.tf.llu.lv/conference/proceedings2012/Papers/114_Malinovska_L.pdf (дата обращения: 16.06.2023).

14. Понятия «педагогическая технология», «методика», «методы», «средства», «формы»: учебные и информационно-методические материалы в помощь педагогу / Сост. Т.А. Корчак. Екатеринбург: Колледж бизнеса, управления и технологии красоты, 2015. 58 с.

15. Larsen-Freeman D. Techniques and Principles in Language Teaching (Teaching Techniques in English as a Second Language). Oxford University Press, 2000. 208 p.

16. Paulson F.L., Paulson P.R., Meyer C.A. What makes a portfolio a portfolio? // Educational Leadership. 1991. 48 (5). P. 60–63.

17. Chau J., Cheng G. Towards understanding the potential of e-portfolios for independent learning: A qualitative study // Australasian Journal of Educational Technology. 2010. **26 (7).** P. 932–950.

18. Горылев А.И., Грудзинская Е.Ю. Организационно-управленческая деятельность преподавателя при проведении занятия в технологии «кейс-стади» при изучении юридических тем // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2012. № 8. С. 54–58.

MODEL OF SOCIAL AND PROFESSIONAL SELF-DEVELOPMENT OF ENGINEERING STUDENTS IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE TRAINING AND THE TECHNOLOGY OF ITS IMPLEMENTATION

V.G. Perchatkina

Kazan National Research Technological University

The article is devoted to the development of a theoretical model of socio-professional self-development of engineering students in the process of foreign language training, considered by the author as a complex of sequential and parallel self-processes. Socio-professional self-development of engineering students in the process of foreign language training includes self-knowledge, self-motivation, self-organization, self-control, self-reflection, self-improvement. In accordance with a number of requirements for theoretical pedagogical models describing educational processes, the author presents the results of the development of a theoretical model of socio-professional self-development of engineering students in the process of foreign language training. We define the model structure as a set of interrelated, interdependent and complementary blocks (external environment, target, theoretical and methodological, organizational, content-technological, results and diagnostic). The author briefly outlines blocks' brief structural and substantive characteristics and describes their relationship. A step-by-step technology of its implementation is presented as well: the purpose and tasks are defined for each stage, the methods used are described.

Keywords: foreign language training, engineering university, model, social and professional self-development, technology.

ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 3 (71)

2023

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 29,7. Усл. печ. л. 25,8. Тираж 100 экз. Заказ № 371.
Дата выхода в свет: 29.09.2023
Свободная цена

Учредитель журнала: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.

Информационная продукция для детей старше 16 лет